

"Любовник на все времена"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Сара Линдсей

Любовник на все времена

Пролог

Суффолк, Англия

Февраль 1784 года

Для своих восьми лет Диана Мерриуэзер умела отлично играть в прятки. Она могла спрятаться где угодно — в пустом буфете, за плотной шторой, за любой подходящей мебелью. Сегодня она укрылась под широким столом в библиотеке. Диана обожала прятаться, но не меньшую радость ей доставлял сам момент обнаружения.

Ее родители ловко подыгрывали дочери. Они любили искать ее, громко выкрикивая ее имя. Мама отдергивала шторы, а папа заглядывал под кровати и открывал дверцы шкафов. Нянька Дианы считала прятки глупой и бессмысленной игрой, и не без основания, — зачем ползать на коленях, утруждая себя поисками спрятавшейся девочки, когда голод или скука рано или поздно выгонят ее из укрытия. Нет, нянька не любила игру в прятки, к тому же она уже состарилась и ходила, побряхтывая, вперевалячку. Кроме того, у нее на руках был маленький Александр, младший брат Дианы.

В Суоллоусдейле нашлось бы немного мест, где можно прятаться. На конюшне, как твердо заявил папа, подстерегали опасности, а прятаться в парке строго-настрого запретила мама после одного случая, когда Диана заблудилась в лесу, примыкавшем к парку. Другое дело Халсвелл-холл, где жили ее дедушка и бабушка. Вот где настоящее раздолье для игры в прятки! Диана была там всего лишь раз, и ей там очень понравилось. Громадный и просторный Халсвелл-холл напоминал настоящий дворец. Когда Диана с восторгом сказала об этом, бабушка объяснила ей, что в этом нет ничего удивительного, так как герцоги по своему положению стоят всего лишь на одну ступеньку ниже королей. Дедушка и бабушка побывали в Суоллоусдейле лишь однажды, когда родился Алекс, обычно они посылали за мамой с просьбой навестить их.

Диана насторожилась, услышав треск гравия под колесами подъезжавшего экипажа. Папа ничего не говорил о каких-нибудь гостях. Неужели это вернулась мама? Она уехала в Холл почти две недели тому назад — заболел герцог. Он и его жена, герцогиня, болели довольно часто и на всякий случай всегда посылали за мамой. Что это за такой случай, Диана не могла сказать, но ей было обидно, поскольку это происходило слишком часто. Ей нравилось, когда они все вместе были дома. Если мама уезжала, папа ворчал и сердился, ее отъезды явно его раздражали.

Когда на лестнице послышались тяжелые шаги отца, Диана подумала: а не пора ли ей выбираться из своего потаенного места. Но ее могли заметить из вестибюля, и это никак не обрадовало бы папу, считавшего, что она в это время читает у себя в детской. Диана затаила дыхание, когда до ее ушей донесся предательский скрип дверей. Папа давно обещал распорядиться, чтобы починили разошедшиеся двери и притолоку, однако так и не удосужился выполнить обещание: дела на конюшне отнимали у него все свободное время.

— Посланный тобой слуга передал, чтобы я немедленно возвращалась домой.

Услышав мамин голос, Диана дернулась было навстречу, но необычная напряженная

интонация удержала ее на месте.

— С детьми все в порядке? Они здоровы?

— Да, да, здоровы, — раздраженно бросил отец, — сколько можно повторять.

Явная злость в его голосе больно царапнула Диану по сердцу. Тяжелое предчувствие охватило ее.

— Ох, как ты меня напугал, — укоризненно воскликнула мама. — Я так переволновалась. Думала, что-то случилось с Алексом или Дианой, или с тобой...

— Со мной? Неужели ты стала бы волноваться, если бы со мной что-нибудь случилось?

— Что за нелепый вопрос? — удивилась мама.

— Почему же нелепый? — желчно спросил отец. — Тебя так часто не бывает дома, что я порой удивляюсь, о ком ты волнуешься больше, и чье здоровье вызывает у тебя большую тревогу.

Разговор на повышенных тонах приобретал угрожающий оттенок. Диане хотелось выскочить из укрытия и сделать так, чтобы исчезла эта противная напряженность между родителями: пусть они выйдут на минуту из библиотеки, потом опять зайдут и поищут, где она спряталась. Найдя ее под столом, папа рассмеется и, назвав ее умницей, похвалит, а мама притворно жалобным голосом возразит, что не стоит так баловать ребенка, но по ее улыбке будет видно, что она согласна с папой и так же рада, как и он.

— Не это ли явилось той самой причиной, из-за которой ты потребовал моего срочного возвращения? — язвительно спросила мама, также начинавшая сердиться. — Я знаю, ты не питаешь особой любви к моим родителям, но я же не укоряю тебя из-за этого. Каждый из нас волен и в своих симпатиях и в своей неприязни. Ты знаешь, почему я уезжаю. Сколько раз можно ссориться по этому поводу? Зачем было так меня пугать, к чему опять затевать этот бессмысленный разговор? Боже мой, я вернулась бы дня через два.

«Неправда», — хотелось крикнуть Диане, но она сдержалась, не желая выдавать свое присутствие родителям, которым сейчас явно было не до игры в прятки. Разговор между ними перешел в ссору. Покрепче обхватив колени и положив на них голову, Диана сжалась в комок, терпеливо дожидаясь окончания разговора, чтобы потом ускользнуть в детскую.

— Нет, я послал за тобой не поэтому, — сердито сказал папа. — Но прежде чем я назову подлинную причину, может, ты сама захочешь кое в чем признаться? Нет ли между нами нечто такого, о чем мне следовало бы знать?

— Не понимаю, к чему ты клонишь. Да, Холл никак нельзя назвать достаточно веселым местом...

— Что я слышу? Холл не слишком веселое место для прелюбодеяния? Черт побери, Линнет, если ты хочешь наставить мне рога, не могла бы ты выбрать себе любовника поумнее? Он прислал сюда сорочку, которую ты оставила.

Прелюбодеяние — это слово Диана слышала и прежде. Судя по всему, этим словом обозначался такой поступок, о котором викарий в своих воскресных проповедях говорил, как о чем-то стыдном и дурном. Но как это связано с мамой?

— Как ты смеешь?

В комнате раздался звук пощечины.

— Не распускаяй руки, — строго произнес папа. — Не надо вести себя подобно оскорбленной жене, ведь мне известно о том, что ты провела несколько дней под крышей дома Пекфорда. Обычно я не читаю чужих писем, но тут мне стало интересно, почему Пекфорд послал человека с пакетом для тебя. Вообрази мое удивление, когда, развернув пакет, я обнаружил там твою сорочку. Не знаю, зачем я еще читал приложенное письмо, такой уж я дурак, видимо, надеялся найти там объяснение этому недоразумению.

Диана услышала шелест разворачиваемой бумаги.

— И вот что я прочитал: «...ваше пребывание в моем доме доставило мне неизъяснимое наслаждение, хотя, боюсь, вам не удалось как следует выспаться...»

* * *

— Ты действительно глупец. Я вместе с мамой поехала обедать к Фолкемам. А когда мы там гостили, погода резко испортилась. Мама разволновалась, и Малкольм, как радушный хозяин, предложил нам переночевать. Разразилась снежная буря, и мы застряли на два дня. И мне некогда было строить глазки хозяину, я ухаживала за его заболевшей теткой, так как из-за разыгравшейся бури врач никак не мог добраться до поместья Фолкема. Моя сорочка стала потной и грязной, потому что я всю ночь просидела рядом с больной. Ее пришлось постирать, а одна из служанок одолжила мне чистую. Разумеется, в суматохе я забыла о своей сорочке. Странно, почему он прислал сорочку не в Холл, а сюда.

— Очевидно, ты настолько вскружила ему голову, что из нее напрочь вылетело благоразумие. Хотя, должен признаться, твое объяснение выглядит очень правдоподобно. В нем есть только один недочет. Если ваш визит был, как ты уверяешь, таким скучным и невинным, то почему в таком случае ты ни словом не обмолвилась о нем?

— Да потому что боялась, что ты закатаешь мне сцену ревности, какую и устроил мне сейчас. Как видишь, я оказалась права. Тем не менее я готова простить тебя, если ты станешь перед мной на колени и попросишь прощения. Хотя если какая-нибудь дама придет к нам в дом предметы твоего нижнего белья, то я не знаю, кого первым из вас убью, — рассмеялась мама. А потом в воздухе повисла долгая гнетущая тишина, которую прервал испуганный мамин шепот.

— Боже мой, неужели ты мне не веришь?

— Не в первый раз ты и Пекфорд спите под одной крышей. Припоминаю, как-то раз в декабре, ты, будучи в гостях у своих родителей, проговорила в письме, что Пекфорд остался ночевать. Ты сама выдала себя.

— Малкольм живет по соседству с родителями, он регулярно у них обедает. В тот раз бедняга выпил слишком много и был не в состоянии верхом отправиться к себе домой. А Холл достаточно вместителен для того, чтобы приютить еще одного человека.

— В отличие от нашего дома, не так ли? — Папа горько рассмеялся. — Я всегда знал, что этот дом для тебя не очень хорош, как и я сам. Я пробовал закрывать на все это глаза, старался как мог, но жить так дальше у меня больше нет сил. Да, я сумел похитить тебя, как Аид похитил Персефону, но не смог удержать. И не мог бы удержать — почему я не понял этого раньше.

— Что за чепуху ты несешь! Или ты опять выпил лишнего? Я всегда буду рядом с тобой. Ты же знаешь, я не очень люблю те увеселения, сопровождаемые танцами, которые устраивают мои родители. Но я бываю там на радость родителям, поскольку забочусь о будущем наших детей. Неужели ты не видишь, что я с большей охотой оставалась бы дома с тобой? Твое положение в свете никогда не играло для меня особой роли. Будь ты простым торговцем, я все равно полюбила бы тебя... — Ты всегда так переживал из-за того, что был внебрачным ребенком, но ведь это дело случая. И сейчас это не является оправданием для твоего столь оскорбительного поведения.

Папа опять буркнул то самое плохое слово.

— А когда ты намеревалась сообщить о том, что ждешь ребенка? Я знаю, ты беременна. И не думай отпираться!

— А я и не собираюсь отпираться, — горячо возразила мама. — Я хотела сообщить тебе об этом до моего отъезда, но решила немного обождать, чтобы быть совершенно уверенной. Я не ощущала никакого недомогания, и кроме того... — ее голос дрогнул, — раньше мы всегда так расстраивались, если наши ожидания не оправдывались. Я подумала... мне казалось, ты будешь этому рад.

У мамы должен появиться еще один ребенок? Диана замерла — неужели у нее скоро будет сестричка. Она любила Алекса, но сестричка это совсем другое дело...

— Рад? — закричал папа. — Ты думала, я буду этому рад?

Что-то со страшным шумом ударилось о стену и разбилось.

— Томас! Эта ваза — свадебный подарок принца Уэльского, — жалобно воскликнула мама.

— Да, и она разбита вдребезги, точно так же, как и мое доверие. Точно так же, как наш брак. Боже, ты даже не представляешь, каково мне сейчас!

Почему папа такой противный? Ведь это была любимая ваза Дианы, и он знал об этом. С какой осторожностью она всегда подходила к ней, чтобы полюбоваться.

— Как ты можешь так говорить? — прошептала мама. — Неужели ты разлюбил меня?

— Разве можно тебя разлюбить? — грустно и тихо произнес папа, настолько тихо, что Диана невольно напрягла слух, чтобы расслышать то, что он говорил. — Я полюбил тебя сразу, с первого взгляда. Помнишь ту ночь, когда ты прокралась на конюшню, чтобы ухаживать за родившимся жеребенком. Я влюбился в тебя по уши и окончательно потерял голову. Но Бог поможет мне, даже понимая, что сейчас делаю, я все равно люблю тебя и буду любить до конца жизни.

— Если бы ты любил меня, ты поверил бы мне! — Голос у мамы задрожал, в нем слышались слезы. Диана едва не заплакала, так ей стало жалко маму. Она прижала передник к лицу, чтобы родители не услышали ее тяжелого печального вздоха.

— Я тебя не узнаю. — Мама говорила медленно. — Сейчас рядом со мной стоит незнакомый, чужой мне человек. Ты не мой Томас. Ты не тот человек, за которого я вышла замуж, ты не отец моих детей... — голос мамы дрогнул, — ...ты не тот, кого я люблю. Не ты, а он — отец этого ребенка. Я не знаю, кто ты. Я немедленно уезжаю в Холл. И не вернусь. Мне жаль тебя, когда-нибудь ты поймешь, как глупо вел себя.

— И я не узнаю тебя. Ты говоришь, что любишь меня, возможно, так оно и было, когда мы поженились. А теперь при первой же размолвке бежишь к своим родителям, а они обращаются с тобой, как с прислугой. Они не простили тебя, Линнет, и никогда не простят. Им нужен только Алекс.

— Я не идиотка, и лучше тебя понимаю недостатки моих родителей. Но теперь мне хорошо видно, как они были правы, рассердившись на меня за этот брак. Неужели ты не понимаешь, что сейчас ты играешь им на руку. Ты сам толкаешь к ним и меня, и детей.

— Диана и Алекс останутся со мной. Я не хочу, чтобы они воспитывались в гробнице былых богатств и привилегий.

— О, конечно, гораздо лучше, если Диана будет воспитываться здесь на конюшне. Кем она станет, когда вырастет? Не леди, а какой-то цирковой наездницей? Нравится тебе или нет, но Алекс второй среди наследников на титул герцога. Эта гробница богатств и привилегий со временем, очень возможно, будет принадлежать ему. Неужели ты хочешь лишить наших детей тех прав, которые они получили при рождении?

— Ради их счастья я готов на что угодно, — с досадой воскликнул папа.

— В таком случае есть надежда, что еще не все потеряно. Несмотря на помрачение рассудка, ты еще способен здраво рассуждать...

В воздухе повисла тишина.

— Согласен, будет лучше, если Диана останется у тебя. Но ты должна порвать с Пекфордом. Я не хочу, чтобы он отирался возле моих детей. Я оставляю себе Алекса...

— Сколько можно повторять: я никогда не была вместе с ним!

Мама расплакалась. Диана тихонько заплакала в один голос с ней. Она не сомневалась, что папа и мама, услышав подозрительные звуки, вскоре обнаружат ее. Но Диане уже было все равно. Мама покидала их и забирала ее с собой, а папе... папе она безразлична. Ему нужен только Алекс.

— Иногда я так злюсь на моих родителей, что мне хочется никогда больше их не видеть. Но как бы сильно ни ругалась с ними, я всегда знала, что им нужно от меня. — Мама гнусавила, словно у нее был насморк. — Я не в силах понять, почему ты мне не веришь. Раньше я не понимала, как это можно одновременно любить и ненавидеть одного и того же человека. Теперь понимаю.

— То же самое я могу сказать и о себе. — В голосе папы было столько холодной злости, что Диана не верила своим ушам. — Оставайся ночевать, а завтра...

— Нет! — закричала Диана, выскакивая из-под стола. — Нет, нет, нет!

Она не помнила себя от чувства горечи и обиды. Она топала ногами и размахивала руками, словно пытаясь отогнать все плохое.

— Диана, — испуганно воскликнула побледневшая мама, делая к дочери шаг или два.

Диана закричала так громко, как только могла. Лишь бы больше не слышать ни папу, ни маму, ничего из того плохого, что они говорили. Она кричала так, что грудь и сердце разрывались от

напряжения.

Перед ее затуманенными от слез глазами виднелось испуганное мамино лицо.

— Ну, хватит, хватит, дорогая. Зачем так надрываться. — Мама протянула к ней руку.

Диана отпрянула назад.

— Не притрагивайся ко мне!

— Диана, любимая, — на помощь к маме пришел папа.

— Не называй меня так, — громко зарыдала Диана. — Ты меня не любишь.

— Не говори так...

— Не любишь, — сердито крикнула Диана. — Ты любишь только Алекса! Ненавижу, ненавижу, ненавижу тебя!

Не помня себя от ярости, она с диким воплем смахнула все, что лежало на столе отца — бумаги, книги, чернильницу. Все с грохотом полетело на пол. Воспользовавшись возникшим замешательством, Диана выскочила из библиотеки и, не останавливаясь, выбежала на крыльцо и устремилась в холодную ночную темноту.

Она слышала голоса родителей за своей спиной, они окликали ее по имени, но Диана не обращала на них внимания. Когда она почувствовала, что ее догоняет отец, она рванулась и побежала еще быстрее. Она бежала, бежала, а слезы все текли и текли по ее лицу. Диана почему-то твердо считала: если убежать далеко-далеко, то она обязательно окажется в тихом, укромном месте, где все плохое никогда не сможет ее найти...

Глава 1

«Теперь после того, как ты и Оливия счастливо вышли замуж, мне можно сосредоточить все свое внимание на вашем брате. Я надеялась, и возможно, вы об этом догадывались, что он и мисс Мерриуэзер подойдут друг другу. Я знаю, вы считаете ее тихой и замкнутой, но вашему непутевому брату нужна женщина с сильным и ровным характером, которая сквозь пальцы посмотрит на его внешность и обаяние и за ними увидит того настоящего мужчину, каким он может стать. Я надеялась, что они поближе познакомятся друг с другом во время бала, но мне следовало бы уже давно понять, что он искоса смотрит на любую женщину, с которой его хочет познакомить мать. А ведь я только и делаю, что постоянно пытаюсь устроить его счастье. О, как верно писал Шекспир: «Неблагодарность ребенка жалит сильнее змеи».

Из письма виконтессы Уэстон к ее дочери графине Данстон.

Шестнадцать лет спустя

Лондон

— Ты действительно остаешься в городе на весь сезон? — спросила брата Изабелла, графиня Данстон, подавая ему чашку чая. — А я-то грешным делом полагала, что присутствие в городе всей семьи заставит тебя дать отсюда деру.

— Иззи, на всякий случай у меня всегда наготове саквояж, чтобы потихоньку улизнуть из города. — Генри Уэстон с улыбкой посмотрел на сестру. — Или таким образом ты деликатно намекаешь, что мне пора и честь знать? Может быть, я слегка поднадоел тебе, учитывая то, как часто я посещал твою столовую, пока ты не вышла замуж за моего старинного приятеля?

Изабелла рассмеялась, но смех вышел натянутым. Джеймс Шеффилд, граф Данстон, ее муж и приятель брата, нахмурился и отложил в сторону утреннюю газету.

— Готов биться об заклад, что ты приходишь поесть, а не ради компании. — Он нежно взял жену за руку и обменялся с ней не менее нежным взглядом. От этого приторного зрелища Генри закатил глаза.

— Хэл, запомни, я всегда рада видеть тебя. Более того, признаюсь, я даже просила Джеймса убедить тебя пожить у нас. Теперь после ремонта в нашем доме стало намного уютнее, чем в твоём холостяцком жилище. Однако...

— Однако, — перебил ее Джеймс, — я убедил твою сестру, что ее великодушие в данном случае неуместно.

— Джеймс, — возмутилась Изабелла.

Генри усмехнулся:

— Иззи, не переживай так, он совершенно прав. Вспомни известное изречение: «Где двое, третий лишний». Поверь, я не собираюсь садиться вам... м-м...

— На голову, — подсказал Джеймс.

— Знаешь, кажется, мы что-то очень долго не боксировали на ринге в клубе Джексона. Я обещал сестре закрыть глаза на то, что ты соблазнил ее, но желание как следует вздуть тебя, меня еще не покинуло.

— Выбрось эти глупости из головы, — строго предупредила его Изабелла. — Кроме того, запомни на будущее: это не он, а я соблазнила его.

Генри и Джеймс одновременно издали горестный стон.

— Тише, тише, моя любовь, — взмолился Джеймс. — Только не порти мне репутацию.

— Не болтай чепуху, — отрезала Изабелла. — Конечно, ты должен заботиться о своей репутации, только не о прежней, а о теперешней. Тебе следует продемонстрировать всем, какой ты верный муж и любящий отец.

— Вот-вот, — подхватил Генри. — А на тот случай, если он собьется с верного пути, разреши мне, сестричка, послать его в нокаут.

— Если он собьется с пути, тогда ты и займешься им, вернее тем, что останется от него после того, как я сама разберусь с ним. — Она решительно тряхнула головой, так что ее светлые локоны слегка развилась.

Джеймс поморщился:

— Тебе не о чем беспокоиться, моя дорогая кровожадная женушка.

— В таком случае и тебе тоже. — Губы Изабеллы насмешливо изогнулись.

— Думаю, у вас обоих есть более серьезный повод для беспокойства. Ни для кого не секрет, что мама хочет устроить на своем балу представление, на котором вы выступите в главной роли, — съязвил Генри. Предстоящий бал его нисколько не интересовал, в конце концов, не он был виновником намечавшегося торжества. Эту почетную и обременительную обязанность Изабелла и Джеймс должны были разделить с Оливией, другой сестрой Генри, и ее мужем. За последние два года две его сестры вышли замуж, и у Генри появилось не только два зятя, но вскоре еще и две племянницы.

Изабелла подмигнула брату и не без ехидства заметила:

— Полагаю, волноваться предстоит не только нам, но и еще кое-кому.

— Что ты имеешь в виду?

Изабелла шумно вздохнула:

— Господи, неужели ты так еще ничего и не понял? Как ты думаешь, какая у нашей мамы главная цель в жизни?

— Закончить свою книгу? — предположил Генри. У их матери была тайная мечта, своего рода пунктик, составить сборник очерков, посвященных главным героиням Шекспира, над которым она трудилась едва ли не всю свою жизнь.

— Ах да, конечно. — Изабелла небрежно отмахнулась от высказанного предположения. — А что кроме этого?

Заметив недоумие брата, Изабелла весело переглянулась с мужем и подняла вверх левую руку, на безымянном пальце которой поблескивало обручальное кольцо. Как можно было забыть об этом? Самым горячим желанием их матери было желание видеть всех ее детей в счастливом браке.

— Близнецы еще слишком юны для ее брачных затей. Лия и Джинни всего двенадцать лет. Их больше интересуют книжки, чем мальчики.

— Близнецам уже четырнадцать, а книги, которые они читают, полны романтических историй. Когда они гостили у нас на прошлой неделе, Лия с восторгом смотрела на нашего красавца конюха, а Дженни не отставала от сестры. Впрочем, этим юным созданиям пока еще рано волноваться, зато для других, которые давным-давно вошли в зрелый возраст, мамины планы представляют серьезную угрозу.

Генри застонал.

— Неужели она опять вернулась к своему намерению женить меня на мисс Мерриуэзер? — Его мать питала непонятную слабость к этой девушке. — Да ведь она уже появляется в свете по меньшей мере пятый сезон. Она...

Изабелла подошла к брату и наклонилась, глядя прямо в глаза.

— Мисс Мерриуэзер ни при чем, — отчеканила она каждое слово, для пущей убедительности тыкая каждый раз пальцем в грудь брата. — Только ты!

— Нет! — Генри слегка расслабил галстук: в столовой за последнюю минуту стало что-то очень жарко.

— До тех пор пока близнецы не выйдут за порог классной комнаты, ты единственный ребенок, которого мама хочет поскорее женить. — Изабелла продолжала пугать брата. — Подлинная причина, ради которой устраивается бал, в другом. Мама хочет посмотреть на урожай дебютанток в этом сезоне и подобрать себе будущую невестку.

— Но ведь я еще слишком молод для семейной жизни, — начал было возражать Генри. — Я еще не успел «перебеситься».

— Если из всего, что долетало до моих ушей о тебе, половина правда, то ты давно уже отгулял свое. Пора бы и честь знать!

— Кроме того, я старше тебя всего на четыре месяца, — вставил Джеймс. — А мы с Иззи вскоре собираемся отметить вторую годовщину нашей свадьбы, так что хватит все сваливать на возраст. Если хочешь избежать супружеской мышеловки, придумай довод повесомее. А пока что-то не вижу ни одного, который позволил бы тебе избежать этой участи. При разумном выборе — хотя другой выбор, учитывая помощь со стороны матери и сестер, просто не могу себе представить — ты вскоре обнаружишь, как много приятного скрывает за собой женитьба.

— Одно из наслаждений это, конечно, постель, — нарочно растягивая слова, проговорила Иззи. — Впрочем, все мужчины...

— Дорогая, перестань издеваться над своим братом. Может, согласишься, не проснулась ли малышка? Думаю, Генри с удовольствием полюбуется на племянницу.

— Ладно, все понятно. — Изабелла немного обиделась. Она направилась к дверям, но на пороге обернулась: — Только никаких ссор или драк, пока меня не будет. Представляете, как расстроится мама, когда во время бала увидит на симпатичном лице своего сына синяк под глазом.

Генри с мрачным видом смотрел вслед сестре. Если Изабелла не ошибалась — а весь его житейский опыт подсказывал, что женщины из семейства Уэстон ошибаются крайне редко, — этот сезон станет для него последним холостяцким сезоном.

Глава 2

«Подобно всем мужчинам Хэл хочет быть властителем своей судьбы. Вся сложность заключается в том, чтобы, не выводя его из столь приятного заблуждения, направить его помыслы в желаемом направлении. Если ему повстречается хорошая женщина, то, я думаю, он не будет сопротивляться женитьбе. Любви покорны и не такие закоренелые холостяки, даже наш принц и то не устоял...»

Из письма графини Данстон к ее матери виконтессе Уэстон.

— А теперь, когда Иззи ушла, признайся, что тебя так тревожит. — Джеймс наклонился к другу, упираясь локтями о крышку стола. — Только не надо делать вид, будто ничего не случилось. Я же вижу, ты совсем ничего не ешь.

— Пропал аппетит. Да и как ему не пропасть, когда узнаешь, что твоя матушка спит и видит

тебя женатым мужчиной. Все, конец моей холостой жизни!

— Брось, вот лучше попробуй эти лепешки, пока Иззи занимается малюткой.

Генри чуть раньше заметил горку лепешек на круглом блюде, но их внешний вид, необычно серый и бугорчатый, насторожил его. Вняв приглашению приятеля, он взял одну лепешку, откусил от нее большой кусок и тут же пожалел об этом. Однажды в юности он на спор съел горсть лошадиного овса. Однако по сравнению с тем, что теперь оказалось у него во рту, овес казался пищей богов.

Глядя на его лицо, Джеймс покатился со смеху.

— Мне, наверное, следовало предупредить тебя. Наша кухарка вчера растянула ногу, а ее помощница сбежала на прошлой неделе с одним из наших лакеев. Пришлось прибегнуть к крайним мерам на кухне.

Генри торопливо выпил чашку чая, надеясь с его помощью прожевать грубую крошащуюся массу.

— Ту миссис, которая заняла место вашей кухарки, ты не должен даже близко подпускать к плите, гони ее поскорее с кухни.

— Зато она чудо как хороша в постели. — Джеймс весело подмигнул товарищу.

Как только смысл сказанного дошел до сознания Генри, он застыл на месте, охваченный гневом.

— Ах, ты, сукин сын! — рассердившись, он ударил Джеймса.

— Да ты что? Больно же! — крикнул Джеймс, пытаясь увернуться от другого удара. Взбешенный, Генри подскочил к нему, рывком вытащил из кресла и нанес сильный удар в бок. Джеймс вырвался, парировал другой удар и ловко подсек ногу Генри, тот зашатался и, не сумев удержать равновесие, упал.

Но оказалось, упал не только он один. Одна из ног Генри запнулась об изящно изогнутую ножку столика, и он неловко повалился на его крышку, к несчастью, как для самого столика, так и для вазы, стоявшей на нем.

Прекрасная фарфоровая ваза голубого цвета известной фирмы «Веджвуд», разбилась вдребезги, в очередной раз подтвердив правило, что фарфор и пол вещи несовместимые.

В столовую вбежала Изабелла и быстрым взглядом окинула беспорядок.

— Уходя, я предупредила — никаких драк. Разве непонятно?

— Боже! — воскликнул Генри, вставая на ноги. — Как ты похожа на маму!

Тяжело вздохнув, Джеймс согласно покачал головой.

— Нисколько непохожа, — запальчиво крикнула Изабелла, становясь в этот момент похожей на свою мать более, чем когда бы то ни было.

Не выдержав, Джеймс расхохотался.

Изабелла, повернувшись, взглянула на него. Генри ухмыльнулся с довольным видом, полагая, что его друг сейчас получит взбучку. Однако на его несчастье Изабелла заметила его улыбку и направилась к нему.

— На твоём месте я бы не улыбалась так весело, — строго заметила она, стоя перед братом, уперев руки в бока. — Уверена, это ты всему виной.

— Нет, он, — возмутился Генри. — Проклятие, не знаю, как начать. Он...

Генри запнулся, не зная, как сообщить сестре об услышанном. В большинстве аристократических домов то, что он намеревался сейчас сообщить, едва ли считалось чем-то выходящим из ряда вон. Многие мужья одаривали своей благосклонностью прислугу, Генри всегда считал такое поведение предосудительным, хотя, по слухам, многие жены потакали мимолетным увлечениям своих мужей. Однако представить Изабеллу на месте одной из таких жен было для него невыносимо.

— Что он, Хэл? — переспросила Изабелла.

Генри покачал головой:

— Ты столько перенесла, а с его стороны такая неблагодарность, и все же ты имеешь полное право узнать об этом. Джеймс случайно проговорился о своей связи с одной из служанок.

— Боже мой, ты ничего не понял, — пробормотал Джеймс.

— Не понял? — возмутился Генри. — Прекрасно все я понял. Иззи, я выведу его на чистую воду, или могу его поддержать, пока ты будешь чинить над ним расправу. Но если ты хочешь по-настоящему наказать его, заставь его съесть все это блюдо с лепешками.

Изабелла нахмурилась и скрестила руки на груди.

— Почему ты такая спокойная? — удивился Генри, но его тут же перебила Изабелла.

— Чем тебе не понравились мои лепешки?

— Твои лепешки? — Генри раскрыл рот от изумления. — Неужели ты хочешь сказать, что ты их сама приготовила?

— Я же сказал тебе, это недоразумение, — вклинился в беседу Джеймс, потирая бок, в который его ударил Генри. — Черт бы побрал тебя, Генри, когда же это наконец дойдет до твоей тупой башки? Я люблю твою сестру и не намерен ей изменять, несмотря на то, что она никудышная кухарка. Ох!

Изабелла больно пихнула его локтем в другой бок.

— Я оговорился. Готовить она умеет. Я готов есть ее лепешки каждый день.

Генри не мог не признать: Джеймс ловко выкрутился из неудобного положения. Его последние слова прозвучали впечатляюще, как настоящее объяснение в любви, что, впрочем, соответствовало истине. Только обожающий свою жену муж мог согласиться есть каждый день такие чудовищные лепешки. Оценив все должным образом, Изабелла тут же наградила Джеймса поцелуем.

— Это все следствие моей болезненной впечатлительности. — Генри пошел на попятную. — В

последнее время у меня что-то начали сдавать нервы.

— Что касается нервов, — с явным напряжением в голосе заметила Изабелла, прислушиваясь к отдаленному детскому плачу, долетавшему сверху. — Не мог бы ты воздержаться от разгрома столовой, пока я не успокою малышку?

Джеймс ласково обнял жену.

— Обещаю тебе, любовь моя, во время твоего отсутствия мы будем вести себя примерно. А взамен того, что мы поломали, я куплю все новое.

— Пустяки, я напишу мистеру Веджвуду, чтобы мне прислали точно такую же вазу. Что же касается столика... — Изабелла недовольно покачала головой. — Да простит меня мистер Чиппендейл, но этот столик мне не нравился. Слишком длинные и тонкие у него ножки.

Она повернулась к брату:

— Хэл, ты позволишь дать тебе один совет? Мне кажется, мама не совсем права в данном случае. Тебе надо искать не жену, а самого себя. — Она встала на цыпочки и, поцеловав брата в щеку, насмешливо улыбнулась. — А пока ты будешь искать самого себя, мама подыщет тебе жену.

Довольная тем, что за ней осталось последнее слово, Изабелла торопливо выбежала из столовой. Генри и Джеймс остались одни. В столовой воцарилось тягостное молчание.

Первым прервал молчание Джеймс.

— Знаешь, быть женатым не так уж и плохо. Тут есть свои выгоды и преимущества. Я понимаю, все эти светские девицы ни то ни се, но жена — это совсем иное дело. Они не менее, чем любовницы, охочи до этого дела и даже более доступны.

Сдавленное рычание вырвалось из горла Генри:

— Не забывайся. Моя сестра — твоя жена. Я не желаю говорить о таком с тобой.

— Но ведь мы всегда обсуждали м-м... женщин...

— Это было до твоей женитьбы. Я не желаю обсуждать мою сестру как женщину.

В искренности Джеймса не было никаких сомнений, однако в его словах звучало столько цинизма, что Генри захотелось переломать еще дюжину столиков. Как могло так случиться, что сестра вышла замуж за его лучшего друга? Конечно, он радовался за них, но к этой радости подмешивалась небольшая доля сожаления. И с этим он ничего не мог поделать. Однако это никак не оправдывало его невольную вспышку гнева.

— Мне также хочется извиниться. Я вел себя не лучшим образом...

— Считаю инцидент исчерпанным.

Генри провел пальцами по волосам.

— Какая у меня умная и все понимающая сестра. Даже не ожидал.

— Нашел чему удивляться. И ты, и она имеете много общего, не только светлые волосы и синие

глаза. Вы всегда яростно защищаете друг друга, потому что любите. Изабелла сразу поняла, что вызвало твой гнев: желание защитить ее достоинство. Она также понимает, как нелегко забывается прошлое и как трудно вернуть доверие. Вот поэтому и она, и я всецело доверяем друг другу, без этого никак нельзя.

— Я верю тебе, — ответил Генри, пораженный откровенностью друга. — Но иногда мой рассудок не поспевает за моими действиями. Никогда бы не подумал, что признаю правоту Изабеллы. С тех пор как вы поженились или даже немного раньше, я чувствую себя никому не нужным. У тебя, как и у моего отца, есть семья, поместье, на вас лежит забота о людях, которые зависят от вас. Подобная ответственность меняет жизнь мужчины, заставляет его быть практичнее, самостоятельнее.

— Постой. Не хочешь ли ты сказать, что стремишься к ответственности? Я правильно тебя понял?

— Что тут удивительного? — нахмурился Генри.

— Прости меня, Хэл, но подобная перемена в твоих взглядах для меня полная неожиданность. Вот как всегда выглядел в твоём представлении хорошо проведенный день. Сначала как следует выспаться, остаток первой половины дня убить в клубе Джексона, после полудня пошататься по лошадиному рынку «Таттерсоллза». Вечером побывать в приличном обществе на светском празднике, чтобы потом, уже не думая о приличиях, гулять чуть ли не до рассвета.

— Неужели ты считаешь меня самовлюбленным прожигателем жизни? — Последние слова Генри произнес с ударением. — По-твоему, на большее я не способен?

— Конечно, нет. Разумеется, ты способен на большее. Я это понял давно. Но не замечал в тебе стремления к этому. Возможно, я ошибаюсь, но что-то мне подсказывает, ты так и останешься на всю жизнь Хэлом. Возможно, ты никогда так и не...

— Повзрослеешь? — Из груди Генри вырвался короткий неприязненный смешок. — Мне кажется, пора взросления у каждого из нас своя. Сейчас я как-то не готов к тому, чтобы связать себя брачными узами.

— Да, это слишком радикальное средство. В таком случае, наверное, придется привыкать к мысли, что Хэл Уэстон уже совсем взрослый. Полагаю, в конце концов, мы все свыкнемся с этой мыслью. Кстати, ты уже придумал, чем бы тебе хотелось заняться?

Генри шумно вздохнул и решительно произнес:

— Я хотел бы открыть конный завод.

Он замер, с тревогой ожидая, что скажет по этому поводу его лучший друг. Если Джеймс высмеет его затею, сочтя ее пустой блажью, то какие в таком случае могут быть шансы на успех у его начинания?

Однако Джеймс улыбнулся и восторженно воскликнул:

— Отличная мысль! В лошадях ты знаешь толк, более того, разбираешься в них не хуже старика Тэтта, отошедшего в иной мир, а к непокорным лошадям находишь подход не хуже любого цыгана. Прекрасная мысль, Хэл! Кто натолкнул тебя на нее?

— Как это ни удивительно, но я сам додумался, — довольно холодно ответил Генри. За годы их дружбы он привык к несколько насмешливому и пренебрежительному отношению Джеймса к его умственным способностям. Однако неприкрытый энтузиазм друга воодушевил Генри. Он вскочил и возбужденно зашагал из одного угла столовой в другой.

Одно его поведение уже показывало, как ему хотелось поделиться своими планами. Генри отдавал себе отчет, что в последнее время он просто плыл по течению. Нельзя сказать, чтобы такая жизнь ему нравилась или не нравилась. Он просто жил — и все. В то же время ему смутно хотелось чего-то большего. В сущности, его жизнь представляла собой непрерывный поток удовольствий, которые давно перестали его радовать. Тщательно скрываемая мысль о собственном конном заводе возбуждала и волновала его сильнее, чем все, вместе взятые, кутежи за последние три месяца.

— Я даже подыскал отличное местечко, — продолжал он раскрывать свои планы перед Джеймсом. — Ты помнишь конюшни в Рейвенсфилде?

— Как можно это забыть? В первый год нашей учебы в Оксфорде ты потащил нас в Эпсом на королевские скачки. Затем тебе втемяшилось в голову получить какой-нибудь сувенир, и нам пришлось обойти всех коннозаводчиков, кто жил поблизости. Среди них, помнится, был лорд Парр.

— Владельцем завода считался его сын.

— А почему в прошлом времени?

— А-а, когда это случилось, ты, наверное, находился в Ирландии. Сыну очень не повезло. Его лягнула лошадь — прямо в голову. Несчастье случилось не по вине лошади. Он был отличным жокеем. Хотя лорд Парр признавал, что сын слишком любил рисковать. — Генри печально покачал головой. — После его трагической гибели вдова Джека с дочерью перебрались к лорду Парру. Старый лорд распродал всех лошадей и закрыл конюшни на замок, но по какой-то причине сами строения и землю не продал. Все эти годы они так и оставались заброшенными. Как знать, не вмешалось ли сюда провидение.

Провидение. Мысли об этом не раз проносились в голове Генри, когда однажды вечером он играл в вист с наследником Парра у Уайта. Наследник был здорово навеселе, что мешало игре в карты, зато помогало изливаться душу. Наследник говорил, говорил и говорил, но когда он стал жаловаться на то, что, несмотря на все его уговоры, лорд Парр ни в какую не хочет расставаться с Рейвенсфилдом, Генри наострил уши.

Ему сразу припомнилось это место. А в душе зашевелилась и ожила давняя мальчишеская мечта. Когда он вырос, со многими юношескими надеждами и мечтами пришлось расстаться, многое было похоронено, но теперь в его воображении возникла чудесная картинка — отремонтированные конюшни, обнесенные высокими изгородями, просторные светлые стойла, в которых содержатся самые лучшие лошади во всей Англии. От открывавшихся возможностей, таких же бескрайних как зеленые луга вокруг его конезавода, сердце Генри забилось взволнованно и быстро.

— При чем здесь провидение? — удивился Джеймс. — Может быть, тут вся загвоздка в том, что эти владения являются майоратом?

— Нет, нет, я проверял. Кроме того, ни Парр, ни его наследник нисколько не интересуются лошадьми и скачками. Парр сентиментально привязан к этому поместью, но ему уже пора отряхнуть воспоминания о прошлом и подумать о будущем внуки. Дело в том, что в

следующем году ей предстоит выйти в свет, и деньги, которые Парр выручит за Рейвенсфилд, пойдут на ее приданое.

— Неплохая идея, — согласился Джеймс. — Если лорд захочет заполучить будущего виконта Уэстона для своей внучки, он может сделать ловкий ход, предложив это поместье в качестве ее приданого.

— Типун тебе на язык! Меня интересуют лошади, а не молоденькие глупышки.

— В самом деле? — весело проговорила Изабелла, входя в столовую с маленькой Брида на руках. — Не хочешь ли поддержать свою племянницу?

Не ожидая ответа, она сунула малышку прямо в руки Генри. Тот без малейшего замешательства подхватил ребенка, нисколько не жалея о той участи, которая ждала его безукоризненно повязанный галстук и блестящие пуговицы на жилете. Несмотря на свой младенческий возраст, леди Брида Шеффилд постоянно воевала, причем довольно ловко, с одеждой своего дяди, разнося в пух и прах его изысканный туалет.

Однако стоило Генри заглянуть в обрамленные густыми ресницами синие глаза малышки, точно такие же, как у него самого, как он шел на любые жертвы.

— Всякий раз, когда я ее вижу, она становится все красивее и красивее.

— Она прелесть, не правда ли? — внес свою долю восхищения отец.

— Просто идеал, — отозвался Генри.

Изабелла рассмеялась:

— Но только не посреди ночи, когда от ее крика просыпается весь дом. В один прекрасный день и ты с этим столкнешься.

Генри поморщился:

— Это все в будущем.

— Хотелось бы верить, а то мама ждет не дождется этого дня.

— Мама! — радостно крикнула Брида, оторвав одну из блестящих пуговиц на жилете Генри.

— Милая моя. — Изабелла подавила улыбку. — Джеймс, ты бы...

Но не успела она закончить свою мысль, как Джеймс вскочил с кресла, подхватил малышку с рук Генри и передал ее жене. Пока Изабелла держала брыкавшуюся Брайду, Джеймс осторожно разжал ее кулачок и отнял пуговицу. Брайде явно не понравилось, что у нее силой отнимают законную добычу, и она тут же заявила протест во всю мощь своих легких.

Джеймс со вздохом протянул на ладони пуговицу:

— Расплата за визит.

Генри схватил пуговицу и рассмеялся:

— Хорошая цена, но не буду больше злоупотреблять вашим гостеприимством.

Ласково обняв Изабеллу и поцеловав малышку в макушку, он начал прощаться:

— У меня есть кое-какие дела в Сюррее. Это займет несколько дней, так что до бала, устраиваемого мамой на следующей неделе, мы вряд ли увидимся.

Изабелла пожелала ему удачного пути, а Джеймс проводил до выхода. Перед уходом Генри вопросительно посмотрел на друга.

— Ты веришь, что моя мечта осуществима? Что я сумею открыть конезавод?

— О чем речь, конечно, я в тебя верю. — Джеймс хлопнул приятеля по плечу. — При условии, что ты сумеешь преодолеть все трудности, а их, как я предвижу, будет немало.

Генри скривился отчасти из-за боли в ушибленной ноге, но главным образом из-за того, что ясно понимал, насколько прав Джеймс. Затея казалась весьма дорогостоящим предприятием, его собственных денег на нее явно не хватало.

— Я предполагаю, что ты не откажешь мне в займе?

— И тем самым все, или почти все, сделаю за тебя? — усмехнулся Джеймс и покачал головой. — Ни в коем случае, дружище. Сам придумал, сам и выкручивайся.

Глава 3

«Разве я не просила тебя вернуть мне мои письма прошлого сезона? Так хочется облегчить себе такой незатейливый труд, как написание писем. Проще всего было бы вычеркнуть прежние имена и вместо них вписать новые, а потом тут же отослать исправленные письма тебе обратно. Ах да, еще пришлось бы изменить старую дату на новую, а больше там нечего менять. Сплетни тебя интересуют не больше, чем меня, так что мой маленький мирок и в этом сезоне останется, по-видимому, точно таким же, каким был в прошлом году, и в позапрошлом, и в позапозапрошлом...»

Из письма Дианы Мерриуэзер к брату Александру Мерриуэзеру.

— Диана, улыбнись, прошу тебя.

Мисс Диана Мерриуэзер не подав вида, что услышала тихое наставление матери, изобразила, по ее мнению, то, что должно было выражать улыбку. Из своего личного опыта она прекрасно знала: если слишком много улыбаться на балу, то по приезде домой натруженные щеки будут неприятно ныть во время ужина.

— Вот так намного лучше, — похвалила леди Линнет, изящно помахивая веером перед своим лицом и прикрывая им их беседу от посторонних глаз. Диане захотелось вырвать веер из рук матери, чтобы использовать его с большей пользой. Человек двести, если не больше, набилось в зале, в котором с удобством могла расположиться только половина от этого числа. А хуже всего было то, что пожилые матроны, смертельно боявшиеся сквозняков, тем самым лишили все остальное общество возможности вдохнуть хоть сколько-нибудь свежего воздуха.

Куда бы ни направлялись эти гранд-дамы, за ними следовала их свита — компаньонки, юные дебютантки, печальные девушки, оставшиеся без кавалеров во время танцев, молодые особы, которые очень скоро должны были перейти в разряд старых дев. На протяжении ряда лет

Диана постепенно переходила из одного разряда в другой. Она еще не была до конца уверена, окончательно ли она перешла из категории желтофиолей, то есть девушек, остающихся без кавалеров на танцах, в разряд старых дев. Хотя любую девушку, проводящую безрезультатно седьмой сезон, без всякого сомнения, уже отнесли бы к старым девам.

— У тебя такая очаровательная улыбка, дорогая, — похвалила мать и ласково похлопала ее по плечу. — Жаль только, что ты улыбаешься так редко.

Диана равнодушно кивнула и повернула голову к дверям в соседнюю комнату, откуда слышались звуки музыки: это музыканты настраивали инструменты. Ливрейные лакеи, бесшумно и ловко двигаясь среди гостей, разносили на серебряных подносах охлажденное шампанское. Диана взяла бокал, проникающий от стекла холод приятно освежал руку.

В бальной зале было жарко и душно. Диана предвидела это неудобство, как и многие другие. Но никто из счастливцев, получивших приглашение на бал, еще не выжил из ума, чтобы добровольно отказаться от его посещения. Лорд и леди Уэстон, весьма известные особы, слегка ушли в тень, выдвинув на передний план трех своих родственников, о которых в последнее время больше всего говорили в свете. Эта тройка как раз продвигалась через весь зал, направляясь к хозяевам торжества.

Первым шел граф Данстон, женатый на старшей дочери Уэстонов. В данный момент он был необычайно популярен в свете, так как газеты раструбили о нем последние новости: будто он тайком поступил на службу в военно-морской флот и был ранен в сражении. Ходили слухи, что сам Нельсон отдал должное мужеству и патриотизму графа Данстона. Его жена считалась одной из самых красивых женщин высшего света. Диане хотелось презирать ее, но это ей плохо удавалось, поскольку всякий раз, когда они встречались, Изабелла вела себя очень любезно и дружелюбно. Сегодня она вся буквально сияла от радости и счастья, стоя между своим замечательным мужем и младшей сестрой Оливией.

Второй чествуемой на балу персоной был муж этой самой Оливии, маркиз Шелдон. Рано овдовев, он вел замкнутый образ жизни до тех пор, пока не познакомился с Оливией, а год назад они обвенчались. Романтическая история их любви очаровала высшее лондонское общество. Наблюдая за лордом Шелдоном, не сводившего влюбленных глаз со своей миниатюрной жены, Диана не могла не признать, что эти двое тоже очень счастливы в браке.

Неподалеку от своих счастливых сестер стоял их брат — третий джентльмен, также пользовавшийся общественным вниманием. Единственный из троих мужчин он не был женат. Именно он больше всего волновал воображение Дианы. При взгляде на него ее сердце начинало биться тревожно и взволнованно, как бьется сердце молодой кобылки во время финального забега на ипподроме в Дерби.

Это был Генри Уэстон.

Высокий статный красавец, будущий виконт, он считался лучшим женихом и любимцем светского общества.

Лорд Уэстон поднял руку, призывая к молчанию. По рядам гостей пробежала волна перешептываний. Наконец все смолкло.

— Дорогие друзья, моя жена и я рады приветствовать вас в нашем доме. Благодарим за участие в нашем семейном торжестве. В последний раз мы устроили бал в честь успешного выхода нашей дочери Изабеллы в свет, а теперь мы представляем вам дочь вместе с ее мужем, графом Данстоном. Недавно они отметили вторую годовщину семейной жизни.

Вокруг слышались поздравительные возгласы и аплодисменты. Лорд Уэстон опять замер, ожидая, когда стихнет радостный шум.

— Ровно год назад в красивой церкви в нашем поместье Уэстон обвенчалась вторая наша дочь. В нашей семье появился новый член — маркиз Шелдон, которому удалось пленить сердце Оливии, опередив многих лондонских хлыщей и лишив их всяческих надежд.

Послышался всплеск возмущенных голосов, однако основная масса гостей весело рассмеялась.

— Недавно мы стали еще счастливее, — продолжал хозяин. — Молодые порадовали нас рождением двух очаровательных внучек.

Он поднял бокал высоко вверх:

— А теперь предлагаю тост: «За любовь, счастье и семью!»

— За любовь, счастье и семью! — подхватили гости. Провозглашенный тост гулким эхом прокатился по всему залу.

Ни одно слово из тоста не слетело с губ Дианы, язык не повиновался ей. Они плохо согласовывались с ее жизненным опытом, в ее понимании эти слова вообще были никак не связаны друг с другом. Диана подняла бокал и, сделав глоток, проглотила вместе с шампанским застрявший в горле комок. Она заметила, что ее мать также промолчала, не став повторять тост вслед за всеми.

В зале началось движение, целью которого было очистить центр для танцующих. Часть гостей, в большинстве своем мужчины, вовсе покинула зал. Одни устремились к карточным столам, другие, непринужденно болтая, стали расхаживать по всему дому. Когда место для танцев освободилось, лорд и леди Уэстон вышли на середину, следом за ними ступали их дочери с мужьями. Раздались громкие и отчетливые звуки музыки. Как только пары совершили несколько танцевальных па, к ним стали присоединяться другие желающие. Девушки, оставшиеся без кавалеров, как обычно стояли вдоль стен, переглядываясь с мужчинами в надежде получить приглашение на следующий танец.

Но никто не смотрел в сторону Дианы, ничей взгляд не задерживался на ее лице, впрочем, она давно к этому привыкла. Если в детстве Диана умела ловко прятаться, то теперь она не менее искусно прятала свои чувства под маской притворной любезности, сидя в окружении глуповатых мамаш и чудаковатых старух. Ее лицо сохраняло привычное выражение, наиболее подходящее для бала, когда вокруг нее блестящие светские красавицы и скромные дебютантки то и дело получали приглашения на танец.

Красотой Диана не блистала и хорошо понимала это. Ярко-рыжие волосы, карие глаза и в довершение множество веснушек шли вразрез с принятыми стандартами красоты. Ростом она была выше почти всех своих предполагаемых кавалеров для танцев, что тоже не играло ей на руку. Когда взгляд Генри Уэстона остановился на ней, пусть даже по замеченному многими знаку матери, Диана смешалась: ей, как в детстве, захотелось спрятаться. Это ее пугало. Причем очень сильно.

Диана четко понимала всю сложность положения. В отличие от многих джентльменов, он подавлял своим внешним видом и ростом, порождая в ней чувство собственной уязвимости. Ни для кого не было секретом, как много часов он проводит на боксерском ринге в клубе Джексона. Плоды этих упражнений производили должный эффект на слабый пол, и Диана не

являлась исключением. Безукоризненно скроенный фрак и панталоны в обтяжку подчеркивали его мужскую красоту и вызываемое ею впечатление. В воображении Дианы невольно возник образ вождя языческого племени, безжалостного к своим врагам, захватывающего чужие земли и богатую военную добычу.

Объяснить, почему его вид так волновал ее, она не могла. В конце концов, он ведь не собирался ее грабить. Да и ей такая мысль не приходила в голову. Она не размышляла подолгу о спортивных увлечениях Генри Уэстона, потому что это было бы неприлично. И она, конечно, никогда не думала над тем, что он надевал, или скорее не надевал, на себя, когда занимался боксом.

Возможно, ее мысли помимо воли крались по запрещенным тропинкам, пока глаза оценивали его широкие мощные плечи. Она ничего не могла поделать с собой. Этот человек притягивал к себе внимание женщин точно так же, как огонек свечи манил глупых бабочек. Он напоминал ей Аполлона, золотоволосого бога, полного силы и огня. При ярком свете множества свечей он и в самом деле выглядел как бог, но все знали, что по своей натуре Генри Уэстон стоял ближе к дьяволу.

Четко очерченные скулы, соблазнительная ямочка на подбородке и желание, таившееся в уголках красивых губ. Против его улыбки невозможно было устоять. Сердце Дианы подпрыгнуло, и ей непонятно почему стало не по себе, как вдруг, и как всегда некстати, до ее слуха донесся голос матери:

— Диана!

Резкий оклик матери прервал тайные мечты Дианы. И совершенно неожиданно для себя она увидела предмет своих грез прямо перед собой. Краска прилила к щекам Дианы. Она совсем растерялась, так как знала, что румянец плохо сочетается с рыжим цветом волос, и покраснела еще больше. Порочный круг замкнулся.

Она неловко вскочила и оступилась. Ее мать, которая встала так же грациозно, как и всегда, метнула на нее встревоженный взгляд. Диана скосила глаза на бабушку: герцогиня Лэнсдаун выглядела не слишком довольной. В этом не было ничего необычного, хотя на людях, как правило, она сохраняла невозмутимое выражение.

— Добрый вечер, ваша светлость, леди Линнет. — Генри Уэстон почтительно поклонился. — Мисс Мерриуэзер, позвольте пригласить вас на танец.

— Благодарю вас, мистер Уэстон. — Диана присела в безупречно грациозном реверансе, который, как она надеялась, должен был хоть немного скрыть ее замешательство. — С удовольствием.

Они прошли к танцующим, которые уже выстроились в длинный ряд пар, готовясь к контрдансу. Генри провел ее в самое начало, где в первой паре стояли лорд и леди Данстон. Позади них было немного свободного места, оставленного для второй пары, то есть для них. У Дианы мурашки побежали по коже от страха, что она может спутать фигуры или совершить какую-нибудь ошибку. Она не слишком любила танцевать, и, несмотря на настойчивые просьбы бабушки нанять учителя танцев, под любым предлогом отказывалась от занятий с ним.

Диана вообще не любила быть в центре внимания. С ее первого появления в свете от нее ожидали одного — что она пойдет по стопам своей матери. Однако Диана разочаровала всех. Она не спешила замуж и не собиралась, как ее мать, выходить за помешанного на лошадях и скачках джентльмена, способного лишь управлять конюшней да увозить влюбленную в него

девушку под венец. Хотя она ясно отдавала себе отчет, что с ней не убежит даже управляющий конюшней, принадлежащей ее деду, да и любой другой джентльмен тоже.

Впрочем, когда она впервые появилась в обществе, вокруг нее начали увиваться кавалеры. Несмотря на ее не слишком изящные манеры и не совсем светскую наружность, и падавшую на нее тень от скандального разрыва ее родителей, нашлись любители, которые польстились на большое приданое и на связи ее деда, герцога, в высшем обществе. Однако большинство искателей ее руки не подходило жестким требованиям ее бабки. Герцогиню не устраивали как богатые поклонники без титулов и званий, так и светские шаркуны с обходительными манерами и пустыми карманами.

Те немногие, кто все-таки сумел прорваться сквозь частокोल высоких требований бабки, не смогли завоевать благорасположения Дианы. Не будучи наивной, она не искала романтической любви. Но и жить с человеком, либо стоящим одной ногой в могиле, либо любящим выпить, либо азартным игроком, она не собиралась. По этому поводу у нее с бабушкой то и дело происходили споры и ссоры, за которыми пролетел второй сезон.

Как знать, возможно, устав, они пришли бы к какому-нибудь компромиссу в третьем сезоне, но тут ее дед и бабка заболели и по совету врачей почти весь год провели в родовом поместье деда — в Халсвелл-холле. Очутившись снова в свете, Диана, к своему удивлению, вдруг обнаружила, что поток искателей ее руки, наследства и светских связей заметно обмелел. Девушка, четвертый сезон выезжающая в свет, примелькалась и уже не вызывала к себе прежнего интереса. После трех сезонов в свете о ней сложилось мнение, что она либо слишком привередлива, либо сама не знает, что хочет, поэтому ее стали реже приглашать на балы и маскарады. Завтраки в венецианском стиле и музыкальные вечера — вот что оставалось незадачливым девушкам, которые еще не утратили шансы выйти замуж.

Однако бабка, герцогиня Лэнсдаун, не собиралась складывать оружие. С годами ее желание выдать внучку замуж лишь усилилось. Она заставляла Диану посещать все праздники, вечера и приемы в светском обществе, где только можно было подцепить достойного жениха. Когда наступили парламентские каникулы и все высшее общество разъехалось на лето по своим поместьям, измученная вконец Диана, как и раньше, осталась ни с чем.

Ей так надоела брачная охота, что она решила: с нее довольно. Это ее последний сезон, когда она так суетилась и носилась с мыслью заловить во что бы то ни стало достойного мужа. Лучше умереть старой девой и, по поверью, нянчить обезьян в аду, чем дальше так бегать в поисках второй половинки. Обезьяны в ее глазах выглядели даже предпочтительнее многих особей мужского пола, так как этих забавных зверушек можно было приручить...

К счастью, контрданс оказался не очень сложным, поэтому она время от времени поглядывала на танцевавшую рядом с ней пару — лорда и леди Данстон. По одному их счастливому виду было заметно, как они любят друг друга. Любовь, откровенная страсть почти осязаемыми волнами исходила от них. Диане в какой-то момент стало их жалко: они или слишком смелы, или очень глупы, а скорее всего и то и другое. Любовь трудно сохранить и легко потерять. Чем сильнее любишь, тем больше переживаешь расставание.

— Какой у вас мрачный вид, — прошептал Генри во время одной из фигур. — Глядя на вас, другие женщины подумают обо мне бог весть что, испугаются и не захотят со мной танцевать.

Шутка развеселила Диану и отвлекла от грустных мыслей:

— Не беспокойтесь. Любая дама в этом зале будет рада танцевать с вами.

— Вы мне льстите. Хотя мне, как джентльмену, слышать такое приятно. Впрочем, танцевать — это обязанность джентльмена.

— О да, ни вы, ни я нисколько не сомневаемся, если речь идет обо мне, что ваша матушка напомнила вам о ваших обязанностях джентльмена.

Генри Уэстон слегка растерялся, но лишь на краткий миг. Однако Диана заметила его растерянность. Надо же, она удивила его, более того, она удивилась самой себе, что ей это удалось. Вращаясь столько лет в свете, она твердо усвоила одно правило — в светском обществе нет более ценного умения, чем притворство. Лондонский свет перестал бы существовать, если бы не приятная и прекрасная ложь, выдаваемая за вежливые манеры.

— Мисс Мерриуэзер...

— Мистер Уэстон, — перебила его Диана, — я не прошу вас забавлять меня из вежливости беседой. Я всего лишь хотела сказать, что, танцуя со мной, вам не надо производить на меня впечатление. Я вам и так признательна за то, что вы меня пригласили.

До конца танца никто из них больше не проронил ни слова. Когда он вел ее назад, к тому месту, где находились ее мать и бабушка, она не без трепета думала о том, послушается ли он свою мать, пригласит ли ее на другой танец. Если же нет, то в таком случае придется расстаться с мечтами хоть сколько-нибудь повеселиться в этом сезоне.

Когда до ее спутниц оставалось совсем немного, Генри Уэстон удержал Диану на несколько секунд. На его лице застыло настолько серьезное и торжественное выражение, что у Дианы сжалось сердце, она приготовилась к самому худшему.

— Да, сейчас я танцевал с вами по просьбе моей матери. Но знайте, в следующий раз я приглашу вас на танец только потому, что мне так хочется.

Он улыбнулся, но не холодной светской улыбкой, от которой у светских красавиц подгибались колени. В этой улыбке не было ни насмешки, ни вызова. Улыбка вышла открытой и дружелюбной, которая многих в свете привела бы в недоумение.

— Итак, мисс Мерриуэзер, не согласитесь ли вы уступить мне один из ваших танцев после ужина?

Разумеется, следовало отказаться от такой просьбы, предложив ему пригласить на танец какую-нибудь другую девушку, оставшуюся без кавалера. Но это было бы слишком большой жертвой, на которую Диана оказалась не способна. Если даже впереди ее ждал очередной грустный и скучный сезон, пусть хотя бы на один вечер она станет девушкой, с которой Генри Уэстон — мало ли какая блажь нашла на него — танцевал дважды на балу.

Диана улыбнулась ему в ответ, но не дежурной равнодушной улыбкой, которая охладила бы пыл у любого кавалера, а искренне и радостно.

— С удовольствием, — призналась она.

— Тогда до встречи, мисс Мерриуэзер, — ответил он, подводя ее к бабушке, герцогине, не сводившей с них взгляда. Поклонившись, он незаметно пожал Диане руку, и в его синих глазах блеснул теплый огонек.

Польщенная его вниманием, взволнованная Диана присела в реверансе. Ноги у нее ослабели, и она поспешно присела рядом с матерью. От радостного возбуждения, охватившего ее, она плохо сознавала, что происходит вокруг. В ее сознании вертелась, кружилась одна и та же мучительно приятная мысль: он еще вернется... к ней.

Ради нее.

Она вдруг поняла, что с ней творится что-то неладное. Нет, пока до беды было еще далеко, она ведь еще не потеряла головы из-за него, но как знать, в жизни всякое случается?! Нет, нет, с ее стороны было бы величайшей глупостью увлечься таким вертопрахом, как Генри Уэстон.

Глава 4

«Я опасался, что конюшни предстанут передо мной в самом жалком и запущенном виде, но их состояние меня приятно удивило. Конечно, без ремонта не обойтись, конюшни и хозяйские постройки необходимо отремонтировать, покрасить, привести в надлежащий вид. Но сама квадратная планировка поместья просто великолепна, она целесообразна и практична. Хотя в ней нет ничего нового, зато в ней скрыты большие возможности. Стойла для лошадей просторны, полны света и воздуха, имеются и утепленные денники для жеребых кобыл и для ухода за больными лошадьми. Разглядывая поместье, я не мог сдержать довольной улыбки и, наверное, выглядел восторженным дурачком...»

Из письма Генри Уэстона к зятю, графу Данстону.

Оставив мисс Мерриуэзер в кругу ее родных, Генри Уэстон танцевал еще с двумя девушками из многочисленной группы желтофиолей или «увядающих фиалок». Считая свой долг выполненным, Генри решил чуть-чуть отдохнуть от общества перед ужином. Он не спеша вышел из главной залы и направился в свою бывшую спальню, переделанную в кабинет после того, как он вырос и стал снимать холостяцкую квартиру.

В этой дальней комнате гостям было абсолютно нечего делать. Уходя все дальше и дальше от света, музыки и шума светского вечера, Генри словно погружался в тишину, полумрак и даже темноту той части особняка, куда не проникал праздник.

Генри любил возвращаться в обществе, гулять в компании с друзьями, не сторонился разных увеселений, которых в столице было предостаточно. Хотя в последнее время многое из того, что радовало раньше, наскучило ему, он все чаще и чаще задумывался о том, что делать дальше. Иногда ему казалось, будто его жизнь состоит из множества глав, точно так же, как романы, которые Оливия, его сестра, проглатывала с невероятной жадностью. Конечно, в его жизни появится еще немало новых глав, но основную сюжетную линию, к сожалению, окутывал густой туман. Пока Генри выжидал, полагая, что со временем новые главы будут написаны в любом случае, а также отчасти потому, что его вполне устраивала та жизнь, которую он вел. А жил он в свое удовольствие, ни в чем себе не отказывая. Да, порой он попадал в переделки, но такая предсказуемая жизнь нравилась ему больше, чем полное неопределенности будущее, которое могло оказаться хуже его теперешнего положения.

Впрочем, пора было на что-то решаться. Однако делать хорошую мину при плохой игре становилось все труднее и труднее. Он всегда считал себя уравновешенным человеком. Даже боксом, которым он увлекся несколько лет назад, он занимался чисто из спортивного интереса и удовольствия. Но в последнее время характер у него стал портиться, теперь он выходил на ринг, чтобы снять напряжение и беспокойство, не дававшие ему покоя.

Ему припомнилось ошеломленное выражение лица мисс Мерриуэзер. Обычно сдержанная и невозмутимая, сегодня во время танца она утратила самообладание. Ее внутреннее смятение невозможно было не заметить. О, как это ему знакомо, как часто в последние два года его одолевали точно такие же чувства — одиночество, беспокойство, недовольство собой, душевная опустошенность.

Все эти переживания очень живо отпечатались в чертах ее удивительно подвижного и выразительного лица. Волнение Дианы вызвало глубокий отклик в его душе. В какой-то миг Генри ясно осознал, что у них родственные души, что эта женщина способна понять его. Однако это соображение, по существу успокоительное и утешительное, тревожило его. Тревожило и вместе с тем интриговало.

Диана быстро взяла себя в руки, спрятав за холодной и вежливой любезностью, как за фасадом, свои подлинные чувства. Генри подозревал, что мисс Мерриуэзер относится к тем женщинам, которые способны чувствовать глубоко. Сильно. Страстно. Вдруг ему в голову пришла одна мысль, очень удивившая его. «А что будет, если ее страстность перейдет в...»

Нет, с ним явно происходило что-то неладное. Мисс Мерриуэзер была для него... Нет, нет, хватит думать о ней, ведь это же глупо в конце концов! Он выругал себя и тут как раз подошел к знакомым дверям. Войдя в свою бывшую комнату, он обнаружил, что не только он один искал тишины и уединения. Ну что ж, по крайней мере он не окажется наедине со своими странными мыслями.

— Вы не находите, сэр, что неприлично оставлять своих гостей?

Отец улыбнулся:

— Тебя отправили искать меня, или ты тоже сбежал от выполнения своих обязанностей?

Генри уселся за красивый стол из красного дерева напротив отца.

— Нет, меня не отправляли на поиски.

— Как приятно это слышать! Значит, у меня еще есть несколько минут для отдыха. Мне просто было необходимо уединиться, вот почему я сбежал оттуда. Еще бы чуть-чуть, и я, наверное, пристукнул кого-нибудь из гостей. Вот это точно выглядело бы совершенно неприлично. Не правда ли?

— Вне всякого сомнения, — ухмыльнулся Генри. — Впрочем, нет худа без добра. После этого вряд ли кто-нибудь когда-нибудь осмелился бы принять твое приглашение.

— Ладно, теперь, когда я избавился от своих кровожадных устремлений, давай поговорим на другую, более радостную тему. Я имею в виду твое предложение насчет конезавода.

Генри невольно напрягся. Вскоре после памятной беседы с Джеймсом он отправился в Рейвенсфилд-Холл, расположенный возле Грейт-Букема в Суррее. От Лондона его отделяло всего двадцать миль, что позволяло без труда наведываться в город, чтобы вести дела и там. Более того, рядом с Рейвенсфилд-Холлом находилась столица всех скачек в Англии — Эпсом, что должно было обеспечить постоянный приток клиентов. Каждый июнь все, кто интересовался лошадьми и скачками, ехали в Эпсом, чтобы посмотреть или поучаствовать в скачках трехлетних скаковых лошадей.

Правда, если оставить в стороне удобное местоположение, то главное здание поместья представляло собой грустное зрелище. Построенное из кирпича темно-желтого цвета, оно выглядело совершенно заброшенным и необитаемым и производило гнетущее впечатление. Местами вдоль щелей и трещин в каменных стенах вились побеги плюща, а там, где раньше были разбиты цветочные клумбы, теперь виднелись заросли колючего шиповника и сорняков. Если в поместье остался управляющий, то он, очевидно, даром ел свой хлеб.

Каких бы усилий ни требовал ремонт запущенного поместья, в душе Генри созрело решение. В его ушах раздавался топот копыт и ржание лошадей, перед мысленным взором возникали приятные видения — новые отремонтированные конюшни и суетящиеся на дворе и в стойлах конюхи. Твердо убежденный в реальности своего делового начинания, он вернулся в Лондон и, подробно изложив все свои соображения на бумаге, отдал их отцу.

Как наследник титула виконта Генри не имел права без разрешения отца распоряжаться доходами от принадлежащих ему по праву наследования земель и владений. Каждые три месяца он получал значительную сумму на свои нужды. Играя, и довольно удачно, на бирже, Генри сумел обеспечить себе завидное положение. Однако собственный конезавод, будучи крупным деловым предприятием, требовал серьезных денежных вложений, значительно превышавших те, которые находились в его распоряжении.

— Твое предложение, Хэл, заинтересовало меня, — медленно произнес отец. — Более того, я и твоя мать порадовались, что ты, наконец, решил заняться чем-то серьезным. Но не слишком ли ты торопишься? Сначала для того, чтобы убедиться, что это дело тебе по душе, тебе стоило бы поближе познакомиться с тем, как его вести. Возьми на себя управление нашим родовым поместьем, а через год или два мы вернемся к твоей идее.

У Генри похолодело внутри: он понял, что Рейвенсфилд уплывает от него, ускользает прямо из рук.

— Отец, пожалуйста, — горячо взмолился он, — я отдаю себе полный и ясный отчет в задуманном. Да, я прошу значительную сумму денег, но обещаю все вернуть, причем с лихвой, в течение ближайших лет.

— Хэл, — перебил его отец, но Генри уже нельзя было остановить.

— Помнится, когда я был подростком, ты как-то раз сказал мне, что я могу заниматься тем, что мне нравится. Уверен, задуманное мной начинание окажется успешным и принесет прибыль.

— Я верю тебе, — вздохнул отец. — Но позволь напомнить: вскоре после того разговора ты решил стать художником, вообразив, что впереди у тебя блестящее будущее. Я нанял мистера Эдвардса — известного лондонского живописца, чтобы он занимался с тобой. Однако не прошло и двух недель, как твое желание вдруг пропало, и нам пришлось расстаться с мистером Эдвардсом. Бедняга даже не успел приступить к выполнению моего заказа — расписать стены и потолок в библиотеке.

— Бездарный болван, — презрительно фыркнул Генри. — Не живописец, а маляр.

— Да?! А ведь он член Королевской академии.

— Одно не исключает другого. Он заставлял меня целыми днями рисовать портьеры. Одни портьеры! Мне даже не довелось держать в руке кисть, не говоря уже о палитре с красками.

— Упражнения — это основной элемент обучения. Неужели ты в самом деле полагал, что

достаточно взять в руки кисть, чтобы сразу нарисовать картину. Просто ты не хотел учиться рисованию.

— Да, сознаюсь, что впустую тратил время. Но ведь я быстрее, чем он, увидел и понял, что у меня нет никаких способностей к рисованию. Когда я показал тебе и маме мои рисунки, она вздохнула и сказала что-то насчет того, что утки вышли довольно симпатично. — Генри дернул плечом. — Хотя это были совсем не утки.

— Хэл, — отец слегка улыбнулся, — давай не будем об этом. Ведь ты, в конце концов, не живописец. А что ты скажешь о своих занятиях музыкой? Тебе вдруг захотелось научиться играть на скрипке. Я убедил господина Крамера, что преподавание прославит его не меньше, чем само исполнение музыки. На этот раз обучение продолжалось чуть дольше — целый месяц.

— Отец, но ведь я подавал надежды, во всяком случае, прекрасно отличал одну ноту от другой. Я так старался. А господин Крамер вдруг взял и бросил обучать меня.

— После того, как ты и Джеймс вздумали фехтовать смычками. В итоге вы сломали оба смычка, в том числе и смычок самого Крамера.

— Я по-прежнему утверждаю, что во всем виноват Джеймс. Это он подбил меня на это глупое занятие.

Старый лорд коснулся рукой лба и грустно покачал головой.

— А как насчет тех писем, которые мне писал директор в Итоне, куда тебя перевели из Оксфорда? Во время учебы ты пользовался любой возможностью, чтобы пошалить или напроказить. В этом ты проявил большие способности.

— Так ведь факультативные занятия как раз придуманы для того, чтобы развивать в учащихся творческие способности.

Лорд Уэстон испустил глубокий вздох:

— В отличие от тебя у меня несколько другая точка зрения. Если у тебя что-то не получается, ты всегда готов увильнуть от дела и под тем или иным предлогом перестать им заниматься. Вот поэтому у меня нет особого желания давать тебе такую большую сумму денег. А вдруг возникнут трудности, препятствия? Что тогда? Не бросишь ли ты свою затею, не вернешься ли назад в Лондон для того, чтобы опять развивать, гм, свои творческие способности?

— Отец, я твердо намерен добиться успеха.

— Точно так же ты горел желанием стать живописцем, музыкантом, а потом мечтал отличиться то в одном, то в другом. Я представляю, как грандиозно и прекрасно выглядит эта затея в твоём воображении, но её осуществление потребует немало времени и усилий. У меня нет сомнений в том, что это дело тебе под силу. Но надолго ли тебя хватит? Что будет дальше, как только пройдет твой первоначальный порыв?

Генри стиснул подлокотники кресла, стараясь говорить как можно спокойнее:

— Я осуществлю задуманное и доведу это дело до конца. Ни за что не отступлюсь. Я трезво оцениваю ситуацию и ясно вижу, как много работы мне предстоит. Я так надеялся, что мое начинание покажет тебе, как сильно я переменялся, но ты, отец, похоже, не веришь в меня.

Старый лорд встал и, подойдя к сыну, положил руку ему на плечо.

— Я верю в тебя, Хэл. Ты прекрасный молодой человек, любой отец был бы счастлив иметь такого сына, как ты. Но моя любовь не мешает мне видеть твои недостатки. Скажу честно, твое предложение очень дельное и весьма разумное, ведь в лошадях ты разбираешься, как никто другой.

На сердце у Генри сразу стало теплее и легче, но радоваться пока еще было рано. Он осторожно спросил:

— Не хочешь ли ты таким окольным путем дать понять, что не собираешься держать кошелек закрытым?

— Ты угадал, не собираюсь. Я даже переговорил с лордом Парром, причем представил твое предложение скорее как свое собственное.

— Ты говорил с Парром? Когда? Он намерен продать мне свое поместье? — Вскочив с кресла, Генри выпалил эти вопросы на одном дыхании.

— Да, говорил. Накануне музыкального вечера у Стэндишей. Во всяком случае, он не против, — ответил поочередно на каждый вопрос старый лорд.

— Ну что ж, Парр теперь может как следует обдумать это предложение. Надеюсь, отец, ты предложил справедливую цену.

Лорд начал играть цепочкой от часов.

— Думаю, что Парра в первую очередь интересуют не деньги, а ты сам.

— Я? В каком смысле?

— Как тебе известно, Парр очень любит Рейвенсфилд, в основном из-за сына. Он понимает, что нет никакого смысла так долго держать поместье заброшенным, но ему нравится сама мысль, что таким образом он хранит память о сыне. Полагаю, он так часто видел твое имя в лондонских газетенках, что опасается, как бы Рейвенсфилд не стал для тебя... Постой, как же он выразился? Сейчас припомню. Примерно так, «местом для безнравственных шумных попоек, где молодые люди будут распутничать с падшими женщинами и предаваться всевозможным порокам». Это его слова, не мои.

Генри едва не задохнулся от возмущения.

— Я... Он...

Он заметался из одного угла кабинета в другой, потом наконец остановился и повернулся к отцу:

— Неужели Парр столь низкого мнения обо мне? Неужели он на самом деле считает, что я превращу его поместье в бордель?

Не в силах сдержаться, старый лорд рассмеялся:

— Бордель, говоришь? Скорее всего нет. Думаю, пристанище порока.

— Мне очень приятно, что ты находишь это смешным, — сухо заметил Генри.

Лицо у отца сразу стало серьезным.

— Прошу прощения. Мне не стоило смеяться над тем, что кажется тебе столь важным. Понимаешь, Парр хочет продать поместье уважаемому джентльмену, который будет достойно управлять им и не допустит никаких безобразий. Я еле-еле уговорил его подождать и дать тебе возможность к концу сезона доказать на деле, что твоя порядочность соответствует высоким требованиям лорда Парра. Что касается твоего начинания, — продолжил старый лорд, — то ты должен в течение ближайших месяцев найти потенциальных инвесторов. У тебя хорошая репутация, ты пользуешься в обществе и уважением и любовью. Если тебе удастся собрать половину требуемой суммы для конезавода и начальное стадо для разведения скаковых лошадей, в таком случае я внесу вторую половину суммы и покрою последующие издержки и расходы.

Генри послушно закивал головой:

— Ясно. Если инвесторы убедят тебя в моей серьезности и ответственности, то, думаю, у меня не возникнет больших затруднений. Отец, Рейвенсфилд — отличное место. Как только ты увидишь его собственными глазами, сразу это поймешь.

— Я верю тебе. Однако мнение Парра о тебе вряд ли изменится, если я просто дам тебе денег. Но если ты будешь вести себя уважаемо или, по крайней мере, благоразумно и тактично, сумеешь заручиться поддержкой влиятельных лиц, то его опасения рассеются. Более того, я полагаю, почтенный лорд почувствует себя неловко оттого, что позволил себе усомниться в твоей добродетели.

— Я не подведу тебя, отец, и оправдаю твои ожидания.

— Хэл, ты всегда оправдывал мои ожидания. Да, порой ты заставлял нас с матерью нервничать, из-за чего мы с ней иногда плохо спали по ночам, но я всегда гордился тем, что у меня есть такой замечательный сын, как ты.

Генри был настолько тронут, что у него от волнения перехватило горло. Он хотел поблагодарить отца за столь высокое мнение о нем, но не в силах был вымолвить и слова. Тогда он подошел к отцу и, ничего не говоря, обнял его.

— Довольно, отпусти меня. Иначе ты переломаешь мне все кости. Пора возвращаться к гостям, мой мальчик. Думаю, твоя мать уже хватилась нас обоих и бросилась на наши поиски.

Старый лорд задумчиво окинул фигуру сына с головы до пят и удивленно покачал головой:

— Знаешь, иногда я спрашиваю себя, откуда ты появился.

— Мама не раз говорила мне, что я вылитый отец, так что тебе не стоит ломать голову над этим вопросом. — Генри улыбнулся.

После разговора с отцом у Генри на сердце стало намного легче. Как бы ни повернулись его дела с конезаводом, подсознательно он чувствовал, что отец и мать, вся его семья всегда придут ему на помощь. Что ни говори, ему крупно повезло в жизни.

Мать поджидала их у входа в гостиную, вид у нее был озабоченно-сердитый.

— Вы знаете, который сейчас час? — напустилась она на них обоих. — Ужин должен был начаться пять минут назад. Я разделила гостей на две группы. Ливви и Шелдон сядут с первой, а Иззи и Джеймс со второй. А вы оба, мои голубчики... — она грозно потрясла пальцем сперва перед Генри, а потом перед мужем, — сядете вместе с первой группой. В перерывах между блюдами, я надеюсь, вы будете ходить между гостями, поддерживать беседу, а не прятаться ото всех на другом конце дома. Только не притворяйтесь удивленными. Оливер, мы с тобой женаты тридцать лет, и я вижу тебя насквозь. А сейчас, дорогой, ступай в зал и займись гостями. Через минуту к тебе присоединится Хэл, мне надо только кое-что спросить у него.

— Хорошо, дорогая. — Отец подмигнул сыну. — Крепко запомни эти слова. Они залог долгого и счастливого брака.

Поцеловав жену в щеку, он направился в гостиную выполнять ее указание.

— Невозможный человек, — вздохнула мать, проводив мужа нежным и любящим взглядом. Повернувшись к сыну, она воскликнула: — Что же касается тебя, ты меня очень удивил.

Генри озадаченно пригладил волосы.

— Но ведь я без твоей подсказки пригласил мисс Мерриуэзер на еще один танец.

— Попробовал бы ты этого не сделать. — Глаза матери сердито сверкнули. — Кстати, меня уже попросили помочь тебе в твоём новом предприятии.

— Да? — удивился Генри. Паруса его мечты, совсем недавно бессильно повисшие, теперь наполнял ветер.

— Будущее детей не может не волновать мать. Чем бы они ни занимались, она всегда сделает все возможное, чтобы они были счастливы. Мы же с отцом видим, что твоя жизнь складывается не совсем удачно. Мы и раньше думали, как тебе помочь, но не знали как. Наконец-то ты взялся за ум и решил, чем будешь заниматься.

— Моя жизнь еще в подвешенном состоянии, но сейчас я чувствую себя, как никогда, твердо стоящим на земле. — Генри ласково обнял мать. — Мне очень жаль, мама, что я стал причиной твоих переживаний. Тебе следовало бы поговорить об этом со мной.

Она рассмеялась:

— Хэл, ты же мой сын. Перед тобой в жизни стоит только одна цель, и пока ты ее не достиг, я не могу не волноваться.

— Все равно я прошу у тебя прощения.

— Хорошо. В таком случае ты можешь получить его, если и дальше будешь следовать моим указаниям, — шуточно проговорила она, поправляя ему галстук. — Мне было очень приятно видеть тебя сегодня танцующим с мисс Мерриуэзер. Как ты заметил ранее, если бы она пользовалась в свете еще меньшим успехом и будь она еще менее красивой, мне не надо было бы напоминать тебе о твоём долге джентльмена потанцевать с такой девушкой.

— Любопытно, — пробормотал Генри, — как часто в нашей беседе упоминается имя мисс Мерриуэзер.

— Скажу тебе честно, мне нравится эта девушка. — Материнское заявление прозвучало

довольно резко. — Вы удивительно прекрасная пара. Вы оба высокого роста, и тебе не надо сутулиться, танцуя с ней. Ты же знаешь, как мне не нравится плохая осанка. Кроме того, у нее такие чудесные волосы...

— Чудесные? — По губам Генри промелькнула ироническая улыбка. — Да ведь она рыжая.

Мать тяжело вздохнула:

— Нет ничего удивительного в том, что ты не стал живописцем. Ты совсем не способен чувствовать настоящую красоту.

Генри нахмурился:

— А мне казалось, тебе нравятся мои рисунки с утками?

— С чем, с чем?

— С утками. Неужели ты забыла? Когда я показал тебе и отцу мои рисунки для драпировки, ты заметила, как хороши мои утки.

Леди Уэстон в недоумении уставилась на сына, совершенно не понимая, о чем он говорит, а потом звонко рассмеялась.

— Я сказала, как хорошо, что у нас такой симпатичный сын. Ни одна мать не станет говорить дурно о своем ребенке. В твоих рисунках невозможно было ничего понять или что-нибудь узнать. Полагаю, что несколько занятий живописью с тобой стоили бедному мистеру Эдвардсу несколько лет жизни. Ты был для него сущим наказанием.

— Я старался, как мог, — ухмыльнулся Генри.

— Да, я видела, как ты старался, — лукаво улыбнулась мать. — Нет, я не хочу сказать, что ты не любишь трудиться. Нашей семье очень повезло: хотя ни я, ни твой отец никогда сознательно не баловали вас, наших детей, но вам никогда не приходилось бороться за желаемое. Думаю, ты сомневаешься в себе. Помнишь, что Лючио говорит Изабелле в «Мере за меру».

Генри удивленно посмотрел на мать.

— Он сказал: «Наши сомнения — это предатели, из-за которых мы не делаем то хорошее, на что способны, так как боимся совершить попытку». Ты опасаясь неудачи, Хэл, и считаешь, если не пытаться, то и неудач не будет. Но ведь если не пытаться, то так ты никогда не сможешь добиться успеха в жизни. Пока ты стараешься чего-то достичь, пока ты стремишься к чему-то, я верю, ты добьешься большого успеха. Надеюсь, ты хорошенько все уяснил. Хотя ты попортил мне немало крови и нервов, я все равно люблю тебя.

— Я тебя тоже, мама.

Почувствовав, что разговор приобрел слишком серьезный оборот, Генри решил шуткой немного разрядить атмосферу:

— Разве ты забыла о моих склонностях и даже способностях к некоторым занятиям. Есть у меня одно увлечение, где мне нет никакого удержу. Кое-кто может назвать мою склонность ужасной, даже ненасытной...

— Довольно, я не потерплю непристойностей в моем доме.

— Мама, — Генри деланно изумился, — я имел в виду только мой аппетит и пристрастие к еде.

Прищурившись, миссис Уэстон внимательно посмотрела на сына:

— Знаешь, что я тебе посоветую. Когда надумаешь жениться, то не тяни со свадьбой. Для того чтобы твоя будущая невеста не поняла, каким скучным и утомительным ты можешь быть.

Ладно, ступай в зал и принимайся за еду.

Повернувшись спиной и уже уходя, Генри услышал, как мать со вздохом пробормотала в его адрес, что он весь в отца, и шутки у него такие же плоские и топорные. Генри закусил губу, чтобы не рассмеяться, он был очень доволен, что она не видела его улыбающееся лицо.

Перемены в жизни необходимы, но как приятно сознавать, что кое-что в ней остается устойчивым и неизменным.

Любовь его родителей.

Смешные утки на его детских рисунках.

Что ни говори, он счастливый человек.

Глава 5

«На этом званом вечере случилось одно событие, которое иначе как чудом и не назовешь. Мисс Мерриуэзер дважды танцевала с мистером Уэстоном, который, о чем ты, наверное, прочитала в колонке светской хроники, слывет образцом элегантности. Представляешь, он ни разу не танцевал с мисс Хилл, самой завидной партией двух последних сезонов. Ах, моя дорогая Люси, все это кажется столь чудесным и невероятным — я поэтому не спешу писать о себе и моих делах, — это какое-то наваждение, я никак не могу от него очнуться...»

Из письма Элизабет Фотергилл сестре Люсинде Фотергилл.

— Мне кажется, что это не совсем благоразумное решение, — смутилась Диана, когда Генри пригласил ее во второй раз на танец. — Вам не следует приглашать меня во второй раз, когда на балу еще столько дам, с которыми вы не танцевали совсем. Это неприлично.

Генри рассмеялся. У его смеха оказался настолько теплый, бархатистый тембр, что у Дианы мурашки побежали по коже.

— Понемногу я начинаю понимать, чем вы так пленили мою мать, мисс Мерриуэзер. Ваше участие в окружающих не вызывает ничего, кроме восхищения. Однако я очень сомневаюсь, что кто-то из них ждет достойного поведения от меня.

— Пусть ваше поведение предосудительно, все равно вам все простят. Предпочитая меня другим, вы тем самым накличете на меня неприятности: три четверти дам на этом вечере станут неприязненно относиться ко мне. И никому из них нет никакого дела до того, что я нисколько вас не интересую.

Нахмурившись, Генри повел ее к трем другим парам, готовящимся к котильону.

— Вам не трудно объяснить, что вы имеете в виду.

«Как будто не знаете».

— Вы смеетесь надо мной, — подчеркнуто медленно проговорил он, и вдруг до Дианы дошло — последние слова она произнесла вслух.

С минуту она молча смотрела на него, пытаясь понять: притворяется он или говорит серьезно.

Диана усмехнулась:

— Я не собираюсь, мистер Уэстон, отказывать себе в удовольствии слушать вашу лесть дальше.

Он опешил от ее слов и хотел было что-то сказать, но она опередила его:

— Могу сказать вам, о чем сейчас думают все присутствующие здесь дамы, видя нас вместе, — очень тихо проговорила Диана, чтобы никто не мог подслушать. — Ваши сестры и наши матери озадачены. Моя бабушка и мисс Фотергилл скорее всего рады. Миссис Эллисон или леди Килпатрик это совершенно безразлично, первую интересуется только ее муж, а вторая вообще не интересуется мужчинами. Зато все остальные дамы, независимо от возраста и семейного положения, раздражены и возмущены, видя меня рядом с вами, так как любой из них очень хотелось бы оказаться на моем месте. А раз им не повезло, в таком случае они предпочли бы, чтобы их обошла какая-нибудь блестящая красавица вроде мисс Хилл.

Шок от ее краткого монолога был посильнее, чем от утверждения, что солнце встает на западе. Раньше мисс Мерриуэзер никогда не говорила так много, тем более так откровенно.

Но тут раздались первые осторожные звуки музыки, которая завладела общим вниманием. Как только они начали делать первую фигуру, Генри наклонил голову к ее уху и прошептал:

— Не могу поверить, что мое общество так высоко ценится дамами, вместе с тем это льстит моему тщеславию. Но в одном я должен вас поправить. Я более чем уверен, что моя мать сейчас с удовольствием взирает на нас.

— Ваша матушка очень добра, — заметила Диана.

— Иногда она позволяет себе быть такой, — пробормотал он под нос.

Во всяком случае, что-то вроде этого послышалось Диане, так как в этот момент они разошлись, и она взялась за руки с другими танцующими дамами, чтобы образовать круг. Впрочем, ее радовала не столько беседа, сколько сама возможность потанцевать. На какой-то миг она забылась в танце, ее стройные ножки скользили и порхали над полом в такт музыки, наполнявшей ее сердце неизъяснимой радостью.

— Для особы, вызывающей столь жгучую зависть и неприязнь у всех остальных в зале, вы выглядите что-то слишком счастливой, — заметил Генри, когда опять взял ее за руку. — А теперь ответьте мне, кто такая мисс Фитербилл, и почему она в отличие от всех рада за вас?

Диана ничуть не удивилась тому, что он не знал Элизу. Хотя ее подруга уже выезжала в свет третий сезон подряд, она не относилась к тем девушкам, которые привлекают внимание. Вместе с тем Элиза не принадлежала к числу тех, которых приглашали танцевать только благодаря протекции доброй леди Уэстон. Во время очередного поворота Диана кивком головы указала в сторону самой дальней стены:

— Видите рядом с моей матерью шатенку в розовом платье? Это и есть мисс Фотергилл.

— Да, да, простите. Конечно, мисс Фотергилл. Так почему она рада за вас, когда все другие настроены против?

— Мы с ней подружились за последние годы. Нас очень редко приглашают танцевать, поэтому скуку на балах и званых вечерах мы обе скрашиваем беседой.

Тут в голове Дианы мелькнула мысль, что беседами их общение можно назвать с известной натяжкой, так как большую часть времени Элиза болтала, а Диана слушала. Дело в том, что она не любила делиться своими переживаниями и секретами, а слушать восторженные, полные наивного оптимизма излияния подруги было очень приятно. Впрочем, в последний год все разговоры Элизы сводились к одной и той же теме, что было уже не столь очаровательно и даже утомительно. Но поскольку предметом этих бесед был не Генри Уэстон, Диана не сомневалась, что Элиза несколько ей не завидует и лишь радуется за нее.

— Я чувствую, вы что-то не договариваете, — хитро прищурился Генри Уэстон. — Что-то скрывается за вашей улыбкой. Неужели ваша подруга тоже недолюбливает мужчин?

— Что вы? Конечно, нет. Она только и делает, что говорит о нем, то есть о них. О мужчинах. Только о них.

Глаза Генри заискрились от любопытства. Диана тихо вздохнула, поняв, что он непременно воспользуется ее обмолвкой. Генри посмотрел на Элизу, которая почти не отводила глаз от танцующих, вернее, от одного из них. Ему понадобилось совсем немного времени, чтобы проследить за ее взглядом и определить того кавалера, к которому она была неравнодушна.

Наконец он перевел удивленный взор на Диану.

— Неужели Гейбриел?

Диана слегка пожала плечом. Половина дам в Лондоне сходилась с ума, кто явно, кто тайно, по очень и очень симпатичному мистеру Габриелю. Будучи племянником лорда Блатерсби и его единственным наследником, молодой человек со временем должен был стать обладателем очень недурного наследства.

— Прощу вас, — взмолилась Диана, — поймите, тут надо быть очень деликатным...

— Можете на меня положиться. — Генри хитро подмигнул, что лишь усилило тревогу Дианы.

— Она даже не верит, как мне кажется, что сможет привлечь его внимание, — призналась Диана, кружась вокруг партнера. — Мы полагаем, что...

— Мы? Вы вдвоем образовали союз?

— О, нас намного больше. Вы когда-нибудь слышали об «Отряде кривляк и ломак»?

Явное недоумение отпечаталось на лице Генри.

— Возможно, вы слышали об этом отряде под другим названием, а именно «Ополчение старых дев».

Генри рассмеялся, но не слишком весело, затем внимательно оглядел всех дам, сидевших вдоль стен залы.

— Вы шутите?

Диана представила, как он, восприняв ее слова всерьез и испугавшись ее откровенности, судорожно подсчитывает свои шансы на выживание.

— Шутить по поводу «Ополчения старых дев»? Как такое могло прийти вам в голову? Не пугайтесь, мистер Уэстон. Мы, желтофиоли, не тайная организация. Кроме того, как бы ни было много на вашем счету брошенных женщин, я полагаю, в наших рядах таких найдется немного. Я надеюсь, мистер Гейбриел исполнит свой долг джентльмена, как исполнили его вы, и протанцует один танец с Элизой.

Генри издал странный, неподобающий звук, очень походивший на фырканье. Но разве Генри Уэстон мог выкинуть такое?

— Он пригласит ее, если она проявит хоть каплю сообразительности. Гейбриел очень приятный молодой человек, но к несчастью, — тут Генри поморщился, — он целиком и полностью разделяет дядино увлечение.

А, так вот в чем было дело! Все в свете были наслышаны о всепоглощающем страстном увлечении лорда Блатерсби овцами. Основное стадо его шерстистых подопечных паслось на пастбищах его огромного поместья. Однако и в Лондоне в саду при доме он тоже держал небольшое количество любимых животных. Он пересчитывал их перед тем, как лечь спать, и носил одежду, сотканную из их шерсти, Диана подозревала, что блюда из вкусного мяса этих животных часто украшали его стол. Лорд Блатерсби сам подогревал подобные слухи о себе, так как, беседуя с кем бы то ни было, непременно переводил разговор на овечью тему.

— Ну что ж, — бодро проговорила Диана, — надеюсь, мисс Фотергилл сумеет найти общий язык с Габриелем, поскольку ее родственники имеют отношение к мануфактуре.

Генри уклончиво хмыкнул, но тут танец опять развел их в разные стороны. Диана растерялась, не зная, как расценить его неопределенную реакцию. Неужели у него пропал интерес к ее просьбе? Когда они опять сблизились во время последней фигуры, вид у него был мрачно-задумчивый, и концовка кадрили прошла в обоюдном молчании.

Взяв партнершу под руку, Генри повел Диану к ее матери. Оба прекрасно знали, что никто больше не пригласит ее танцевать. Уже на полпути к намеченной цели он вдруг остановился, пробурчав что-то нечленораздельное и устремив свой взгляд куда-то в бок. Через мгновение, повернув в сторону, он пошел туда вместе с Дианой.

Леди Уэстон беседовала с леди Хейвенхерст и миссис Кэмпбелл. Увидев подходившего сына, она с улыбкой обернулась к нему:

— Генри.

Он слегка поцеловал мать, и тут же в ее глазах блеснула гордость за него.

— Мисс Мерриуэзер, как я рада вас видеть.

Диана сделала короткий реверанс.

— Прошу нас извинить, Мэри, — вдруг зашепила леди Хейвенхерст. — Мне и Августе надо еще поговорить кое с кем из джентльменов, ведь скоро состоится еще один прекрасный бал. Впрочем, все балы чудесны, так что прими мои поздравления.

— Вы, должно быть, очень горды. — Миссис Кэмпбелл в совершенстве владела искусством светской беседы — говорить в доверительной манере, но так, чтобы ее могли слышать чуть ли не в другом конце залы. — Два очень состоятельных, знатных зятя — и как все быстро! Не прошло и одного сезона, как Оливия вышла замуж.

— Вот что значит везение, — хихикнула леди Хейвенхерст, прикрывая веером свой длинный язык. — Моей Энни понадобилось целых три сезона, чтобы найти мужа. Целых три! Мой дорогой Хейвенхерст и я уже почти потеряли надежду выдать ее замуж.

— Салли! — Миссис Кэмпбелл ткнула подругу локтем в бок и слегка наклонила голову в сторону Дианы.

— О, прошу меня извинить, мисс Мерриуэзер. Случайно сорвалось с языка, но я не хотела вас обидеть. В конце концов, не все женщины созданы для брака. Как приятно, наверное, вашей матушке, видеть вас всегда рядом с собой, м-м... — Леди Хейвенхерст запнулась и замолчала, веер в ее руке тоже замер.

— Леди Хейвенхерст, мне кажется, вас ищет ваш муж, — ледяным тоном, от которого у Дианы мороз пробежал по коже, заявил Генри Уэстон.

— Да, да, — покорно согласилась заядлая сплетница, — вероятно, ему надо кое-что сказать мне. Всего доброго, леди Уэстон, мистер Уэстон, мисс Мерриуэзер.

Если в их беседе и возникли неловкие моменты, то теперь уходившие дамы старательно пытались их загладить ухитившимися кивками и реверансами.

— Скатертью дорога, — буркнул сквозь зубы Генри.

Леди Уэстон предостерегающе шикнула на него, а затем не без любопытства спросила:

— Интересно, что заставило моего сына составить компанию его матери?

— Мисс Мерриуэзер и я хотим обратиться к вам с просьбой от лица другого человека. Мисс Фотергилл хочется потанцевать с мистером Габриелем. Не могли бы вы намекнуть этой мисс, что некий джентльмен готов, или скоро будет готов пригласить ее на танец?

— С большим удовольствием.

— Благодарю. — Генри поцеловал мать в щеку. — В таком случае мы с мисс Мерриуэзер сейчас ошеломят мистера Габриеля столь приятным известием. Он даже не догадывается, какая удача выпала на его долю. — Генри шутливо подмигнул Диане.

— Как вы собираетесь заставить мистера Габриеля пригласить мисс Фотергилл на танец? — не без удивления в голосе спросила Диана, пока они направлялись к этому достойному джентльмену, который, стоя за столом с закусками, как раз беседовал со своим дядей.

Генри склонил к ней голову, и на его лице отпечатались шутливо-комичное выражение, глядя на которое было ясно, что он не воспринимает ее вопрос серьезно.

— Да очень просто. Скажу ему, чтобы шел танцевать с ней. Вот и все.

У него был столь самоуверенный вид, что не возникало и тени сомнения в том, что кто-то сможет отказать ему в просьбе. Диана поняла — с его точки зрения, дело настолько

пустяковое, что не стоит даже выеденного яйца.

— Да, да, ясно. Очень просто. — Она робко улыбнулась, хотя одновременно у нее неприятно засосало под ложечкой.

На миг она вообразила себя Аладдином из сказок «Тысяча и одна ночь», вызвавшим себе на помощь могущественного джинна, готового исполнить любое желание. Только в отличие от Аладдина у нее не было никаких иллюзий насчет того, что она сможет управлять джинном по имени Генри Уэстон.

— Очень просто.

Он ухмыльнулся, и от его ухмылки неприятное ощущение под ложечкой вдруг стало другим. Диану бросило в жар, и она поняла — надо бежать. Она попыталась было отодвинуться, но в тот же миг он удержал ее возле себя, зажав ее руку в изгибе локтя.

— Нет, нет, — прошептал он. — Только не вздумайте оставлять меня одного с Блатерсби.

— Я и не думала, — попыталась оправдаться Диана, но он тихо шикнул, призывая к молчанию, так как они уже приблизились к намеченной жертве. Они подошли к столу с закусками, притворяясь, что хотят перекусить. Но как оказалось, Генри не было никакой необходимости притворяться. Еще не подойдя вплотную, он стащил перчатку и взял с подноса имбирный кекс. Откусив кусочек, он закрыл глаза от блаженства.

— Не хотите ли попробовать? — спросил он, протягивая руку за другим кексом.

— Для этого мне придется снять перчатки, а это и трудно, и хлопотно. Вам мужчинам невдомек, как это непросто носить длинные перчатки, — вздохнула Диана.

— Да, мне никогда не доводилось их надевать, — по губам Генри Уэстона скользнула озорная улыбка, — зато я умею довольно ловко их снимать.

Глаза Дианы расширились от ужаса, как только до нее дошел смысл сказанного. Он рассмеялся своим низким бархатистым смехом, под действием которого ее охватывала нервная дрожь, пробиравшая ее едва ли не до костей.

— Неужели я вас шокировал, мисс Мерриуэзер?

— Мне...

Вдруг он откусил половину кекса, а другую половину быстро и ловко протолкнул ей в рот.

— Вот и все. — Хмыкнув с довольным видом, он слизнул крошки с пальцев. — Никаких затруднений и хлопот.

К счастью, ее рот и зубы знали, что им делать, — без какой-либо подсказки со стороны мозга. В противном случае Диане пришлось бы тяжело, ибо рассудок ей не повиновался. Впрочем, не стоило винить потрясенный случившимся рассудок. Здесь, на балу, ее иногда охватывало странное состояние: она как бы переставала ощущать себя мисс Мерриуэзер. Хорошо ей знакомая Диана Мерриуэзер обитала на задворках светской жизни. Джентльмены, вопреки своим симпатиям, приглашали ее на танцы или из жалости, или по настоятельным просьбам ее родственников, вследствие чего она относилась к их ухаживаниям безразлично и всегда вела

себя с ними спокойно и сдержанно.

Когда речь шла об устройении брака, нельзя было представить, чтобы мисс Диана Мерриуэзер заигрывала с мужчинами, тем более с Генри Уэстоном. Невозможно было представить, чтобы кто-нибудь, тем более сам Генри Уэстон, одаривал ее понимающими улыбками. И она никогда не ела кусочки кекса из чужих рук, и уж точно не из рук Генри Уэстона.

И вот невообразимое случилось: его пальцы касались ее губ. Пусть еле-еле, но все же касались! Такого с ней никогда прежде не случалось. Как вдруг ее проразила другая мысль, от которой у нее перехватило дыхание.

А что, если это кто-то заметил?

Диана с ужасом огляделась по сторонам, втайне ожидая увидеть множество указывающих на нее пальцев и косые осуждающие взгляды, но нет, все было, как обычно, спокойно. Вздох облегчения вырвался из ее груди: по-видимому, это сошло ей с рук. Однако ее негодование не улеглось. Она обернулась к Генри Уэстону, собираясь отругать его, и увидела, как он с самым счастливым видом уплетает за обе щеки очередной имбирный кекс. Ее негодование растаяло, оставив после себя лишь сердитую улыбку.

Он улыбнулся ей в ответ и слегка похлопал себя по плоскому животу.

— Надо немного подкрепиться.

Затем, как будто только что заметил мужчин, стоявших рядом с ними, громко и с некоторым высокомерным оттенком воскликнул:

— Лорд Блатерсби, Гейбриел, рад видеть вас.

Оба вышеупомянутых джентльмена повернулись и, в свою очередь, поприветствовали Генри Уэстона.

— Вы знакомы с мисс Мерриуэзер? — И тут без всякого предупреждения он бросил ее на съедение, но не волкам, а овцам. — Лорд Блатерсби, мисс Мерриуэзер только что восхищалась шерстью из Свейлдейла, хотя я убеждал ее...

— Нет, нет, моя дорогая. Свейлдейл это не самое лучшее. Она колется. Я полагаю, что нет ничего лучше, чем шерсть из Линкольншира...

Несмотря на полное безразличие к шерсти, Диана попыталась изобразить на лице интерес, когда лорд Блатерсби пустился во всю рассуждать о разных видах шерсти и объяснять, чем один вид отличается от другого. Краем глаза Диана следила за тем, как Генри без помех разговаривал о чем-то с Габриелем, как тот нахмурился, пожал плечами и отошел. Генри не спешил на помощь к своей спутнице, он съел еще один кекс с имбирем, лениво натянул перчатки и только затем, лукаво улынувшись, вмешался в разговор Дианы с лордом-овцеводом.

— Прошу нас извинить, лорд Блатерсби, — перебил он его и взял Диану под руку, — но я заметил, что миссис Мерриуэзер ищет свою дочь. Не хотите ли попробовать имбирный кекс? Наш повар печет их удивительно искусно, и все оттого, что знает, сколько изюма надо туда добавить. Мелочь, но насколько же она важна.

— Моя мать в самом деле меня разыскивает? — спросила Диана, немного отойдя прочь.

— Пока нет, но полагаю, очень скоро пустится на поиски. Матери всегда очень беспокоятся, когда видят своих дочерей в компании со мной. Мой отец удивил меня, сообщив, что у меня чертовски дурная репутация, которую следует исправлять.

В его признании чувствовалась некая горечь.

— А мне казалось, мужчины гордятся, когда о них так думают.

— Гм-гм. — Он поморщился. — По-видимому, кое-кто считает меня человеком без всякой совести.

Но тут осознав, что их разговор стал слишком серьезным, Генри пожал плечами и уже другим, откровенно шутливым тоном спросил:

— Вы тоже верите ужасным слухам обо мне и считаете мое поведение безнравственным?

— В известной мере, — в тон ему кокетливо возразила Диана и тут же покраснела от смущения. — Простите, но ваша репутация в самом деле опережает вас. Хотя бессовестный человек не сделал бы то, что вы только что сделали для мисс Фотергилл. Благодарю вас за это.

— Пустяки, — коротко бросил он.

— Напротив, — возразила Диана. — Это было очень великодушно с вашей стороны.

— При чем тут великодушие?

— А чем тогда вы объясните ваш поступок?

— Безумием, — буркнул Генри. — Я сделал это ради...

— Вероятно, ради себя? — Она вопросительно взглянула на замолчавшего Генри.

— Что вы хотите этим сказать? — Он явно растерялся, да и вид у него был какой-то незащитный.

— Кто знает, может, в глубине души вы хотите доказать самому себе, что вы добрый человек.

Он покачал головой, но спорить не стал, что косвенно подтверждало справедливость ее догадки. Но тут они подошли к тому месту, где сидели мать и бабушка Дианы, и Диана несколько не расстроилась, что пришла пора расставания. На этом балу произошло столько событий, что ей сейчас более всего хотелось посидеть наедине со своими мыслями и все как следует обдумать.

А думать, размышлять, анализировать свои чувства, находясь так близко от Генри Уэстона, было невозможно. Его присутствие, его мужское обаяние пьянило ее.

— То, что я сделал, я сделал не ради себя. — Он глубоко вздохнул. — Я сделал это ради вас.

— Ради меня? — удивилась Диана. — Но почему?

— Сам не знаю, — признался Генри. — Но скажу прямо, не из-за матримониальных намерений моих родителей.

Диана улыбнулась и тихо сказала:

— О, как я вас хорошо понимаю. Я тоже буду с вами откровенной. На прошлой неделе моя матушка и я зашли с коротким визитом к леди Уэстон. Шепну вам по секрету, ваша матушка волнуется из-за того, что вы неженаты, точно так же, как моя бабушка переживает за меня, что я до сих пор не замужем.

— Как это мило, — задумчиво произнес Генри.

О чем он думал, можно было только гадать, но замороженная чудесным блеском синих глаз Диана даже не думала его расспрашивать. Глаза Генри невольно вызвали у нее воспоминания о бело-голубой китайской вазе, той самой, что стояла в библиотеке, когда она была маленькой.

Ваза стояла целое состояние, но отец всегда позволял Диане подержать ее в руках. Диана вспомнила, как, сидя возле отцовского стола, пока тот что-то писал, гладила пальчиками цветы и завитки, нарисованные на гладкой поверхности.

Счастливые воспоминания.

— Вы будете на суаре у Келтонов?

Вопрос Генри вернул ее в настоящее.

— Думаю, да.

— Отлично. В таком случае мы с вами там непременно увидимся. Благодарю вас за танец, мисс Мерриуэзер.

Генри Уэстон поклонился ей, затем ее матери и бабушке и пошел прочь.

Когда Диана смотрела ему вслед, у нее вдруг возникло странное чувство — будто она опять держит в руках драгоценную вазу. Между прочим, это был свадебный подарок принца Уэльского. Подарок, достойный принцессы. Действительно, Диана тогда чувствовала себя маленькой принцессой Суоллоусдейла.

Держа вазу в руках, Диана чувствовала себя не столько обычной девочкой, сколько участницей сказочного действия. Она как будто становилась феей и могла совершать чудеса. Ей казалось, для нее нет ничего невозможного, ничего недостижимого.

Но как бы особенно ни относился к ней Генри Уэстон, для нее он точно был недостижим. Хотя он волновал ее, Диана не позволяла себе мечтать о несбыточном.

Ей припомнилась трагическая участь сине-белой вазы.

Крики. Слезы. Грохот и звон.

Фарфоровые осколки, рассыпанные по всему полу, разбитый брак родителей. Диане не хотелось повторять их горький опыт. Ей надо было бежать от Генри Уэстона, спастись, так, во всяком случае, поступила бы любая здравомыслящая женщина. Но Генри Уэстону непонятно каким образом удалось очаровать ее. Самообладание и остроумие подвели Диану, и она не сумела под благовидным предлогом отвертеться от суаре Келтонов.

— Сегодня настоящее столпотворение, — совершенно справедливо заметил Генри, присоединяясь к своим сестрам и Джеймсу, которые собрались в небольшом саду, расположенном рядом с главным залом, в то время как его родители выпроваживали

последних гостей. Генри также мог бы спокойно уйти, причем гораздо раньше, и никто не стал бы его упрекать, ибо он не был почетным гостем. Однако, как ни странно, у него даже не возникло подобное намерение.

— Совершенно верно, — согласилась с ним Оливия, обмахиваясь веером и наслаждаясь свежим и прохладным ночным воздухом. — Сейчас придет Джейсон и принесет шампанское.

— К сожалению, Генри, он принесет только четыре бокала, мы на тебя не рассчитывали, — извиняющимся тоном произнес Джеймс. — Впрочем, это, может быть, и к лучшему. Сегодня, как мне кажется, ты выпил уже достаточно.

Не успел Генри спросить, на что он намекает, как в дверях появился Шелдон, держа в каждой руке по бокалу шампанского, следом за ним шел лакей с подносом, на котором стояло тоже два бокала.

— Прошу прощения, Уэстон, — сказал Джейсон, протягивая бокал жене. — Я совсем не ожидал встретить тебя здесь.

— Может, принести еще один бокал шампанского? — предложил вышколенный лакей.

— Не надо, благодарю, — отказался Генри. Удивленно вскинув брови, он спросил Джеймса: — С чего ты взял, что я выпил лишнего?

Джеймс махнул рукой в сторону бальной залы.

Если мои глаза меня не обманывают, то сегодня я видел, как ты два раза танцевал с мисс Мерриуэзер.

— Да, совершенно верно. — Генри пожал плечами. — Ну и что?

— А почему бы ему не потанцевать с мисс Мерриуэзер? — прошептал на ухо Оливии Шелдон.

— Он терпеть не может танцевать с мисс Мерриуэзер, — также шепотом ответила она мужу. — Но моя матушка и матушка мисс Мерриуэзер в юности были близкими подругами, а поскольку леди Уэстон полагает, что долг джентльмена приглашать на танец несчастную желтофиоль, то она заставляет Генри танцевать с ней.

Но как они ни старались говорить потише, Генри все равно расслышал, о чем перешептывались его сестра и зять, и недовольно поморщился... Хотя раньше он и сам не раз в точно таких же выражениях отзывался о подобных просьбах матери. Но сегодня все было иначе.

— Напротив, мне понравилось танцевать с мисс Мерриуэзер, более того, я пригласил ее во второй раз и несколько не сожалею о содеянном.

— С тобой все в порядке? Ты не заболел? — Изабелла шутливо протянула руку вперед, словно желая коснуться его лба.

Генри отступил на шаг назад.

— Что со всеми вами происходит?

— Я не ослышался: сейчас ты признался, что тебе понравилось танцевать с мисс Мерриуэзер, — медленно и отдельно произнес Джеймс, словно отказываясь верить в

услышанное.

— Да, я так и сказал. Ну и что? — Генри вызывающе скрестил руки на груди. — Один танец ничего не значит.

— Конечно, не значит, — поспешно согласился с ним Джеймс. — Но и ты пойми нас правильно. Как было нам не удивиться: ведь раньше всякий раз, когда твоя мать просила тебя потанцевать с ней, мы слышали от тебя одни жалобы. Неужели это каким-то образом связано с твоей задумкой?

При слове «задумка» Изабелла и Оливия насторожились, словно две породистые гончие, учуявшие запах добычи.

— Ты что-то задумал? — спросила Оливия, шагнув к Генри.

— Интересно, что? — вопросительно посмотрела на брата Изабелла.

Генри тяжело вздохнул. Ему так хотелось как можно дольше сохранять в тайне свой замысел, но он слишком хорошо знал своих сестер — они ни за что не отстанут, пока не узнают все.

— Мне бы хотелось завести собственный конезавод и заняться разведением лошадей. Полагаю, пора менять свою жизнь и заняться чем-то более серьезным, а не только балами и охотой. Хотя в отличие от вас я еще не спешу обзаводиться семьей. Собственная конюшня, а еще лучше собственный конезавод более соответствует моим вкусам и наклонностям.

— О да, — едко усмехнулась Изабелла. — Замечательное сочетание двух твоих самых больших пристрастий в жизни. Секс и лошади.

Шелдон поперхнулся шампанским. Оливия тихо рассмеялась и постучала его по спине.

— Время от времени я пытаюсь внушить ей необходимые представления о приличиях, — извиняющимся тоном обронил Джеймс.

— Отличная затея. — Оливия дружески похлопала брата по плечу. — Ты обязательно добьешься успеха.

— А как же, непременно! — поддержала ее Изабелла.

Вдруг губы Оливии затряслись от сдерживаемого смеха:

— Представляю себе как многие светские леди будут приезжать к тебе, когда им понадобится ха-хороший ж-жеребец.

И она прыснула от смеха.

Изабелла захохотала, прикрывая рот ладонью.

Шелдон грустно покачал головой, пытаясь скрыть недоумение под маской неодобрения.

— Увы, в моей семье по части приличий тоже не все на должном уровне.

Генри посмотрел на одного зятя, затем на другого и шумно вздохнул.

— Пф, — фыркнула Оливия, — как будто вы, мужчины, всегда ведете себя достойным образом.

Кроме того, если у меня и возникали какие-нибудь неприличные мысли, — тут она метнула грозный взгляд на Джейсона, — то винить нужно в первую очередь тебя, а также желтую газетенку «Минерва пресс».

— Все, все, довольно, — вмешалась Изабелла, — а то у Хэла такой взгляд, что мне страшно. Когда он разгромил всю мою столовую, у него было точно такое же выражение лица.

— Хорошо, тогда, Хэл, расскажи поподробнее о своей задумке, — торопливо проговорила Оливия, с явной целью отвлечь брата. Ее маневр удался, Генри сразу расслабился.

— Может быть, с твоей затеей как-то связана и мисс Мерриуэзер, с которой ты сегодня танцевал целых два раза?

Генри уже собирался огрызнуться, заявив, что это никак не связано друг с другом, но тут Изабелла схватила его за руку.

— Тебе, вероятно, понадобятся деньги? Отец наверняка даст тебе, а если нет, то тогда мы с Джеймсом. Тебе нет никакой необходимости жениться...

Генри с недовольным видом вырвал свою руку из ее руки.

— Иззи, успокойся. Я даже в мыслях не намерен жениться.

Бросив на него подозрительный взгляд, Изабелла обратилась к мужу:

— На что ты намекал, говоря о том, что ради своей затее Хэл дважды сегодня танцевал с мисс Мерриуэзер?

— Отец мисс Мерриуэзер очень уважаемый и толковый коннозаводчик, — объяснил Джеймс.

— А я слышала, мисс Мерриуэзер и ее мать давно разъехались с этим человеком, — заметила Оливия.

— Довольно, — прервал их Генри. — Уверяю вас, дорогие сестры, обладающие столь пылким воображением, что мой внезапный интерес к мисс Мерриуэзер вызван отнюдь не ее наследством и уж тем более не ее отцом, который давно не живет вместе с семьей.

Оливия никак не унималась:

— Тогда откуда у тебя такой интерес к этой особе?

Но прежде чем Генри успел открыть рот, Изабелла, звонко рассмеявшись, сказала:

— Ливи, ты много читаешь любовных романов. Сама посуди, разве может наш Генри ухаживать за мисс Мерриуэзер?

Да, представить такое было трудно, почти невозможно. Оливия, так же как и Изабелла, не могла этого вообразить. Зато Генри мог в отличие от них обеих. В его голове быстро созрел план. Пусть он еще не успел продумать все детали и подробности, но в этот момент четко для себя осознал — он хочет поухаживать за мисс Мерриуэзер.

...Но делиться своими намерениями с сестрами он точно не собирается.

Глава 6

«Все в доме уже видят сны, да и мне тоже давно следовало бы улечься, но моя девочка решительно не хочет засыпать, так что кто-то должен посидеть с ней рядом. Начну я, пожалуй, с просто невероятного события, которое вы сочтете скорее всего розыгрышном или шуткой. Так вот, после стольких лет полного пренебрежения у моего брата наконец-то проснулся интерес к мисс Мерриуэзер! Признаюсь, что я и Изабелла намерены и дальше содействовать их сближению. Хэл нас убьет, если узнает всю правду. У страха глаза велики, но мне кажется, игра стоит свеч».

Из письма маркизы Шелдон к ее тетке, вдовствующей маркизе Шелдон.

Диана в приподнятом настроении вышла вместе с матерью из кареты, подъехавшей к главному входу в особняк лорда и леди Келтон. Бабушка не смогла приехать, ей не здоровилось, а дед посещал светские мероприятия очень редко, только в случае крайней необходимости. Конечно, болезнь бабушки огорчала Диану, и тем не менее в глубине души она была довольна, поскольку ее весьма придирчивая бабка стремилась к удачному браку своей внучки не меньше, чем Александр Македонский к славе.

Под бдительным оком старой герцогини Диана всегда чувствовала себя скованно и неловко, что не позволяло наслаждаться светскими увеселениями. Но сегодня имелась и другая причина, из-за которой Диана радовалась предстоящему вечеру.

Невероятно глупая причина.

Невероятно значительная и прекрасная причина.

У которой имелось свое название.

«Генри».

От одного лишь его имени у нее по коже пробежали мурашки и подгибались колени. На прошлом балу он был самым воплощением любезности. Он не только приложил все усилия, чтобы оказать услугу Элизе, ее ближайшей подруге, но и по собственному желанию пригласил Диану на танец во второй раз. Вероятно, сегодня он не станет этого делать. Может быть, блажь, внезапно овладевшая им, также внезапно его покинет. Но Диане, как любой женщине, не хотелось в это верить, и в глубине души она надеялась на чудо.

Несмотря на волнение, она четко понимала, что Генри ей не пара, хотя ей давно хотелось обычного семейного счастья — иметь свой дом, детей, а для этого, понятное дело, требовался муж.

Нельзя сказать, чтобы Генри был красив как картинка или сложен как Аполлон. С точки зрения бабушки, он не обладал ни высоким титулом, ни большим наследством и, судя по разговору, не блистал ни умом, ни знанием жизни. Разумеется, Диана не искала идеала. Ее требования к будущему супругу были не слишком велики. Пусть он будет добрым и спокойным, с любовью относится к ней и их детям. В этом не было ничего особенного. И разве она не имела права на это немногое?

В конце концов, кому какое дело до того, если она опять потанцует с Генри...

— Сколько можно ждать?! — в сердцах бросила Диана. Особняк Келтонов был, что называется, рукой подать от дома Лэнсдаунов, но вереница карет двигалась с черепашьей скоростью.

Диана могла бы пройти от своего дома до дома Келтонов туда и обратно по крайней мере раз пять.

Мать Дианы ласково провела рукой по волосам дочери.

— Ты сегодня какая-то необычайно оживленная. Я думала, ты откажешься ехать после того, как твоя бабка слегла.

— Но тогда мне пришлось бы читать ей вслух. — Диана недовольно наморщила нос. — А ведь ей не нравится моя манера читать.

Диана начала говорить, имитируя бабку:

— Нет, дорогая Диана, ты читаешь очень быстро. Ты должна отчетливо произносить каждое слово. Жаль, что у тебя не было настоящей гувернантки, ты изъясняешься как простая продавщица. Как бы ты ни старалась, простое происхождение никак не скроешь.

Мать едва не задохнулась от возмущения:

— Неужели она так и сказала?

— Нет, нет, — поспешно ответила Диана. — Говорилось это несколько иначе, но смысл слов был именно таким.

— Моя девочка, — мать обняла Диану за плечи, — поверь мне, когда мне было столько же лет, сколько и тебе, твоя бабка находила у меня не меньше, если не больше, недостатков. Но, как мне кажется, с возрастом она стала мягче и терпимее.

— Мама, но ведь у тебя нет недостатков!

— Не преувеличивай, дорогая. У кого их нет? Увы, я совершила в жизни кое-какие ошибки, и теперь мои дети расплачиваются за них. За Алекса я не волнуюсь, ему хорошо в частной школе. Поскольку мой брат вряд ли когда-нибудь женится, да и в Англию он, похоже, не собирается возвращаться, Алекс со временем может унаследовать титул герцога. А вот за тебя...

Но тут дверь кареты открылась, и мать оборвала фразу на полуслове.

Чуткой Диане не приходилось ничего растолковывать, причина материнской тревоги ей была ясна. Пока они поднимались по лестнице, она наклонилась и прошептала на ухо матери:

— Не волнуйся, у меня сегодня предчувствие чего-то хорошего.

Диана сама удивилась столь неосторожно слетевшим с ее губ словам и упрекнула себя за излишнюю опрометчивость. Когда хозяева вечера рассаживали гостей за столом, ей стало горько и обидно. Разумеется, она не рассчитывала, что ее посадят с молодыми, симпатичными и холостыми джентльменами — эта прекрасная участь была уготована заботливыми хозяевами их юной, незамужней дочери. Но оказаться по соседству с лордом Блатерсби — это не лезло ни в какие ворота.

По другую руку от нее сидел барон Финкли, и Диана не знала, кто из ее соседей был менее неприятен. Финкли стукнуло не меньше восьмидесяти лет, и когда этот жалкий старикашка разговаривал с ней, то не сводил глаз с выреза на ее груди.

Сидеть за столом рядом с одним из них являлось настоящим испытанием, но находиться между ними двумя — значило подвергнуться средневековой пытке.

Когда наступил момент, в который надлежало оставить мужчин, чтобы они могли поговорить о политике и прочих увлечениях в своем мужском кругу, Диана была на седьмом небе от счастья. Леди Келтон пригласила дам в особую гостиную наверх, чтобы там также поболтать и посплетничать в своем женском кругу, и Диана с тайным удовольствием пристроилась в укромном уголке, чтобы скоротать вечер до конца, как вдруг на ее плечо легла рука матери.

— Диана, — лицо леди Линнет буквально сияло от радостного возбуждения, — как ты была права, говоря о том, что на этом вечере случится что-то хорошее. Я сидела рядом с прекрасным молодым джентльменом...

— В отличие от меня, — буркнула себе под нос Диана.

— Сэр Сэмюель, кузен леди Келтон, недавно приехал из графства Уилтшир. Ему только что исполнилось тридцать лет...

— О, неужели ты вот так прямо спросила, сколько ему лет?!

Без малейшего стыда, зато с явно притворным возмущением мать ответила:

— Я узнала об этом случайно, по ходу нашей беседы. Сэр Сэмюель получил титул несколько лет тому назад и провел несколько лет, приводя в порядок поместье, прежде чем приступить к поискам спутницы жизни.

— Все выглядит слишком хорошо, чтобы быть правдой. Нет ли у него случайно бородавки на носу? А может, за его спиной скрывается целый выводок малолетних родственников и наследников? Может, он лысеет или уже оброс жирком?

— Ничего подобного. У него только один брат, который немного младше Алекса, и сестра, которая еще ходит в школу. Что касается его внешности, — да, сэр Сэмюель не из числа тех мужчин, на которых заглядываются женщины. Но он не лишен привлекательности. Я еще не сообщила тебе самого главного, — мать понизила голос до заговорщического шепота, — я упомянула о том, что у меня есть дочь, так вот... ты никогда не угадаешь, что он мне ответил. Он сказал: «Миледи, я не сомневаюсь в том, что ваша дочь столь же очаровательна, как и вы. Однако прошу вас лишь об одном — не сватайте за меня девушку, которая проводит в высшем свете свой первый сезон. Конечно, будучи мужчиной я охотно посмотрю в сторону любой прелестной девушки, но в своей избраннице я прежде всего хочу видеть верную жену и мать моих детей».

Ошеломленная, Диана недоверчиво покачала головой:

— Мама, неужели ты веришь, что такое возможно? Это не мужчина, а какой-то образец совершенства!

— Ты сама во всем убедишься, когда увидишь его.

Как раз в этот момент вошел лорд Келтон, ведя за собой незнакомого джентльмена. Старый лорд на минуту задержался возле жены, а затем направился прямо к леди Линнет и Диане. Диана вопросительно посмотрела на мать, но та отрицательно помотала головой, сама не подозревая, что им хочет сообщить хозяин дома. Как только лорд Келтон приблизился, обе дамы вежливо встали с дивана.

— Добрый вечер, леди. — Он учтиво поклонился. — Леди Линнет, меня к вам привело поручение сэра Сэмюеля. Во время обеда он сидел рядом с вами.

— Да, верно. Что-то случилось, милорд?

— Как только вы, леди, оставили нас, к нему подошел нарочный из его поместья. В связи с неожиданно возникшими обстоятельствами ему потребовалось срочно вернуться в поместье. Как же ему не повезло, он не пробыл в Лондоне даже недели! Какая польза от управляющего, если он из-за каждого пустяка просит у вас совета?

Ни Диана, ни ее мать не знали, что ответить.

— Он поднялся к себе наверх, чтобы собрать вещи. Он уезжает прямо сейчас. Сэр Сэмюель через меня просит у вас извинения за это досадное недоразумение и выражает надежду, что по возвращении в Лондон ваше знакомство продолжится.

— Благодарю вас, милорд.

Голос матери звучал ровно и спокойно, но Диана не могла не заметить охватившего ее разочарования.

— Если вы увидите с сэром Сэмюелем до его отъезда, передайте ему мои благие пожелания, чтобы все его трудности разрешились как можно скорее.

Пообещав выполнить эту просьбу, лорд Келтон удалился. Диана чувствовала себя обманутой, так как отъезд сэра Сэмюеля лишил ее возможности встретиться с ним и самой убедиться, подходят или не подходят они друг другу.

— Мне кажется, сама судьба противится вашему сближению, — с притворной улыбкой проговорила леди Линнет. — Впрочем, я уверена, неотложные дела, потребовавшие столь скорого отъезда, будут улажены, а мы тем временем сошьем тебе одно, а то и два новых платья.

Диана испустила тихий вздох, похожий на стон. Неужели ее мать сразу поверила в то, что сэр Сэмюель — благородный рыцарь, посланный небесами с целью спасти ее засидевшуюся в девицах дочь.

— Против платьев я не возражаю, но только ради всего святого, мама, не надо уже строить свадебные планы. Я ведь даже не знаю его второго имени.

— Новые платья? Свадебный наряд? Простите меня, я невольно услышала часть вашей беседы.

Диана удивленно вскинула глаза и увидела рядом с собой сестер Генри — леди Данстон и леди Шелдон.

— Если вы хотите сшить новые платья, то рекомендую обращаться только к мадам Бессетт, — как ни в чем не бывало продолжала леди Данстон. — Она не просто великолепная портниха, она художник с большой буквы. У мадам Бессетт полно заказов, и у нее не так просто сшить платье. Зато она просто обожает нашего брата, так как считает, что Хэл ухаживает за дамами так же галантно, как настоящий француз. Если шепнуть ей о том, что вы привлекли его внимание, она с удовольствием возьмется шить платья для вас.

Диана зарделась от смущения, предательский румянец залил ее лицо и даже шею. Он был

настолько сильным, что почти не отличался от ярко-розового цвета саше леди Шелдон.

— Тут, видимо, какое-то недоразумение, — пробормотала Диана.

— Вы позволите присоединиться к вам? — спросила леди Шелдон, бросая многозначительный взгляд на свою сестру.

— О, конечно. — Мать Дианы была ошеломлена не меньше дочери, но быстро сообразила, как поступить в данной ситуации. Положив руку на плечо Диане, она извиняющимся тоном произнесла: — Моя дорогая, я вижу леди Доунс, мне надо кое о чем с ней поговорить. Надеюсь, ты не возражаешь, если я оставлю тебя в обществе леди Данстон и леди Шелдон?

— Передай ей мои лучшие пожелания, — отозвалась Диана.

Сестры Генри уселись рядом с Дианой, окружив ее с обеих сторон. Вдруг ее внимание привлек промелькнувший внизу ярко-красный цвет. Приглядевшись, она поняла, что это красные носки атласных бальных туфель леди Шелдон, выглядывавших из-под скромного, белого шелкового платья.

— Смело, не правда ли?

Признание было сделано почти шепотом, но Диана дернулась так, словно у нее над ухом громко крикнули. Леди Шелдон широко улыбнулась.

— Это подарок моего мужа. Сама я никогда бы не осмелилась на такую покупку, но он слишком хорошо изучил меня и знает, как мне угодить. Эти туфли, — леди Шелдон опять выставила их кончики на показ, — делают меня более смелой. Они как бы говорят мне: не бойся, живи, не оглядываясь на других, и радуйся жизни.

«Какая любовь. Какая привязанность и тонкое понимание друг друга. Впрочем, никто не знает, что нас ждет в будущем, и даже такая любовь со временем может угаснуть», — подумала Диана. Вежливо улыбнувшись, она постаралась перевести разговор в более безопасное русло:

— Пожалуйста, примите мои несколько запоздалые поздравления с вашим замужеством и рождением ребенка. Ваш последний бал: великолепен, впрочем, я ничего другого и не ожидала от леди Уэстон.

Леди Шелдон была явно сбита с толку, она посмотрела в лицо Дианы так, как будто столкнулась с чрезвычайно сложной и трудной задачей.

— Благодарю вас, мисс Мерриуэзер, — поспешно пришла ей на помощь леди Данстон. — Моя свадьба, как и свадьба моей сестры, была довольно скромной, что несколько расстроило нашу матушку. Вот почему мы с сестрой решили, что теперь надо помочь осуществлению ее самых грандиозных планов. Похоже, первой жертвой ее величественных замыслов должен стать наш несчастный брат. Судя по ее намерениям, брачная церемония нашего Генри должна будет состояться по меньшей мере в самой аристократической части Лондона — в церкви святого Георгия на Ганновер-сквер. Однако, черт побери, куда он запропастился? О, не верю своим глазам, он попал в лапы к лорду Блатерсби. Бедняга, как же ему не повезло!

Диана сочувственно вздохнула:

— За обедом он сидел как раз рядом со мной, а по другую руку от меня разместили барона Финкли.

— Любопытно, чем вы так досадили леди Келтон? — лукаво поблескивая глазами, усмехнулась леди Данстон.

Улыбнувшись в ответ, Диана покачала головой:

— Я сама в недоумении. Однако у вашего брата такой несчастный вид.

Леди Данстон закивала головой в знак согласия, тем не менее по выражению ее лица было заметно, что ее это не особенно волнует.

— Кто-то должен спасти его.

Она вопросительно посмотрела на сестру.

— Да, кто-то должен, — согласилась леди Шелдон с таким видом, что было совершенно ясно — она точно не пойдет на выручку брата.

— Я помогу ему.

Диана сама не поняла, как сорвались с ее языка эти несколько опрометчивые слова, которые вызвали откровенное недоумение у двух ее собеседниц.

Леди Шелдон задумалась, тогда как леди Данстон почти не скрывала удивления:

— Мисс Мерриуззер, мне кажется, мой брат не нуждается в чьей-нибудь помощи.

Диана шумно вздохнула:

— Но за последние несколько лет он не раз выручал меня на балах. Эта услуга — самое меньшее, чем я могу отблагодарить его.

Диана поспешно встала, словно опасаясь, что передумает и не станет совершать этого довольно неблагоразумного поступка. Подойдя к двум мужчинам, она смело вклинилась в их разговор:

— Прошу меня извинить, лорд Блатерсби, но леди Данстон попросила меня позвать к ней брата. Ей необходимо сообщить ему нечто крайне важное.

Генри встрепенулся и начал приносить свои извинения.

— Чем вызвана такая милость с вашей стороны? — тихо спросил он Диану, когда они отошли на несколько шагов.

— Ничем. — Диана пожала плечами. — Мне показалось, что вы попали в затруднительное положение. Как говорится, долг платежом красен. Вот я и решила вам помочь.

— Мисс Мерриуззер, примите мою самую искреннюю благодарность. Вы не поверите, но за пять минут нашей беседы с лордом Блатерсби мне показалось, что я начинаю...

— Обрастать шерстью, — пошутила Диана.

— Почти. — Генри внимательно посмотрел ей в лицо. — Странно, почему вы раньше никогда не показывали себя с этой стороны?

— Что вы хотите этим сказать?

— Только то, что у вас отличное чувство юмора, за которым, как мне кажется, вы прячете свои беды и неприятности. Сейчас вы улыбаетесь, ваши глаза искрятся от смеха. Как это не похоже на ваш обычный неприступный вид и на ту маску непоколебимой пристойности, которую вы всегда носите.

Диана почти обиделась от подобной откровенности:

— Это вовсе не маска, а соблюдение приличий отнюдь не делает меня неприступной.

— Да что вы говорите? — Генри усмехнулся. — А по-моему, всех отпугивает именно ваша улыбка на сжатых губах. Вы владеете ею в совершенстве. От такой улыбки у любого кавалера душа уходит в пятки.

— Но ведь на вас она не действует, — робко попыталась возразить Диана.

— Я не из боязливых, — шутливо отозвался Генри.

— Любой человек чего-нибудь боится, — уверенно заявила Диана.

— Да? И чего же боитесь вы?

Его низкий бархатистый голос проникал до самого сердца.

Она подняла голову и посмотрела прямо в его синие глаза, похожие на чистое летнее небо, потом его глаза потемнели, словно на небе появились облака.

— Вас, — прошептала она.

— Меня? — удивился он.

— Не столько вас, сколько людей такого склада, как вы.

Глядя на Генри, нельзя было подумать, как глубоко задело его замечание Дианы. Однако она почувствовала, что ее слова попали в цель. Он весь напрягся, и в горле у него слегка захрипело, но он быстро взял себя в руки. В отличие от него Диана никак не могла успокоиться. Его голос волновал, тревожил и в то же время брал за душу.

— Людей такого склада, как я, — повторил он. — И к какому же складу людей я отношусь?

— Вы беспринципный нахал.

Генри хрипло рассмеялся, причем так громко, что привлек внимание многих гостей. Диана поежилась от неприятного ощущения, вызванного посторонними взглядами, брошенными в их сторону. Ей показалось, что через миг на них начнут показывать пальцами и перешептываться за их спинами.

«Ее мать убежала с управляющим конюшней, неблагородная кровь, если говорить откровенно... Она никогда не будет красавицей... Вы слышали, точно так же Лэнсдауны приняли назад свою дочь... только из христианского милосердия...»

С чего это ей взбрело в голову, что Генри хочет ее спасти? Она никому не нужна. Ни бабушке,

ни дедушке. Ни отцу, конечно. Коварный серый туман опять застлал ее сознание, она снова оказалась в ловушке прошлого, не желавшего ее отпустить.

Она бежала и бежала, куда глаза глядят, и не только потому, что заблудилась. Она бежала всю жизнь. Но разве у нее был выбор? Она не могла повернуть назад и вернуться к себе домой. У нее не было дома.

Капли пота стекали по ее разгоряченному лицу, но она заставляла себя бежать все быстрее и быстрее. В ее ушах раздавался неумолкаемый стук сердца. Со всех сторон Диану окружал лес, ветви деревьев хлестали ее по лицу, цеплялись за одежду. Она хватала воздух широко раскрытым ртом, и он обжигал ее легкие. Но страх за спиной гнал и гнал все дальше.

Она заблудилась и вместе с тем подсознательно чувствовала, что стоит ей остановиться, оглянуться по сторонам, и тогда, вероятно, кто-то спасет ее. Но сейчас она не видела подле себя никого, кто бы мог спасти ее. Никто не спешил ее искать, не шел к ней на помощь.

Внезапно перед ней возникла высокая мрачная стена. Прежде чем она успела повернуть, стена окружила ее, стиснула... как вдруг издали до нее донесся четкий и ясный голос:

— Почему вы опасаетесь меня, мисс Мерриуэзер? Мисс Мерриуэзер, вы слышите меня?

Взволнованный голос Генри проник в ее сердце, и Диана очнулась, прошлое отступило. Она приподняла голову и увидела над собой его встревоженное лицо. Генри крепко держал ее за плечи, словно боялся, что если он отпустит ее, она упадет в обморок. Диана глубоко вздохнула, окончательно приходя в себя. Как все-таки было приятно чувствовать рядом с собой тепло большого и сильного мужчины. Холод, сковавший ее сердце, растаял.

— Почему вы чуждаетесь меня? Бежите от меня? — решительно повторил он вопрос.

«Бежит от него?»

Его внимание, участие пробуждали в ее сердце смутную тревогу. Куда девалось ее благоразумие, почему она колебалась и в самом деле не бежала от него? Напротив, она доверчиво тянулась к нему, летела словно мотылек на огонь. Исходящий от него мужской запах кружил и дурманил голову.

Запах обвевал ее, словно легкий ветерок, но за этим слабым дуновением чувствовалась скрытая мощь надвигавшегося урагана, который мог разразиться в любое мгновение. Диану охватил внутренний трепет, ей вдруг стало жарко.

«Беги, беги, беги», — явственно звучал в ушах голос разума, тогда как голос плоти велел ей оставаться на месте.

Диана слегка побаивалась Генри Уэстона, от него, как ей казалось, веяло опасностью. Если он по-прежнему будет так крепко держать ее своими руками, она точно сгорит от вспыхнувшего внутри нее огня. Обуглится как головешка. Диана испуганно вскинула голову, слегка встряхнула ею, чтобы прийти в себя, и вдруг впервые заметила, что они стоят посреди внутреннего двора.

— Что мы тут делаем?

— Не знаю, но надеюсь, вы мне все объясните. Вы обозвали меня нахалом без всяких

принципов и тут же пустились наутек. Как вы себя чувствуете? Может, позвать вашу матушку?

На какое-то мгновение Диана растерялась. Ее женское начало, растревоженное и проснувшееся, одновременно ощущало не только мужскую силу, но и свою власть над ней.

— Простите меня. Я лишь... — Она запнулась. «Боже! Как чудесно блестят его глаза, словно синие сапфиры». — Мне стало жарко и душно, поэтому захотелось немного подышать свежим воздухом. Из-за такого пустяка не стоит тревожить мою матушку. Теперь я отдышалась, и мы можем вернуться назад.

— Погодите. Вы вся дрожите. — В его голосе звучали неподдельное сочувствие и даже, как показалось Диане, нежность, а руки продолжали обнимать ее за плечи.

Она так бы и стояла, поддерживаемая его горячими руками. Но тут Диана очнулась и бросила взгляд в сторону дверей, из которых во двор выходили другие пары.

— Мое поспешное бегство, вероятно, вызвало переполох? — с тревогой спросила она.

Генри усмехнулся:

— Нет. Хотя подозреваю, что ваш уход вызвал у многих удивление. Думаю, теперь все гадают, что такого я вам сказал, отчего вы бросились прочь из зала. — Бережно поддерживая под руку, он подвел ее к одной из садовых скамеек. — Присядьте, у вас такой вид, будто вы вот-вот упадете в обморок.

Слабость у Дианы еще не прошла, поэтому она благоразумно последовала его совету.

— Что же случилось с вами?

Он почти спас ее, опять выручив из неловкого положения. Диана чувствовала, что ей следует объясниться во избежание недоразумений.

— Иногда... даже не знаю, как вам это объяснить... Внезапно мое сердце начинает биться быстро-быстро, в груди перехватывает дыхание. Мной овладевает какое-то наваждение. Многие мысленно спасаются бегством от мрачных и тяжелых воспоминаний, а я действительно бегу прочь от прошлого, потеряв голову. — Диана потупила глаза и вся съежилась. — Вы, наверное, считаете меня помешанной.

— Если с вами, мисс Мерриуэзер, бывает такое, то это звучит немного удручающе. И как часто это случается?

Диана вздохнула, но не стала скрывать правду:

— Так бывает, когда мной овладевает мое прошлое.

Генри удивленно приподнял брови.

— Я бежала не от вас. Когда вы рассмеялись, и все повернулись в нашу сторону... я не выдержала. Невыносимо чувствовать на себе все эти косые и неодобрительные взгляды, перешептывание...

— Прошу извинить меня. Я не хотел вас обидеть.

— Я верю вам и нисколько не виню в случившемся.

— Даже если я нахал без всяких принципов? — шутливо спросил он.

Диана смутилась, покраснела, но все равно уверенно ответила:

— Даже если вы именно такой!

— Уверяю вас, половина из того, что обо мне пишут в светской хронике — чистейшее вранье, а другая половина — это раздутые до невероятных размеров сплетни.

— Увы, — вздохнула Диана, — я знаю, насколько далеко от правды то, что пишут газетчики. Их интересует не правда, а прибыль. Им ничего не стоит испортить кому-нибудь репутацию и даже жизнь, главное — удивить, поразить читателей.

Нежность светилась в синих глазах Генри. Он сел рядом с Дианой и взял ее за руку:

— Похоже, в прошлом вам жилось нелегко?

Диана пожала плечами, тронутая его сочувствием:

— Как сказать, я ведь не голодала, да и бездомной меня никак не назовешь.

— Мне сложно судить об этом, — усмехнулся Генри, — я, например, предпочел бы испытать названные вами лишения, нежели общаться со злобными мегерами из великосветского кружка «Олмак». Кстати, вы не проголодались? Я, между прочим, не прочь перекусить.

Диана улыбнулась.

— Вот так намного лучше, мисс Мерриуэзер. Если бы вы знали, какая у вас прелестная улыбка.

От его теплых и ласковых слов Диане стало легче. Она даже слегка покраснела, услышав его комплимент. Ей было совершенно не важно, искренен он или нет. Даже если он говорил так всем знакомым дамам в Лондоне, она все равно ощутила себя самой счастливой и самой прекрасной женщиной в мире. Но вскоре привычное чувство благоразумия взяло вверх, и Диана снова напомнила себе, насколько опасен Генри Уэстон.

— Надо отдать вам должное, мистер Уэстон, вы очень обходительны и умеете нравиться женщинам.

— Хотя я полагаю, что это далеко не так, мне очень приятно услышать столь лестное мнение о моих способностях.

— Честное слово, я вам завидую, — призналась Диана. — Я очень застенчива, и в обществе незнакомых людей мне как-то неловко и неуютно, тогда как вы способны очаровать кого угодно, не прилагая к этому никаких усилий. Это настоящий дар.

Он поерзал на своем месте, и Диана к своему удивлению вдруг поняла, что Генри Уэстон, будучи мастером комплиментов, не привык выслушивать комплименты в свой адрес. Это поразило Диану, и для того чтобы скрыть свое удивление, она отвернулась в сторону.

— Кроме того, вы можете быть удивительно любезным и способны приободрить любую даму.

Генри наклонился к ней и с нахальной улыбкой на губах обронил как бы невзначай:

— Неужели я вам нравлюсь, Диана?

— Только не сейчас. — Она солгала с легким сердцем и не задумываясь. — Между прочим, разве я позволяла вам называть меня по имени?

— Нет, не позволяли, — согласился Генри. — Пока еще нет. Но думаю, что скоро позволите. Итак, я должен заметить вам, Диана, смелость — это необходимое качество для нахала, как и его обаяние.

— Согласна с вами, обаяние для нахала далеко не последняя вещь, — ответила Диана, пытаюсь устоять против того самого обаяния, о котором так хладнокровно рассуждала. — Вот что я хочу вам заметить в ответ: не все женщины, хотите верьте, хотите нет, поддаются на обаяние нахала.

— И вы из их числа?

Диана утвердительно кивнула:

— Когда я впервые начала выезжать в свет, я составила для себя список наиболее привлекательных для меня качеств...

— Вы составили такой список? — В глазах Генри отразилось удивление, смешанное с ужасом.

— Ну да. Правда, с годами он стал заметно короче, но нахальство не входило в него с самого начала.

— Нисколько этому не удивляюсь. Позвольте, с вашего разрешения, кратко набросать портрет вашего воображаемого идеала. Это преисполненный собственного достоинства, тихий и трудолюбивый джентльмен, которого скорее можно встретить в провинции, чем в столице. На него можно всецело положиться, и вместе с тем все его поступки и слова предсказуемы, а сам он невообразимо скучен. Итак, признайтесь, что я угадал?

Диана не рискнула поддерживать разговор в шутливо-кокетливой манере.

— Если у меня спокойный уравновешенный характер и мне нравится жизнь в деревне, то это не так уж трудно угадать. Кроме того, мой идеал должен обладать ровным и твердым характером и руководствоваться в жизни не сиюминутными прихотями, а здравым смыслом и логикой.

— Вы пока ни словом не обмолвились о сердечной привязанности. Надеюсь, это будет брак по любви?

Если будет любовь, значит, возникнет и ревность, страшная ревность, которая способна разрушить самый счастливый брак! Ревность привела к распаду семьи ее родителей — это не только погубило жизнь ее матери, но и подорвало доверие и любовь Дианы к самому близкому человеку на свете — к отцу, который предал ее и тем самым нанес ей глубокую, до сих пор незажившую рану.

— Нет, — промолвила Диана. — Для вас любовь — игра, но не для меня. Любовь причиняет боль... — Ее голос задрожал и прервался.

Генри нежно взял за подбородок и ласково заглянул в глаза:

— Не надо бояться меня, Диана.

От его прикосновения по спине побежали мурашки. Она растерянно улыбнулась и прошептала:

— Мне нечего вас бояться, ведь я не из тех женщин, которые пробуждают в мужчинах страсть.

— Нет, дело в том...

— О, не волнуйтесь, я никогда не полюблю вас. Обещаю. — Диана дружески похлопала Генри по руке. — Рядом со мной вы в такой же безопасности, как, судя по вашим уверениям, мистер Уэстон, я с вами.

Глава 7

«Я не мог спросить об этом за завтраком, поскольку Иззи, как обычно, начала бы ворчать и высматривать меня. Разумеется, потом она обязательно все рассказала бы маме и Ливви, так что мне пришлось отказаться от мысли поговорить с тобой во время завтрака. Ты мой самый близкий друг, поэтому я надеюсь, ты будешь до конца откровенен со мной. Итак, ответь мне, не сошел ли я с ума, приняв решение ухаживать за мисс Мерриуэзер? Вопрос звучит глупо, я никогда бы его не задал, если бы не знал, что мы оба сумасшедшие. Ты женился на моей сестре, а этот поступок, как понимаешь, ни за что бы не совершил человек в здравом уме...»

Из письма Генри Уэстона зятю графу Данстону.

Генри нахмурился. Диана считала его самовлюбленным павлином, полагавшим, будто каждая встреченная им женщина должна потерять голову из-за любви к нему... Впрочем, Диана была права, как он сам признался себе в глубине души после недолгого размышления. Разве он стремился вскружить ей голову? Скорее всего нет. Но когда Диана с такой уверенностью заявила, что никогда не полюбит его, то это невольно задело его мужское самолюбие.

— И все из-за того, что я нахал? Именно по этой причине вы никогда не полюбите меня?

— Это всего лишь одна из многих причин, мистер Уэстон.

— Пожалуйста, называйте меня Генри.

Диана замотала головой. От этого движения ее чудесные локоны пружинисто закачались вокруг лица. В лунном свете рыжие волосы переливались всеми оттенками, возникающими на небе во время заката — от золотистого до красно-коричневого.

Какими восторженными словами его мать отзывалась о ее волосах?

Замечательные? Великолепные? Восхитительные? Пожалуй, последнее. Не отдавая себе отчета в том, что делает, Генри осторожно обхватил пальцами один из этих восхитительных локонов.

— Ч-что вы себе позволяете?

Странная дрожь в ее голосе вдруг коснулась чего-то глубоко спрятанного, что лучше всего было бы не будить. Хотя уже поздно: в нем проснулся и зашевелился первобытный мужчина, почти зверь.

— Пытаюсь понять, какого цвета ваши волосы, — сдавленным голосом ответил Генри.

Она бросила на него испуганный взгляд, и Генри впервые ясно разглядел, какого цвета у нее глаза. Золотистые искры сверкали, как звезды, на темно-коричневом фоне. Да и во всем ее облике было что-то от породистой арабской лошади. Как только их взгляды встретились, ее дыхание остановилось. Он по-прежнему держал прядь волос, но его глаза были устремлены на ее губы.

Только сейчас Генри по-настоящему впервые разглядел ее. Сколько раз он танцевал с ней за последние годы! Но если бы его попросили кратко обрисовать, как выглядит мисс Мерриуэзер, то он ответил бы, что у нее высокий рост и рыжие волосы. До сего дня он даже не знал, какого цвета ее глаза. Столько лет смотреть и ничего не замечать: как же он был слеп.

Как же он мог не видеть прежде этих чувственных губ? Они терялись на фоне ее всегда серьезного лица, полные сладострастия, манящие, влекущие к себе. Очевидно, Диана не отдавала себе отчета, каким привлекательным может быть для мужчин ее чувственный рот. Женщины порой не замечают, какая черта их внешности больше всего интересует мужчин, и вообще у них иногда бывают странные представления о собственных достоинствах и недостатках. С точки зрения Генри Уэстона, рот Дианы был совершенством, полным чувственности и сладострастия.

Он тревожил и волновал, пьянил и будоражил. И эти волнующие впечатления лишь усиливали внутренний жар.

Сделав над собой усилие, Генри выпустил прядь ее волос.

— Мне не повезло с волосами. Их цвет слишком броский и совсем немодный, — вздохнула Диана. — Вы мне задали вопрос, мистер Уэстон, почему я не могу полюбить вас. Так вот, я давно не та наивная девушка, которая с замиранием сердца ждет момента, когда красивый джентльмен поведет ее под венец. Скажу вам по секрету, скорее всего это мой последний сезон в высшем обществе. Если я не вышла замуж на протяжении стольких лет, то у меня есть все основания сомневаться, что мне удастся хоть когда-нибудь выйти замуж. Нет, я не питаю неприязни к брачному союзу. Мне бы очень хотелось иметь семью, свой дом, детей, но мне не очень хочется выходить замуж по любви, тем более если семейная жизнь будет сопровождаться скандалами. Достаточно взглянуть на моих родителей, их брак заключался по любви, и сколько они пострадали из-за этого! Сплетни, пересуды, косые взгляды и пальцы, указывающие в их стороны. Так что не рассчитывайте, что я паду жертвой вашего обаяния и привлекательности.

Вскочив на ноги, Генри протянул к ней руку:

— Вставайте. Давайте пройдемся.

После краткого замешательства Диана кивнула головой и встала.

— Не вижу причин отказать вам в вашей просьбе. — Она улыбнулась. — Впрочем, едва ли это можно назвать просьбой. Только пусть наша прогулка будет не слишком долгой. Половина гостей видела, как вы пошли следом за мной, и начнут судачить, если мы надолго задержимся.

Мнение посторонних людей нисколько не волновало Генри. Но тут он вспомнил слова отца, сказанные ему чуть ранее: ты должен вести себя благоразумно. Для того чтобы убедить лорда Парра продать Рейвенсфилд, Генри следовало стать более уважаемым. А этому лучше всего поучиться у мисс Мерриуэзер. Несмотря на семейный скандал, девушка в глазах светского общества служила воплощением уважительности.

Они прошли в молчании вдоль одной из дорожек. Из открытых окон доносились звуки пианино и гул человеческих голосов. Генри укорял себя, что до сих пор уделял так мало внимания этой девушке.

Как она себя держала! Какая у нее величественная осанка! Какая длинная и красивая линия шеи! Как оригинально смотрелись на ее белоснежной коже медные пятнышки веснушек! И какой от нее исходил волнующий аромат. Чистый и свежий!

Его мать постоянно напоминала ему о мисс Мерриуэзер, не оттого ли он до сих пор не обращал на Диану внимания. Однако в глубине души он знал правду, которая была еще менее приятной. Светское общество с холодной и равнодушной небрежностью относилось к мисс Мерриуэзер, а Генри, будучи одним из ярких его представителей, подсознательно впитал эту точку зрения. Он спал с вдовами, флиртовал с великосветскими красавицами и танцевал с молоденькими девушками. Генри любил образ жизни, который поощряло светское общество, а светское общество, в свою очередь, любило и баловало его.

Как же повезло ему и его сестрам, что они родились в такой благополучной и богатой семье, а их родители мало в чем ограничивали своих детей. Как часто Генри вполуха слушал их наставления, и все об одном и том же — надо быть внимательнее к людям, к нуждам арендаторов, или что с прислугой следует вести себя как можно вежливее. Только сейчас до него дошло, почему мать не уставала напоминать о его долге потанцевать с девушкой из желтофиолей, оставшейся без кавалера, или даже с синим чулком. Ему стало стыдно: он всегда воспринимал это как тяжкую обременительную обязанность.

Тут Генри вспомнил, что хотел помочь Диане. И одновременно самому себе. Следовало во что бы то ни стало убедить лорда Парра: он респектабельный джентльмен, мечтающий обзавестись семьей, то есть стать тем, кем собирался стать сын Парра. Если он будет вести себя соответствующим образом, ухаживать за сверхдостоинной леди, такой как Диана, то, вне всякого сомнения, ему удастся снискать благосклонность лорда Парра.

Что касается Дианы, то она только выиграет от того, что он увивается рядом. Ей нужен муж, и если он проявит к ней внимание, то это вызовет интерес и у других джентльменов.

Но самое главное, им уже удалось договориться: они не любят друг друга и никогда не полюбят. Чего же лучше?!

— У вас есть план? — напрямую спросил Генри.

— Какой план?

— Как какой? Вы же намерены выйти замуж в этом сезоне. Значит, у вас должен быть план.

— А-а, у меня точно такой же план, как и в прошлом сезоне, и в позапрошлом. Буду посещать как можно больше светских праздников в надежде повстречать достойного кандидата. Хотя не могу не признаться, что этот план пока не срабатывает, — не без горечи призналась Диана. — А что, у вас есть идея получше?

— Собственно говоря, есть. У меня к вам предложение, если мы договоримся, то каждый из нас извлечет для себя выгоду.

В глазах Дианы вспыхнул огонек заинтересованности.

— Может быть, вы замечали, как мужчины следуют примеру другого. Так вот, если я начну

ухаживать за вами, то другие, заметив мои знаки внимания к вам, вероятно, последуют моему примеру.

Диана вскинула голову и перебила его:

— Вы собираетесь ухаживать за мной?

— Нет, я буду лишь делать вид, что ухаживаю.

— Не понимаю, к чему вы клоните?

— Надо добавить вам привлекательности. Мое присутствие рядом с вами поможет добиться этой цели.

— А что хотите взамен? — Диана подозрительно прищурилась.

В сообразительности ей нельзя отказать.

— Откровенно говоря, моя матушка вся извелась от желания женить меня. Ее стремление приобрело просто угрожающие масштабы. Для того чтобы она не устраивала мне парад невест на протяжении всего сезона, мне надо выбрать кого-нибудь, кто бы ей нравился, хотя бы вас, и ухаживать за вами.

— Мне тоже нравится ваша матушка, но...

— Послушайте, единственные, кого я буду обхаживать весь этот сезон, — это инвесторы моего будущего конезавода. Лорд Парр, чьи конюшни я надеюсь приобрести, считает меня несколько беспринципным. Мое ухаживание за вами позволит мне выглядеть респектабельнее в его глазах. А когда вы найдете джентльмена себе по сердцу и бросите меня, разумеется, лучше, чтобы это произошло ближе к концу сезона, думаю, лорд Парр не станет наносить мне вторую сердечную рану и продаст мне свои конюшни. Ну, как вам мой план? По-моему, все отлично.

Генри был чрезвычайно доволен самим собой. Он не только решил свои трудности, но и протянул руку помощи Диане, причем без всякого риска для себя жениться на ней.

— Ваш план, мистер Уэстон, это чистейшее безумие. — Диана от досады закусил губу.

Генри счел себя несправедливо обиженным столь искренним и горячим выпадом.

— Мой план гениален, — поправил он себя, не в силах отвести глаз от ее чувственных губ. — Зовите меня Генри.

Внезапно возникшее влечение между мистером Уэстоном и мисс Мерриуэзер было бы совершенно недопустимо, тогда как между Генри и Дианой оно имело все шансы на дальнейшее существование.

— Называть вас по имени мне как-то неудобно. Нет, нет, это непристойно.

Генри улыбнулся:

— Ну, что ж, в таком случае я мог бы с огромным удовольствием рассказать кое-что о тех радостях, которые дарит нам непристойность.

— О, как вы добры. Я очень ценю ваше желание помочь мне. Но если вы чуть-чуть подумаете,

то сразу поймете: ваш план неосуществим. Нам пора возвращаться в дом. Моя матушка, наверное, уже волнуется, пытаюсь понять, куда я подевалась.

Однако Генри не собирался так легко отступить от задуманного. Если ему не удалось убедить Диану с помощью логики, тогда придется подойти к этому делу с другой стороны.

— Вы правы, — сказал он, поворачивая вместе с ней к дому. — Простите меня. Идея действительно глупая. И конечно, неосуществимая.

— То же самое я сказала чуть раньше, — подозрительно поглядывая на него, сказала Диана.

— Я ведь совсем упустил из виду одну, наиболее важную деталь подобного ухода.

— Какую же?

— Правдоподобность.

Диана опустила плечи и снова замкнулась:

— Никто не поверит в то, что вы увлеклись мной.

Генри привел ее в дом, но вместо того, чтобы подняться по лестнице в зал, он толкнул ближайшую дверь и вошел внутрь. Это была библиотека. К счастью, там никого не оказалось. Не зря говорят: нахальство — второе счастье. Как это ни удивительно, но в чужих домах Генри Уэстону в нужный момент всегда попадались пустые комнаты. Он потянул Диану за собой и, как только они оказались внутри, закрыл двери.

— Мистер Уэстон, вы что, совсем спятили? — Диана вырвала руку и резко повернулась лицом к нему.

Генри, подняв обе руки раскрытыми ладонями вверх, словно умоляя ее не волноваться, медленно прошел на середину библиотеки.

— Диана, простите, мисс Мерриуэзер. Подождите, вы меня неправильно поняли. Я хотел сказать, эта роль вам не по силам, вряд ли вы сумеете создать у всех впечатление, будто вы увлечены мной.

Диана резко вскинула голову: как женщина, она была возмущена до глубины души. Она и думать забыла о приличиях. Задев ее за живое, Генри удалось сорвать с нее маску притворного равнодушия. Интересно, скоро ли она очнется и опять станет холодной светской леди?

— Вы считаете меня круглой дурочкой, мистер Уэстон? Вы прекрасно знаете, что брак с вами это очень выгодная партия. Многие женщины готовы отдать все, что угодно, чтобы связать вас брачными узами.

— Ах, так! Ну тогда любая из них могла бы без труда справиться со своей ролью — изобразить увлечение. В свою очередь, я мог бы убедительно сыграть свою роль — опьяневшего от любви глупца. Но вот вы...

Диана вскинула голову в негодовании.

— Значит, вы полагаете, что мне не по силам сыграть влюбленную в вас дурочку?

Генри кивнул с удрученным видом.

— Так вот, я смогла бы сыграть эту роль, но вся загвоздка не во мне, а в вас. Ну, кто поверит, что вы увлеклись мной? Никто!

— Но почему же?

— Потому что вы... это вы, а я... это я, — запинаясь, проговорила Диана.

— Понятно. — Генри улыбнулся и сделал шаг к Диане. — Знаете, когда вас охватывает смущение, или возмущение, или возбуждение, короче говоря, когда вы — это действительно вы, вы становитесь чертовски привлекательной.

— Я не возбуждена. Не выдумывайте.

— Вы не привыкли к комплиментам, не так ли?

— Я не привыкла, когда мне льстят.

— Я вас не обманываю.

Генри не лукавил. Наоборот, он укорял себя: куда он только смотрел все эти годы. Диана на самом деле была красавицей.

Но не в обычном расхожем понимании этого слова. Она походила на лилию — высокая, нежная, элегантная. Ее очарование не бросалось в глаза, даже такой тонкий ценитель женской красоты, как Генри Уэстон, столько лет смотревший на Диану, только сегодня разглядел и понял это.

Оказывая ей внимание, он помог бы другим джентльменам снять шоры со своих глаз и увидеть всю красоту этой жемчужины. Генри почти не сомневался: к концу сезона у Дианы отбоя не будет отдыхателей. Скорее всего от его затеи Диана выиграет намного больше, чем он предполагал в самом начале. Не будучи от природы слишком изобретательным, он ухватился за свою оригинальную идею.

Отступить назад нельзя было ни в коем случае.

— Мне кажется, мы стоим на перепутье, — тихо сказал он, делая еще один шаг к ней. — Никто из нас не считает, что другой способен так сыграть роль охваченного любовью человека, чтобы в нее поверили все остальные. В таком случае нам надо провести опыт.

— Какой опыт?

Он приблизился к ней вплотную, почти прижав к дверям.

— Поцелуй? — почти пискнула от испуга Диана. Она попыталась отойти назад, но идти было некуда, она уперлась спиной в дверь.

— Может, надо повторить это слово, чтобы вы лучше поняли? — Генри был полон решимости.

— Вы всегда ведете себя так нагло? — Диана гордо выпрямилась, всем своим видом показывая, что нисколько его не боится, и одновременно бросая взгляд на закрытые двери в тщетной надежде на побег. Генри усмехнулся. Ему раз или два удавалось ускользнуть из любовной западни, но ни одной даме до сих пор не удавалось ускользнуть от него.

У Дианы не имелось никаких шансов. Бежать было некуда.

Играя с ней как кошка с мышкой, Генри отступил назад. Сняв перчатки, он сунул их в карман жилета. Ласково взял Диану за руку и посмотрел ей в лицо, проверяя, как она отреагирует. Ее взгляд отражал настороженность, но страха или боязни в нем не было.

— Поцелуй — это не такая уж большая жертва с вашей стороны. В конце концов, надо убедить всех, что я ухаживаю за вами. Для того чтобы мое ухаживание выглядело убедительным, мне надо заставить вас поверить в то, что я к вам не равнодушен.

Генри нагнулся и зашептал ей прямо на ухо:

— А если вы, в свою очередь, докажете мне, что увлечены мной, наше представление станет еще убедительнее и лишь выиграет от этого.

Диана задрожала.

— Итак, Диана, можно мне поцеловать вас?

— Вы и тут не хотите оставить свои нахальные замашки. Зачем спрашивать позволения, если я целиком в вашей власти?

Ее голос звучал как-то странно. Генри не мог понять, то ли она взывает к его порядочности, то ли пытается, как это ни удивительно, соблазнить его.

— Да, вы правы. Нахал не спрашивает разрешения и обычно получает желаемое.

— Неужели? — Диана невольно облизала губы.

Как только ее розовый язычок прошелся по влажным и сладострастным губам, Генри напрягся от возбуждения.

— Мне не терпится вас поцеловать, — еле слышно прошептал он.

Она сглотнула комок в горле и слегка откинула голову назад, как бы позволяя ему совершить обещанное, а может, просто подчиняясь его желанию. Но Генри уже не различал подобных тонкостей. Поцелуй был неизбежен, более того, необходим, словно сама судьба подталкивала их к этому.

Диана судорожно стиснула руку Генри, тогда он свободной рукой ласково провел по ее шее. Как только его пальцы коснулись кожи, Диана моментально напряглась, глаза сузились. Генри почувствовал, как быстро пульсирует ее кровь. Легкими касаниями он принялся гладить ее нежную бархатистую кожу. Дыхание Дианы стало более спокойным, она расслабилась, а еще через мгновение тихо вздохнула и запрокинула голову назад в ожидании поцелуя.

Краска сбежала с ее лица. Кожа побледнела так, что сквозь нее проглядывали вены. Она походила на драгоценную фарфоровую вазу, изящную и хрупкую, с которой следовало обращаться очень бережно, чтобы не повредить.

Генри наклонился и нежно прижал губы к ее губам. Так целуются, поздравляя друг друга с каким-нибудь праздником. Он не мог даже вспомнить, когда он так целовался в последний раз. Поскольку Генри не имел никакого желания быть пойманным в брачные силки, он благоразумно оделял своей любовью вдов, актрис и женщин легкого поведения. Но поцелуй с

Дианой вызывал у него чувства, схожие с теми, которые возникают у путешественника, открывшего новую землю.

Генри нежно провел пальцами по волосам и поцеловал снова чуть ниже в шею. Диана тихо вздохнула, она уже не сопротивлялась и не возражала, более того, судя по всему, ей это начинало нравиться.

Слабая дрожь пробежала по ее телу и передалась Генри, который не мог не почувствовать ее. Он прижался носом к коже, вдыхая ее сладкий и нежный аромат, — запах чистой и невинной девушки. Его губы, чуть касаясь, ласково скользили вдоль шеи. Дыхание Дианы, сначала сдержанное, стало более глубоким.

Как вдруг с ее губ слетел тихий стон, говоривший о многом. О том, что Генри действовал умно и правильно. Его охватило волнение. Он опять впился в ее губы, сохранившие запах миндального ликера, который подавали на десерт. В нем чувствовалась сладость и пряный привкус — и все это как нельзя лучше сочеталось с запахом самой Дианы.

Она считала его беспринципным человеком, нахалом, и Генри захотелось оправдать это мнение. Воспользовавшись ее слабостью, он опять крепко поцеловал Диану. Поцелуй совершенно опьянил его. Ему неудержимо захотелось продолжения.

Голос благоразумия слабо зашевелился в его сознании, пытаясь вступить в борьбу со страстью, но быстро отступил, проиграв схватку. Не в силах сдержать порыв, он прижал ее к себе. К его удивлению, Диана задрожала и сама прильнула к нему.

Все шло слишком хорошо.

Их тела подходили друг другу, как нельзя лучше. Глубинное, звериное желание овладело Генри, он почти не понимал, что делает, он жаждал обладать ею, а Диана, очевидно, нисколько не противилась его желанию. Казалось, еще минута, и он не выдержит, поднимет юбки и овладеет ею прямо здесь в библиотеке. Ее хрипкое взволнованное дыхание, нарастая крещендо, доводило его до иступления.

Когда в последний раз им овладевала такая неистовая безудержная страсть? Виной всему была ее наивная неопытность, невинность, что оказалось для Генри новым, неизведанным, манящим и привлекательным. Все женщины, с которыми он сблизился в последние годы, были опытными и сведущими в любовной игре.

Но его отношения с Дианой нисколько не походили на игру, в любом случае он не играл с ее чувствами.

Обхватив рукой ее бедра, он еще плотнее прижал ее к себе, идя все дальше и дальше по дороге, ведущей к блаженству. Оторвав губы от его губ, Диана слабо вскрикнула и отвернулась в сторону. Очевидный отказ от дальнейшего продолжения. Она уже не шла вместе с ним по одной и той же дороге, осознание этого было мучительно для Генри, так как его разгоряченное желанием тело жаждало продолжения.

— Генри, прекратите! — В тишине ее голос прозвучал громко, как выстрел, и подействовал отрезвляюще, как холодный душ. Боже, он целовал Диану Мерриуэзер в библиотеке Келтонов, где их легко могли бы обнаружить.

Но ему совсем не хотелось останавливаться.

Диана, нет, для них обоих будет лучше, если он мысленно будет называть ее мисс Мерриуэзер, выглядела растрепанной и смущенной, но это лишь придавало ей очарования. Она была явно готова к несерьезным отношениям, но к несчастью, не относилась к тем женщинам, с которыми можно спокойно и безнаказанно флиртовать и развлекаться.

Он отступил от нее, заставляя себя думать о холодных озерах и занятиях в университете, лишь бы отвлечься, заставить себя думать о чем-нибудь другом.

О чем угодно, только не о ней.

— Как хорошо, что вы так благоразумны, — признался Генри.

Диана заморгала, постепенно выплывая из чувственного тумана, охватившего ее сознание. Она провела рукой по губам, которые еще хранили следы его поцелуев.

— Вы целовали меня, — промолвила она, словно не веря в случившееся.

— А вы меня, причем очень правдоподобно и, как мне кажется, без всякого притворства. Вы почти убедили меня в своих чувствах.

— В самом деле? — Ее брови взлетели вверх.

Генри закусил губу. Как бы они оба ни притворялись, но и он, и она прекрасно знали, что минуту назад их захватила страсть.

— Учитывая вашу природную неприязнь к нахам, можно было бы ожидать, что вы поведете себя... — он запнулся, подыскивая нужное слово, — ...более сдержанно.

— Более сдержанно, — повторила она, заливаясь краской от смущения.

— Вот именно. Но если вы помните, между нами не было никакой сдержанности, более того, никакого отчуждения или неприязни, — ухмыльнулся Генри. — Раз вы убедили меня в своем искусстве притворства, то, поверьте мне, теперь мы сможем без труда уверить высший свет в наших взаимных чувствах.

Диана остановила его, подняв вверх указательный палец:

— Мое внезапное увлечение вами ни у кого не вызовет сомнений. Мужчины мной совсем не интересуются, поэтому вряд ли кого-нибудь удивит, если я стану бегать за вами как собачка и вымаливать знаки внимания. Все сочтут это неким помешательством.

Генри улыбнулся:

— Вот видите, речь уже идет о помешательстве. Как быстро мы начинаем понимать друг друга и верить в то, о чем час назад никто из нас не смел даже думать.

— Тем не менее, — продолжала Диана, не обращая внимания на скрытую насмешку, — ваш план не очень удачен. Кто вам поверит, когда вы ни с того ни с чего начнете проявлять интерес ко мне. Я уже вам говорила и опять повторю, если вы столь непонятливы: я не отношусь к тем женщинам, которые вызывают у мужчин страсть. На меня мужчины смотрят равнодушно, тогда как вы вызываете у женщин...

У Генри не было больше сил слушать подобную чушь. Она — женщина, мимо которой мужчины проходят равнодушно? Она что, забыла, с какой страстью они целовались всего несколько

минут назад? Она не просто возбудила его, она буквально воспламенила в нем страсть. Его возбуждение до сих пор не улеглось, достаточно было посмотреть на его бріджи.

И она еще не верит, что он увлекся ею? И все же ее одолевали сомнения, и это было совершенно непонятно. Он и сейчас с трудом отводил глаза от восхитительных, чувственных губ, которые он целовал с такой жадностью и хотел бы целовать и дальше. Непонятно, как это случилось, но она вдруг превратилась для него в желанную и очень привлекательную женщину.

— По всей видимости, вам нужны дополнительные доказательства, — с довольным видом продолжал Генри. — Ну что ж, в таком случае с удовольствием вам их предоставлю.

Диана не сразу сообразила, что он имел в виду. Генри решительно подошел к ней и нежно обнял за плечи.

Так вот какие он имел в виду доказательства!

На этот раз Генри действовал смелее. Он сразу впился своими губами в ее рот без всяких предварительных осторожных нежностей, и тотчас же между ним и ею пробежал огонь, воспламенивший их тела.

* * *

Его восхитительные синие глаза светились от желания.

Диана вздохнула и обвила руками его шею. Если ее сознание еще колебалось, сопротивлялось, то тело сдалось, подчинилось происходящему. Если все нахалы умели целоваться так, как целовался Генри Уэстон, то нет ничего удивительного в том, что женщины становятся воском в их руках. Диана начала понимать, почему светские дамы, пользуясь каждым удобным случаем, сами увлекали дерзких нахалов в свои спальни.

О, святые угодники, откуда у нее столь греховные мысли?! Диана оторвалась от его губ и спрятала лицо на его плече, пытаясь привести чувства и мысли в порядок. Но это оказалось ошибкой. Его дурманящий, колдовской запах действовал на нее так же сильно, как его поцелуи.

— Вы опять скажете, что я к вам равнодушен? — Горячий шепот Генри будоражил и волновал ее чувства. Она чувствовала напряжение и твердость его тела.

— Вы и сейчас не верите мне? — простонал Генри. — Разве вы не замечаете, как ваше присутствие действует на меня? Разве это притворство? Я хочу вас.

Диана подняла лицо:

— Да, мне показалось, что я почти убедила вас.

Разозлившись, Генри выпалил в сердцах:

— Вы сказали «почти»?! Как верно подмечено! Вы почти убедили меня, так что я едва удержался от того, чтобы не взять вас прямо здесь в библиотеке.

Что?! Неужели он принял ее за шлюху! Диана чувствовала себя так, как будто ей дали пощечину. Ее родители разошлись из-за мнимой измены ее матери, которая никогда не

изменяла отцу. Однако в глазах высшего света их брак распался именно по этой причине. Со временем Диана заметила, что очевидная предвзятость лондонского света по отношению к ее матери невольно передалась и на отношение высшего общества к ней. И после стольких лет безупречного поведения она совершила поступок, который, как это ни удивительно, не был чем-то неожиданным для лондонского света. На душе у нее стало так грустно, что на глаза навернулись слезы.

— Пожалуй, все случилось... о боже, вы плачете? Неужели я вас чем-то обидел? — Генри расстроился.

Диана отрицательно замотала головой. Горло так сдавило от слез, что она не могла вымолвить ни слова. Он обидел ее, но не своими действиями, нет, он разрушил ее внутренние преграды, и то, что раньше было надежно спрятано, вдруг вырвалось и освободилось, и это почему-то напугало Диану.

— Нет, я вижу, вы чем-то напуганы. — Генри протянул было к ней руки, но остановился. — Я немного забылся. Утратил самообладание. Обещаю, подобное больше не повторится.

Диана смахнула рукой выступившие слезы.

Генри беззвучно выругался себе под нос и сказал:

— Поверьте мне, впредь я буду вести себя сдержаннее.

Он опять протянул к ней руки. На этот раз уже не сдерживая себя, он ласково обнял ее и привлек к себе.

— Вы вели себя настолько естественно, что я думать забыл о том, как это ново и неожиданно для вас.

Его нежность вместе с откровенностью обезоружили Диану, она была готова сдаться, уступить ему, но тут ее пронзила отрезвляющая мысль — сейчас не время и не место для этого. Кроме того, ее слишком долгое отсутствие наверняка заметила мать. Другим, в чем она была уверена, до нее не было никакого дела. Никто, наверное, даже не заметил, куда она вышла и с кем.

Но все-таки не стоило забывать об осторожности.

— Будет лучше, если мы вернемся в общую залу порознь, — здраво заметила Диана.

— Да, да, — тут же согласился Генри. — Давайте я пойду вперед. У вас тогда будет несколько минут, чтобы успокоиться. Завтра я нанесу вам визит.

— О, в этом нет никакой необходимости, — прервала его Диана.

— Позвольте не согласиться с вами. Визит к вам станет для всех наглядным свидетельством, что я увлекся вами.

— В таком случае вы можете просто послать мне цветы.

Диана пыталась предотвратить совсем ненужное, с ее точки зрения, появление Генри в ее доме. Да и весь его план по-прежнему не внушал доверия.

— Какие цветы вам больше всего нравятся?

— Лилейники. Моя мама выращивала их в саду, когда я была еще маленькой. Мой отец... — Диана запнулась, но затем все-таки продолжила, — ...называл их «лапочками», потому что считал их очень похожими на меня. Они такие светлые, яркие и в небольшую крапинку, словно на них веснушки.

— Прекрасно. Завтра я пришлю вам лилейники.

В его взгляде светилось такое внимание и участие, что боль, охватившая Диану от детских воспоминаний, тут же прошла.

— Но...

Генри приложил палец к ее губам:

— Никаких «но», никаких больше уверток и оправданий. Нам обоим хорошо известно, как вам хочется увидеть эти цветы.

Не успела Диана что-либо возразить, как он быстро повернулся и исчез, оставив ее наедине со своими спутанными мыслями и взволнованно бьющимся сердцем.

Он явно сошел с ума! Однако в глубине души она знала: ей будет приятно увидеть как цветы, так и самого Генри Уэстона. И спорить с этим просто бесполезно.

Глава 8

«Я предлагал вдвое увеличить приданое Дианы, и мое намерение по-прежнему остается в силе. Пусть мои недавно заработанные деньги не столь уважаемы, как состояние вашей семьи, зато сейчас я очень состоятельный человек. Как преуспевающий отец я намерен помочь своей дочери. Все, чего я хочу, — это видеться с ней. Хоть я не имею права просить вас посодействовать мне, тем не менее я прошу вас, помогите мне...»

Из письма Томаса Мерриуэзера его жене, леди Линнет Мерриуэзер.

Всю дорогу в Беркли-сквер Линнет осторожно наблюдала за дочерью. Сославшись на головную боль, та упорно хранила молчание, но Линнет мало ей верила. Впрочем, голова у Дианы в самом деле могла болеть, и Линнет даже знала, что или, точнее, кто был тому причиной. Вскоре после того как Диана объявила, что идет «спасать» нахального Уэстона, мать потеряла ее из виду.

Положа руку на сердце, Линнет знала: рядом с Уэстоном ее дочь в большей безопасности, чем в обществе любого другого мужчины, присутствовавшего на балу. Если мать Уэстона была искренна, то Генри, так же как и Диана, не хотел опутывать себя брачными узами. Промедление Уэстона было вполне объяснимо его нежеланием отказываться от удовольствий, связанных с холостяцкой жизнью, но то, что в конце концов он женится, не вызывало никаких сомнений. С Дианой все могло сложиться иначе, и Линнет чувствовала свою вину. Она и Томас разошлись, их разрыв проходил бурно и болезненно, со множеством ссор и взаимных оскорблений, чему их дети стали свидетелями.

Но если крошка Алекс плохо понимал происходящее, то восьмилетняя Диана была явно подавлена разрывом между матерью и отцом. По ночам ее стали мучить кошмары, какое-то время Линнет даже опасалась за рассудок дочери. Диана сумела справиться с ночными страхами, но шрамы от душевных переживаний в детстве остались и продолжали давать знать

о себе. Линнет была готова заключить договор с дьяволом, лишь бы тяжелые воспоминания исчезли навсегда из души ее дочери.

По приезде в Лэнсдаун-Хаус Линнет сказала, что очень устала и ей хочется отдохнуть, однако лечь в кровать не спешила. Она заметила тревогу Дианы, и ей хотелось выяснить причину.

Раздевшись и отпустив горничную, Линнет направилась в спальню Дианы. Она читала, лежа в постели, но сразу отложила книгу в сторону, как только увидела мать.

— Я зашла узнать, не стало ли тебе лучше, — так объяснила причину своего визита Линнет.

— О, мама, думаю, что очень скоро мне станет намного лучше, — улыбнулась Диана. — Сама понимаешь, если весь ужин просидеть между лордами Финкли и Блатерсби, то после этого у кого хочешь испортится настроение.

Улыбка Дианы могла ввести в заблуждение кого угодно, но только не ее мать.

— Да, в такой компании не очень-то повеселишься, — согласилась Линнет. — Но ведь тебе никогда не нравились подобные званые вечера.

— Мне не по душе не сами вечера, а гости, которых приглашают на них.

Мать присела на край кровати.

— Мне кажется, мистер Уэстон не относится к числу тех, к кому ты испытываешь неприязнь.

В ответ послышалось невразумительное бормотание.

— Он очень красив, — не унималась мать.

— Да, — вздохнула Диана.

— Ты два раза танцевала с ним на балу у Уэстонов. Я даже слышала, как леди Эндерсби что-то сказала по этому поводу.

Диана вскипела:

— Леди Эндерсби старая сплетница. Лучше бы она больше занималась своим сыном с его глупыми выходками, а не следила с кем и сколько раз я танцевала.

— Это, может быть, и справедливо, но в свете прислушиваются к ее словам. Тебе следует больше заботиться о своей репутации.

— Почему? — возмутилась Диана, вскидывая руки вверх в знак протеста. — Что такого хорошего она для меня сделала?

Возмущение дочери было вполне понятно. Но пренебрегать мнением вредной старухи не стоило, от него зависела репутация Дианы. Если репутация дочери будет запятнана, ей вряд ли удастся удачно выйти замуж.

— Дорогая, я знаю, что такое репутация и как много от нее зависит. Даже сейчас спустя столько лет я слышу злобный шепот, когда вхожу в гостиную или салон. Мне пришлось многое вынести, поэтому мне не хотелось бы, чтобы ты в своей жизни столкнулась с тем, с чем столкнулась я.

— Ты опасаясь, что мистер Уэстон забавляется со мной, как с игрушкой, — мрачно заметила Диана. — Ты ведь именно это хотела сказать?

— Диана, ты прелестная молодая женщина, у тебя есть голова на плечах, а также доброе сердце. Мистер Уэстон будет рад познакомиться с тобой поближе. Мои уговоры, конечно, не остановят тебя, ты вольна поступать по-своему. Да, он приятный молодой человек, но, дорогая, он не выказывает никаких намерений жениться. Если бы ты трезво взглянула на происходящее, как я, то нисколько бы не поверила в искренность его чувств.

— А если я не хочу смотреть трезво? Что ты скажешь на это? Если я просто захотела ощутить себя желанной, хотя бы на один вечер? Неужели ты намерена лишить меня даже столь малой доли счастья? Что же касается сплетен, то не только ты слышишь их!

Ответ прозвучал излишне резко. Диана испуганно прикрыла рот рукой. Слишком поздно: слово не воробей, вылетит — не поймаешь.

Линнет увидела, что глаза дочери полны раскаяния. Отповедь Дианы не была лишена справедливости, в ней содержалась жестокая правда, которая больно резанула мать по сердцу.

— Прости меня, — тихо ответила Линнет и встала с кровати.

— Мама, я не хотела...

Миссис Мерриуэзер не слушала дочь. Понимая, что еще немного, и она разрыдается, Линнет торопливо вышла из спальни и бросилась к себе. Очутившись в своей комнате, она закрыла двери, прислонилась к ним спиной и только тогда расплакалась, стараясь производить как можно меньше шума. Она ненавидела себя, свою несчастную жизнь, не знала, как жить дальше. Где, когда, почему она совершила ошибку, за которую приходилось так дорого расплачиваться?

Невольно в памяти начали всплывать воспоминания из далекого прошлого — о той чудесной, давней зиме в Халсвелл-холле, поместье ее родителей.

...Она выскользнула из дома, как только все заснули. Ее сердце гулко билось от страха, что ее обнаружат, но ей так хотелось увидеться с Томасом. Крадучись, она прошла задами вдоль конюшни к маленькому домику управляющего конюшней. Если раньше темнота сильно пугала ее, то сейчас Линнет радовалась ночному мраку, который надежно укрывал ее от посторонних глаз. Ей самой не нужно было света, потому что найти дорогу к коттеджу она, вероятно, смогла бы с завязанными глазами. Едва Томас открыл двери, как она бросилась к нему на грудь.

— Линнет? Зачем ты пришла?

— Мне захотелось увидеть тебя.

— Так поздно и в такую непогоду?! Я не стою этого, — шутливо произнес Томас, нежно обнимая ее и закрывая за ней дверь.

Она спрятала голову на его широкой и теплой груди.

— Когда ты меня так обнимаешь, мне кажется, со мной не может случиться ничего плохого. — Линнет погладила его рыжие кудри. Слегка наклонив его голову, она жадно припала к его

губам. Влюбленные тихо застонали от охватившего их счастья. Он целовал ее до тех пор, пока у нее не начали подгибаться колени, а тело не охватила истома. Голова у Линнет закружилась, она забыла обо всем.

— Давай займемся любовью, — предложила она. Линнет не в первый раз просила Томаса об этом, и каждый раз он упорно отказывался. Так вышло и сейчас.

— Не проси меня об этом, Линни. — Он отрицательно замотал головой и выпустил ее из своих объятий. В его синих глазах блеснула стальная решимость.

— Ты знаешь, как я люблю тебя, но пойти на это не могу. Нет, нет и нет. Никогда я не поступлю с тобой так бесчестно, никогда не обману доверие, которое оказал мне твой отец. Я не стану похищать твою невинность под покровом ночи, словно какой-нибудь вор.

— Сегодня мама опять заговорила о сезоне. Он еще не начался, а она уже волнуется. Ей непременно хочется, чтобы я обручилась. Меня сватают за герцога Инвуда, но мне до сих пор удавалось ускользнуть от помолвки под предлогом, что у герцога не кончился траур. Мама почти уверена в возможности этого брака. Но если я откажу всем искателям моей руки, то есть надежда, что родители все-таки согласятся с моим выбором. Помнишь тот скандал, когда герцог женился на дочери объездчика королевских лошадей? Думаю, хуже не будет.

— Как знать? Та девушка принесла герцогу богатое приданое, тогда как я могу дать тебе только себя и туманные перспективы вместе с надеждой на счастливое будущее. Высший свет охотно простит герцога за то, что он женился по расчету на незнатной девушке. Но свет не простит мне, если я женюсь на тебе по любви. К тебе может перейти титул герцогини, тогда как брак со мной все разрушит.

— Но мне так хочется счастья. Разве Инвуд способен мне его дать? — В голосе Линнет слышалась явная горечь. — Мои родители никогда не дадут согласия на наш с тобой брак. Или все же согласятся. Как думаешь?

— Нет, — помолчав, ответил Томас. — Они не согласятся. Если даже удастся сохранить с ними добрые отношения, нам все равно придется нелегко.

— Как же нам быть? — Линнет в отчаянии опустила на пол.

Томас бережно поднял ее на руки и опустился вместе с ней в кресло, стоявшее перед камином, в котором весело потрескивал огонь.

— Я люблю тебя, ты же знаешь, как мне хочется жениться на тебе, независимо от того, дадут согласие или нет твои родители. Это твоя жизнь, тебе выбирать, тебе решать, как жить дальше. А я буду любить тебя всегда, решишь ли ты выйти за меня или остаться вместе с родителями.

— Я не хочу ничего ни решать, ни выбирать. — Она прильнула как можно ближе к нему, спрятала голову на его сильной груди, пытаясь согреться его теплом.

— Я все понимаю, — тихо произнес Томас, гладя ее волосы. — Как я презираю себя за то, что ставлю тебя перед необходимостью выбирать. Я не могу расстаться с тобой, — это единственное, что может служить мне оправданием.

Он ласково похлопал Линнет по спине:

— Пожалуйста, Линни, не надо плакать. От твоих слез у меня болит сердце. Тебе сейчас не обязательно что-либо решать. Время терпит, сезон еще не начался.

Линнет решительно вскинула голову: ее женская интуиция подсказала ей — нельзя больше тянуть, пора делать выбор.

— Возможно, к этому выбору меня подталкивает моя любовь, но еще сильнее подталкивают мои родители. Если бы они волновались о моем счастье так, как волнуешься ты, они бы согласились на мой брак с тобой.

Ее голос дрожал, улыбка выглядела смущенной. Линнет положила ладонь ему на сердце.

— Я выбираю тебя, Томас...

...Тихий стук в дверь прервал воспоминания. Торопливо смахнув слезы, Линнет воскликнула:

— Да?

— Прошу извинить меня, миледи, — мешая французские и английские слова, проговорила Мартина, камеристка старой герцогини. Будучи родом из Франции, Мартина никак не могла отвыкнуть от привычки вставлять в свою речь французские слова. — Герцогиня хочет видеть вас.

— Прямо сейчас?

— Да, сейчас.

Линнет вздохнула. Она не испытывала никого желания разговаривать сейчас с матерью, но не считаться с просьбой ее светлости, которая была равносильна повелению, она никак не могла.

— Хорошо, Мартина. Передай, я приду через несколько минут.

Сполоснув как следует лицо в дамской комнате, она аккуратно вытерла его, посмотрела на себя в зеркало и опять задумалась.

Томас, Томас... Она полюбила его с первого взгляда, как и он ее. Несмотря на долгие годы разлуки, на всю боль и страдания, она по-прежнему любила его. Но какова была цена, которую она заплатила за эту любовь, заплатил Томас, заплатили ее дети и ее близкие...

Как мать, она желала для своей дочери лучшей участи. Выходить замуж по любви, в глазах Линнет, теперь выглядело страшной глупостью. Она послушалась зова сердца, наивно полагая, что любовь станет мостом, соединяющим два берега разных социальных положений — ее и Томаса, что любовь сотрет, уничтожит разницу между ними. И какое-то время так и было. А потом все рухнуло: ее счастье, семья, мир в доме — все рассыпалось и развалилось, словно картонный домик.

Для Линнет это стало шоком. Она, так верившая в прочность ее с Томасом брака и считавшая, что он продлится вечно, вдруг столкнулась с тем, с чем сталкиваются почти все семьи. Основы ее семейного счастья, казавшиеся незыблемыми, вдруг начали понемногу давать трещины, на что она поначалу даже не обращала внимания.

Но годы шли, трещины ширились, углублялись, со временем их уже больше нельзя было игнорировать. Она и Томас, как умели, латали дыры в их отношениях, но когда заплат и латок

стало слишком много, все, что связывало их раньше, вдруг порвалось, и они уже не смогли с этим справиться. Линнет слишком поздно спохватилась, она даже не заметила, насколько хрупким стал их брак, разбившийся в результате очередной ссоры.

От вновь нахлынувшей на нее тоски опять потекли по щекам слезы. Наконец, Линнет взяла себя в руки, умылась и решительно направилась в спальню матери.

Подобно всем другим комнатам особняка, спальня герцогини подавляла своими размерами, роскошью, величием и... деспотизмом.

— Добрый вечер, мама. — Линнет поцеловала ее в морщинистую щеку. — Леди Келтон передает тебе свои наилучшие пожелания. Тебе уже лучше?

Герцогиня недовольно пожала плечами:

— В моем возрасте уже привыкаешь к плохому самочувствию. Вряд ли мне вообще станет легче. Но как только я умру, мне сразу станет лучше.

«Она шутит, значит, все не так уж и плохо», — мелькнуло в голове Линнет, но вслух она сказала совсем другое:

— Прошу тебя, не надо так шутить. Я уверена, что ты проживешь еще немало лет.

— Много или мало — это не столь важно. Сейчас для меня важнее всего — успеть увидеть свою внучку замужем.

— Я хочу того же не меньше, чем ты. Волею судьбы во время последнего званого ужина я сидела за столом рядом с одним многообещающим молодым человеком.

— Как его зовут?

— Сэр Сэмюэль Стикли, он кузен леди Келтон.

— Баронет, — презрительно отозвалась герцогиня. — Но сейчас выбирать не приходится. А какое впечатление он произвел на Диану?

— К сожалению, им не удалось познакомиться, они даже не виделись. Сэр Сэмюэль был вынужден срочно уехать к себе в поместье: какие-то неотложные дела, требующие его присутствия. Но я очень надеюсь, что по возвращении в Лондон он непременно нанесет нам визит.

— Ну что ж, будем ждать, а там посмотрим.

Герцогиня кивком головы предложила дочери сесть на скамеечку для ног, стоявшую рядом с ее креслом.

— Мартина, подай мне гребень.

Она развязала ленту, стягивавшую волосы дочери, распутив их по плечам. Взяв в руки украшенный серебром гребень, она принялась расчесывать роскошные пряди. Это был давний и хорошо знакомый с детства ритуал. Если раньше, когда Линнет была девочкой, он ей нравился, то сейчас кроме скрытого раздражения ничего не вызывал. Она давно стала взрослой, у нее имелись свои собственные дети, достигшие брачного возраста. Но здесь в Лэнсдаун-Хаусе Линнет навсегда оставалась маленькой девочкой, которую могли отчитать за

проступки, наказать за плохое поведение, и от этого никуда нельзя было деться.

Если, в конце концов, мать сжалилась и сумела простить дочери ее самый большой грех, то отец остался тверд и непоколебим. Он почти не разговаривал с дочерью, которая навсегда лишилась его благорасположения. Родители приняли дочь обратно в свой дом, но в сердце, и Линнет это чувствовала, они не простили ни ее, ни ее самовольного брака. Сколько бы горьких переживаний ни вызывало у Линнет ее прошлое, будущее вместе с настоящим внушали ей еще больше тревог и опасений.

— Продолжай, — потребовала герцогиня. — С кем танцевала Диана?

— Несколько раз с Уэстоном.

— А-а, очень красивый малый. Это нам на руку, когда их видят вместе.

— Диана, как мне кажется, слегка увлеклась им, и меня это настораживает. У него такая репутация...

— Прекрасный молодой человек, из хорошей семьи, в будущем он унаследует титул виконта. — Герцогиня явно не разделяла озабоченности Линнет. — Если Диана выйдет за него замуж, то займет более высокое положение в свете, чем став женой баронета. В отличие от тебя она никак не может унаследовать титула отца.

Это был прямой намек на неудачное замужество Линнет, которое лишило ее дочь ряда светских привилегий.

— Да, не спорю, Генри Уэстон из хорошей семьи, но он не пара Диане. Почему он вдруг стал так любезен с ней? Последние годы он ее избегал.

— Как знать, может быть, его подталкивают родные, напоминая о долге перед семьей.

«В отличие от тебя, неблагодарной», — в ушах Линнет почти явственно прозвучали эти несказанные слова. Она решила переменить тему разговора, начинавшего приобретать нежелательный подтекст.

— На другой день после бала Диана призналась мне, что ей хотелось бы, чтобы этот сезон стал для нее последним.

— Ну что ж, вполне благоразумное решение. Если она и в этом году ни с кем не обручится, то скорее всего она уже никогда не выйдет замуж.

Линнет недоуменно заморгала:

— Но ведь ты сказала, что твое самое горячее желание — увидеть внучку замужем.

— Если бы я действительно захотела, то она давно бы вышла замуж. Впрочем, я не намерена отступать. Если Диане не удастся никого заполучить к концу этого сезона, а мы обе понимаем, насколько это маловероятно, в таком случае придется поискать другие способы. Что скажешь насчет того, чтобы провести несколько месяцев в Бате или Брайтоне. В этих курортных городах публика самая разношерстная, общество смешанное, что, конечно, мне не очень нравится, но иногда и там можно встретить приличного джентльмена весьма знатного происхождения. Кроме того, Диану можно выдать за какого-нибудь почтенного джентльмена пусть даже и

преклонного возраста. Я уже попросила мужа составить список друзей и знакомых, которые могли бы составить партию нашей Диане.

— Нет! — От возмущения Линнет вскочила на ноги. Она скорее согласилась бы на то, чтобы Диана ушла в монастырь, лишь бы ее дочь не стала женой какого-нибудь старого распутника, годящегося ей в отцы, если не в деды.

— Что ты хочешь этим сказать? — Голос герцогини, как и полагается настоящей леди, звучал ровно, спокойно, невозмутимо, но в нем слышалась стальная твердость.

— Мне бы не хотелось утруждать отца, может быть, все уладится и без его участия, — попыталась вывернуться Линнет. — Ведь сезон только начинается, может, все образуется без его вмешательства.

— Твои слова не лишены смысла. В конце концов, нет худа без добра. Если Диана так и не выйдет замуж, то она станет для тебя опорой и утешением в старости, как ты для меня.

«Разве такой участи я желаю моей дочери? В отличие от тебя мне не безразлично ее счастье», — хотелось крикнуть Линнет. От негодования она не находила слов: ее мать как была эгоисткой, так и осталась.

Себялюбие родителей погубило ее брак, уничтожив возможность обрести свое собственное счастье. Хотя это не совсем верно. Ее брак распался под влиянием ряда других причин, но упорное нежелание родителей признать ее выбор, пойти на примирение, лишь подливало масло в огонь. С упорством, достойным всяческих похвал, они вбивали клин между ней и Томасом и, в конце концов, добились своего.

Отложив гребень, старая герцогиня принялась заплетать волосы Линнет в косы.

— Есть ли какие-то новости от моего внука?

— Ничего нового с момента нашей последней встречи.

Герцогиня недовольно фыркнула:

— Но с тех пор прошло почти три недели.

Линнет рассмеялась:

— Я была бы только рада каждый день получать от него известия, но у молодых людей в его возрасте, обучающихся в университете, есть куда более приятные занятия, чем писать письма родственникам. Впрочем, я уверена, что у нас нет поводов для беспокойства. Алекс всегда был уравновешенным и благоразумным мальчиком, он не из числа тех юношей, которые причиняют лишние хлопоты своим родителям.

— Я не могу не беспокоиться о моем внуке. У меня есть наглядный пример — твой брат. Уехав давным-давно в Индию, он не собирается возвращаться домой. А ведь пора. Надо помочь отцу, снять с его плеч тяжкий груз управления нашими поместьями.

Линнет не слушала, так как знала почти слово в слово дальнейшие сетования матери. Она плохо знала брата, Дэвид был старше ее на восемь лет. Виделись они редко лишь во время каникул, когда Дэвид приезжал домой. Говорил он мало, что вполне понятно: слишком велика была между ними разница в возрасте. Окончив Кембридж, Дэвид тут же уплыл в Индию, где

получил хорошую должность в Ост-Индской компании. И судя по всему, ему там так понравилось, что он и думать забыл о возвращении домой. Линнет хорошо понимала его: иногда ей тоже хотелось уехать как можно дальше от родителей.

— Раз в полгода он пишет мне письма, из которых видно, что он по крайней мере жив и здоров. Если Дэвид так небрежно, так легкомысленно относится к своему долгу, в таком случае его заменит Алекс. Он станет наследником. — Герцогиня взмахнула обеими руками, делая утверждающий жест.

— Да, понятно, — уже без прежнего восторга, сдержанно ответила Линнет. После ее замужества родители прекратили всякое общение с ней. Первые шаги примирения и сближения были сделаны ими после рождения Алекса, и Линнет сразу поняла, в чем тут дело. Ее сын со временем мог стать герцогом Лэнсдауном, только ради этого пришлось бы соблюсти ряд формальностей.

Она пыталась втолковать это Томасу, когда к ним вскоре после рождения Алекса приехали ее родители. Их сопровождала свита слуг и служанок, несколько экипажей, наполненных дорогими и, увы, большей частью бесполезными подарками. Томасу очень хотелось захлопнуть двери дома прямо перед их носом, но Линнет уговорила его не горячиться. О, как она надеялась, как она верила тогда в возможность примирения с ее родителями.

— Дорогая, только не надо принимать это за изъявление любви и доброй воли со стороны твоих родителей. Мы же все прекрасно понимаем, в чем тут фокус. Твои родители потеряли надежды, возлагаемые на твоего брата, и теперь решили заменить его Алексом.

Линнет обхватила его за шею, прижалась к груди, пытаясь всеми доступными ей средствами охладить вспышку гнева. Но Томаса было не просто утихомирить. О, как она любила его за эти настоящие мужские качества — твердость, решительность, упорство.

— Я прекрасно понимаю тебя, — как можно мягче ответила она, — но если они увидят детей, то не смогут не полюбить их. С другой стороны, Диана и Алекс тоже привяжутся к деду и бабушке. Томас, мы же одна семья. У тебя никого нет. Если с нами, не дай бог, что-нибудь случится, кто, кроме моих родителей, позаботится о будущем наших детей? А у них, и не забывая об этом, от рождения есть привилегии. Когда Диана вырастет, она сможет составить более выгодную для себя партию, пользуясь покровительством герцога и герцогини Лэнсдаун. Алекс...

— Алексу не нужны пять служанок, чтобы вытереть задницу. К чему бархатные пеленки или эта ужасная колыбелька с вырезанным герцогским гербом? Я заметил, какими глазами твоя мать смотрела на наш дом и на его обстановку. На ее лице отпечатался ужас, как будто мы с тобой живем в нищете. Вероятно, она колебалась: правильно ли она сделала, решив остановиться у нас в доме, а не в местной гостинице.

— Ты прав, колыбелька великовата, но ведь это подарок. Я даже думаю, что они заикнутся о том, что Алекса следует воспитывать у них в Халсвелл-холле. — Линнет попыталась рассмеяться, но смех вышел натянутым и неестественным.

Томас даже не улыбнулся в ответ, более того, его лицо стало мрачнее и суровее.

— Я понимаю, как тебе нелегко, — тихо сказала Линнет, — но им тоже очень тяжело...

— Им тяжело?! Зато мне глубоко наплевать на их чувства. — Томас взорвался от

возмущения. — Интересно, о чем они думали, что чувствовали, когда поставили тебя перед жестким выбором — или они, или я. И вот теперь у них хватает наглости заявиться к нам в дом и взять то, что по праву принадлежит мне. Алекс мой сын, мой, понимаешь, и я никогда не отдам его этим бездушным, черствым людям, которые называются твоими родителями.

Линнет обхватила его лицо руками и ласково взглянула ему в глаза:

— Томас, пожалуйста, я это сказала, не подумав. Алекс, конечно, останется с нами.

Ее слова вместо того, чтобы успокоить его, еще больше взвинтили его напряженные нервы. Томас схватил ее за руки и с тревогой в голосе произнес:

— Им нужен не только Алекс. Им нужна также и ты. Они только и думают о том, как бы отнять тебя у меня. Они никогда не считали наш брак законным.

— Тише, любимый, успокойся. Я никогда не уйду от тебя.

— Я ни за что не отпущу тебя, Линни.

В его голосе было столько страдания, нежности и любви, что у нее больно и сладко сжалось сердце.

— Ты моя жена. Ты выбрала меня, и мы поженились. Я не знаю, как могло случиться такое чудо, но...

Линнет прервала его спутанную и взволнованную речь поцелуем.

— Я люблю тебя, поэтому и выбрала тебя. Я всегда буду вместе с тобой и с нашими детьми. Если бы я сейчас опять оказалась перед выбором — ты или они, — я бы снова выбрала тебя.

Томас кивнул, но в то же время старался не смотреть ей в глаза. Его сомнения в ее искренности задела Линнет.

— Я знаю, — срывающимся от волнения голосом сказал он. — Я уверен в твоей любви, но ты стольким пожертвовала, выходя за меня замуж — своим положением в свете, своим комфортом...

— Ничем я не жертвовала, я просто начала новую жизнь, ту, которая мне больше нравится. А с тобой я обрела новую семью.

— Но ты ведь иногда плачешь по ночам, а я лежу, притворяясь спящим, стискивая зубы от бессилия, что ничем не могу помочь тебе...

* * *

Если бы только Томас знал, как часто по ночам она плачет теперь. Линнет невольно поднесла руку к груди, чтобы унять ту щемящую боль, которая охватывала ее всякий раз, когда она вспоминала мужа.

— Тебе нездоровится? — вдруг спросила герцогиня.

— Да, кажется, небольшое несварение желудка, — привычно солгала Линнет. — Думаю, завтра мне будет лучше.

«Завтра будет лучше», — как часто она говорила самой себе эти слова с тайной надеждой. Может быть, в один из дней так и случится.

Диана лежала в темноте, прислушиваясь к цокоту копыт о покрытый гравием двор. Мысли вяло текли в ее полусонном сознании. Не стоило так резко говорить с матерью. Интересно, а как спалось Генри этой ночью? Думал ли он о своем предложении так, как думала она, долго ворочаясь с боку на бок, пока, наконец, не уснула? Вспоминал ли их поцелуй? Скорее всего вряд ли. Вне всякого сомнения, он целовался со многими женщинами. Что для него поцелуй? Тогда как для нее он значил очень много. Диану охватило раскаяние: все-таки ее мать права, волнуясь за нее, но ее волнение и тревога усилились бы, если бы она знала обо всем.

Дверь тихо скрипнула и отворилась. Диана замерла, не зная, как ей быть, притвориться спящей или дать знак, что она проснулась. Совесть подсказывала, что ей следовало бы извиниться перед матерью, но сумбур в голове от тревожного сна мешал принять решение.

Послышались легкие шаги, а затем запах лаванды. Этот аромат издавала одежда Линнет, так как она перекладывала цветками лаванды свои вещи. В детстве Диана любила помогать матери собирать эти цветы в красивом солнечном саду, где они провели немало счастливых дней. Теперь их жизнь протекала в скучном Лондоне, в охоте за ее будущим мужем.

Диана перевернулась на спину с тихим вздохом: как ей нравился этот аромат!

Мать уселась на край постели и по привычке поправила одеяло.

— Я не разбудила тебя?

— Нет, я уже проснулась. Я неважно спала этой ночью. Я прошу у тебя прощения за то, что сказала вчера. Я не хотела...

— Ничего страшного, я все понимаю. Мы часто теряем контроль над собой, когда злимся. Твое будущее очень меня беспокоит. Ты моя дочь, и мне хочется защитить тебя от всего плохого. Ты ведь знаешь, какие слухи ходят о мистере Уэстоне и его любовных похождениях. Было бы лучше, если бы ты держалась от него подальше, а еще лучше, если бы ты проводила время с таким джентльменом, как сэр Сэмюель.

Диана приподнялась, присела в кровати и взяла мать за руку.

— Мама, ну зачем фантазировать? Сэра Сэмюеля сейчас здесь нет, и неизвестно, появится ли он вообще. А даже если и появится, то не исключено, что, едва взглянув на меня, побежит прочь, крича от ужаса.

— Диана, хватит шутить. Никуда от тебя он не побежит.

Не в силах удержаться, Диана рассмеялась. Но все-таки как приятно сознавать, что хотя бы один человек на свете верит в то, что она лучше всех, что о браке с ней мечтают все мужчины, только почему-то стесняются признаться в этом.

Невольно ее мысли вернулись к Генри и его предложению. Это было сильнее ее: как бы ни старалась, она не могла думать ни о чем другом. Впрочем, ее больше волновало не само предложение, а вкрадчивые обольстительные манеры Генри Уэстона.

Но выполнит ли он данные им обещания? Только один человек — ее мать — считала Диану

находкой сезона. Как знать, может быть, внимание к ней Генри Уэстона вызовет интерес со стороны других мужчин, которые потеряют голову из-за нее, или по крайней мере сочтут ее предметом, достойным внимания? Нет, нет, не стоило думать о себе так пренебрежительно.

Впрочем, Генри, придумавший весь этот план, наверное, передумал. Проснувшись и придя в себя, он счел все им предложенное минутной блажью, непонятно как накатившей на него. Может, это как раз к лучшему. И он, и она впредь будут молчать об их уговоре, а для остальных все останется как прежде. Ведь каждый ее Сезон двигался по накатанному пути и ни к чему не приводил. Может, ей в самом деле следует кое-что изменить или самой чуть-чуть измениться.

— Мама, то, что ты раньше говорила мне о мистере Уэстоне... правда. Он несколько не увлекся мной.

— Милая моя, ты меня не совсем поняла. Я никогда не считала, что мужчины не могут из-за тебя потерять голову, а просто призывала тебя к осторожности.

— Да, да, знаешь, я беседовала с ним вчера. Он... — Диана запнулась, глубоко вздохнула и, очертя голову, бросилась вперед: — Он предложил мне заключить взаимовыгодное соглашение. Ничего неприличного, — торопливо добавила она, заметив недоуменное выражение на материнском лице. — Он начнет ухаживать за мной, точнее, делать вид, будто ухаживает, что, по его мнению, должно привлечь ко мне внимание других джентльменов.

Диана небрежно пожала плечами, чтобы скрыть свое смущение:

— Не знаю, подействует ли это, но, как мне представляется, я ничего не теряю от такого предложения. Да, мне известно, какая у него репутация, но, мама, ты же знаешь, что любая светская дама была бы рада хоть на время считать его своим поклонником. Кроме того, я совершенно уверена, что он не причинит ни малейшего вреда моей репутации. Он хочет жениться на мне не более, чем я хочу выйти за него замуж.

Ее слова, похоже, не убедили мать.

— Если не считать удовольствия быть в твоём обществе, что в таком случае привлекает к тебе мистера Уэстона?

— Он полагает, что его мать, видя, как он ухаживает за мной, перестанет донимать его требованием жениться. Кроме того, он хочет заняться одним делом, а поскольку я не вправе требовать от него слишком много внимания, он сможет распоряжаться своим досугом более свободно.

Это также несколько не убедило ее мать.

— Понимаешь, он хочет улучшить свою репутацию. Ему очень нравится мнение, которое сложилось обо мне в свете, как о добродетельной особе.

Диана порадовалась, что в спальне царил полумрак, скрывавший краску смущения на ее лице. Ее поведение на последнем балу вовсе не было приличным и достойным добродетельной особы.

Эти жаркие поцелуи. Напряженное мужское тело, прижавшееся к ней. Вздохи, стоны, прерывистое дыхание. Волнующие чувства...

Довольно! Диана стиснула руки в кулаки и попыталась унять быстрое сердцебиение. Такое возбуждение из-за одних только воспоминаний!

— А чем хочет заняться мистер Уэстон? Надеюсь, чем-то приличным, достойным уважения? В противном случае мне трудно понять причины его беспокойства по поводу своей репутации.

— Да, конечно, — оживилась Диана, но потом, прежде чем ответить, как-то сникла. — Он хочет завести конезавод.

— Да?! Совсем как твой отец, — задумчиво, без особой радости, отозвалась Линнет.

— Он несколько не похож на моего отца.

Когда счастливый, детский мир Дианы рассыпался, развалился на части, его осколки, ранившие сердце девочки, оставили до сих пор незажившие раны, которые, несмотря на все прошедшие годы, кровоточили болью и обидой. Иногда Дианой овладевали приступы глухого отчаяния, она замыкалась в себе и могла просидеть одна весь день, думая о том, какой прекрасной могла бы быть ее жизнь. Старая обида опять поднялась со дна души, но Диана поспешно отогнала ее прочь. Сейчас не время думать о прошлом.

— Он опять написал мне, предлагая увеличить твое приданое, — вопросительно поглядывая на дочь, проговорила Линнет.

— Мне не нужны его деньги, — взорвалась Диана. — Деньгами нельзя купить прощение.

Линнет вздохнула и ласково погладила дочь по плечу.

— Настоящее прощение идет от сердца, и тогда оно дается легко и свободно. Подумай, дочка, мне кажется, время прощать уже наступило. Наказывая и мучая его, ты тем самым наказываешь себя и сама же мучаешься. — Она наклонилась к Диане и нежно поцеловала ее в щеку.

Не говоря больше ни слова, Линнет встала и вышла из спальни. Диана так же молча проводила ее взглядом. Материнские слова поразили ее: неужели мать простила отца? Как она смогла? Нет, нет, Диана не простит, ни за что не простит.

А Генри?

Нет, он совсем не похож на ее отца. Слишком они далеки друг от друга. Боже, как она боготворила отца, а он так легко отказался от нее, разбил ее сердце. Генри совсем не как ее отец, она ни за что не позволит ему обрести такую же власть над ней, какую когда-то имел ее отец.

Глава 9

«В детстве мне мешала спать Роза, а теперь мои взвинченные нервы. То, что забавляло меня несколько дней назад, теперь вызывает одно лишь беспокойство. Боюсь, то, что происходит между Хэлом и мисс Мерриуэзер, добром не кончится. Я заметила печаль в ее глазах. Хэл может избавить ее от печали, но с таким же успехом может погубить эту девушку. В отличие от моей мамы у меня нет уверенности, что они будут прекрасной парой. От нечего делать я составила список того, что может случиться, например, мисс Мерриуэзер, на самом деле не мисс, а особа, тайно вышедшая замуж. Ее муж уехал на континент из-за какого-то скандала, но проведав о том, что Хэл начал ухаживания, вернулся в Англию и вызвал Хэла на дуэль, как в

«Таинственном ухаживании».

Из письма маркизы Шелдон своей тете вдовствующей маркизе Шелдон.

От дома на Джермин-стрит, где жил Генри, до Лэнсдаун-Хауса было рукой подать. Лэнсдаун-Хаус вместе с садом, окруженным кирпичной стеной, располагался на Беркли-сквер. Едва Генри постучался, как ливрейный лакей распахнул двери. Войдя внутрь, Генри протянул визитку дворецкому.

Он не знал, какой прием ему окажут, но внутренний голос подсказывал, что его ждут. Судя по удивленному лицу дворецкого, его внутренний голос ошибся. Быстро совладав с удивлением, как и полагалось вышколенному слуге, дворецкий отправил лакея к мисс Мерриуэзер, а сам провел гостя в пышную, богато отделанную золотом, лепниной и картинами гостиную.

— «Экстравагантно», — промелькнуло в голове Генри, хотя он был знаком с внутренним убранством особняка. Он раз или два присутствовал здесь то ли на балу то ли на званом вечере, но тогда многочисленная толпа гостей мешала оценить роскошь обстановки, мало в чем уступавшей пышности королевских залов. Пожалуй, ему следовало бы одеться, как для королевского приема, а не как для прогулки по парку.

Ожидание затягивалось, и Генри понял, что его приход стал полной неожиданностью не только для дворецкого. У него уже начала затекать рука, в которой он держал букет лилейников, когда в гостиную почти вбежала запыхавшаяся Диана и, присев в коротком реверансе, проговорила:

— Прошу меня извинить за столь длительное отсутствие, но я никак не ожидала вашего появления у нас сегодня.

Генри отдал вежливый поклон:

— Разве я не говорил, что приду с визитом на следующий день. — И он протянул цветы Диане.

— Какие чудесные цветы! — Диана взяла букет, вся зардевшись от удовольствия.

Вдохнув сладостный аромат, она мечтательно закрыла глаза.

— Благодарю вас и еще раз прошу меня извинить. Следовало бы подготовиться к вашему визиту, но мне почему-то показалось, что вы передумаете, как только придете в себя.

— Приду в себя? — удивился Генри, которого совершенно обескуражил ход ее мыслей.

— Мистер Уэстон, какой неожиданный сюрприз, — в гостиную вошла мать Дианы.

— Леди Линнет, — еще вежливее и почтительнее поклонился Генри, чтобы скрыть охватившее его раздражение. Выпрямившись, он невозмутимо произнес: — Вы не возражаете, если мы с Дианой прогуляемся по вашему саду? Мне бы хотелось продолжить обсуждение содержания книги, которая нам обоим так понравилась и о которой мы так долго говорили вчера на балу.

По губам Генри скользнула его самая любезная и обольстительная улыбка, против которой, как он знал, не могла устоять ни одна дама. Но леди Линнет отразила ее, не моргнув глазом.

Более того, она окинула его взглядом, в котором отражалось явное недоверие, которое Генри счел вполне заслуженным. Тут он явно хватил через край: невозможно было представить,

чтобы он и Диана могли прочитать одну и ту же книгу. После университета он вообще не читал ничего, кроме самого непристойного, чтобы не сказать похабного, чтива, да еще с картинками.

Леди Линнет нахмурилась, как будто прочитав его мысли.

— Почему бы и нет, если вы и Диана будете гулять в пределах сада. Ступай наверх, Диана, и надень соломенную шляпку.

Диана заколебалась, она явно не хотела уходить и оставлять Генри наедине с матерью. Прежде чем выйти, она раз или два с тревогой обернулась.

— Вы и моя дочь слишком долго оставались наедине вчера вечером, мистер Уэстон, — уже не притворяясь, с откровенным неудовольствием заметила леди Линнет.

Только сейчас Генри догадался, почему так волновалась Диана. Она боялась за него.

— Ваша дочь прекрасная собеседница, миледи. Находиться в ее обществе — настоящее удовольствие для любого джентльмена, — как можно большей искренностью произнес Уэстон.

Холодность леди Линнет слегка растаяла.

— Вы совершенно правы. Неужели именно с целью обнаружить перед другими джентльменами ее таланты, вы и придумали свой план?

У Генри перехватило дыхание: неужели Диана обо всем рассказала матери?

— Да не пугайтесь так, мистер Уэстон. Да, Диана кое-что мне рассказала, но она полагала, что вы передумаете. Правильно ли я поняла из вашего нынешнего визита к нам, что вы всерьез взялись за осуществление ваших намерений? Что вы впредь станете ухаживать за моей дочерью?

— Совершенно верно, миледи. Я бы не стал просить мисс Мерриуэзер помочь мне, если бы и впрямь не считал, что сумею быть ей не менее полезным, чем она мне.

Линнет тяжело вздохнула:

— Не могу сказать, что верю в осуществление вашего плана, мистер Уэстон, но вот так сразу отказаться от него я тоже не могу, как бы мне этого ни хотелось. Никакая мать не обрадуется, видя дочь в обществе джентльмена с такой репутацией, как ваша.

— Все, что вы слышали обо мне... — начал было Генри.

Линнет подняла руку, призывая его к молчанию.

— Мистер Уэстон, я прекрасно понимаю, что нельзя верить слухам, но, с другой стороны, нет дыма без огня. В любом слухе содержится большая или меньшая доля истины. Хотя бывает, что слухи распространяют из злобы и зависти, и в них нет ни грамма правды. Надо отдать вам должное, вы очень привлекательны, поэтому нет ничего удивительного в том, что вы пользуетесь таким успехом среди дам. И я не думаю, что слухи о ваших победах совершенно беспочвенны, поэтому заявляю вам прямо: моя дочь не игрушка, и я не хочу, чтобы для вас она стала очередным мимолетным увлечением.

Теперь Генри стало ясно, почему его мать дружила с леди Линнет. Между ними было много

общего: они внушали уважение, смешанное с ужасом.

— Не буду отрицать, что моя репутация целиком и полностью незаслуженна, тем не менее я человек чести. Если я дал слово, то можете мне верить — я не причиню вреда мисс Мерриуэзер.

Линнет долго и молча смотрела ему в лицо, затем кивнула головой:

— Я верю в честность ваших намерений. Однако, как известно, благими намерениями вымощена дорога в ад.

Генри не успел, а вернее, не сумел бы достойно парировать сей выпад, но на его счастье в гостиную торопливо вошла Диана. Она завязывала под подбородком ленту своей широкополой шляпки и с тревогой всматривалась то в лицо матери, то в лицо Уэстона, как бы ища следы словесной перепалки.

В ответ на ее обеспокоенный взгляд Генри ободряюще улыбнулся и предложил ей руку:

— Вы не возражаете, мисс Мерриуэзер?

Диана не возражала, но оперлась на протянутую руку не без внутреннего трепета. Поклонившись леди Линнет, Уэстон произнес:

— Миледи, было приятно с вами побеседовать.

— Мне тоже, мистер Уэстон. Дорогая, только не оставайся слишком долго на открытом солнце.

Генри молчал до тех пор, пока они не оказались в саду и не отошли от дома на достаточно большое расстояние.

— Немного досадно, что вы обо всем рассказали матери. Все-таки это было соглашение между нами двоими.

— Между нами не было никакого соглашения, мистер Уэстон. Помнится, я не давала вам согласия.

— Да, да, — поспешно согласился он и тут же лукаво добавил: — Пока не дали.

— Пусть так, но прежде чем я дам его, вы должны принять кое-какие мои условия.

— Выкладывайте, — благодушно сказал Генри.

— Никаких других женщин. Слишком много за последние годы я встречала сочувствующих взглядов и слышала перешептываний за моей спиной. Мне не хочется, чтобы меня опять жалели или злорадствовали по моему поводу.

— А если я буду соблюдать осторожность...

— Нет. — Диана вырвала руку из его руки. — В таком случае ищите для своего плана другую даму и ухаживайте за ней столько, сколько вам заблагорассудится.

Генри заколебался. В Лондоне было полно дам, каждая из которых с радостью приняла его ухаживания. С другой стороны, обходиться без женщины в течение нескольких месяцев — не слишком тяжелое испытание.

Перед его мысленным взором возник собственный конезавод. Речь шла о конезаводе, а не об увлечении рисованием или музыкой, тут нельзя быть несерьезным. Необходимо во что бы то ни стало добиться успеха. Диана Мерриуэзер, ее положение в свете как нельзя лучше подходило для его целей. Ее общество должно было решить все проблемы, успокоить его мать и, самое главное, завоевать доверие лорда Парра. Для поисков другой женщины требовалось время, а времени у него как раз не оставалось. Кроме того, он испытывал тайное желание доказать Диане, что она ошибается, что он гораздо лучше, чем она думает о нем.

— Хорошо. Никаких других женщин, — согласился Уэстон, про себя прощаясь с маленькой танцовщицей, с которой провел ночь. Впрочем, она уже начинала ему надоедать, и рано или поздно он попрощался бы с ней, а условие Дианы приблизило их расставание.

— Какие еще условия?

Диана наклонила голову вбок и искоса взглянула на него из-под края шляпки.

— А вы не задумывались над тем, что ваше ухаживание приведет к тому, что вашей популярности будет нанесен непоправимый вред?

Генри на минутку задумался, затем решительно, словно отметая напрочь подобную нелепость, тряхнул головой:

— Поверьте мне, этого никогда не произойдет. Да, пока не забыл, вам надо нанести визит одной из моих сестер в ближайшие день или два. Выбирайте, кто вам больше нравится, Оливия или Изабелла. Впрочем, я почти не сомневаюсь: кого вы бы ни выбрали, в любом случае вы увидите обеих.

Диана отбросила кончиком туфли камешек с тропинки.

— Похоже, семейство Уэстон берется предоставить мне не только кавалера, но также и подруг.

Не обращая внимания на раздражение в ее голосе, Генри продолжал:

— Я буду навещать вас все ближайшие дни плюс ваш ответный визит к моим сестрам, совместные прогулки, и скорее всего через неделю в столбцах светской хроники во всех газетах появятся сообщения о том, что я ухаживаю за вами.

— Не слишком ли вы высокого мнения о себе?

— Не о себе, а о вас. Я хочу вам сказать, — хитро улыбаясь, произнес он, — что моим сестрам, как Изабелле, так и Оливии, не терпится поговорить с вами.

— А им известно о нас, точнее, о нашем соглашении?

— В общих чертах. Они хотят удостовериться в честности ваших намерений, что вы не раните мою мужскую гордость и не разобьете моего сердца.

— Сомневаюсь, что я способна задеть хоть в малейшей степени вашу гордость, а насчет разбитых сердец мы с вами уже договорились, не так ли?

Генри машинально нежно провел пальцами по тыльной стороне ее ладони, ему хотелось успокоить ее, и только. От этой, по сути, невинной ласки у Дианы прервалось дыхание, она замерла на миг, а он, моментально заметив это, сразу вспомнил все, что случилось между ними

вчера на балу. Как они подходили друг другу, как их тела слились в одно целое в объятиях. Какой опьяняющий аромат от нее исходил. Когда вчера ночью он спал со своей танцовщицей, в его воображении не раз возникали длинные стройные ноги Дианы, обхватывавшие его бедра. Он отдернул руку.

Она вопросительно посмотрела на него:

— Что случилось?

— Ничего. Просто мне захотелось узнать, который час. — Он сунул руку в карман для часов и только тогда вспомнил, что не носит часов.

Страсть опять овладела им.

Вчера вечером Генри принял это за случайность. Позже он спал с другой женщиной и не считал свое поведение чем-то предосудительным. Та страсть была чем-то обыденным, тогда как неожиданно возникшее чувство к Диане тревожило и волновало его. Но еще сильнее его взволновало неожиданное стеснение в груди, когда она сказала, что беспокоится, как бы его ухаживание не навредило сложившемуся о нем представлению как о дамском угоднике.

— Вы куда-то спешите? — спросила Диана.

— Нет. С чего вы взяли?

— Но вы же искали свои часы.

— Я хотел проверить, как долго мы с вами гуляем. Матушке вряд ли понравятся наши совместные прогулки, если ваша кожа покраснеет от солнца.

Диана отошла в тень на самый край аллеи и уставилась на растущие вдоль нее цветы.

— Вы напомнили ей о моем отце, — тихо и задумчиво заметила она. — Он также владеет конезаводом. Наверное, вы слышали о Суоллоусдейле-Грейндж. Там мы жили раньше, прежде...

Диана осеклась.

— Прежде чем ваши родители расстались. — Генри закончил за нее мысль.

— Верно. Отец очень похож на вас: он такой же высокий, симпатичный и очень обаятельный, никто не может сопротивляться его обаянию. Знаете, он работал наездником, а потом его взял к себе дедушка. Он ездил на континент с программой верховой езды. Его вольтижировка и конные трюки ничего, кроме страха за него, у моей матери не вызывали. — Диана на миг замялась. — Вопреки всем слухам о неверности, я вам клянусь, моя мать никогда ему не изменяла.

— Я верю вам, — спокойно и внушительно сказал Генри. Однако он понимал: как бы там ни было, но настроенное против леди Линнет светское общество считает ее виновной и никогда не изменит свою точку зрения, пусть даже она и дочь герцога.

— Я подумала, быть может, прошлым вечером... то, что произошло между нами... — Диана зарделась от смущения. — Одним словом, я не хочу, чтобы мое поведение каким-нибудь образом отразилось на репутации моей матери, — решительно закончила она.

Для того чтобы ее успокоить, Генри ласково взял ее за руку.

— Я не очень понял, что вы хотели этим сказать. Я готов обо всем забыть, только давайте устраним какие бы то ни было недоразумения, чтобы впредь ничего не вызывало у меня смутного раздражения. Признаюсь вам, что в таких делах мне хочется ясности. Мисс Мерриуэзер, прежде чем ответить на мой вопрос, обдумайте как можно лучше ваш ответ. Неужели вам стыдно от того, что вы целовались со мной?

Генри давно понял: в отличие от мужчин женщины, будучи более эмоциональными созданиями, способны переживать целую гамму чувств. Если он, целуя ее, слышал только голос плоти, то Дианой могли владеть и другие чувства, быстро чередуясь или накладываясь друг на друга. Но среди них он никак не ожидал встретить чувство стыда. Все женщины, которых он целовал, признавались в чем угодно, только не в этом. До того ли им было?!

Если бы Диана призналась, что она испытала шок или смущение, то он нисколько бы не удивился. Он скорее поверил бы, если бы ее смутила та страстность, с которой она ответила на его поцелуи. Между прочим, ее страстность захватила и его. Все это как-то плохо вязалось со стыдом, тем более стыд мог вызвать ощущение греховности, а если бы душа Дианы прониклась этим ощущением, то он мог бы потерять ее навсегда. Генри не собирался уступать Диану подобным условностям.

Она потупилась.

— Наверное, мне следовало бы устыдиться своего поведения. Я вела себя ужасно.

— Не ужаснее, чем я, — улыбнулся он. — Значит, вам не стыдно?

Диана вскинула на него глаза.

— Я утешаю себя одной мыслью: да, я не устояла против вашего колдовского обаяния, что ж тут удивительного, ведь вы соблазнили целую тьму женщин.

— Целую тьму? — Генри весело расхохотался. — Ну вы и скажете. Мне всего-то удалось соблазнить половину лондонских дам.

— Половину? — Глаза Дианы округлились от ужаса.

Он едва не поцеловал ее, как вдруг какое-то смутное движение в одном из окон дома, которое он случайно заметил, удержало его от подобной глупости. Он шутливо коснулся пальцем ее носа.

— Да ведь я дразню вас, Диана. Половину дам в Лондоне. Да ведь это геркулесова работа. Вы, наверное, перегрелись на солнце, иначе не поверили бы в такой бред.

— Скажите, почему вы иногда называете меня мисс Мерриуэзер, а иногда Дианой?

— Сам не знаю, — честно признался Уэстон. — Никак не могу разобраться, кто вы на самом деле. С мисс Мерриуэзер я знаком несколько лет. Это застенчивая, благопристойная особа, которая от робости не способна крикнуть гусям «кыш». Диана — прямая ей противоположность. Она способна окрестить меня нахалом и, не моргнув глазом, обвинить в соблазнении половины лондонских дам. И тогда я говорю себе: спорю на что угодно, под этими рыжими волосами скрывается неизвестная мне и весьма темпераментная особа.

— Мисс Мерриуэзер звучит невероятно длинно и скучно, а Диана слишком резко и грубо, словно имя какой-то фурии, — ни с того ни с чего обронила она.

— Не судите так плохо о Диане, — возразил он. — Я в восхищении от ее острого язычка. С ней не соскучишься. Хотя мисс Мерриуэзер мне тоже очень нравится. Глядя на нее, затянутую, как в корсет, в приличия и благопристойность, невольно задаешься вопросом: а что скрывается под этой оболочкой? Очень интересно и увлекательно ухаживать одновременно за двумя женщинами.

— Вы неисправимы. — Диана попыталась сказать это с осуждением, однако радостный блеск в глазах выдавал ее с головой. — Мы в самом деле увлечены друг другом?

— Нет, только притворяемся, — поправил он ее, — что делает наше общение более приятным. Если бы я ухаживал за вами, как полагается настоящему джентльмену, то вел бы себя должным образом, а если мы притворяемся... — Генри уставился на ее полные чувственные губы. — Если мы притворяемся, причем мне запрещено вступать в тесное общение с другими женщинами, в таком случае, я полагаю, справедливо, если мне можно будет целовать вас столько раз, сколько мне хочется.

— О-о! — Волнение овладело мисс Мерриуэзер. Она даже покраснела от растерянности. Но тут же в один миг, словно по мановению волшебной палочки, она преобразилась в Диану, которая смело и даже с вызовом посмотрела ему в лицо. В ее карих глазах засверкали золотые точки, признак откровенного любопытства. Генри ощутил это ответное желание, исходившее от ее тела, губ и глаз.

— Ну что ж, Диана согласна, — отозвалась она.

— Да? — не верил он своим ушам.

— Почему бы и нет? Я твердо решила — это мой последний сезон. В ноябре мне исполнится двадцать пять. Если ваш план не сработает, то пусть в моей памяти останутся хотя бы ваши поцелуи. Каким бы нахалом вы ни были, я все-таки надеюсь, вы не причините вреда моей репутации, хотя бы из страха перед священником. Иначе он обвенчает нас, и вы сами попадете в собственную ловушку. Я согласна, мистер Уэстон. Пользуйтесь моментом.

Переход от скромности к решительности, причем в одно мгновение... Генри даже стало жаль, что согласно его плану такая женщина должна достаться какому-то светскому хлыщу. Рядом с тропинкой стоял мощный дуб. Как только они прошли мимо него, он остановил ее: за широким стволом их нельзя было увидеть из дома.

— Если вы согласны называть меня Генри, в таком случае я постараюсь как можно лучше воспользоваться предоставленной вами возможностью. — Он взял ее руку и поцеловал ладонь, в то место у основания большого пальца, которое называется венериним бугорком.

— Генри, — хриплым от возбуждения голосом простонала Диана. Ее полуприкрытые глаза говорили о томлении. Он слегка обхватил кожу на ладони губами и коснулся ее языком. Дрожь пробежала по ее телу.

Охваченный, как и она, возбуждением, он стащил Диану с тропинки, прислонил спиной к дереву и принялся жадно целовать ее влажные, горячие губы. Кончив ее целовать, Генри отступил на шаг, с удовольствием заметив, что она буквально растаяла от его поцелуев. Хороший признак. Он поддержал ее за локоть, немного подождал, пока она не пришла в себя,

и тогда знаком предложил снова вернуться на аллею.

Несомненно, Диана Мерриуэзер была страстной натурой, и к его вящему удовольствию, он мог наслаждаться ее пылкостью очень долго. Такой случай нельзя было упускать. Ну что ж, он воспользуется столь чудесной возможностью с максимальной для себя выгодой. В нем заговорило все самое худшее...

Глава 10

«Вероятно, этот сезон несколько не похож на все предыдущие. Но почему я узнаю последние новости не от тебя, а от других? Меня все поздравляют с тем, что моя сестра привлекала внимание Генри Уэстона. Как я рад за тебя, Диана, хотя меня снедает любопытство, и так и хочется обо всем расспросить. Здорова ли ты? Да, не могла бы ты узнать у Уэстона, как лучше всего крахмалить галстук?»

Из письма Александра Мерриуэзера своей сестре Диане Мерриуэзер.

Генри ошибся. Газетам понадобилось больше недели, очевидно, из боязни перед иском о клевете, чтобы проверить слух о ее новом поклоннике. Недели хватило, чтобы слух о почти невероятном ухаживании распространился по всему Лондону, захватив собой все социальные слои — от высшего света до лондонских низов. Поначалу все это казалось настолько неправдоподобным, что многие даже заключали пари. Хотя к концу второй недели у Дианы появилась целая свита обожателей, она совершенно не знала, что ей делать с ними.

Как ни странно, но в этом было мало приятного.

Все они собирались в гостиной их родового особняка, но, скорее, не ради ее прекрасных глаз. Хотя один из них точно приходил именно ради Дианы, и это был сэр Сэмюель Стикли. Решив все домашние дела, он быстро вернулся в Лондон и, не откладывая в долгий ящик обещание, данное им матери Дианы, нанес визит. Сэр Стикли был очень мил и любезен, и, увидав Диану, не побежал от нее прочь, как зло шутила она. Напротив, он стал частым гостем в особняке Лэнсдаунов.

Что касается остальных... По всей видимости, они составляли блестящую свиту первого принца светского общества. Куда бы Генри ни пошел, они неотвязно следовали за ним. Диана их презирала, ей даже хотелось закрыть перед ними двери, но проведя столько лет в тени лондонского общества, она все же обрадовалась, что и на нее в кои веки упал свет всеобщего интереса. Генри вел себя безукоризненно — подчеркнуто внимательно и дружелюбно, а также в меру легкомыслен. Но хотя иногда между ними случались размолвки.

Все из-за придирчивости Дианы.

— Почему прогулки верхом принято совершать так рано? — однажды шутливо пожаловался он, когда они ехали рядом по широкой аллее для верховой езды в Гайд-парке. — Неужели из-за страха задавить кого-нибудь?

— Разве это рано? — удивилась Диана. — Скоро ведь полдень.

— Увы, я слишком поздно вернулся домой, часов в пять утра. И все из-за этой Бесс, мы все играли, а она не отпускала меня домой. Мне следовало бы не забывать об отдыхе перед прогулкой верхом. В следующий раз вернусь домой пораньше...

Он продолжал что-то говорить, но Диана его уже не слушала. Уэстон провел ночь с женщиной и откровенно признался в этом. Гнев овладел Дианой: Генри обманул ее. Как бы ни называлось его ухаживание, притворным или настоящим, в нем были оговорены условия. И вот спустя всего две недели они нарушены, а он нисколько не переживает из-за этого. Ему, по-видимому, наплевать на нее.

Итак, она ему безразлична.

Почувствовав рассеянность всадницы, лошадь Дианы слегка взбрыкнула, мотнула головой, и поводья вылетели из ее рук.

— Диана, осторожней, — крикнул Генри, ловко нагнулся в седле и схватил поводья лошади Дианы. Она отвернулась, поскольку ей было противно глядеть на него.

— Вы сердитесь. Видимо, я чем-то вызвал ваше неудовольствие. В таком случае скажите мне, что случилось, чтобы побыстрее покончить с этим.

— Как вы могли? — сердито прошептала она.

— Что я мог? — удивился Генри. Он явно смутился. — Я только вижу, вы чем-то расстроены. В чем дело?

— Бесс. — Диана с трудом выдавила это имя. — Вы же обещали, что у вас не будет других женщин.

Генри чертыхнулся и наклонился к ней:

— Выслушайте меня внимательно. Вчера весь вечер я провел в обществе Ратленда и его жены Элизабет. Она моя кузина по материнской линии, а его светлость вроде бы не прочь частично профинансировать мой будущий конезавод. Бесс на сносях, вот-вот должна родить. Она неважно себя чувствовала, и чтобы ее развлечь мы решили сыграть в пикет. Отказаться я никак не мог.

— Я думала...

— Я знаю, о чем вы думали. Вы ошиблись. Ну, посмотрите же на меня, Диана!

Она подняла лицо и тут же утонула в его синих, бездонных глазах.

— Вы думали, я вас обманываю. Вы полагали, что все мужчины — обманщики и подлецы, у них нет ни капли порядочности. Но это далеко не так. Если я дал слово, то мне можно доверять. Поверьте, я хочу облегчить вашу ношу, а не взваливать лишнюю.

У Дианы сладко заныло сердце, все-таки как приятно сознавать себя слабой женщиной, находящейся под надежной защитой. Но она сразу мысленно одернула себя. Впрочем, Генри тут ни при чем. Ее отец, любивший и оберегавший ее, одним ударом разрушил тот счастливый мир, в котором она жила. Теперь она боялась доверить свое счастье другому человеку, какое бы впечатление силы и надежности он ни внушал.

— Я не принадлежу вам. — Она замотала головой.

— Нет, принадлежите. Во всяком случае, на то время, пока я ухаживаю за вами. — Взгляд Генри стал серьезным, но в уголках его глаз пряталась усмешка. — Когда я рядом с вами, мне

бы хотелось, чтобы на это время вы забывали обо всех своих неприятностях и отдавались бы целиком и полностью удовольствиям. Каждый из нас ищет свою выгоду в той игре, которую мы затеяли, но и о развлечениях не стоит забывать. Что касается вас, уважаемая мисс Мерриуэзер, то вам просто необходимо отвлечься от ваших мрачных мыслей, так что начинаем веселиться. Вам повезло, я умею веселиться и развлекать.

Он сдержал слово.

Вместе они исходили и объездили Лондон, словно сельские провинциалы, впервые попавшие в столицу. В Британском музее они восхищались египетской мумией, в Сомерсет-Хаусе на выставке картин Королевской академии искусств спорили о достоинствах и недостатках того или иного полотна. Генри вместе с его младшим братом и племянником удалось затащить ее в естественно-научный музей. Смотреть на коллекции высушенных насекомых и муляжи исчезнувших животных было малоприятным занятием, и Диана больше наслаждалась той радостью и восхищением мальчиков, которые едва не прыгали от восторга.

Когда они ходили вдоль самых богатых лондонских улиц, Генри заводил ее в самые лучшие, самые модные магазины, а прогулки верхом они совершали в тот самый час, когда светское общество выезжало прокатиться в парке по свежему воздуху. Он приглашал ее в «Ковент-Гарден», где его брат снял ложу на весь сезон, они ездили в Воксхолл, причем в обществе сестер Генри и их мужей, где провели замечательный вечер. Более того, Генри сделал пожертвование в фонд кружка Олмак, куда входили избранные великосветские дамы, — и Диана получила право посещать еженедельные балы по средам и танцевать с Генри под пристальными и хмурыми взглядами дам-патронесс.

Генри пригласил ее в дом своих родителей на званый обед, который, к радости Дианы, прошел удивительно весело и непринужденно. В ответ Диана пригласила Генри на обед к себе домой, и хотя обед в обществе семейства Лэнсдаун трудно было назвать веселым, Генри выглядел весьма довольным. Как подозревала Диана, его удовольствие было вызвано искусством дедушкиного французского шеф-повара.

Своей обходительностью Генри покорила сердце бабушки. А дедушка Дианы заметил, что Генри весь в своего деда, который был замечательным человеком. В устах старого лорда это являлось настоящей похвалой, так как почтенный старец давно уже никого не хвалил. Одна лишь мать Дианы держалась с Генри холодно, поскольку ей была известна подлинная подоплека его ухаживания.

Леди Линнет нравился сэр Сэмюэль, без преувеличения он стал ее любимчиком. Разумеется, он тоже присутствовал на том званом обеде. Баронет регулярно встречался с Дианой, гулял с ней, а также танцевал на балах. Диана предполагала, что в конце сезона сэр Сэмюэль сделает ей предложение. Про себя она твердо решила: если он попросит ее руки, она даст согласие. Он нравился ей главным образом из-за ощущений надежности и безопасности, олицетворяемых им.

Рядом же с Генри она никогда не чувствовала себя в безопасности, вместе с тем с ним было настолько хорошо и приятно, как ни с кем другим, не исключая даже матери и брата. Хотя главным образом их связывала любовь к лошадям, им никогда не было скучно в обществе друг друга. Генри смешил ее своими рассказами об учебе в Итоне и Оксфорде, Диана, в свою очередь, делилась с ним забавными случаями из ее детства и юности в доме Лэнсдаунов. Они вместе мечтали о будущем конезаводе Генри, а он внимательно, держа ее руку в своей руке, выслушивал ее воспоминания. Он любил поддразнивать Диану за излишнее, по его мнению, преклонение перед приличиями. Тогда она, горячась, начинала упрекать его за чрезмерную

свободу воззрений и напоминать ему о порядочности.

Но не всегда.

Когда он нарушал приличия, находясь с ней наедине, разумеется, не переходя известных границ, Диана забывала обо всем, в том числе и о своей нравственности, ради удовольствия побыть в его объятиях. Видя его ловкость и обходительность, она не сомневалась в его богатом жизненном опыте в подобных делах. Он соблазнял ее красиво — легко и непринужденно. После окончания танца они, смешавшись с другими парами, быстро исчезали из бальной залы и прятались в каком-нибудь укромном месте — на террасе, за мраморной колонной или за широкими листьями пальмы в большой кадке.

А потом наступала очередь поспешно сорванных поцелуев. В сочетании с его запахом, со вкусом его губ они вызывали внутри Дианы бурю переживаний. Эти поцелуи преследовали ее, волновали воображение, мешая спать по ночам.

Особенно тревожили ее воспоминания о поцелуях в укромных уголках, небольших комнатках, пустых альковах. Это был не человек, а дьявол, потому что только дьявол мог с такой легкостью находить подобные уединенные места. К примеру, такое место, как кладовая для белья.

— Генри, куда ты меня тащишь? — рассмеялась она, когда он, схватив ее за руку, увлек в кладовку.

Как только за ними закрылась дверь, и они очутились в полной темноте, он принялся целовать ее. Все страхи куда-то ушли, Диана раскрыла свои губы, как только ею овладела вспышка ничем не сдерживаемой страсти. Генри крепко обнял ее обеими руками, словно боясь, что она может отстраниться от него. Но в такой крошечной кладовке негде было укрыться. Она и не хотела от него ускользнуть, более того, подобная близость лишь радовала ее.

Диана нежно провела рукой по его щеке и горячо ответила на поцелуй. Стон, вырвавшийся из его груди, показал ей, что они оба в равной мере разделяют наслаждение. Диана чувствовала, как желание овладевает им, и тогда она игриво прикусила ему верхнюю губу.

Генри замер, потом тихо простонал и в ответ нежно обхватил ее нижнюю губу, своего рода возмездие. Он жадно пил ее дыхание, ее аромат, понемногу чувствуя, как теряет над собой контроль. Не думая ни о чем, он завел обе ее руки назад и ловко сжал их своей одной громадной ручищей. Теперь она оказалась целиком в его власти. Диана удивленно раскрыла глаза, но понять, что он намерен дальше делать в кромешной тьме, окружавшей их, было невозможно.

Она принадлежала ему.

Диана едва не задохнулась от острого и глубокого наслаждения, когда он свободной рукой принялся гладить ее грудь. Каждый раз, когда его ладонь ласково сжимала ей грудь, она едва не задыхалась от непонятого восторга. Ее груди отяжелели, поднялись, упершись сосками о стягивающий корсет. Сладострастный стон вырвался из ее горла, она невольно плотнее прижалась к нему, слегка потерлась о его тело, словно умоляя продолжить начатое.

Генри не надо было ни о чем просить, тем более умолять. Он ласкал ее грудь, и Диана погружалась в сладостное состояние. Затем пальцы Генри скользнули под корсет и принялись поглаживать сосок на груди круговыми движениями.

Сладостное томление сменилось всплеском наслаждения, Диана громко застонала, но Генри ловко закрыл ее рот страстным поцелуем. Он прижал ее всем своим телом к стене, продолжая ласкать ее груди. Внутри Дианы росло неутолимое желание, оно накатывало волнами, и особенно сильно этот прилив ощущался между бедрами. Ей хотелось чего-то большего, что должно было наполнить странную пустоту внутри нее.

Диана была девственницей, тем не менее она располагала кое-какими знаниями в плотских утехах. Во-первых, она воспитывалась в провинции, где разводили лошадей, а во-вторых, ее дедушка коллекционировал античные статуи, которые располагались в том числе и в столовой. Во время обеда и ужина Диане волей-неволей приходилось взирать на обнаженные торсы греческих богов. Однако между холодным мрамором и горячим телом Генри Уэстона была огромная разница. То, что упиралось в низ ее живота, наводило на соответствующие размышления, и при мысли об этом ее бедра, словно соглашаясь с ее мыслями, дернулись вперед и задрожали.

— Ты сводишь меня с ума, — прошептал он ей на ухо.

Окружавшая ее темнота только обостряла чувства Дианы. Она упивалась страстными нотками в его голосе, причем охрипшее тяжелое дыхание обоих звучало почти в унисон, что тоже пьянило и кружило голову. Сердце гулко и быстро колотилось в ее груди. Ее губы ощущали сладкий вкус съеденных им пирожных и еле уловимый аромат бренди, но главное это был его запах, мужской запах, запах Генри Уэстона. Каждый раз, когда они оставались наедине и так же близко, запах, окружавший Генри, сгущался, словно воздух в преддверии бури.

Буря все приближалась. Предчувствие не могло обмануть Диану: вскоре у нее не будет сил противиться.

Дыхание Дианы становилось все более глубоким и прерывистым, голова кружилась все сильнее под непрерывными ласками Генри.

«Ваза разлетелась на кучу синих и белых осколков. Один из них очутился возле ног спрятавшейся Дианы, и она еще ближе подтянула колени к груди.

— Томас, эта ваза свадебный подарок принца Уэльского!

— Да, она разбита точно так же, как моя вера, как наш брак...»

— Нет, — прошептала Диана и, упершись руками в грудь Генри, оттолкнула его.

— Что случилось? — В его голосе слышалось недоумение и разочарование.

— Я не могу. — Она запнулась, проглотила застрявший в горле комок. — Надо идти, меня, наверное, уже хватились.

— Конечно, разве можно заставлять ждать сэра Скуку, — буркнул Генри.

— Не надо так называть сэра Сэмюеля при мне.

— Сэр Стикли — это олицетворение скуки и косности, возьмите хотя бы его суждения о лошадях, сплошная безвкусица и банальность.

Тут Генри прав, с ним нельзя не согласиться. Диана с тоской вспомнила, как сэр Сэмюель с

гордостью показывал ей недавно купленную пару серого цвета лошадей для выезда. Блеклый цвет, посредственные лошадки, не очень даже подходящие для пары — для человека со вкусом кошмар да и только.

— Мне не важно, хорошо или плохо он разбирается в лошадях. Еще неизвестно, выйду я за него замуж или нет, но пока он самый достойный претендент на мою руку. А то, чем мы с вами только что занимались, вряд ли поможет осуществлению как ваших, так и моих планов. Как бы нам не остаться у разбитого корыта. Конечно, сэра Сэмюель далеко не идеал, тем не менее это... — Она взмахнула руками, пытаясь найти убедительный довод.

— Наши планы важнее и ценнее глупых поцелуев. А ведь все могло бы погибнуть, если бы кто-то увидел, чем мы тут с вами занимаемся.

Диана осторожно выбралась наружу. К счастью, в коридоре никого не оказалось. Она быстро оглядела свой наряд, расправила складки на платье, вроде все в порядке. Внешне, да, все было в порядке, в отличие от того, что творилось в душе. А там бушевал вихрь чувств, которые никак нельзя было назвать пристойными. Диана потрогала ладонями пылающие щеки, пригладила волосы и принялась энергично обмахиваться веером, чтобы побыстрее прийти в себя и уничтожить следы возбуждения.

Вернувшись в бальный зал, она как ни в чем не бывало принялась кокетничать и болтать, хотя в то же самое время мысленно то и дело возвращалась в темную, полную страстей кладовку, к человеку, который, шутя, мог поколебать ее хваленое самообладание. Рядом с ним она всегда терялась. Понять, как это ему удается, она не могла. Но сегодня он заставил ее не только забыть, но и вспомнить свое прошлое. Еще одна причина держаться как можно ближе к сэру Сэмюелю и как можно дальше от Генри Уэстона.

Генри стоял в темноте — мрачный, злой и недовольный собой. Опять потерять над собой контроль. С той самой ночи в саду он неустанно напоминал себе, что надо вести себя благоразумнее, а сегодня позволил себе забыть. Какая неосторожность! Но сегодня он действовал в своем амплуа, смело, нагло, дерзко. Диана вовремя опомнилась, и слава богу, а то неизвестно, чем бы все это закончилось.

Чувство вины тяжело опустилось на его плечи, непривычно, тревожно и мучительно. Что бы там ни говорили, он не соблазнял невинных девушек, более того, Диана была внучкой герцога, черт побери, а он — джентльменом. А джентльмен не станет набрасываться на благовоспитанную юную леди, ласкать ее груди, какими бы восхитительными они ни казались. Тут Генри зажмурился, опять ощутив волнующую упругую тяжесть в своей руке.

Усилием воли он прогнал наваждение. Однако возбуждение не проходило. Он хотел ее, и всего лишь оттого, что трогал ее груди. Он представил их обнаженными и едва не задохнулся от вожделения, от того, что ему захотелось делать дальше.

Боже, он провел дрожащей рукой по лицу. Не стоит ли ему на время уехать из города и остановиться в какой-нибудь деревушке, в таверне подцепить местную проститутку и переспать с ней, чтобы удовлетворить похоть. Все будет шито-крыто, Диана ни о чем не узнает. Совесть мучила его, но лучше признать свое поражение, чем испытывать такие муки.

Если он продолжит вести себя подобным образом, то погубит ее, а заодно и себя. Если бы она не остановила его, то еще неизвестно, как далеко бы он зашел в своем нетерпении. Скорее всего взял бы сперва все, что она сама предложила бы, а потом еще больше.

Несмотря на то что Диана была опасно близка к тому возрасту, когда к девушке приклеивался

ярлык старой девы, она оставалась невинной. Конечно, благодаря его усилиям Диана из совершенно невинного создания превратилась в довольно искушенную особу, однако она по-прежнему оставалась девственницей, и таковой должна была остаться до замужества. Ей надлежало выйти замуж, это являлось ее главной целью, только ради этого она согласилась на его план с ухаживанием. Ей нужен муж, какой-нибудь скучный, сельский джентльмен вроде чопорного сэра Сэмюеля. Если бы Генри погубил ее репутацию, или их застигли бы во время таковой попытки, в таком случае Диана тоже могла бы выйти замуж — за него. При мысли об этом Генри прошиб холодный пот.

Впрочем, не все так ужасно, как ему показалось на первый взгляд. Он мог бы попасть в худшее положение, чем это. Черт, да что это с ним?! Неужели он спятил?! Он всерьез думает о женитьбе на Диане?! Он не хочет на ней жениться, а страстное желание, охватившее его, это результат их частого и длительного общения. И полное отсутствие в его жизни других женщин. Воздержание сыграло с ним плохую шутку.

Хотя он готовился к худшему, прошедшие два месяца оказались более приятными, чем он предполагал. Частые встречи с инвесторами, подшучивание над Дианой, разработка будущих улучшений Рейвенсфилда, тайные поцелуи, подборка племенных лошадей для его будущего конезавода и притворное ухаживание за Дианой — за всеми этими заботами и развлечениями время пролетело быстро и незаметно. В глубине души он был готов признаться, что ему не стоило притворяться, будто он ухаживает за Дианой. Он на самом деле ухаживал, причем без всякого притворства. Она его удивляла и забавляла, она дразнила его и подшучивала над ним, она верила в него и будила в нем самые лучшие качества. С ней он держался внимательно и нежно, выказывая себя с самой лучшей стороны.

К Диане его влекло не только вожделение. Еще до того как они заключили между собой соглашение, она сумела так попросить его помочь ее близкой подруге, одной из желтофиолей, что он с удовольствием выполнил ее просьбу. Как звали ту подругу? Кажется, мисс Фитербилл? Впрочем, какое это имеет значение. Главное, за нее просила Диана, и ему почему-то захотелось выполнить ее просьбу. Каждую неделю он посылал в дом Лэнсдаунов букет лилейников, так как твердо знал, Диана обрадуется его цветам. А как часто он встречался с ней — ни одной из своих прежних женщин он не уделял столько времени, сколько Диане.

Генри вздохнул: нет, он все-таки должен найти ей мужа. Как только она выйдет замуж, так сразу сложность положения, которую он иногда ощущал особенно остро, сгладится, исчезнет и перестанет его смущать. Пусть он нахал, но у нахала есть свои собственные представления о приличиях и нравственности, среди которых был негласный запрет — никаких связей с замужними дамами. Нет, решено, надо как можно скорее подыскать Диане мужа.

Конечно, уже один кандидат имелся — безвольный, ни рыба ни мясо, сэр Сэмюель. Но почему-то сэр Сэмюель совсем не нравился Генри. Какой это мужчина?! Сэр Сэмюель, как справедливо полагал Генри, отнюдь не был возмутителем спокойствия ни светского общества, ни женских душ, ни даже порядка в гостиной. Генри вспомнил сломанный стол во время его ссоры с мужем Изабеллы. Такой девушке, как Диана, требовался не узколобый педант во взглядах, одежде, поведении, как Стикли. Слишком много в ней страсти, огня, сарказма, что совершенно не укладывалось в те рамки, в которых привык жить Стикли.

Стикли не мог даже рассмешить Диану. Конечно, она не относилась к смешливым девушкам, слишком много в ней было выдержки и самообладания, но Генри научился преодолевать эти искусственные преграды. Зато потом как она вознаградила его за смелость! Ее искренний, заразительный смех, бравший за душу своими низкими грудными нотами, возбуждавший и

согревавший кровь не хуже бренди, вызывал у него непреодолимое желание целовать и целовать Диану. Разве нужен Стикли такой смех? Да ведь этот жалкий трус, пожалуй, не знал бы, что дальше делать.

Кроме того, Диана слишком преклонялась перед приличиями. Брак со Стикли окончательно погасил бы горевший в ее сердце огонь, и она стала бы рабой светских условностей и приличий. Ей нужен кто-то другой, кто сумел бы заставить ее забыть о серьезности и приличиях, кто сумел бы пробудить в ней подавленную страстность и показать ей, сколько удовольствия может подарить открытое проявление чувств. Проще говоря, в качестве мужа ей нужен нахальный, дерзкий тип.

Наподобие его.

Нет, такой, как он.

А еще точнее, именно он.

Генри уперся спиной о деревянные полки, захваченный неожиданной мыслью и открывшимися перед ним возможностями. Гм-гм, жениться на Диане. Брак с Дианой. Эти слова летали в его душе легко, словно подхваченные ветром семена одуванчика. Генри сперва ожидал, что его сознание сразу воспротивится столь нелепой мысли, но, как ни странно, мысль не вызвала немедленного отторжения, напротив, ее отголоски упали ему в душу, моментально пустив корни.

Перед его мысленным взором возникали все новые и новые картины семейной жизни. Поддразнивания. Разговоры за чашкой чая. Смех и подшучивание, постепенно переходящие в любовные игры, теперь освященные брачными узами.

«Женитьба. Супружество». Генри произносил эти слова медленно и тихо, словно смакуя их на вкус. «Жениться на Диане. Мне жениться на ней». Эти обычные слова ласкали его слух. Для того чтобы проверить подлинность своих переживаний, Генри решил поставить на место Дианы какую-нибудь другую девушку. Он начал судорожно перебирать в голове одну светскую красавицу за другой, пока не остановился на мисс Сибилле Хилл, которая в этом сезоне считалась одной из самых красивых юных леди и самой завидной партией. Генри поморщился: мисс Хилл была глупа и всегда вызывала у него безотчетное раздражение. «Жениться на ней, — с ужасом пробормотал Генри, — да пусть меня лучше повесят. Или скорее я сам повешусь, если буду слушать ее неумолчное стрекотание день и ночь».

Внезапно он понял, что разговаривает сам с собой, причем в темной кладовке чужого дома. Это было неудобно во всех смыслах и явно не лезло ни в какие ворота. Решительно вздохнув, он открыл двери в надежде, что никто не заметит его, выходящим из столь неподобающего для джентльмена помещения. И ему не придется изворачиваться и придумывать какое-нибудь глупое объяснение.

Увы, сбылись его худшие опасения.

Та, о которой он думал с холодным ознобом вдоль спины, как раз выходила из дамской комнаты, расположенной едва ли не напротив бельевой. Не успел он закрыть дверь в бельевую, как попал на глаза мисс Хилл.

— Мистер Уэстон, — воскликнула она и хихикнула. — Боже мой, откуда вы появились. Что вы делали в...

Она нахмурилась:

— Вы находились в...

— Я...

Не успел он придумать какое-то правдоподобное объяснение, как мисс Хилл избавила его от этой тяжелой необходимости, смело взяв инициативу в собственные руки:

— Нет, нет, только не говорите об этом. Впрочем, я уже догадалась. Вы поджидали меня. О, это все ваши неприличные манеры... вы шалун. — Она игриво постучала сложенным веером по его руке. — Вы ловко выбрали самый неожиданный момент. Ради вас я пропустила танец, который предназначался вам. Вы заставили меня так переживать. О, мои бедные нервы! Но я несколько не виню вас, а, напротив, прощаю. Я очень великодушна.

Мисс Хилл нарочно, словно удивляясь собственному великодушию, похлопала длинными ресницами и подошла к нему поближе.

— Мой дядя считает, что мужчины любят великодушных женщин. Вам нужна великодушная, все понимающая жена... — Не дожидаясь протянутой руки, она первая взяла его за руку, вульгарно улынувшись. — Очень великодушная жена.

Она прижалась к нему грудью и даже слегка потерлась о его плечо.

Генри немедленно остудил ее пыл:

— Мисс Хилл, мне кажется, вы затеяли очень опасную игру.

— Какой вы противный. — Она притворно надула губки. — Я лишь хотела...

— Проявить великодушие, — съязвил Генри.

Она закивала головой и вцепилась в него, словно пиявка.

Мисс Хилл несколько не возбуждала Генри, более того, она была ему глубоко безразлична. Ему хотелось Диану, одну лишь Диану. Неужели это судьба? Он внезапно сосредоточился, погрузившись в размышления. Диана подходила ему. Она как нельзя лучше подходила ему. Она была создана для него.

Ну что ж, готовьтесь, дорогая мисс Мерриуэзер, он намерен изменить правила игры. Впрочем, Генри не обманывался: привести Диану к алтарю — задача не из простых. Познакомившись поближе с Дианой и узнав ее, он хорошо изучил ее представление о браке и будущем муже. Она была не высокого мнения о мужчинах, тем более о нахалах и наглецах.

Именно поэтому она отдавала предпочтение скучнейшему и благоразумному сэру Стикли. В ее глазах он выглядел не столько мужчиной, сколько светским мужем, который обеспечивал ей известные удобства и заодно исключал все возможные чувственные переживания и любовные встряски. Именно этого она, как ей казалось, и хотела. Однако тело Дианы, ее темперамент свидетельствовали как раз об обратном. Ей был нужен Генри Уэстон. Правда, он не мог обещать ей совершенной гармонии в их отношениях. Вместо этого он мог дать ей нечто большее — наслаждение и неуклонное стремление к этой гармонии.

Нельзя сказать, что Генри радовало то, что он собирался сейчас делать. Зато если Диана

увидит мисс Хилл в его объятиях, то это вызовет у нее раздражение, конечно, несопоставимое с тем раздражением, которое вызывал у него мистер Стикли рядом с Дианой. Ради этой маленькой мести он готов выслушать бред мисс Хилл.

— Мисс Хилл, можно мне проводить вас в бальную залу? Вы на меня не сердитесь, как сами только что об этом сказали, поэтому хочу вас пригласить на следующий танец.

Его спутница улыбнулась в ответ, но Генри мог бы поклясться, что под этой улыбкой скрывалось раздражение, если не злость. Ну что ж, он платил ей тем же. Кроме того, у него не было ни времени, ни желания играть с мисс Хилл в ту игру, которую она ему предлагала. Опережать Диану на один шаг — вот какую цель он ставил перед собой. Пусть она не хочет выходить замуж за нахала, но если нахал рядом с ней, то поступать он должен нахально и дерзко с тем, чтобы не дать ей уйти от него.

Ну что ж, с его стороны игра будет не очень честной и порядочной... По губам Генри скользнула хитрая, даже ехидная улыбка. Он научит Диану новым правилам, и она поймет, как приятно иногда забывать о порядочности.

Глава 11

«Я говорила самой себе: как я обрадуюсь, если мне удастся потанцевать с ним хотя бы один раз, но после одного танца мне захотелось танцевать с ним еще и еще. Теперь же я говорю себе: если он нанесет мне визит, я буду совершенно счастлива. Как же легко мы лжем самим себе! Как жаль, что тебя нет рядом со мной, моя дорогая Люси, может быть, ты мне что-нибудь и посоветовала. Я слишком много мечтаю, а мечты затуманивают голову и мешают смотреть в будущее...»

Письмо от Элизабет Фотергилл к ее сестре Люсинде Фотергилл.

Генри проснулся на следующее утро, преисполненный новых надежд. Он был целиком и полностью увлечен новым замыслом. Однако хорошее настроение испортилось, когда в спальню вошел его личный лакей Джаспер и сообщил, что из Уэстон-Хауса пришла записка. Отец хотел встретиться с ним как можно раньше. Подобная спешка не могла не настораживать. День, начавшийся так хорошо и беззаботно, сразу перестал радовать.

Одеваясь, Генри гадал, о чем хотел поговорить с ним отец. Его поведение за последние недели выглядело образцовым. Все время он ухаживал за одной только женщиной — Дианой Мерриуэзер. Боже, неужели отец проведал о его соглашении с Дианой? Или о его не слишком джентльменском поведении с ней, о его посягательствах на ее честь? Впрочем, это маловероятно.

От его холостяцкой квартиры до Уэстон-Хауса было рукой подать, и весь короткий путь он шел, словно осужденный на виселицу, снедаемый мрачными мыслями.

В отцовский кабинет Генри вошел, не выказывая ни малейших признаков смущения.

— Вы хотели о чем-то поговорить со мной, отец?

— Да, да, Хэл, — добродушно ответил он, жестом приглашая сесть рядом с ним перед камином. — Мне надо обсудить с тобой кое-что.

Настораживающее начало.

— Да? — промолвил Генри, показывая, что готов внимательно слушать.

— Когда ты впервые заговорил со мной о конезаводе, я назначил тебе испытательный срок, так как не доверял тебе. Прощу извинения за мою недоверчивость.

Генри замотал головой:

— Отец. Какие могут быть извинения с твоей стороны? Ты проявил предусмотрительность и благоразумие. Я внял твоим советам. И уже нашел несколько инвесторов, которые готовы хоть сейчас вложить деньги в мое начинание. Хотя мое имя по-прежнему часто упоминается в светской хронике, в этих сообщениях нет даже намека на что-нибудь непристойное.

— Я знаю, знаю и радуюсь тем переменам, которые произошли с тобой в последнее время. Бесспорно, твое поведение подтверждает серьезность твоих намерений. Кроме того, меня приятно удивили твои настойчивые ухаживания за мисс Мерриуэзер. — Лорд Уэстон дружелюбно хмыкнул. — Признаться, я несколько удивлен, обнаружив столь серьезное намерение жениться с целью убедить лорда Парра, будто ты сошел со стези порока. А может, ты наконец внял совету матери, ее выбору и вкусу, осознав, насколько она права? В любом случае следует отдать должное твоей рассудительности. Я одобряю твое решение.

Генри заерзал в кресле. Ему стало неловко от отцовских похвал. Представления отца отличались от того, что происходило на самом деле. Он активно занимался ухаживанием только ради того, чтобы от него отступилась мать с ее напоминаниями о женитьбе. И самое главное для того, чтобы убедить лорда Парра в своей добропорядочности и уговорить его подписать купчую. Мысль о женитьбе на Диане возникла у него только вчера. Нет, он уверен в твердости своего намерения, но ведь Диана пока ничего не знала об этом. Более того, столь неожиданное изменение его планов вряд ли бы обрадовало ее.

— Диана еще не дала своего согласия. — Он попытался пошутить и заодно выиграть время. — Она считает меня нахальным и наглым типом, и я не знаю, как мне разубедить ее, как доказать всю серьезность моих намерений.

— Ага, твое разгульное и легкомысленное поведение не прошло бесследно, не так ли? Настоящая женщина сумеет исправить мужчину, но убедить женщину в том... М-да, тебе не позавидуешь. Если позволишь, дам один совет. Женщина вряд ли поверит мужчине в том, что он исправится, если он использует любую возможность улизнуть с ней в укромное место.

— Боже, кто-то видел нас вместе или только ты?

— Что я видел? — Лорд Уэстон явно удивился. — Нет, я говорю, исходя из личного опыта. Когда я ухаживал за твоей матерью, иногда мне приходилось чертовски трудно. Убедить ее...

Генри застонал:

— Отец, только не сейчас. Сколько раз ты рассказывал об этом.

Старый лорд Уэстон лукаво подмигнул:

— Не ворчи, когда у тебя появятся собственные дети, ты будешь рассказывать им то же самое. Боже, какая приятная мысль! Ну что ж, в сладком предвкушении будущих внуков я сообщу тебе кое-что приятное.

Он достал из кармана обручальное кольцо, украшенное россыпью брильянтов, и протянул

сыну.

— Твоя мать просила меня отдать его тебе. Она будет счастлива, если оно достанется мисс Мерриуэзер. Это обручальное кольцо твоей бабки, она умерла всего через несколько месяцев после твоего появления на свет. — Выражение отцовского лица стало грустным и задумчивым. Лорд Уэстон улыбнулся и тихо произнес: — Твоя мать всегда считала тебя самым желанным, самым счастливым новорожденным во всей Англии. Настоящий маленький принц. Мы все так радовались, так были счастливы выполнить любой твой каприз. Вот почему мать назвала тебя Генри. Хэл, ты всегда в ее глазах был принцем.

— Почему я только принц, тогда как Ричард, а ведь ему еще не исполнилось и восьми, король? — спросил Генри, вертя кольцо между пальцами и внимательно рассматривая его, — восемь более мелких брильянтов окружали крупный в центре.

— Принц Хэл вырос, возмужал и стал королем Генри. Ты бы сам догадался, если бы больше внимания уделял...

— ...занятиям. Да, да, сколько раз можно об одном и том же. Какая это скука — латинский и греческий. Хорошо, что еще не было Шекспира.

— Обещаю не доводить до слуха матери твой нелестный отзыв о нашем великом поэте.

— Благодарю. Я так же глубоко благодарен вам обоим за кольцо. Но почему мама не сама передала его мне?

Наклонившись вперед, лорд Уэстон поднял вверх указательный палец:

— Ты же понимаешь, если бы кольцо дала тебе мать, она плакала бы. Все получилось бы слишком трогательно и волнительно.

Генри понимающе закивал головой.

— Кроме того, мы оба знаем: когда ты объявишь о своей помолвке, она опять заплачет. Опять получится чересчур трогательная и волнительная сцена.

Снова Генри закивал головой.

— Вот поэтому я вызвался передать кольцо тебе, чтобы было меньше слез и волнений.

— Неужели мама согласилась? — удивился Генри.

— Я нарочно обронил, что излишнее материнское волнение способно привести к обратному результату. Как бы ты от испуга не бросился в противоположную сторону от алтаря. — Лорд Уэстон встал и подошел к столу. — Я тут приготовил тебе еще один подарок.

С этими словами лорд Уэстон передал Генри лист бумаги. Бросив на него внимательный взгляд, тот обомлел от радости и едва слышно прошептал:

— Да ведь это купчая на Рейвенсфилд.

— Да, тут все подробно указано. Осталось только договориться о встрече с лордом Парром, чтобы он поставил свою подпись. Я говорил с ним на прошлой неделе, и он согласился на продажу, так как считает, что эта земля будет в надежных руках. Ты с лихвой выполнил все

свои обещания, и тебе нужен свой дом, где бы ты смог обосноваться после женитьбы. Я подумал: делая предложение, неплохо было бы заодно предложить своей невесте посмотреть на будущее семейное гнездо.

Генри молча и озадаченно, словно не веря в свершившееся, смотрел на купчую.

— Я всегда верил, Хэл, что ты сумеешь добиться своего в жизни. Конечно, ты не всегда был готов трудиться изо всех сил, зачастую отступал перед возникшими трудностями. Однако с возрастом ты становился все настойчивее и упорнее в своих желаниях. Никто из нас не считает тебя идеалом, но я и твоя мать всегда гордились тобой, нам было все равно, сопутствовал ли тебе успех или нет. Главное, что ты хочешь чего-то добиться в жизни. Думаю, ты и сам это понимаешь. Ну что ж, думаю, тебе есть с кем поделиться этими приятными новостями.

— Да, отец, — ответил Генри, еще не до конца опомнившийся от изумления. — Не знаю, как мне благодарить...

— Отблагодаришь рождением внука, — прервал его отец, на что Генри согласно и яростно закивал головой. — Причем не тяните, а чтобы вскоре после свадьбы.

Лорд Уэстон подошел к окну:

— Какая сегодня чудесная погода! Смышленный человек провел бы день в парке с красивой женщиной, а еще более умный спросил бы у кухарки, не осталось ли со вчерашнего дня клубники, чтобы захватить с собой и устроить пикник.

Генри тоже подошел к окну:

— Это шутка или намек на то, что не плохо было бы устроить романтическую поездку на природу?

Отец с притворным удивлением приподнял бровь:

— Разве ты не один из моих семерых детей? В декабре следующего года исполнится тридцать лет нашему браку с твоей матерью. Поверь мне, за столь долгий срок я немного разобрался в том, как устроены женщины.

— Ну что ж, давай поговорим о том, как устроены женщины. Я внимательно тебя слушаю.

— Ум женщины — это ключ к ее поступкам, ее тайным мыслям. Как только ты поймешь его механизм, то сразу обнаружишь, что хочет женщина, и тогда ты сможешь дать ей то, что ей нужно.

Пока кухарка упаковывала легкий завтрак, Генри размышлял над словами отца, пытаясь применить его совет на практике. Итак, Диана хочет быть с сэром Сэмюелем. По крайней мере она недвусмысленно заявляла об этом, тогда как на самом деле ей нужен он, Генри Уэстон. Он задумался над планом дальнейших действий: раньше он намеревался поухаживать за ней еще какое-то время, еще больше раздражить в ней любовную страсть, но теперь следовало действовать безотлагательно.

Боже, Рейвенсфилд принадлежал ему — это как-то не умещалось в его сознании. Генри был рад и одновременно смущен, ведь охоту на Рейвенсфилд он начал под прикрытием мнимого предлога. Он затряс головой, но разве он не приобрел, благодаря своей хитрости, инвесторов?

Начиная ухаживать за Дианой, он не собирался менять привычный для себя образ жизни. Однако теперь в свете новых обстоятельств многое теряло свой прежний смысл и отступало на задний план перед желанием жениться на Диане.

Вернувшись домой, Генри велел слуге заложить коляску. Ему не терпелось показать Рейвенсфилд Диане, вместе с тем он понимал, что эта прогулка не вызовет восторга у матери Дианы. Сколько раз он обсуждал вместе с Дианой все связанное с будущим его конезавода, изменения, переделки, нововведения, которые он намеревался провести и совершить. Он делился с Дианой своими планами, надеждами, мечтами, а теперь попросит разделить с ним его жизнь. Генри живо представил ее удивление, смущение, краску стыдливости и счастья на ее щеках и белой коже. Сколько раз она приводила ему многочисленные доводы, из-за которых они не могли пожениться. Ничего, он разобьет их все до единого, поочередно и до основания, и она, не выдержав, уступит ему и даст свое согласие.

Посвистывая, он залез в коляску, где уже стояла корзинка с завтраком, взял вожжи и погнал лошадей к Беркли-сквер. Время для визита было слишком раннее, но какое это имело значение по сравнению с тем, что он намеревался сегодня сделать? Дворецкий Снеллинг, уже хорошо знавший Уэстона, предложил ему подождать в гостиной. Сколько раз Генри бывал в этой комнате и все никак не мог привыкнуть к ее помпезной обстановке, которая невольно вызывала у него раздражение.

Генри прошелся взад-вперед по гостиной, его распирало от желания поделиться с Дианой приятным известием. Перед его мысленным взором возникали картины перестроенного и усовершенствованного Рейвенсфилда. Раньше он прежде всего думал о лошадях, чтобы им там было как можно удобнее, а теперь пришла очередь подумать и о людях. Дом требовалось отремонтировать и покрасить. Набрать прислугу. Нанять превосходного повара. А помимо всего прочего не стоило забывать о большой, нет, огромной и удобной постели.

Генри так размышлял, что очнулся от сладких грез лишь тогда, когда услышал вежливое покашливание за спиной. В гостиной уже находилась Диана, но не одна — ее сопровождала мать.

— Мистер Уэстон, благодаря какому поводу мы имеем удовольствие видеть вас в столь ранний час?

По кислому выражению лица леди Линнет было ясно видно, что она нисколько не рада видеть Генри Уэстона.

— Прошу меня извинить за столь ранний визит, миледи, но, как говорится в хорошо известной поговорке, кто рано встает, того удача ждет.

— И как же зовут вашу удачу? — пошутила Диана, и ее карие глаза задорно блеснули.

— Диана, — с упреком воскликнула мать.

— Мисс Мерриуэзер, у меня и в мыслях не было ничего фривольного. Судите сами, пусть прогулка в парке и посещение кондитерской Гюнтера послужат мне оправданием.

— Чудесно! — Лицо Дианы засияло от радости.

— Совершенно с вами согласен. К тому же это прекрасный повод кое-что отпраздновать.

— Отпраздновать? Что именно, если не секрет? — насторожилась леди Линнет.

— Никаких секретов, миледи! Отныне я счастливый обладатель Рейвенсфилд-Холла. Откровенно признаюсь, мне никогда не удалось бы добиться так быстро успеха, если бы не помощь вашей дочери.

— Что? — Глаза Дианы округлились от удивления. — Когда же это случилось?

Генри улыбнулся:

— Не далее как сегодня утром. Отец отдал мне купчую на поместье.

— Чудесно! Как я рада за вас! — Диана радостно улыбнулась, причем у Генри не было ни малейших оснований сомневаться в ее искренности. — Вы правы. Это событие стоит того, чтобы его отпраздновать.

— В самом деле, почему бы и нет, — согласилась леди Линнет, впрочем, без особого энтузиазма. — Надеюсь, вы получите огромное удовольствие от поездки. Погода по-летнему прекрасная. Уже середина июля, и таких чудесных дней остается не слишком много.

Генри уловил скрытый намек в словах леди Линнет. Она полагала, что сегодня его договор с Дианой будет наконец расторгнут. В какой-то мере он был с ней согласен: прежний договор исчерпал себя; он выполнил свою задачу, позволил ему и Диане познакомиться поближе. Пора заключать новый договор. Теперь он был хозяином Рейвенсфилд-Холла, и сегодня, скорее всего после полудня, как он полагал, Диана также будет принадлежать ему. Ему было безразлично, какотреагирует на это его будущая теща, пусть говорит все, что угодно. Сегодняшний день складывался на редкость удачно и приятно. Генри надеялся, что в будущем, как близком, так и далеком, все будет идти как нельзя лучше.

Вскоре после того, как они тронулись в путь, Диана поняла две вещи, причем ни одна из них ее не порадовала. Во-первых, большинство колясок рассчитано на трех человек, но та, в которой они ехали, явно не подходила под это правило. Диане, зажатой между Генри Уэстоном и своей служанкой, было тесно и неудобно, а дорожная тряска лишь усугубляла ее раздражение. По пути в голову Диане пришла закономерная мысль, которая к телесным страданиям добавила душевные: ей стали ясны последствия приобретения Генри столь желанного для него поместья.

После того как он получил конезавод, отпадала необходимость продолжать за ней ухаживать. Впрочем, у нее оставался сэр Сэмюель, и она тоже больше не нуждалась в Генри Уэстоне.

Итак, сегодня все закончится. Вот почему у ее матери так резко изменилось настроение, вот почему она так повеселела.

Превосходно обученная, идеально подобранная пара чалых лошадей чутко и быстро реагировала на любое движение вожжей в руках Генри. Въехав в парк, коляска покатила по аллее, тянувшейся вдоль берега озера Серпентайн. Возле одной из укромных полянок Генри остановил коляску. Грум соскочил на землю, чтобы помочь служанке спуститься вниз.

Следом за грумом на землю спрыгнул Генри и подал руку Диане.

— Мне бы хотелось кое о чем поговорить с вами. Давайте немного погуляем, вы не против?

— Серьезный разговор, не так ли? — Диана попыталась сказать это шутливо, но голос ее предательски задрожал.

— Это в самом деле очень серьезно, — подтвердил Генри, — серьезнее, чем намеченный нами пикник.

Приподняв сиденье, он достал корзину и свернутое покрывало. Махнув небрежно рукой в сторону полянки на берегу речки, он обронил:

— Вон хорошее местечко.

Оставив грума и служанку возле коляски, они прошли под тень деревьев. Пока Генри расстилал покрывало и вынимал из корзины припасы, Диана с замиранием сердца наблюдала за его действиями. Он снял шляпу, и солнечный свет, пробившийся сквозь листву, заиграл в его золотистых волосах. Ей невольно захотелось пригладить их.

Но еще больше ей хотелось погладить кончиками пальцев его губы, особенно ямку под пухлой нижней губой. Он начнет целовать ее, и от острого наслаждения у нее прервется дыхание. Впрочем, в своих мечтах она точно не могла определить остроту этого наслаждения, но почему бы в своих фантазиях не допустить такой возможности, ведь это так приятно. А дальше она попытается отнять свои пальцы, но он удержит их и, быть может, обхватит зубами кончик одного из них и бросит на нее томный и вместе с тем полный страсти взгляд.

— Диана?

Она чуть вздрогнула, но глубокий звук его голоса и звучание ее имени как нарочно подыгрывали ее разыгравшейся фантазии, она по-прежнему утопала в своих тайных грезах. Приняв ее молчание за согласие, он еще глубже обхватит губами ее палец, то сжимая его зубами, то лаская языком. Возбуждение, исходящее от него, передастся ей, словно молния, и разорвется громовыми раскатами внутри ее тела.

— Диана?

Очнувшись, она удивленно заморгала, увидев перед собой бокал с вином.

— Тебе не жарко? — участливо спросил он. — Ты вся такая покрасневшая. У тебя нет жара. Хотя видеть тебя такой одно удовольствие. Садись рядом.

Да, Генри угадал, у нее был жар, вызванный им самим, а ее распалившееся воображение довершило остальное.

— Нет, нет, мне хорошо. — Диана поспешила успокоить его. Присев, она взяла предложенный бокал с вином. — Расскажи мне подробнее. Ты говорил, что у тебя уже набралось несколько желающих вложить деньги в твоё предприятие, но я полагала, что лорд Парр будет колебаться и тянуть с решением до конца сезона.

— Я тоже так считал. Мой отец несколько раз встречался с ним, и ему удалось уговорить его. Не последнюю роль сыграло мое ухаживание за тобой, вот поэтому мне хотелось бы кое о чем поговорить с тобой.

— О, к чему эти лишние объяснения. И так все понятно. — Горло у Дианы перехватило так, что слова с трудом слетали с губ.

— Да что с тобой, Диана? Сейчас ты хрипишь. Неужели ты все-таки больна? Может, лучше отвезти тебя домой?

— Нет. — Она почти выкрикнула это слово, но тут же взяла себя в руки. — Прощу меня извинить... Поверь, я ценю твое внимание. Может быть, я чем-то заразилась, — лихорадкой Генри, вот чем, промелькнуло в ее голове, — но это такой пустяк, что не стоит из-за него возвращаться домой.

День стоял чудесный. Она была вместе с Генри Уэстоном, вероятно, в последний раз, и надо быть круглой душой, чтобы лишиться себя такого удовольствия.

— Не стоит так волноваться, — рассмеялся Генри и, наклонившись вперед, нежно провел пальцами по ее щеке. — Чуть раньше ты покраснелась, а сейчас так побледнела, что можно сосчитать все веснушки на твоём лице.

Диана смущенно потупилась.

— Знаешь, я подумываю о том, как сосчитать твои веснушки. Нет, не столько считать, сколько их целовать. Боже, да что с тобой, ты опять вся красная. Признаюсь, по ночам, когда мне не спится, я лежу и представляю, как целую твои веснушки. Все до единой.

— А у меня все тело покрыто веснушками, — ни с того ни с чего брякнула Диана и зарделась.

— Я так и думал. — Генри окинул всю ее взглядом так, словно радуясь предстоящей ему работе.

Не зная, что ответить, Диана молча отпила глоток вина.

Бросив хмурый взгляд на слуг в отдалении, Генри обронил:

— Если бы мы действительно были бы Одни... Ладно, мне столь же приятно наблюдать за тем, как ты ешь.

Однако еды было не слишком много, скорее даже наоборот. Немного клубники, хлеба и сыра. Но каждый кусочек из рук Генри превращал скромную трапезу в настоящее пиршество.

Они оба сняли перчатки, поэтому всякий раз, когда их руки соприкасались, у Дианы сладостно замирало сердце.

Она пребывала в каком-то дивном полусне, и ей совсем не хотелось просыпаться. Какое-то непонятное томление охватило ее грудь, затем низ живота. Синие глаза Генри поблескивали ярким огнем, таким горячим, каким они ни разу не горели в ее самых смелых фантазиях.

В самом деле, это были фантазии, пустые надежды. После сегодняшнего дня Генри, его ухаживание — все превращалось в мимолетный сон. Диана опустила голову. Между тем Генри начал оживленно обсуждать свой будущий конезавод, конюшни, породистых лошадей. Он знал, что Диана разделяет его увлечение лошадьми. И это было правдой. От отца она унаследовала не только рыжие волосы, высокий рост и веснушки, но также любовь к лошадям. Самые счастливые ее детские воспоминания до того, как ее родители разошлись, были связаны с конюшней. Она помогала отцу и конюхам всем, чем только могла помочь маленькая девочка. Теперь часть ее самых приятных воспоминаний была связана с Генри.

«Не надо об этом думать», — велела она себе. Откинув в сторону тревогу, Диана принялась наблюдать за Генри, стараясь как можно полнее запомнить его черты, манеру жестиковать руками, ямочки на щеках, когда он улыбался. Теперь, когда она сидела рядом с ним, ей не хотелось думать ни о чем, а просто наслаждаться настоящим.

Пикник пролетел быстро, Диана даже не заметила, как он закончился. Потом они поехали на Беркли-сквер в кондитерскую Гюнтера. Единственное место в Лондоне, где она могла появиться вместе с Генри без сопровождения, поэтому Диана отпустила служанку. Дорога и все аллеи вокруг кондитерской были заполнены колясками и экипажами. Удобно устроившись в тени высоких деревьев на сиденьях своих экипажей, светские дамы вместе со своими поклонниками угощались мороженым и прочими сладостями.

Кто-то приветственно замахал рукой Диане, она машинально ответила и только затем, приглядевшись, узнала Элизу Фотергилл. Стоявший рядом с ней мужчина обернулся, чтобы посмотреть, кто привлек внимание Элизы. Неужели это Гейбриел? Диана сперва не поверила своим собственным глазам. Это был действительно он. Поклонившись, он опять повернулся к своей даме.

Даже на расстоянии было заметно обожание, с которым тот смотрел на спутницу. Внутри Дианы шевельнулась зависть, ей даже стало на миг стыдно и неловко перед собой. Куда только подевалось ее хваленое природное самообладание? Она была совершенно сбита с толку.

— Посмотри вон туда. Видишь там мистера Габриеля вместе с мисс Фотергилл?

Генри посмотрел в ту сторону, куда указывала Диана, усмехнулся, но тут же сделал заказ проходившему мимо слуге-разносчику.

— Не отвлекайся. Ты только погляди на них. Погляди!

Диана бестолково махала рукой, указывая на стоявших вдалеке Габриеля и Элизу, совершенно забыв о приличиях.

— Нет ничего удивительного, — невозмутимо ответил Генри. — У меня талант сводника, только смотри не проговоришься.

— Конечно, я буду хранить молчание, — отозвалась Диана. — Хотя одна пара как-то мало убеждает. Скорее всего ты хвастаешься, как обычно.

— Ничуть. Кроме них... — Генри осекся, помешал подошедший слуга с подносом, на котором стояло мороженое. Диана выбрала апельсиновое, свое любимое, но сегодня даже оно не могло поднять ее настроение. Машинально съев одну-две ложки, она задумалась и поставила вазочку с мороженым на сиденье коляски рядом с собой.

— Ты сегодня какая-то странная. Может, тебе действительно не здоровится? — с явным беспокойством сказал Генри.

— Нет, нет, я хорошо себя чувствую, только вот аппетит пропал.

В животе Дианы стало неприятно холодно, внутри все стянуло, а к горлу подкатил комок. Пора сказать друг другу правду, какой бы горькой она ни была. Проще говоря, пришло время расстаться. Но лучше сейчас, чем потом...

Прежде чем он окончательно разобьет ей сердце.

Диана горько рассмеялась. Она уверяла Генри, что не полюбит его. Она не солгала. Она полюбила не столько его, сколько первого мужчину, который за все прошедшие годы стал уделять ей хоть какое-то внимание, ухаживать за ней, увидел в ней женщину. Время, которое

они провели вместе, лишь усилило ее настрой. Он уйдет из ее жизни, прежде чем любовь действительно пустит глубокие корни в ее сердце. Она не позволит ему разбить ей жизнь.

— Что такое? — удивился Генри.

— Мм.

— Над чем ты смеешься?

— Над тем, о чем мы оба думаем, но никто из нас не решается заговорить первым.

Генри не спеша наполнил ложечку шоколадным мороженым.

— В таком случае скажи, о чем думаешь ты. Если я думаю о том же, то честно признаюсь тебе в этом. Если же нет, тогда я отведаю твоего мороженого.

— Сегодня мне что-то не хочется играть в такие игры. Если хочешь, можешь взять все мое мороженое. Я ведь говорила, у меня нет аппетита.

— Диана...

— Ладно. «Я отпускаю тебя. Отныне ты вольна делать, что хочешь». Разве не это ты собираешься мне сказать? Нет необходимости продолжать выполнять условия нашего соглашения. Ты стал счастливым обладателем конезавода, а мне, по-видимому, скоро сделают предложение руки и сердца.

— Неужели Стикли. — Генри сразу помрачнел.

Она кивнула:

— Сэр Сэмюэль очень внимателен ко мне в последнее время. Думаю, мы с ним составим великолепную пару.

— Какая он тебе пара, — взорвался Генри.

— Мне виднее. — Диана попыталась обратить все в шутку, но скрытая боль явственно прозвучала в ее голосе.

— Диана, ты не будешь с ним счастлива. Это видно даже слепому. Это глупость с твоей стороны.

— Неужели?! Пусть это глупость, но мне он кажется идеальным мужем.

Генри воткнул ложечку в мороженое и отдал вазочку проходившему мимо слуге. Упершись руками в сиденье коляски, он наклонился к ней:

— Я нисколько не сомневаюсь, что он станет прекрасным мужем для какой-нибудь другой женщины, но не для тебя, Диана. Почему ты хочешь соединить свою жизнь с нелюбимым человеком?

Стиснув руки в кулаки, Диана ответила:

— Не в любви счастье. Верный муж, прочное положение в обществе, жизненные удобства — больше мне ничего не нужно.

— Но почему?

Генри по своему неведению затронул болезненную тему, и Диана не выдержала:

— Мои родители женились по любви, или из-за страсти, как ты любишь говорить. А затем эта страсть превратилась в злобу и ревность, которые разрушили их брак и погубили нашу семью. Нет, брака по любви я не пожелала бы своему злейшему врагу.

— Тише, тише.

Диана поняла, что она не говорит, а кричит от злости, когда он поднес указательный палец к своим губам, а другой рукой слегка прикрыл ей рот. Она испуганно оглянулась: не привлекла ли ее вспышка гнева постороннее внимание. Но, по всей видимости, никто ничего не заметил.

— Не все браки похожи на брак твоих родителей, — возразил Генри.

— Конечно, нет, — усмехнулась Диана. — Многие еще хуже.

Генри покачал головой:

— Мои родители счастливо живут вместе уже тридцать лет. Мои сестры вышли замуж по любви и обе счастливы. Хотя порой и набегают тучки, но они всегда преодолевают трудности, и это лишь идет на пользу их семейной жизни.

— У большинства все обстоит иначе.

— Зачем равняться на плохое? — возразил Генри. — Да, жизнь у моих сестер отличается от твоей. Я понимаю, что тебе довелось пережить, поэтому ты так озлобилась. Но по сравнению с тем счастьем и радостью, которые дарит любовь, эти страхи — пустяки.

— Для меня это далеко не пустяки. В отличие от тебя я не хочу рисковать.

Его тело, чувствуя ее близость, едва ли не дрожало от желания. Конечно, ей было его не понять. Хотя чего он так раскипятился? Ему следует быть благодарным ей, ведь она запросто могла намекнуть ему, что их договоренность остается в силе до тех пор, пока сэр Сэмюэль не сделает ей предложение.

— Это не так, — проворчал он.

— Что не так?

— Я не говорил, что для меня это пустяки. Просто ты не хочешь прислушаться к тому, что я говорю. — Генри улыбнулся своей самоуверенной и вместе с тем обаятельной улыбкой, от которой у Дианы таяло сердце. А когда вдобавок он смотрел на нее своими невероятно синими глазами, то внутри у нее все сжималось от сладостного томления.

— Но как ты совершенно справедливо изволила заметить, я нахал, а нахалу нет никакого дела до чужих мнений, какими бы они ни были.

— Почему ты так взъелся на меня? — Диана бросилась в наступление. — Ты получил конезавод, то, что хотел. Теперь тебе нет до меня никакого дела. Вряд ли тебя это огорчает. У меня же есть поклонник, который вот-вот сделает мне предложение, которое я обязательно приму. Мы поженимся, и все у нас будет как у всех людей. Как видите, мистер Уэстон, у меня также отпала необходимость в ваших услугах.

Генри нахмурился:

— Диана, я...

— Мисс Мерриуэзер!

Вдруг Диана заметила, как к ним направляется не кто иной, как сам мистер Сэмюель.

— Я только что приходил с визитом к вам домой, и миссис Линнет сообщила мне, что вы отправились на прогулку.

— Какая приятная встреча, — проворчал Генри.

— Очень приятная, — в тон ему отвечал сэр Сэмюель.

И тот и другой смотрели друг на друга, как два пса, готовые подраться из-за косточки. У Дианы кровь молоточками застучала в висках.

— Сэр Сэмюель, как это вам удалось найти нас. Это такой приятный сюрприз. — Диана пыталась выглядеть счастливой. Однако у нее это плохо получалось. — Прошу меня извинить, джентльмены, но у меня что-то разболелась голова.

— Нежное создание, — прошептал еле слышно сэр Сэмюель. — Наверное, вы слишком долго оставались на солнце. Вы позволите мне проводить вас до дома?

Генри расправил плечи и выставил грудь вперед, так что едва не коснулся ею своего соперника.

— Отвезти домой мисс Мерриуэзер могу и я.

Со стороны все это выглядело смешно. Дом Лэнсдаунов был виден даже с коляски. Но это лишь усложняло положение. Тем более что Генри пока ничего не сказал о том, что прерывает условия их соглашения. В таком случае она первая скажет ему об этом. У них нет будущего, зато будущее есть у нее и сэра Сэмюеля.

— Ведь это же пустяки. — Диана насмешливо улыбнулась Генри. — У вас ведь столько друзей. Мне не хочется удерживать вас более. Сегодня у вас имеется прекрасный повод для веселья, так проведите его в компании старых друзей, о которых вы явно позабыли в последнее время. Роль моей няньки вам не к лицу.

— Дело в том, что мистер Уэстон стал счастливым обладателем большого поместья, — обернувшись к сэру Сэмюелю, объяснила Диана. — Мы с ним хорошие приятели, и я очень рада его новоприобретению. Но теперь, боюсь, мистер Уэстон, на плечи которого легли обязанности управления лишится возможности гулять со мной так часто, как это происходило совсем недавно.

— Какая жалость. — Сэр Сэмюель попытался изобразить сочувствие. Несмотря на усилия, в его голосе звучала неприкрытая радость.

— Благодарю вас, мистер Уэстон, за чудесную прогулку. Сэр Сэмюель проводит меня домой, не так ли?

— Меня это нисколько не затруднит, — расцвел баронет. — Позвольте помочь вам спуститься

вниз.

— Ну что ж, сэр Сэмюель, если таково желание леди. — Скрестив руки на груди, Генри мрачно взирал, как Диана покидает его коляску. — Сожалею, мисс Мерриуэзер, но сегодня мы вряд ли встретимся с вами на музыкальном вечере у Винтропов, как собирались. Благодарю вас за любезное напоминание о том, что у меня много друзей, с которыми мне действительно необходимо встретиться. Всего доброго. — Прикоснувшись пальцами к краю цилиндра, Генри взял в обе руки вожжи и погнал лошадей вперед. Коляска быстро помчалась прочь.

На обратном пути домой Диана с удовольствием опиралась на предложенную сэром Сэмюелем руку. День выдался для нее волнующим, то, что сегодня произошло, вывело ее из душевного равновесия. Шагавший рядом с нею невозмутимый и спокойный сэр Сэмюель действовал на нее благотворно, и уже на подходе к дому к Диане вернулось свойственное ей ровное настроение вместе с самообладанием.

— Вы собираетесь быть сегодня на музыкальном вечере у Винтропов? — спросила она. — По слухам, синьора Болла обещала там петь. Ее голос не так хорош, как у мисс Диксон, но она очень талантлива.

— Я получил приглашение, но пока еще не решил. Откровенно говоря, я не жалую оперу. Хотя очень приятно послушать музыку, но история любви неверных, ревнивых любовников внушает мне неприязнь.

Диана споткнулась, пораженная резким и неожиданным осуждением, пусть и невольным, ее родителей.

Сэр Сэмюель поддержал ее под руку:

— Осторожнее, моя дорогая.

Диана открыла уже рот, чтобы возразить ему, объяснить, что он не прав. Но тут ее глаза встретились с его спокойными карими глазами, и она поняла: сэр Сэмюель не имел в виду ее родителей, он нисколько не хотел ее обидеть, напротив, он заботился о ней, о ее спокойствии. Он не намекал на прошлое ее родителей, а лишь откровенно выказывал свою неприязнь к операм с таким сюжетом.

— Я оступилась. Да, я во многом согласна с вами, но какой бы плохой ни была бы опера, вместе ее слушать намного приятнее, не правда ли?

«А Генри пусть катится ко всем чертям», — не без злорадства подумала Диана. Где он проведет этот вечер, ей совершенно безразлично. Ей хорошо и без него. Она взглянула на сэра Сэмюеля, стараясь не слишком наклонять голову вперед. В отличие от Генри сэр Сэмюель ростом был не очень высок. Все равно, главное не рост, а внутренние достоинства.

— Итак, мистер Сэмюель, я надеюсь, мы с вами продолжим этот интересный разговор о музыке и опере?

— О, я буду только рад. Надеюсь, я не огорчил вас своими суждениями, дорогая?

Как было приятно и удобно смотреть в его добрые глаза. Точно таким же — приятным и удобным — должен был стать их брак. Нет, этот брак ее не разочарует, не принесет ей огорчений, но почему-то это не очень радовало Диану.

«Бога ради прости меня, может, я стала слишком мнительной, но мне кажется, тебе следует знать последние новости. Недавно наша дочь познакомилась с мистером Уэстоном, старшим сыном виконта Уэстона. Это очень дерзкий и нахальный молодой человек. Думаю, его увлечение Дианой вызвано желанием обзавестись собственным конезаводом. Если наша дочь тебе дорога, то найди этого молодого человека и выясни его подлинные намерения...»

Из письма леди Линнет Мерриуэзер ее мужу Томасу.

Томас Мерриуэзер поерзал на своем кресле. Нет, с креслом все было в порядке, как и с убранством гостиной «Таттерсоллза». На его обстановку одобрительно, а иногда даже завистливо поглядывали его клиенты, как лондонские аристократы, так и те, кто не мог похвастаться знатным происхождением. Однако самому Томасу нарочитая роскошь — разрисованные потолки и картины на стенах — совсем не нравилась, явно не хватало уюта. Впрочем, тут не было ничего удивительного: кому может понравиться, если твой дом превращается в контору.

На смену удивлению пришла растерянность: поездка в Лондон — а до него из Ньюмаркета было шестьдесят миль — с возрастом становилась все менее и менее привлекательной. Кроме того, третий понедельник подряд продолжалась активная торговля лошадьми, многие сделки еще не завершились, что мешало намерению Томаса съездить в Лондон и поговорить с тем нахальным типом.

Впрочем, размять кости — это еще куда ни шло, но провести несколько дней в Лондоне — от этой мысли настроение Томаса сразу испортилось. Уже наступил сезон спаривания, приближались скачки, надо было тренировать лошадей, кобыла маркиза Честона вот-вот собиралась ожеребиться — как говорится, забот полон рот. Хотя Бэр был способен заменить его на время, немного могло заставить Томаса отправиться в Лондон.

Он постучал пальцами по сложенному письму в кармане. Письмо жены привело его в сильное недоумение. Хотя это было еще мягко сказано. Поддавшись искушению, он опять достал письмо и понюхал бумагу. От нее исходил еле уловимый запах лаванды. Знакомый аромат, от которого у него защемило сердце. Но боль была скорее приятной, она служила напоминанием о Линнет.

Ради своих детей Томас был готов на все, что он уже доказал на деле. Он ушел из семьи ради дочери, чтобы она могла вести жизнь, достойную знатной аристократки, и за ней могли бы ухаживать старшие сыновья виконтов. Томас не знал, догадывается ли Диана о подлинных причинах, побудивших его оставить ее, Алекса и Линнет в покое. Он ни в чем не винил дочь, считая виноватым во всем только себя одного.

Он помнил прошлое, как плохое, так и хорошее, причем хорошее помнилось намного лучше, четче, яснее. Рождение детей, любовь к жене, но вся радость от этих воспоминаний смазывалась воспоминанием о том самом дне. Как бы ни старался, он не мог забыть то, что случилось тогда. Мельчайшие подробности, ужасные детали на всю жизнь врезались в его память.

Линнет, забрав детей, ушла к родителям. Через несколько минут после их отъезда он понял, что сходит с ума. Выручило виски, он пил его до тех пор, пока острая пронзительная боль не притупилась. Он пил его вечером и на следующий день, и потом. Дела конюшни взял в свои руки Бэр, домашнее хозяйство — дворецкий Ингем. Оба настолько успешно справлялись со

своими обязанностями, что отупевший от боли и виски Томас полностью ушел в себя.

Однако через три месяца терпение у его помощников лопнуло. Бэру и Ингему надоело все время видеть пьяного хозяина, постепенно терявшего человеческий облик. Отказавшись дать Томасу ключи от винного погреба, они решительно заявили хозяину, что больше он не получит ни капли виски или вина. Томас выругался, послав их обоих куда подальше, но слуги твердо стояли на своем. Взбешенный, Томас помчался в публичный дом в Ньюмаркете.

Приехав туда, он был вне себя от злости. Злоба буквально душила его. Он ненавидел всех вместе и каждого в отдельности — Бэра, Ингема, Пекфорда, герцога и герцогиню и даже Линнет. С каждым глотком его злость все увеличивалась и увеличивалась, а вместе с ней в нем росло ощущение, что теперь ему все позволено. Его обманули, его выставили на посмешище, его держат за дурака...

Трактир постепенно пустел, наступал рассвет. Несмотря на все выпитое, Томасу не хотелось спать. Пробуждение для него означало пробуждение сознания, которое он как раз пытался утопить в вине. Так мучительно было просыпаться одному в пустой постели и в пустом доме. Он махнул рукой Марджори, одной из служанок, делая знак подать еще вина.

Уолт Крофтер был хорошим жокеем, но его безрассудная смелость сыграла с ним злую шутку. Его жена Марджори осталась вдовой и почти без средств к существованию. Но будучи симпатичной и не лишенной практичности, Марджори не растерялась и сумела устроить свою жизнь. Каждый раз, когда в трактире появлялся Томас, она улыбалась ему. Однако сейчас на ее лице не было видно прежней улыбки.

— Сэр, неужели вы хотите напиться до чертиков?

— Это вас не касается, мисс Крофтер.

— Пожалуйста, называйте меня, как всегда, Марджори. Мисс Крофтер — так прежде все звали мою свекровь.

Томас послушно закивал головой:

— Ну что ж, Марджори, принеси мне еще выпить.

— Мне кажется, мистер Мерриуэзер, вы уже выпили более чем достаточно. — Марджори мягко отняла у него стакан. От нее приятно пахло свежестью и опрятностью. — Почему бы вам не подняться наверх и не лечь спать? Я сейчас возьму ключ от одной из комнат...

Он посмотрел на нее, на ее губы, они напоминали ему другие, столь часто дарившие ему сладостное забвение. Он понял, к чему клонила Марджори, и в тот же миг его охватила тоска, чувство одиночества и желание забыться.

Потом они целовались на лестнице, ведущей наверх. Он еще помнил, как он ввалился вместе с поддерживающей его Марджори в комнату. Затем наступила полоса полного забвения, он очнулся только на следующее утро. Проснувшись, Томас обнаружил, что лежит один. Подгоняемый непонятно откуда возникшим стыдом, он быстро оделся, выложил из карманов на стол все деньги и незаметно удалился. С похмелья он соображал с большим трудом, но смутное ощущение, что произошло ночью, мучило и не давало ему покоя.

Голова раскалывалась от боли, цокот копыт о булыжную мостовую молотом бил по голове. На обратном пути домой он останавливался, чтобы перевести дух, настолько ему было плохо. Но его мучили не столько телесные страдания, сколько душевные. Сколько бы Томас ни уверял себя, что вчера он был настолько пьян, что вряд ли мог заниматься любовью, голос совести неумолкаемо звучал в его ушах. Как ни крути, он, упрекавший Линнет в неверности, переспал с другой женщиной. Он, искавший соломинку в чужом глазу, и может быть, совершенно напрасно, теперь разглядел в своем собственном целом бревно. Он обвинял жену, не имея веских оснований, и ему стало мучительно больно за совершенную им глупость, за беспочвенную ревность, за разрушенный собственными руками брак.

Оценивая захлестнувшие его чувства стыда и раскаяния, он вдруг ясно понял: если бы Линнет спала с другим мужчиной, она вела бы себя совершенно не так, как вела себя на самом деле, отвечая на его нелепые и вздорные обвинения в неверности. Боже, что он наделал? Он, считавший Линнет недостойной его, в мгновение ока поменялся с ней местами. Теперь не она, а он был не достоин ее.

Томас внезапно протрезвел от этой мысли. Боже, если бы Линнет увидела его сейчас: грязного, полупьяного, опустившегося. Он был омерзителен самому себе. Нет ему прощения. Но если он бросится к ее ногам, будет ее умолять, просить о прощении...

Вернувшись в «Таттерсоллз», Томас взялся за ум, бросил пить. В один прекрасный день собравшись с духом, он тщательно побрился, аккуратно оделся и направился в Лэнсдаун, полный решимости вернуть назад жену и своих детей.

Войдя в дом герцога, он без лишних слов отпихнул в сторону дворецкого Снеллинга, как всегда, мрачного и неприязненного, прошел на середину гостиной и громко позвал Линнет. Однако первой на его крики явилась не она, а ее мать, герцогиня.

— Ступайте домой, Томас, к своим лошадям, — повелительно проговорила она. — Вам здесь нечего делать.

— Напротив, мне здесь есть что делать. Здесь моя жена и дети. Я приехал забрать их с собой.

— Они не хотят ехать с вами, — ледяным тоном произнесла старая герцогиня.

— Давайте об этом мы лучше спросим их самих, — дерзко ответил Томас. Хоть держался он вызывающе, в глубине души он робел.

— Это уже не первый раз, когда Линнет вынуждена сделать выбор между вами и мной. Пусть она сама решит, оставаться здесь или...

— Она будет решать? — Герцогиня рассмеялась, от ее сиплого, зловещего смеха у Томаса похолодело сердце. — И это после того, как вы погубили ее и его светлость и выгнали ее отсюда.

Смысл ее слов не сразу дошел до изумленного Томаса. У него все поплыло перед глазами.

— Линнет сказала вам, что я ее погубил? Обесчестил?

— Вот именно. Она пришла к нам сразу после того, как это случилось. Она раскаивалась, плакала и молила о прощении. Она заверила нас, что вы женитесь на ней. Я попыталась убедить его светлость отослать ее на время в самое далекое наше поместье, чтобы проверить, не приведет ли ее падение к самым худшим последствиям, но муж не хотел ничего слышать.

Вы говорите, что Линнет сделала выбор, но после того, как вы погубили ее, у нее не было никакого выбора.

— Нет, — срывающимся голосом прошептал он, затем почти крикнул: — Я не губил ее.

— Не надо кричать, лучше ступайте к себе домой. Прошлое пусть останется в прошлом, ведь его светлость и я простили Линнет.

— Она вам солгала. Клянусь, до свадьбы я до нее и пальцем не касался. Линнет, где же ты? — отчаянно закричал он.

В этот миг наверху лестницы появилась она, бледная, исхудавшая, но несмотря на это, самая прекрасная на свете и самая желанная для него женщина.

— Зачем ты приехал, Томас? — В ее голосе звучала ничем не прикрытая боль. Линнет одной рукой держалась за перила лестницы, другой за низ живота.

— Я приехал забрать тебя и детей. Разве вы не моя семья?! Я всегда так верил тебе. Думал, что ты никогда меня не обманываешь. — Его голос упал. — Но тогда почему ты сказала родителям, что я погубил тебя?

Линнет медленно спустилась вниз, по ее лицу текли слезы.

— Я боялась, что они не дадут своего согласия. Но ведь я выбрала тебя, тебя... я отказалась от всего ради нашей любви...

— Ты никогда от них не отказывалась, — мгновенно впад в ярость, закричал Томас. — Ты им солгала, и они, а не ты, отказались от тебя. А когда родился Алекс, они пришли к нам, и ты их приняла без всяких возражений. Стоило им позвать тебя, как ты, бросив все, ехала к ним. Ты ходила перед ними на задних лапках, угодничала, и ради чего?

— Ради наших...

— Только не приплетай сюда детей, они тут ни при чем. Ты сама погубила свою жизнь и мою тоже.

— Не смей так говорить! — вспыхнула Линнет.

— Тогда собирайся, бери детей, и мы вместе поедem домой. Докажи мне на деле, а не на словах, что ты по-прежнему любишь меня так же сильно, как я тебя.

— Но ведь они мои родители, — захныкала Линнет.

— А я твой муж.

Вдруг откуда-то сверху послышался шум. Они оба подняли глаза и увидели перепуганную гувернантку, которая бежала к сидевшим на самой верхней площадке Диане и Алексу. Дети сидели плотно прижавшись друг к другу. На их лицах отражался страх, тот самый детский страх, который в отдельные мгновения кажется самым жутким на свете. Гувернантка, подняв детей, повела их куда-то в глубь дома.

— Никакой ты мне... — Линнет не успела завершить свою гневную отповедь. Схватившись за живот, она вдруг согнулась пополам от сильной боли.

— Линнет! — в ужасе закричал Томас и, подскочив к ней, подхватил на руки. Если бы он чуть-чуть промешкал, то она повалилась бы на пол. Линнет стонала, плакала, билась в его объятиях, он ее утешал, называл ласковыми именами, успокаивал как мог. Все бесполезно. Томас бросил отчаянный взгляд на герцогиню.

— Ну что же вы стоите, как мраморное изваяние? Сделайте что-нибудь! — Его призыв возымел действие. Герцогиня принялась раздавать указания служанкам, силуэты которых угадывались в проемах дверей.

— Послать конюха за врачом. Принесите сюда чистые простыни. А вы следуйте за мной.

Бережно держа Линнет на руках, Томас последовал за герцогиней. Они прошли в спальню. Кровать уже была покрыта чистой белой простыней.

— Кладите ее. — Несмотря на драматичность ситуации, в голосе герцогини не было слышно ни теплоты, ни нежности.

Томас медлил, не желая расставаться с драгоценной ношей. Вдруг он почувствовал, что рукав его куртки стал мокрым.

Он удивленно посмотрел на руку, и только тогда его сознание пронзила мысль.

— Это начались роды? Неужели она потеряет младенца?

— Все может быть, — невозмутимо ответила герцогиня.

Он осторожно положил Линнет на кровать, ее побледневшее лицо было таким же белым, как и цвет простыни. Упав на колени рядом с кроватью, он схватил безжизненно лежавшую на постели руку.

— Можете идти, мистер Мерриуэзер, — сказала герцогиня.

Томас отрицательно замотал головой, не отпуская жену и не сводя глаз с ее лица.

— Только не вздумайте силой вывести меня отсюда, не то вы горько пожалеете об этом.

— Боюсь, вы слишком много себе позволяете. — Тут герцогиня усмехнулась. — Неужели вы полагаете, что ваша помощь для нее важнее и действеннее, чем помощь женской прислуги?

Линнет застонала от очередного приступа боли. Открыв глаза, она с неженской силой сжала его руку, словно не желая отпустить его от себя.

— Томас?

— Я здесь, моя любимая.

По ее виду было заметно, как сильно она боится.

— Томас, неужели я умираю?

— Нет. — Он ласково сжал ее руку. — Ты не умрешь. Что за глупости приходят тебе в голову?

Глаза Томаса расширились от ужаса. Он увидел, как под ней вдруг расплылось большое

кровавое пятно. Ему стало страшно, несмотря на уверенный тон, уверенности в нем не было никакой.

Казалось, прошли года, века, прежде чем появились врач, пожилой джентльмен, и акушерка. Оценив всю тяжесть ситуации с первого взгляда, врач попросил всех выйти из спальни.

— Она моя жена, — запротестовал Томас. — Я ни за что не покину ее.

— Вы будете только мешать, если останетесь, — заметила акушерка, ласково кладя руку ему на плечо. — Ступайте, сэр. Мы с врачом присмотрим за леди Линнет. Не волнуйтесь, врач очень сведущий и опытный. В крайнем случае обещаю позвать вас.

Оглушенный, растерянный, напуганный, Томас вышел из спальни. Но дальше маленького кабинета, примыкавшего к спальне, он не дал себя увести. Приставив стул почти к дверям, он обхватил голову руками. Он был готов дать любые обещания Богу, всем святым, даже дьяволу, лишь бы они сделали так, чтобы его Линнет осталась жива. Он то молился, то чертыхался, то плакал.

Вдруг он вспомнил о детях, ему захотелось видеть их, но ему не позволили. Как передал дворецкий, детей, с трудом успокоив, уложили спать, и хотя герцогиня, старая стерва, как он подозревал, обманывала его, он не мог не понимать, что сейчас не следует ссориться, тем более когда в доме царила такая тревожная обстановка.

Наступил вечер, за окнами стемнело. Горничная зажгла свечи, растопила камин. Слишком затянувшееся молчание и отсутствие новостей из-за закрытых дверей спальни начинали беспокоить Томаса все сильнее и сильнее. Его как будто забыли, и это начинало выводить его из терпения. Когда свечи догорели наполовину, его терпение лопнуло. Томас встал, намереваясь войти в спальню, чтобы все разузнать, но в эту минуту дверь открылась, и оттуда вышла сама герцогиня со свертком на руках.

— Что с Линнет? — взвился Томас.

— Она жива, но очень ослабела от потери крови. Впрочем, врач считает ее положение вполне благополучным. Она обязательно поправится.

— А младенец? — Томас облизал пересохшие от волнения губы.

Вздыхнув, она подошла к нему и протянула сверток, откидывая в сторону угол покрывала. Томас на миг зажмурил глаза, затем открыл их.

— Ваша дочь, — бесстрастно промолвила она.

Крошечная, невероятно красивая, она походила на спящего ангела. Полукружия бровей и ресниц матово поблескивали. У Томаса сжалось от боли сердце, он глядел на нее и не мог наглядеться, она так походила на него.

Он машинально протянул руку, чтобы погладить ее лобик, но герцогиня, нахмурившись, отошла на шаг и накрыла ее лицо.

— Выслушайте меня, мистер Мерриуэзер. Много лет назад вы отняли у моей дочери ее законное место в обществе. Несколько месяцев назад вы разбили ей сердце. Она только начала приходить в себя, как вдруг вы появились опять. И что мы видим? — Герцогиня шумно вздохнула. — Она едва не погибла из-за вас. Вы погубили ее ребенка. Если вы действительно

любите ее, оставьте в покое. Уходите прямо сейчас и забудьте сюда дорогу. Так будет лучше для всех нас.

И Томас уехал, безмолвный и раздавленный. Все последующие годы обвинения, брошенные против него герцогиней, не давали ему спокойно спать. Тяжкий груз воспоминаний того дня давил с неизменной силой. Всякий раз, когда перед его мысленным взором возникало безжизненное, бледное личико несчастной малютки, им овладевало чувство вины и раскаяния.

Он выполнил просьбу герцогини. Он больше ни разу не объявился в Халсвелл-холле, целых шестнадцать лет. Линнет первая прервала молчание, первая перешла границу отчуждения между ними.

Томас тяжело вздохнул, опять сложил письмо и сунул его в карман. Конечно, он выполнит просьбу жены, не столько потому, что она сама просила его, сколько ради дочери. Он не сумел спасти одну дочь, поэтому был готов сделать все возможное, и даже больше, для счастья Дианы. Страшно подумать, ради счастья дочери он целых шестнадцать лет не виделся с ней, он оставил жену и детей ради их спокойствия, благополучия. Ради этого он вычеркнул себя из их жизни.

— Мистер Мерриуэзер, вас спрашивает какой-то джентльмен, — вдруг раздался поблизости голос Эдмонда, сына старины Татта, к которому перешел бизнес отца после его смерти.

Они прошли к конюшням.

— Вот он. — Эдмонд показал рукой на высокого, широкоплечего мужчину, внимательно разглядывавшего жеребенка, предназначавшегося для дерби. — Хотите я вас представлю?

— Нет, не стоит. Мы немного знакомы. У вас и так полно дел. Ступайте и займитесь ими.

Мерриуэзер направился к молодому джентльмену. Им оказался не кто иной, как Уэстон. Он глаз не сводил с юного грациозного создания, что дало возможность Томасу внимательно разглядеть его. На первый взгляд молодой человек не внушал никаких опасений, страхи жены казались беспочвенными. Некоторый беспорядок в одежде, явно говоривший о разгульной ночи, не портил создаваемого им хорошего впечатления. Генри Уэстон принадлежал к золотой молодежи и не был лишен слабостей, присущих ее представителям.

Томас подошел сбоку и негромко произнес:

— Чудесный жеребенок. Если не ошибаюсь, его владелец сэр Питер. Из него должен выйти прекрасный скакун.

Уэстон обернулся, и Томас протянул ему руку.

— Позвольте представиться — Томас...

— Мерриуэзер, — закончил за него Уэстон, радостно трясая протянутую руку. — Мне было бы неловко не знать такого человека, как вы. В прошлом году в Эпсоме ваша Пенелопа выиграла главный приз.

— А-а, Пенни, моя красавица. Если вы разбираетесь в лошадях, то, наверное, догадались кое-что поставить на нее.

— Конечно, причем немалую сумму, — ухмыльнулся Уэстон. — И не прогадал. Выигрыш того

стоил.

Хотя склонность к азартным играм была вовсе не тем качеством, которое Томас хотел бы обнаружить в своем будущем зяте, тем не менее такое тонкое чутье на хорошую лошадь не могло не польстить завязтому лошадинику.

— Поговаривают, будто вы тоже решили заняться разведением лошадей, — невольно обронил Мерриуэзер.

— Верно, но я не делаю никакой тайны из этого.

— Поговаривают также, будто вы ухаживаете за моей дочерью.

— Из этого я тоже не делаю никакой тайны. Весь Лондон знает об этом. — Уэстон пожал плечами с небрежным видом, словно ему было безразлично, что о нем говорят.

Томас закусил губу. Нарочитая небрежность в вопросе, касавшемся его дочери, раздражала его. Он мысленно себя одернул, напомнив, что Генри Уэстон относится к числу привилегированных особ, считающих, будто весь мир создан для того, чтобы удовлетворять их желания. Как часто ему приходилось иметь дело с подобными типами!

— Поговорим начистоту. Мне нравится ваше умение разбираться в лошадях в отличие от вашей репутации, которая оставляет желать лучшего. Скажу прямо, вы не тот человек, которого мне хотелось бы видеть рядом с моей дочерью.

— Неужели? — с презрительным высокомерием бросил Уэстон. — Мне кажется, вашей дочери виднее, с кем ей нравится быть.

Томас кивнул с мрачным видом, но одновременно заметил, что, несмотря на нарочитую небрежность, Уэстон невольно сжал кулаки. Это выдавало его волнение.

— Вы говорите, что вам понравилась резвость моей Пенелопы?

Резкая смена темы разговора заставила Уэстона нахмуриться, тем не менее он согласно кивнул.

— Так вот, я готов отдать ее вам с тем условием, что вы оставите Диану в покое.

Удивление на лице Уэстона почти мгновенно сменила очевидная ярость. Он резко развернулся и быстро зашагал прочь.

— Уэстон, стойте.

Генри тут же обернулся и зло произнес:

— Думаю, нам больше не о чем говорить.

— Напротив...

— Сэр, я советую вам все хорошенько обдумать, прежде чем повторить ваше оскорбительное предложение. У меня чертовски чешутся кулаки проучить вас как следует за такие слова. Но я не хочу обижать вас, так как, вне всякого сомнения, это расстроит Диану, а она и так страдает. Она даже готова выйти замуж за нелюбимого человека, полагая, что брак с холодным как

рыба, правильным во всех отношениях джентльменом, позволит ей избежать в будущем душевных потрясений.

Такие слова пришлись Томасу по душе. Генри Уэстон предстал перед ним совсем в ином свете. Судя по всему, Диана была ему далеко небезразлична.

— Вы... тревожитесь о ней. — Томас вовремя спохватился, заменив глагол «любите» на более нейтральный. Впрочем, у него не осталось никаких сомнений в том, что Уэстон любит его дочь. Это было видно невооруженным глазом. Вместе с тем очевидно, что Генри не отдает себе отчета в полноте своих чувств. Томас решил действовать осторожнее, ему уже не хотелось отталкивать от Дианы этого молодого человека. У него начал складываться иной взгляд на происходящее, отличный от взгляда жены.

— Да, — не скрывая досады, отвечал Уэстон.

— Простите меня, я в вас ошибся. Если вы в самом деле волнуетесь о ней, в таком случае даю вам свое благословение, хотя оно ничего не стоит. Диана не хочет меня знать, она даже отказалась от наследства, предложенного мной. Вот поэтому я прошу вас взять в виде подарка Пенелопу. Недавно я повязал ее с Зефиром. Этот жеребенок обязательно будет чемпионом.

— Мистер Мерриуэзер...

Но Томас перебил Уэстона:

— Поверьте мне, разводить лошадей нелегкое дело, особенно на первых порах. Я испытал это на собственной шкуре. Взамен я прошу вас приехать ко мне после свадьбы, мне надо поговорить с дочерью.

— Если вы не против продать мне Пенелопу, тогда назовите вашу цену. Может, мы сойдемся в цене. Хотя наш разговор довольно необычен: сперва вы мне советуете убрать руки подальше от Дианы, затем предлагаете Пенелопу в качестве взятки. Не правда ли, тут нет никакой логики. Кроме того, да будет вам известно, Диана не хочет выходить за меня.

Томас весь как-то сник. В какой-то миг казалось, что ему удалось избавиться от тяжелого бремени, давившего все эти годы на его плечи, как вдруг этот тяжкий груз опять придавил его.

— Я просто попытался сделать что-нибудь, — промолвил он. — Откровенность за откровенность, больше я не буду вам надоедать. Диана в детстве была такой озорницей, любила играть, особенно в прятки. Она очень сильно изменилась после того... — он помолчал, прежде чем закончить предложение, — ...как я расстался с ее матерью. Я наблюдал за ней все эти годы, очень осторожно на расстоянии, и не мог не заметить происшедшей с ней перемены. Она стала более скрытной, не такой общительной и доверчивой, как в детстве.

— А мне кажется, ваша дочь не так уж сильно изменилась. Она по-прежнему очень ловко умеет убежать и прятаться.

Едкий сарказм, прозвучавший в словах Уэстона, не остался незамеченным для Мерриуэзера. Линнет в письме просила выяснить, насколько глубоки чувства Уэстона к их дочери. Судя по всему, молодой человек был влюблен в Диану. Уэстон мог бы помочь ему... стереть все разногласия, разделявшие его семью. Однако молодой человек был упрям и своенравен, точно так же как и Томас много лет назад. Он легко мог наломать дров и все испортить. Надо помочь Уэстону, подсказать, как лучше всего следует действовать.

— Я сказал вам, что Диана любила прятаться, но еще больше ей нравилось, когда ее находили. Вы первый человек за все эти годы, кто смог найти ее. Она так привыкла прятаться, что боится вылезти из той скорлупы, в которую себя заключила. Если вам небезразлична моя дочь, тогда ради вашего с ней счастья боритесь, не отступайте, чтобы потом не пришлось горько раскаиваться.

Глава 13

«Когда вы получите мое письмо, наверняка узнаете из газет о шокирующем происшествии, угрожавшем жизни нашему монарху, которое случилось в театре «Друри-Лейн». Никого из наших не было на представлении, хотя вы знаете, как моя мать любит игру Сиббера. Впрочем, после того, что произошло, фарс на сцене перестал быть смешным...»

Из письма графини Данстон ее тетке вдовствующей маркизе Шелдон.

Хотя Генри едва ли не с радостью выслушал совет, данный ему мистером Мерриуэзером, завзятым лошадиником и опытным заводчиком, что вызывало у такого же ярого лошадирика, каким был Генри, должное уважение, после недолгих раздумий он решил, что не стоит следовать данному совету, а лучше оставить Диану в покое. Генри даже до разговора с отцом Дианы подумывал все бросить и забыть, но, к своему удивлению, вдруг обнаружил, что не может.

Генри заявился на скучнейшее, совершенно безынтересное для него суаре по одной-единственной причине — здесь должна была появиться Диана. Он несколько раз пытался увидеть ее в Лэнсдаун-Хаусе, но всякий раз получал от ворот поворот: его не принимали, с ним не хотели разговаривать.

Прислонившись к стене, Генри наблюдал за разворачивающимся перед ним действием. Он не хотел лукавить, некоторые балы ему очень нравились, но сейчас он искал не развлечений, а Диану.

Нет, он не выслеживал ее. Он мог бы подослать своего лакея Джаспера в Лэнсдаун-Хаус, чтобы выведать у какой-нибудь служаночки, где собирается быть ее госпожа. Но он не принадлежал к числу тех, кто ради достижения нужной цели не брезгует никакими средствами. Немного поколебавшись, он отверг этот не совсем приличный план. Для людей его круга и положения в свете существовали другие, более благопристойные способы добиться своего.

Выслеживать, шпионить за Дианой Генри не собирался. Он считал своим долгом спасти Диану от брака с занудой Стикли. Несмотря на все усилия и поиски слабого места у своего противника, положение Стикли выглядело безупречным. Баронет не имел никаких любовных связей, он не слыл забиякой и не сражался на дуэлях, его финансовые дела были в прекрасном состоянии. Единственным слабым местом Стикли оказалось его незнание лошадей и отсутствие вкуса в подобных делах. Генри как-то раз разговаривал об этом с Дианой, которая тонко чувствовала лошадей и хорошо в них разбиралась. Она ясно дала ему понять, что это пустяк, который не помешает ей выйти замуж за Стикли.

А вот заставить ее выйти замуж за себя у Генри не получалось. Нет, возможностей сделать ей предложение у него было предостаточно, но зная умонастроение Дианы и ее отношение к нему, рассчитывать на успех было бесполезно. И тогда у него возникла коварная мысль: для того чтобы заставить Диану выйти за него, надо ее скомпрометировать. Мысль была недурна и к тому же легко осуществима, но от нее пришлось отказаться. Это вызвало бы скандал, который Диана никогда бы ему не простила.

А ему больше всего хотелось видеть ее счастливой. Иногда Генри пытался убедить себя в том, что Стикли действительно хорошая пара для Дианы. Если она довольна им, а Стикли все-таки неплохой человек, ну что ж, пусть тогда выходит за него. А что Генри оставалось делать? По своей воле она за него не хотела, а принудить ее, как бы ему ни хотелось, он тоже не мог. Добром бы это не кончилось.

После недели слезки и преследований — да, черт возьми, он бегал за ней — ему, наконец, удалось разглядеть, что скрывается под маской холодной вежливости, которая словно приклеилась к ее лицу.

На рауте в доме Тиверторна он прокрался к буфету, когда Диана выбирала прохладительные напитки. Их взгляды встретились, прежде чем она отвернулась, и Генри разглядел в ее глазах недоумение, растерянность, неуверенность — все что угодно, но только не счастье.

Если бы Диана была счастлива, он нашел бы в себе силы отказаться от нее, а теперь ему нельзя отступать. Он будет преследовать ее, пока не добьется объяснений.

Генри с мрачным видом смотрел на лорда Брантли, танцевавшего с Дианой. Про себя он решил, что в следующий раз, когда встретится с Брантли на ринге в клубе Джексона, он вздует его как следует. Если он нахал, то Брантли неисправимый повеса. Черт, Генри разозлился. Почему Диана так покраснела? Что такого мог нашептать ей на ухо этот шалопад? Скосив глаза, Брантли бросил на Уэстона насмешливый взгляд, в котором сквозила явная издевка. Он откровенно упивался страданиями поклонника, отвергнутого Дианой.

Брантли, видимо, пронюхал об их размолвке. Как только танец закончился, он повел Диану к ее матери. Проходя мимо Уэстона, Брантли опять ехидно ухмыльнулся. Настроение Генри стало еще хуже, когда он заметил Стикли, беседовавшего с леди Линнет. Шепнув что-то на ухо матери, Диана направилась в сторону дамской комнаты. Не теряя ни секунды, Генри устремился за ней.

Не оглядываясь по сторонам, Диана знала, что Генри следует за ней на расстоянии. За последние месяцы она привыкла к такой игре, и хотя умом она понимала, что этому пришел конец, что-то внутри нее желало продолжения. При мысли, что ее ждет, когда Уэстон настигнет ее в укромном месте, ее плоть трепетала в сладостном предвкушении.

Диана задержалась неподалеку от дверей дамской комнаты, чтобы позволить ему нагнать ее.

— Я тут все разузнал, — прошептал Генри. — Третья дверь направо, за ней небольшая комната для переодеваний. Когда вы можете поговорить со мной — прямо сейчас или чуть позже, после того, как приведете себя в порядок?

— А что, если я вообще не хочу с вами разговаривать?

— Решайте быстрее, времени у нас немного. — Он прошел мимо нее, чуть дальше по коридору, и исчез за указанными по счету дверьми.

Диана колебалась недолго и быстро проследовала за ним. Он прав, им надо поговорить. Диана жалела, что между ними все кончено. За неделю, прошедшую с момента их размолвки, она множество раз прокручивала в голове их последний разговор. Она могла бы объясниться как следует, но ее объяснению помешал некстати появившийся сэр Сэмюель. Зато теперь она поговорит с ним, и они расстанутся... друзьями.

Быстро оглянувшись, Диана открыла дверь и юркнула внутрь. Комната для переодеваний оказалась побольше кладовой для белья, но ненамного. В ней даже было одно небольшое окно, сквозь которое лился лунный свет, освещавший скромную донельзя обстановку. Стол, стул, комод и низкая скамейка у окна.

И сам Генри.

В одной рубашке с закатанными рукавами. Сюртук и перчатки он бросил на скамейку. Сердце у Дианы подпрыгнуло и быстро застучало. Как это ни странно, но в одной рубашке он казался еще больше и привлекательнее.

— Да ты здесь расположился, как у себя дома, — пошутила она.

— Я не знал, как долго ты заставишь себя ждать. Здесь очень душно, открыть окно на улицу я побоялся, могут заметить с улицы.

— Итак, что ты хотел мне сказать? — спросила Диана.

— Разве ты не знаешь?

Бархатистый тембр его голоса, как всегда, действовал неотразимо, он ласкал, нежил, но в его глубине, как это ни странно, чувствовалась... мольба.

«Это невозможно», — сказала про себя Диана.

Конечно, он хотел ее, но разве она ему нужна? А он, разве он ей нужен? Нужда в другом человеке очень опасна, ибо пробуждает сильные чувства. Диана замотала головой, пытаясь прогнать непрошенные мысли.

Но в этот миг Генри обнял ее за талию и привлек к себе. От него пахло солнечным зноем и мужским потом, и у Дианы сладко закружилась голова.

— Может, ты хочешь, чтобы я сказал тебе, чего я хочу?

Его теплое дыхание щекотало ей шею и щеку.

— Сказать или нет?

— Что ты говоришь? — Диана попыталась вспомнить о чем он спрашивал ее.

— Я спросил, не хочешь ли ты, чтобы я сказал тебе, что хочу, хотя ты, наверное, сама об этом догадываешься. — Он нежно поцеловал ее в щеку.

Диана глубоко вздохнула:

— Я не...

— Нет, ты знаешь, — настаивал он. — Потому что ты тоже хочешь меня.

Да, она хотела его. Генри соблазнял ее, уговаривал забыть об осторожности и правилах приличия. Что поделаешь, люди часто хотят то, что не принесет им добра. Да, она хотела его, но он не тот, кто ей нужен. Диана уже не была юной и наивной и хорошо понимала разницу между желаемым и нужным. А Генри как раз доставлял ей одни душевные переживания.

Генри поднес руку к ее груди, и его рука наполнилась. Он ничего не говорил, а ее тело безропотно повиновалось его желанию.

— Не надо, — взмолилась она.

— Не надо что?

— Не надо меня соблазнять. — Она осеклась, так как ее горло перехватило от возбуждения.

— Что ты хочешь от меня? — Уэстон усмехнулся, но веселья в его голове не было и в помине. — Я не могу больше ждать. Я хочу, чтобы ты так же горела от желания, как сгораю я. Хочу, чтобы ты не могла спать по ночам, все время думая обо мне. Хочу, чтобы ты ревновала меня к той даме, с которой я танцевал бы. Хочу, чтобы ты мучилась так же, как мучился я всю прошедшую неделю. Почему ты все это время так упорно отказывалась встретиться со мной?

Потрясенная, Диана чуть отклонилась назад, чтобы взглянуть ему в лицо. Страстное желание горело в его глазах, настолько сильное, что сердце Дианы воспламенилось. До сих пор она не была столь желанной ни для одного мужчины.

— Полагаю, что нам не стоит больше говорить об этом.

— Ты так не думаешь, — прошептал Генри. — Я все время мечтаю только о тебе... Я просто с ума схожу. Ты всегда стоишь перед моим мысленным взором. Я гадаю о том, где ты сейчас, что ты делаешь, с кем ты... Счастлива ли ты. А ты счастлива, Диана? Мне это очень важно знать.

— Я счастлива так же, как и ты. У тебя есть свой конезавод. У меня сэр Сэмюэль. Между прочим, он намерен на днях переговорить с моим дедом.

— Понятно, он намерен просить твоей руки. — Генри расстроился.

— Да, и это замечательно.

— После того как ты провела неделю в его обществе, неужели ты не понимаешь, что он за человек? Я так надеялся на твое благоразумие.

Диана выразительно посмотрела на него.

— Мое благоразумие изменяет мне всякий раз, когда я вижу тебя.

— Вот и хорошо, — буркнул Генри и тут же с живостью поцеловал ее. Она не осталась в долгу, ее ответный поцелуй был не менее, если не более страстным.

Диана понимала, что между ними должно произойти. Им предстояло расстаться, так пусть он запомнит навсегда Диану Мерриуэзер, почти превратившуюся в старую деву. После семи сезонов она почти потеряла надежду выйти замуж. Каждый их поцелуй казался ей похищенным у судьбы сокровищем. Диана бережно откладывала каждый из них в своей памяти, чтобы потом после расставания наслаждаться волнующими воспоминаниями. Интуитивно она понимала, что игра с огнем опасна, однако ее прежняя жизнь казалась такой скучной и тусклой, что она была рада тому волнению и наслаждению, которые Генри внес в ее жизнь.

Он подхватил ее на руки и понес к окну. Она не сопротивлялась. Сев на скамейку, Генри посадил ее к себе на колени.

И вот тут стал заметен очевидный признак его возбуждения и несомненного влечения к ней. Нечто твердое упиралось в ее бедра и наводило на определенные размышления.

Очень нежно, что было даже удивительно для такого огромного и сильного мужчины, Генри провел пальцами по ее выпуклому лбу, линии носа, округлости щеки... В ответ Диана жадно припала губами к его обнаженной коже на шее.

— Боже, Диана. — Он весь дрожал от возбуждения.

Ее пальцы ловко и быстро пробежали по его волосам, затем по шее и уперлись в мускулистое плечо. Рубашка остановила их дальнейшее путешествие, а Диане так хотелось погладить его выпуклую грудь и все его тело, что скрывалось под одеждой.

— Ну а сейчас ты чувствуешь, что делаешь со мной?

— Надо быть совсем глупой, чтобы не понять этого, — отозвалась она.

Генри рассмеялся так, что у нее все задрожало внутри.

— Теперь ты понимаешь, как мне не хватало тебя эту неделю. Как мне хотелось видеть тебя, целовать. Обнимать. Мне даже недоставало твоих колких шуток.

— Я тоже скучала по тебе, — призналась Диана.

— Я хочу тебя. — Он поцеловал ее там, где кожа была нежнее и чувствительнее всего, за ухом. — А ты хочешь меня?

Она едва не задохнулась от наслаждения, когда он обхватил губами мочку ее уха.

— Да, да, — простонала она. Этот поцелуй был особенным, он разрушил последний барьер, сдерживавший ее страсть. Теперь Диану не просто влекло к нему, теперь все ее естество требовало, просило, жаждало продолжения.

Она почувствовала, как он задирает на ней юбку, и невольно напряглась. В ее ушах зазвучал его жаркий и вместе с тем умоляющий голос:

— Диана, не волнуйся. Клянусь, я не причиню тебе вреда. Я не перейду границы, но ты мне нужна сейчас.

Разомлевшая от его ласк, Диана не сопротивлялась. Да и как тут можно было сопротивляться, когда он то прижимал к себе, то осыпал ее поцелуями, то ласкал ее грудь. Воля и благоразумие отступили назад, исчезли, словно их и не было вовсе...

— Не волнуйся, — опять прошептал он. — Здесь и сейчас ты должна отдаться своим чувствам.

— А что, если... — Она запнулась. — А что, если это в самом деле меня тревожит?

Его рука скользнула под юбку и принялась ласкать ее щиколотку, голень, бедро...

— Ты боишься допустить кого-нибудь слишком близко к себе, не так ли?

Генри осекся: как он мог сморозить такую глупость, когда они были уже так близки.

Диана замотала головой. Она хотела быть как можно ближе к нему. Но он был ей не нужен. И вообще ей никто не был нужен.

— Ты позволишь мне? — промурлыкал он. Его рука скользнула еще выше туда, между ее бедер. Волна наслаждения подхватила Диану, она уже дрожала от желания. Тем не менее ее ноги сжались, то ли она хотела остановить его, то ли удержать его руку.

— Позволь мне, — бормотал он. — Откройся.

Он прижал ладонь плотнее и начал ласкать ее самое сокровенное место. Не в силах сдержать захлестнувший ее восторг, она застонала, открывшись для его ласк.

Возбуждение овладело ими. Генри действовал умело и решительно. Его нежные руки были повсюду. Они пробуждали в ней такую сильную страсть, что Диана, отбросив все страхи, целиком отдалась ее власти...

Его пальцы проникли еще глубже, внутрь ее самой, дотронулись до какой-то части ее тела, и она забыла обо всем. Прежней Дианы больше не было, осталось одно лишь потрясающее наслаждение, которое то усиливалось, то чуть ослаблялось под ласками его пальцев. Из ее горла рвались сладострастные стоны, а все ее тело дрожало, подергивалось, изгибалось.

— Ты хочешь меня, — прохрипел Генри.

— Не знаю, — с трудом выдохнула она.

— Ты не знаешь. Зато твоё тело знает.

— Да, да, — горячо зашептала она. — Мне нужно... нужно...

— Что тебе нужно?

Она уже больше ни о чем не думала, кроме одного.

— Мне нужно большего, — горячо выдохнула она.

— Боже, чем я заслужил твою милость? Я нужен тебе. Я дам тебе то, что ты просишь. Целуй меня.

Диана с силой обвила его голову руками и принялась целовать его лицо, глаза, щеки. Она целовала его так, как он учил ее — страстно и самозабвенно.

Она покорилась его настойчивости, его ласкам. Откинувшись назад, подчиняясь инстинкту, она то раздвигала, то сжимала бедра. Она уже приближалась к чему-то новому, чудесному и страшному, словно неслась вниз с горы. Она судорожно уцепилась руками за край скамьи, пытаясь удержаться на краю пропасти. Казалось, еще чуть-чуть, и она взлетит на воздух.

— Давай, ты уже моя. — Генри удвоил ласки.

И тут она разлетелась на тысячу мелких частичек.

Глава 14

«Я получил письмо с вашей просьбой найти вазу бело-синего цвета с изображениями Юпитера и Юноны. Буду рад услужить вашей светлости. Поищем как следует в Этрурии, может, что-

нибудь найдется. Ваза разбилась, в этом нет ничего страшного. В противном случае нам, коллекционерам и археологам, было бы нечего делать, черепки наше увлечение...»

От Джоса Веджвуда к его покровительнице графине Данстон.

Словно тяжелый камень свалился с души Генри, теперь он знал точно: вопреки уверениям Дианы, он был ей нужен точно так же, как она ему.

Генри не был эгоистом в любви. В плотских утехах он искал наслаждения не только для себя, но и для своих любовниц. Тем более сейчас, когда речь шла о Диане. Он любил ее, поэтому ее наслаждение было его наслаждением.

— Что скажешь, Диана?

— Мне понравилось, — прошептала она, расслабленная после того, как чувственное напряжение спало.

Несмотря на огромное желание взять ее сейчас, Генри удержался. Диана заслуживала большего, чем секс в темной и душной комнатке. Когда он на ней женится, — Генри опять повторил про себя эту фразу, — тогда они займутся любовью на широкой постели в роскошно обставленной спальне. Любовь к Диане возвышала его в собственных глазах.

Нет, он не обесчестит ее перед свадьбой. Нет! Впрочем, она только что принадлежала ему, или почти принадлежала. Как только она осознает, что случилось сегодня между ними, то поймет, что у нее нет иного выхода, как выйти за него замуж. А сейчас им надо поторапливаться, слишком долго они оставались здесь наедине. Мать Дианы наверняка хватилась ее и, вероятно, уже ищет.

— С тобой я мог бы остаться в этой душной комнатке навсегда, но мне кажется, кое-кого там внизу удивляет твое слишком долгое отсутствие.

— О боже. — Диана так подскочила, что едва не свалилась с его колен. Генри не без сожаления увидел, как ее лицо, полное нежности и любви, вмиг стало озабоченным и серьезным.

— Как долго мы здесь были? — У Дианы зубы едва не стучали от страха. — Боже, конечно, долго. Моя мать уже точно ищет меня.

— Скажи ей, что тебе стало плохо, — посоветовал Генри. — Ну, скажем, тебя тошнило, и ты, чтобы избежать кривотолков, укрылась на время в пустой комнате, чтобы прийти в себя.

— Она мне не поверит. — Диана замотала головой.

— А может, поверит, кто знает. — Генри улыбнулся. — Если бы сейчас кто-нибудь взглянул на тебя, то легко определил бы у тебя жар. Если твоя мать что-нибудь заподозрит, она простит, как только все выяснится. Скажи, когда завтра чем раньше, тем лучше я могу нанести визит твоему деду?

«Интересно, сколько времени понадобится дамам — его матери, матери Дианы и самой невесте, приготовиться к бракосочетанию? Как только речь заходит о замужестве, женщины начинают так хлопотать и суетиться, как будто важнее этого события нет ничего на свете. Хотя почему бы и нет? Не стоит тянуть со свадьбой. В конце сезона он должен обвенчаться с Дианой».

Генри очнулся от сладких мечтаний, он услышал, как Диана спросила его о чем-то.

— Что ты сказала? — переспросил он.

— Я спросила, — несколько утомленно и сухо вато повторила она, — зачем тебе нужно видеть моего деда?

Она опять стала прежней мисс Мэрриуэзер, и на ее лице появилась привычная маска. Несмотря на то что между ними произошло, она опять отгородилась от него, укрывшись в своей раковине. Это чертовски не понравилось Генри.

— Почему мне надо видеть герцога? Может быть, мне хочется поговорить о его внучке, которую едва не соблазнили сегодня. Диана, я знаю, ты считаешь меня нахальным и развязным типом, но у моего нахальства есть пределы. Я никогда не стал бы соблазнять невинную девушку, не собираясь жениться на ней. — Он горячо схватил ее за руку. — Диана, я хочу жениться на тебе.

Генри всегда считал, что женится только по любви, но за все время мнимого ухаживания за Дианой он ни разу не признался ей в любви. Во-первых, он хотел убедиться в подлинности своих чувств, а во-вторых, опасался, как бы Диана не убежала от него после такого признания.

Ему хотелось свести Диану с ума, чтобы, потеряв голову, она сама бросилась к нему. И ему удалось добиться этого: она не могла обойтись без него, впрочем, как и он без нее. Она стала для него таким же близким другом, как Джеймс. Более того, он собирался связать свою жизнь с ее жизнью. Но вопрос был в том: любовь это или нет? Он мучительно искал ответа.

Любовь поражает внезапно, мгновенно, захватывая целиком. Любовь напоминает разряд молнии. Он мог судить об этом по тому, как вел себя Джеймс с Изабеллой. У Джеймса, когда он впервые увидел Изабеллу, был такой потрясенный вид, как будто его ударили кулаком в солнечное сплетение. Другой его зять признался: как только он увидел Оливию, так сразу его прежняя жизнь утратила для него всякий смысл.

Ничего подобного Генри при знакомстве с Дианой не испытал. Более того, он даже не мог припомнить, когда в первый раз увидел ее. Это случилось несколько лет назад. Диана вошла в его светскую жизнь тихо и почти незаметно, как партнерша для танцев. Причем если бы не его мать, которая побуждала его танцевать с ней, он не стал бы ее приглашать.

Ну что ж, пусть их первые встречи не ознаменовались никакими разрядами молний, зато теперь от одной мысли о Диане он вспыхивал как спичка. А она все эти годы ждала его. Пусть его не поразил гром, но ведь не зря говорят, браки заключаются на небесах. И благодаря божественному вмешательству он прозрел.

Нет-нет, его чувства не вспыхнули мгновенно. Напротив, его страсть росла медленно и постепенно. Это был длинный путь, он двигался шаг за шагом, пока, наконец, не обрел любовь. Да, любовь.

Генри обомлел.

Вне сякого сомнения, это была любовь.

От подобного осознания у него подогнулись колени, и он рухнул на стул. Когда перед тобой стоит дама, такое поведение недостойно джентльмена. Впрочем, сегодня он вел себя так

скверно, что о джентльменстве лучше было не вспоминать.

Он любит Диану.

— Генри?

Он отсутствующим взглядом смотрел прямо перед собой, осмысливая то, что только сейчас осознал.

— Генри, что с тобой?

— Я, я... — Но тут Генри окончательно пришел в себя. Ему было ясно, что не время сейчас говорить об этом. — Ты не ответила на мой вопрос.

— На какой? — насторожилась Диана. — Ты меня ни о чем не спрашивал.

— В таком случае позволь мне напомнить.

Кое-как встав, он попытался было опуститься перед ней на колени, но Диана, схватив его за отвороты сюртука, едва ли не силой удержала в вертикальном положении.

— Пожалуйста, не надо, — прошептала она. — Я хочу выйти за сэра Сэмюеля.

От одного имени баронета гнев ослепил Генри. Он подскочил, словно его кольнуло чуть пониже спины.

— Чем он так приворожил тебя? Что в нем такого особенного по сравнению со мной? — взорвался Генри. — Он не любит тебя, и ты не любишь его. Так почему ты хочешь выйти за него?

— Он никогда не разобьет мне сердца.

— Я тоже...

Но тут Диана остановила его, приложив свои тонкие пальчики к его губам. По его горящим глазам, говорившим красноречивее любых слов, ей было все ясно. Она ласково погладила его по щеке и тихо промолвила:

— Ты обязательно разобьешь.

Она закрыла глаза, прежде чем признаться:

— Ты уже разбил.

— Диана...

Она опять прервала его. На этот раз поцелуем. Приподнявшись на цыпочки, она прижалась к его губам и замерла, пытаясь утихомирить щемящую боль и тоску. Поцелуй вышел горьким. От этого поцелуя лучше было бы уклониться. Но это был прощальный поцелуй.

Наконец к ней вернулись силы, и она оттолкнула его от себя.

— Желаю тебе счастья, я знаю... — Диана запнулась. — Я не сомневаюсь, твою затею с конезаводом ждет успех.

— Не надо, Диана. — Голос Генри дрогнул, и он обхватил ее обеими руками. — Не делай этого. Я не отпущу тебя.

— Отпустишь. Если я тебе не безразлична, если я тебе... дорога. — В ее голосе звучала неизбывная печаль, смешанная со слезами. Диана торопливо выскользнула из комнаты, прежде чем он успел остановить ее, удержать, сломить ее решимость.

Хотя сегодня ему удалось прорваться сквозь все ее оборонительные заслоны, проделать огромную брешь в стене благоразумия и отчуждения, она не сдалась ему. Генри Уэстону была нужна женщина, которая целиком и полностью принадлежала бы ему, целиком и полностью подчинялась бы его желаниям.

Пойти на такое Диана боялась. Лучше спокойное тихое существование, чем страсть, причиняющая столько страданий. Он считает ее трусливой, ну и пусть. Диана торопливо спустилась вниз в дамскую комнату. Прежде чем вернуться в обыденную реальность, прежде чем устремиться навстречу такому же обыденному и заурядному будущему, следовало привести себя в порядок — как свой наряд, так и настроение.

Служанка в дамской комнате, едва увидев Диану, удивленно воскликнула:

— Что с вами, миледи? Вам плохо?

Зеркало на стене показало Диане, что она выглядит несколько лучше, чем ожидала. Беспорядок в одежде, прическе в сочетании с бледностью создавали впечатление болезненности. Это мало успокоило Диану, она по-прежнему находилась на грани истерики или временного умопомешательства.

— Приготовить чай, миледи?

— Нет, нет, благодарю вас. Лучше помогите мне привести мою прическу в порядок. И тогда все уладится.

«Все будет хорошо», — успокаивала себя Диана, подходя к толпе гостей и высматривая мать.

«Все будет хорошо», — твердила она на обратном пути домой, сидя в карете с матерью. Диане очень повезло. Одно из блюд, приготовленное из испорченных крабов, вызвало явное замешательство в рядах обедающих. Для многих званый обед закончился несколько преждевременно, с расстроенным желудком они торопливо рассаживались по каретам, чтобы ехать домой.

Диана страдала от сердечных переживаний, но и от этой болезни тоже ведь можно излечиться. Ей хотелось, чтобы сэр Сэмюэль как можно скорее сделал ей предложение. Особая лицензия позволила бы ускорить венчание, а потом она уехала бы в Уилтшир, подальше от разных соблазнов, главным из которых был обаятельный Генри Уэстон.

Хотя баронет обещал нанести визит старому герцогу, чтобы переговорить об обручении и обсудить приданое Дианы, о сэре Сэмюэле несколько дней не было ни слуху ни духу, ибо Стикли попал в число несчастных, отравившихся за обедом. Заболевшие укоряли себя за свою собственную неосторожность, но еще больше переживала хозяйка званого обеда и ее личный повар, который лишился места.

Несмотря на ее подавленное настроение, врач заверил Диану в скорейшем выздоровлении. Он был близок к истине и одновременно далек от нее, думая, что лечит желудочное расстройство,

в то время как Диана страдала от сердечной раны.

Бедняга сэр Сэмюель написал ей записку, в которой с прискорбием сообщалось, что они не смогут видиться по меньшей мере целую неделю. Времени для размышлений у Дианы оказалось более чем достаточно.

Она принялась читать книгу «Сельское хозяйство графства Уилтшира», специально купленную для нее матерью, но дальше нескольких страниц чтение не пошло. Шесть страниц за шесть дней. Ей хотелось видеть Генри, говорить с ним. Между прочим, он не без вызова заявлял, будто вообще не читает, за исключением особых книг с картинками...

Нет, нет, лучше об этом не думать. Хватит думать о нем. Но несмотря на все старания, Диана только и делала, что думала о Генри Уэстоне.

Это было глупо, очень глупо и очень опасно. За короткое время он совершенно вскружил ей голову.

Диана принялась перебирать драгоценные воспоминания: как он подбил ее на неприличное поведение на маскараде у леди Гэллоуэй, страстный поцелуй в Воксхолле. А их ранние утренние поездки верхом вдоль Роттенроу. Всякий раз, когда он, поддразнивая, называл ее «моя дорогая мисс Мерриуэзер», у нее так приятно становилось на сердце. Их беседы ни о чем, так как он главным образом слушал ее. А как он смотрел на нее, удивленно, нежно, любяще, как настоящий мужчина, — отчего все внутри нее трепетало и радовалось жизни.

Было в Генри что-то такое, что пробуждало в ней смелость, желание мечтать и любить. Это было так чудесно. Три месяца в обществе нахала и насмешника, и Диана перестала узнавать себя. Впрочем, она вовремя остановилась.

У Дианы буквально гора упала с плеч, когда дворецкий наконец-то объявил о приезде выздоровевшего сэра Сэмюеля. Последний сиял словно сигнальный маяк, указывающий путь к спасению. Если бы сэр Сэмюель протянул к ней свою спасительную руку, Диана, не задумываясь, схватилась бы за нее.

Нет, она не считала, что впереди ее ждет тяжкая участь. Баронет ей нравился. Ему нравилось читать, он умел много и связно говорить на разные темы. Особенно он любил пускаться в рассуждения о своих родных и близких и о своем поместье. Когда он принялся рассказывать о своем стаде племенных уилтширских овец, Диану охватила легкая оторопь, но к счастью, он вовремя остановился. Окажись сэр Сэмюель вторым сэром Блатерсби, Диана ни за что бы не вышла за него.

Но больше всего в нем ей нравилась его рассудочная сдержанная любовь, точно такая же, какую Диана питала к нему. Это очень сближало их. Он был добрым и внимательным поклонником и явно хотел жениться на ней, причем руководствуясь примерно теми же соображениями, что и Диана. Они идеально подходили друг к другу: он мечтал о такой жене, она — о таком муже.

Хотя кузина сэра Сэмюеля, строившая ему глазки, жила в Бате, всего в нескольких часах езды от его уилтширского поместья, мистер Сэмюель подыскивал себе жену в Лондоне. Было ясно, что он ищет невесту с деньгами и со связями в свете. Диана как раз обладала этими преимуществами. С самого начала он уверял ее мать, что ему нужна рассудительная, заботливая девушка, что в переводе на обычный язык означало: он ищет женщину, которая удовольствовалась бы жизнью в провинции, посвятив себя заботам о муже и воспитанию детей.

Диана считала эти условия вполне благоразумными.

Сэр Сэмюель не бросал на нее пылких взоров и внешне никак не походил на страстного поклонника. От него не стоило ожидать чего-нибудь непристойного, вульгарного или бесчестного. Он был слишком джентльмен, но вместе с тем не слишком скованный и сдержанный. И это как раз устраивало Диану. Она ждала от него только одного — перехода от салонных бесед с ней к деловому разговору с дедом в его кабинете. Вот и сегодня от него последовало не то предложение, которое от него так ждала Диана, а другое — посетить представление в «Друри-Лейн».

Через два дня Диана, а также ее мать и бабушка, в сопровождении сэра Сэмюеля отправились в театр. По этому случаю сэр Сэмюель раскошелился и нанял ложу, чему Диана втайне искренне обрадовалась. Если бы он взял не отдельную ложу, то ее бабушка все представление ныла и жаловалась, что ее заставляют сидеть с людьми более низкого звания, чуть ли не простонародьем в ее понимании.

Диана уступила матери и бабушке кресла. А сама вместе с сэром Сэмюелем заняла скамью, обитую бархатом, в глубине ложи.

Она сидела со своим кавалером точно так же, как раньше несколько раз сидела вместе с Генри. Впрочем, не совсем так. Генри садился вплотную, так, что их плечи соприкасались, и на протяжении всего спектакля что-то нашептывал ей на ухо. В отличие от него сэр Сэмюель уселся на некотором расстоянии, предписанном приличиями, и, по всей видимости, увлеченно наблюдал за тем, что происходит на сцене, почти не обращая внимания на людей сидевших рядом. Хотя Диана обычно тоже следила за перипетиями спектакля, сегодняшняя комедия положений ее почти не заинтересовала. Она машинально то скручивала, то раскручивала листок с программкой, пока ее мать, обернувшись, не вырвала программку из ее рук.

Ее выручило небольшое происшествие, вызвавшее среди зрителей волнение. Мистер Таунли, видимо, пьяный в стельку, поднял шум. Свесившись через ограждение своей ложи, он начал кричать что-то невразумительное актрисам. Часть зрителей в партере и на галерке вторила веселыми и колкими выкриками. Племянница Таунли, мисс Хилл — боже, кто надоумил ее надеть в театр слишком открытое платье? — в смущении закрыла лицо веером. Сидевший в соседней ложе лорд Брантли недовольно поморщился и вышел, не желая быть замешанным в скандале.

Диана обменялась улыбками с Элизой, которая была в театре вместе с родителями, мистером Габриелем и лордом Блатерсби. Взгляд Дианы скользнул чуть в сторону, и у нее сразу побежали мурашки по спине: она узнала знакомую голову с белокурыми волосами.

Сердце высоко подпрыгнуло, едва ли не до самого горла так, что у нее прервалось дыхание. Генри здесь никак не должно было быть.

Он мог быть где угодно: на своем конезаводе, на попойке с друзьями, в игорном доме за карточным столом, — где угодно, но только не здесь, в театре. А Генри как ни в чем не бывало сидел в ложе вместе со своими сестрами, которые, склонив головы с красивыми прическами, казалось, с большим интересом слушали то, что он говорил им, чем то, что происходило на сцене.

Более того, он держал у своих глаз бинокль, который был направлен прямо на нее. Даже здесь, в театре, среди множества народу Диана почувствовала, как незримая, звенящая от напряжения струна соединила их обоих. Его желание и страсть в одно мгновение передались

ей, и она уже не могла отвести глаз от его ложи. До ее слуха донесся громкий смех зрителей, которые смеялись над очередной плоской шуткой, произнесенной актерами. Кривлявшиеся на сцене актеры пытались развеселить публику, вдохнув жизнь в старый, как мир, сюжет о ссорящихся между собой супругах.

Но разве все присутствующие не были актерами, причем с присущей каждому из них ролью? Кем была раньше она сама? Дочерью, внучкой, сестрой и, наконец, желтофиолей или девушкой, долгое время остававшейся без кавалера. А для Генри — кто она? Конечно, больше, чем друг. Но меньше, чем любовница, к сожалению. Она принадлежала ему. Это ощущение возникло в самой глубине ее естества. Ее души.

Но ведь она все разрушила. Хватит с нее мучений в жизни — раз испытал это на себе, она не хотела повторения.

Пытаясь рассмотреть Диану как можно лучше, Генри плотно прижал бинокль к глазам. Всю прошедшую неделю он провел в Рейвенсфилде, почти не понимая, что делает, так как ежеминутно думал только о ней: о строптивой, прекрасной и такой желанной мисс Мерриуэзер.

Генри разглядывал каждую веснушку, каждый рыжий локон, и не мог наглядеться. Он усмехнулся. Судя по хмурому виду Дианы, комедия ей не нравилась. Сэру Скуке стоило бы раскинуть мозгами, прежде чем приглашать свою невесту на спектакль, где поженившиеся три недели назад супруги начинают ссориться и ругаться.

Диана пока его еще не заметила. Но непременно заметит, даже если для этого ему придется пойти на скандал наподобие того, который недавно устроил сэр Таунли. Генри был преисполнен решимости.

Как только Диана увидела его, он сразу понял это по ее тут же напряженной позе и выражению лица. От удивления у нее округлились глаза, а рот открылся в немом возгласе.

Для того чтобы скрыть смущение, она закусила нижнюю губу. И у него тут же перехватило горло.

«Вот видишь, Диана, ты никак не можешь отделаться от меня и от своих чувств ко мне. Не пытайся хитрить».

Видимо, для того, чтобы убедить его в обратном, она отвернулась к Стикли и заговорила с ним.

«Ладно, — обозлился Генри. — Если ты можешь притворяться, то я не могу». Эта игра между ними ему надоела, если не сказать, осточертела. Он не мог с деланным равнодушием смотреть, как она удаляется от него, как она кокетничает с другим мужчиной. Генри резко встал, отдал бинокль Оливии и вышел из ложи.

Следом за ним вышел Джеймс.

— Погоди, Хэл. Или ты полагаешь, что я как настоящий дикарь похищу твою женщину, чтобы помочь вам соединиться?

— Отвяжись.

— Каким был, таким и остался. Постой, не кипятись. Давай лучше зайдём в буфет и там все

обсудим. Отвергнутый кавалер не всегда настроен излить свою душу, зато всегда не прочь выпить.

— Да не о чем тут разговаривать. Она отвергла меня. Она согласна выйти за этого чертова баронета.

— Женщина, не желающая за тебя выходить, — задумался Джеймс. — Наконец-то нашлась одна, способная на такое.

— Она хочет быть со мной, — взорвался Генри. — Только не хочет за меня замуж.

Джеймс положил руку ему на плечо.

— Нет, надо все-таки зайти в буфет. Пусть тебе не хочется, зато мне надо выпить.

Они прошли в ближайший буфет, где пока было не очень многолюдно. Генри занял два свободных стула в укромном уголке, пока Джеймс заказывал ликер. Двое мужчин собирались говорить по-мужски, для этого требовалось некое подобие уединения.

— Итак, начнем. — Джеймс сделал небольшой глоток. Генри, в свою очередь, одним махом выпил половину стакана.

— Лучше бы ты взял бренди, — пробурчал он.

— Итак, — повторил Джеймс, делая другой небольшой глоток.

— Что ты заладил итак, да итак?

— Итак, ты сказал, что мисс Мерриуэзер предпочитает тебе баронета. Это просто невероятно. Может быть, я сужу несколько предвзято, но ты мне кажешься более выгодной партией.

В знак согласия Генри поднял вверх стакан и, осушив его до дна, поставил на стол.

— Диану мало волнуют титулы и деньги.

— Теперь я понимаю, как она относится к тебе, — ответил Джеймс. — Ты ей нравишься.

— Я знаю это. И она знает об этом, но вот это ее и пугает.

— Понятно. А ты говорил с ней по поводу ее страхов?

— Да, пытался. Но она ничего не хочет слушать.

Генри действительно пытался разубедить Диану, уверяя ее, что не собирается разбивать ей сердце. Но разве он пытался докопаться до подлинных причин ее нежелания выходить за него? Нет!

— Мне кажется, тебе стоит более внимательно выслушать ее возражения. Или ты передумал ее удерживать?

— Если бы знал, что она будет счастлива с другим, я не стал бы ее удерживать. — Генри схватил недопитый стакан Джеймса и осушил его до дна. — Впрочем, я в этом не уверен. Она понимает меня, верит в меня, умеет поддержать в трудную минуту. И я также вижу ее

насквозь, как бы она ни старалась что-нибудь утаить от меня. Мы... — он запнулся, — ...мы словно две родственные души.

— Даже если забыть на минуту твое нынешнее мучительное состояние, заметно, что ты полон твердости и решительности, не то что в начале сезона, — отозвался Джеймс.

— Она для меня все. Иногда мне кажется, что без нее я не могу дышать. Она словно часть меня, которую я когда-то утратил и вновь обрел. Никогда не прощу себе, если потеряю Диану. Нас как будто соединяет нечто незримое, но такое близкое и родное. Я сгораю от любви к ней. Такого со мной никогда не случалось раньше. Боже, у меня голова идет кругом, наверное, я выгляжу как...

— ...влюбленный мужчина, — закончил Джеймс. — А ты признался ей?

— В том, что люблю ее? — Генри вздохнул. — Если бы это помогло, я бы признался, но она мне не поверила бы. Черт возьми, как я могу убедить ее в своей искренности, если она не доверяет мне? — Разозлившись невесть на кого или на что, последние слова Генри почти прокричал. Многие посетители буфета с недоумением начали коситься в его сторону. Окончилось первое действие и буфет быстро заполнился народом. Их уединению пришел конец. Генри нахмурился и мотнул головой в сторону выхода.

Джеймс согласно кивнул, и они направились обратно в ложу.

— Почему ты не попросишь своих сестер помочь тебе? Интриги, хитрости, даже козни нужны им как воздух... Мне кажется, Иззи получает от всего этого столько же удовольствия, сколько от сек... сюрпризов.

Генри рассеянно посмотрел на Джеймса:

— С чего ты взял, что Иззи нравятся сюрпризы?

— Еще как! — с жаром воскликнул Джеймс, пытаясь скрыть свое замешательство. — Ей нравятся сюрпризы, милые маленькие сюрпризы. Разумеется, Хэл, не стоит их путать с теми глупыми выходками и шалостями, которые мы выкидывали в детстве и юности.

— О да, в отличие от нас Иззи и Ливви умели подстроить какую-нибудь обидную пакость.

— Да, они были чертовски изобретательны, — рассмеялся Джеймс.

Еще какими изобретательными! Хитрые ловкие притворщицы, они кого угодно могли обвести вокруг пальца и просто обожали совать нос в чужие дела. Генри облегченно вздохнул, идея показалась ему недурной.

— Какой бы совет они ни дали, в любом случае он будет лучше той ерунды, которая лезет мне в голову.

— И какая же это ерунда, если не секрет?

— Я уже подумывал о том, чтобы похитить ее.

— М-да, подобная выходка в твоем вкусе. Но здесь ты хватил через край: похищение с применением силы — преступление.

— Хорошо, что за него не вешают, впрочем, могу тебя успокоить, к такому средству я прибегну

лишь в крайнем случае.

Когда приятели вернулись в ложу, там не было никого, кроме Шелдона. Он объяснил, что сестры Генри решили наведаться в буфет. Генри бросил взгляд на ложу Дианы, но там не было ни Дианы, ни Стикли. Руки Генри помимо его воли сжались в кулаки, от его джентльменства не осталось и следа. Попадись ему в этот миг Стикли, он накинулся бы на него, как самый настоящий дикарь.

— Значит, они направились в буфет? — протянул Генри.

— Да, так они мне сказали, — ответил его зять. — Они о чем-то шушукались между собой, выходя из ложи. Судя по их таинственному виду, сестрички что-то задумали. Надеюсь, что речь не шла о праздновании моего дня рождения. Тридцать лет не слишком серьезный повод для большого торжества. Думаю, я сумею их отговорить от этого.

— Если они задумали что-нибудь, их ничто не остановит. — Джеймс похлопал Генри по плечу. — Давай присядем и подождем их. Они должны скоро вернуться. Лучше расскажи, как идут дела на твоём конезаводе.

Занавес взвился вверх, началось другое действие, и только тогда Изабелла и Оливия вернулись. Едва сестры уселись, как Генри вежливо похлопал каждую из них по плечу, желая привлечь их внимание. Они переглянулись, бросили по взгляду на брата, затем переглянулись опять.

— Послушайте, мне позарез нужна ваша помощь. Диана не хочет меня слушать, не хочет со мной встречаться. Она собирается замуж за того самого зануду, который сидит рядом с ней. Я не знаю, как мне быть.

Оливия тихо вздохнула, романтично закатив глаза. Генри не сомневался, что она непременно поможет ему. О, он знал, что из двух сестер именно она отличалась наибольшей хитростью и изобретательностью, а Изабелла, благодаря своей смелости и решительности, воплощала безумные замыслы Оливии в жизнь.

Изабелла бросила на сестру многозначительный взгляд, а затем спросила:

— Ты просто не хочешь, чтобы Диана вышла замуж за этого зануду, или намерен занять его место?

— Последнее ближе к истине.

Генри взывал о помощи, ради этого он готов был поступиться своей уязвленной гордостью. Тем не менее остатки самолюбия не позволяли ему признаться в том, что он уже делал предложение Диане, но она ему отказала. Впрочем, рано или поздно его сестры обо всем узнают. Изабелла все выпытает у Джеймса, а затем передаст Оливии.

— Хорошо, — согласилась Изабелла. — Мы поможем тебе. Приходи завтра к нам утром, и мы что-нибудь придумаем. В три часа тебя устроит?

— Я могу и раньше, — предложил Генри.

— Нет, нет, — быстро возразила Оливия. — Утром к Иззи придет мама, чтобы помочь... в одном деле. Если ты ее застанешь, то она засыплет тебя вопросами. Раньше трех не приходи.

Генри согласно кивнул. Шелдон был прав, когда обмолвился, что его сестры задумали «какое-то дело». Генри не без иронии посмотрел на своего зятя. Бедняга Шелдон полагал, что в его силах разубедить сестер Генри. Боже, какая наивность! Когда Изабелла и Оливия вдвоем брались за дело, их ничто не могло остановить. Генри воспрянул духом, он очень надеялся на своих сестер.

Глава 15

«Джейсон считает, что я планирую большое празднество, своего рода сюрприз к его дню рождения. Бедняга просто в ужасе. Наверное, я слегка перегнула палку, когда якобы случайно оставила на его рабочем столе последний листок с пометками, связанными с приготовлениями к празднеству. Приведу в качестве примера кое-какие пункты:

- нужны декорации в зале в египетском стиле — саркофаг изо льда;
- переговорить с мадам Бессетт по поводу костюмов для девушек, играющих роль наложниц гарема;
- фейерверки, как можно больше огня и фейерверков;
- попросить лорда Блатерсби, чтобы он одолжил свое стадо овец.

Как ты полагаешь, какой из этих пунктов я на самом деле собираюсь осуществить? В любом случае этот день рождения должен стать незабываемым событием!»

Из письма маркизы Шелдон к ее тетке вдовствующей маркизе Шелдон.

На другой день ровно в два часа Диана ухватилась за дверное кольцо на дверях Данстон-Хауса. Казалось, что глаза на красивой голове медного льва, в пасти которого располагалось кольцо, с важностью и не без любопытства посматривают на нее. Диана тоже пребывала в некотором удивлении, так как не понимала, зачем пришла сюда.

Вчера во время перерыва она вместе с сэром Сэмюэлем вышла из ложи и попросила его принести ей лимонада. Ей хотелось побыть хотя бы несколько минут наедине со своими мыслями. Но едва Стикли удалился, как кто-то окликнул ее по имени. Оглянувшись, она увидела Изабеллу и Оливию, так леди Данстон и леди Шелдон просили называть их. Они устремились к ней, словно две спущенные с поводков гончие на лисицу.

— Диана! — приветливо зашебетали дамы, подхватывая ее под руки.

Хотя Диана была выше своих неожиданных спутниц на полголовы, она почувствовала себя в окружении, из которого никак нельзя было вырваться. Она не могла понять, что сестры Генри хотят от нее. Впрочем, дамы, наверное, еще не знали о том, что она и Генри расстались. У нее под ложечкой возник холодный комок, как только она представила, что вот сейчас она обо всем расскажет этим женщинам, уже успевшим стать ее подругами, и как сразу изменится выражение их лиц — оно станет мрачным, возможно, даже злым и сердитым.

— Что-то в последнее время вас не видно и не слышно, — пожаловалась Изабелла.

— Я заболела после званого обеда у леди Лэнгли.

Это была неправда, но что она могла сказать в свое оправдание? «Мне было так хорошо вместе

с вашим братом, он даже сделал мне предложение, а я отказалась. Мой отказ не разобьет ему сердце, зато мое согласие, в конце концов, приведет к печальному финалу. Мое будущее — это сэр Сэмюель, но пока еще нет твердой договоренности, мне не стоит видеться с Генри. Это слишком опасно, во второй раз я не смогу отказать ему».

— О, дорогая, — заворковала Изабелла. — Неужели вы оказались среди тех несчастных?! Бедняжка! Странно, почему Хэл ничего не сообщил нам об этом.

— Всю прошлую неделю его не было в городе, — подхватила Оливия.

При одном лишь упоминании имени Хэла у Дианы перехватило дыхание. Глупо прогнать его от себя и в то же время не переставать интересоваться: где он, как он, с кем он.

— Нет, он вернулся раньше, — возразила Изабелла. — Он, кажется, вернулся в Лондон вечером в воскресенье, потому что в понедельник они вместе с Джеймсом отправились на конную ярмарку в «Таттерсоллзе».

Она жалобно посетовала:

— Теперь даже от мужа мне приходится выслушивать о лошадях столько, что можно повредиться рассудком.

— Не преувеличивай, Иззи, — отозвалась Оливия.

Конечно, Изабелла преувеличивала, но тем самым она пыталась увлечь, заинтересовать Диану сообщениями о Генри.

— Вам понравился спектакль? — спросила Диану Оливия.

— Не очень, — призналась Диана. — Мне не кажется смешным, когда муж и жена ссорятся, ругаются, тем более из-за каких-то пустяков.

— Да, это довольно нелепо, — согласилась Изабелла. — Думать о конце брака за карточной игрой. По крайней мере если бы супруг не без оснований подозревал супругу в измене, то это еще куда ни шло.

— Иззи! — шикнула Оливия.

— А-а! — Изабелла болезненно поморщилась: как она могла забыть, что родители Дианы как раз расстались по этой причине.

— Я не хотела обидеть...

— Но раз я не обиделась, значит, ничего не произошло, — поспешила ее успокоить Диана.

Тут вернулся сэр Сэмюель с лимонадом, и у Дианы появился прекрасный повод ускользнуть и вернуться в ложу. Но их задержала Оливия, спросившая сэра Сэмюеля о том, как он находит Лондон.

Между тем Изабелла опять заговорила с Дианой:

— Как бы ни плоха была пьеса, но честно признаюсь, через три недели после моего замужества в моей семейной жизни возник очень похожий момент.

Диана недоверчиво покачала головой.

— Ссориться с Джеймсом я не могла, он был в отъезде, — горько усмехнулась Изабелла. — Весь свой гнев я вымещала на старом матрасе. Воображая, что это и есть Джеймс, я ругалась на чем свет стоит и была по матрасу кочергой, чтобы унять раздражение.

— Боже мой, — тихо прошептала Диана, обещав себе, впредь никогда не выводить из себя Изабеллу.

— Ливви и Джейсон поступили умнее, — продолжала Изабелла. — Они, как следует и даже с запасом на будущее, поругались между собой до свадьбы.

— Понятно, — отозвалась Диана, на самом деле, не понимая ничего. — Это у вас такая семейная традиция, когда молодожены ссорятся?

Изабелла звонко рассмеялась:

— Такую традицию можно встретить во всех молодых семьях. Все новобрачные ссорятся. Думаю, на званом обеде у леди Лэнгли вам настроение испортило не только блюдо с рыбой. На следующее утро Хэл ускакал в Рейвенсфилд ни свет ни заря.

— Должно быть, у него там появились какие-то неотложные дела, — осторожно заметила Диана.

— Может быть, но все-таки его поместье расположено не так далеко, чтобы выезжать туда спозаранку. Вчера вечером я впервые видела его после отъезда, он явно не в себе, спал с лица. Признаюсь, Хэл звезд с неба не хватает.

— Нет, нет, он очень умный и... — бросилась было на его защиту Диана, но Изабелла тут же остановила ее жестом руки.

— Успокойтесь, Диана. Я не собираюсь умалять достоинств моего брата. Я лишь хотела сказать, что он не слишком утонченная натура, порой он бывает невыносимо скучным и невероятно недогадливым. Его не волнуют ни проблемы мироздания, ни дебаты в парламенте. Проще говоря, если он несчастлив, то довольно легко определить причину этого. Сейчас мир Хэла вращается вокруг двух вещей: одна — это конезавод, другая — это вы, Диана. И если, по его словам, дела на конезаводе идут в гору, значит, подлинная причина его душевного горя — это вы.

Диана глубоко вздохнула, словно перед прыжком в воду.

— Вам, конечно, известно о нашей договоренности. Наши взаимоотношения в последнее время были игрой, притворством чистой воды.

— Чепуха! Я знаю, что вы оба равнодушны друг к другу. Пусть ваши отношения начались с притворства, однако затем они переросли в более серьезные. Разве это не чистая правда?

Диана зарделась:

— Все настолько запуталось...

— А разве в жизни все так просто? Разве в жизни все не перепутано? — смотря Диане в глаза, спросила Изабелла.

В коридор вышла мать Дианы и вежливо сообщила о начале второго действия.

— О, прошу меня извинить, — как можно тише, проговорила Изабелла. — Я не собиралась затевать столь сложный разговор в театральном фойе.

В этот миг в разговор вмешалась Оливия, подошедшая к ним вместе с сэром Сэмюелем.

— О, дорогая, — обратилась она к Изабелле, намеренно возвышая голос, чтобы привлечь всеобщее внимание. — Мы же с тобой едва не забыли сообщить о цели своего визита.

— Завтра днем моя сестра и я собираемся устроить небольшое собрание. Очень тесный кружок наших единомышленниц, — начала объяснять Оливия. — Вы должны непременно к нам присоединиться, мисс Мерриуэзер! Надеюсь, завтра у вас нет никаких неотложных визитов?

— Вы ведь завтра намеревались зайти к нам? — едва ли не с мольбой обратилась к сэру Сэмюелю Диана.

Однако сэр Сэмюель неправильно истолковал ее умоляющий тон, впрочем, тут нечему было удивляться. Ни о чем не подозревая, он снисходительно посмотрел на Диану и полным нежности голосом ответил:

— Я не собираюсь встречать между кумушками, собирающимися посудачить. Разве леди не имеют права пошептаться о своих тайнах?

— Если вы вздумаете возражать, — прошептала Изабелла, — тогда я сама заеду за вами.

— Хорошо, я буду у вас завтра, — согласилась Диана.

— Я так рада, — улыбнулась Изабелла так, как будто Диана по своей воле приняла ее предложение. — Ну что ж, всем пора возвращаться в свои ложи. До завтра. Я жду вас у себя в Данстон-Хаусе ровно в два часа.

Вот почему Диана сегодня очутилась здесь. Но стоя перед дверьми с головой льва, она в который раз спрашивала себя: зачем, ну, зачем она пришла сюда. С сомнением покачав головой, она взялась за скобу и ударила ею по металлической пластине. Миг и двери распахнулись перед ней.

Дворецкий проводил ее в гостиную, где ее поджидали, как и подозревала Диана, одни лишь Изабелла и Оливия. Они тепло приветствовали гостью.

Как только все расселись, Диана решительно произнесла:

— В самом деле, это очень тесный кружок, но я заранее предупреждаю вас, вряд ли меня можно причислить к числу ваших единомышленниц, тем более если речь пойдет о Генри Уэстоне. Это довольно трудно объяснить.

— А вы расскажите, в чем вы видите трудности, — подключилась Оливия. — Может быть, все не так сложно, как вам думается. Мне кажется, что у всех нас более или менее одинаковая точка зрения на происходящее. Все в этой гостиной желают только добра вам и Хэлу.

Диана покачала головой:

— Я понимаю вашу заботу о брате, но с какой стати вам беспокоиться обо мне?

Изабелла подсела рядом с Дианой:

— Мы же ваши подруги, поэтому вы нам далеко не безразличны.

— Давайте останемся ими после того, как я выйду замуж за сэра Сэмюеля! — не без вызова предложила Диана.

Оливия шумно вздохнула:

— Если вы в самом деле этого хотите, ну что ж, тогда мы поддерживаем ваше намерение. Ни вы, ни Хэл не будете счастливы вместе, если вы любите другого человека. Но видя вас в обществе этих двух мужчин и сравнивая их, мне с трудом верится, что вы любите баронета. Или я ошибаюсь?

— Нет, не ошибаетесь, но мне надо...

Изабелла остановила ее, взяв за руку.

— Вы любите моего брата?

Диана растерялась.

— В любом признании есть что-то освобождающее, облегчающее душу, — подхватила Оливия. — Можете не сомневаться, мы умеем хранить тайну. Клянусь здоровьем и жизнью моих детей, все, что вы скажете, останется между нами.

— Ты такая смелая, Ливви. Если бы не ты, я бы никогда не решилась на подобную клятву. Но так и быть, я тоже поклянусь здоровьем моей дочурки, что ни одно слово не выйдет за пределы этой гостиной.

Подобная решительность, смешанная с откровенностью, ошеломили Диану. Такое единение, такое единомыслие между сестрами Уэстон тронуло Диану до глубины души. Ей вспомнилась погибшая при родах ее маленькая сестричка. Кто знает, сложись все иначе, у нее тоже появилась бы сестра, и они с ней были бы так же близки между собой, как сестры Уэстон.

Когда они переехали к бабушке с бабушкой, мать обещала, что в Лондоне они пробудут долго и постараются отдохнуть как можно веселее. И не обманула: они ходили к Гюнтеру поест мороженого, в цирк Астли посмотреть на клоунов и смелых наездников. Глядя на цирковых лошадей, Диана едва не заплакала — все это напоминало ей об отце.

Малыш Алекс ничего не понимал и лишь радовался неожиданному празднику. В отличие от него Диана прекрасно понимала причины столь неожиданного веселья. Талия у ее мамы все больше полнела и ширилась, и Диана почти непрерывно с любовью думала о будущей сестричке. Почему это будет сестричка, она не могла объяснить, она просто знала, что скоро у нее появится сестра, и с радостью ожидала счастливого момента.

Внезапный приезд отца разрушил и погубил ее идиллический настрой. Отец так стучал молотком по входной двери, картины на стенах в гостиной так тряслись, что едва не падали вниз. Она и Алекс выбежали на лестничную клетку посмотреть, что будет дальше. Как и в прошлый раз, снизу раздавались возмущенные крики отца и жалобные сетования матери. Все закончилось намного хуже, чем в последний раз, и оказалось намного тяжелее разбитой вазы. И в том и другом случае ничего нельзя поправить. Погибшей сестры нельзя было вернуть, как нельзя было склеить разбитые сердца и воссоздать разрушенную семью.

Диана вздрогнула, ее щеки коснулся шелковый платок. И только тогда она осознала, что плачет, а Изабелла вытирает ей слезы. Как долго она блуждала по лабиринту своих воспоминаний? Она машинально взяла протянутый платок и вытерла им глаза.

— Прошу меня извинить. Я вспомнила кое-что грустное.

— В этом доме не стоит извиняться о пролитых слезах, — успокоила ее Оливия. — Наша матушка плачет из-за любого пустяка. А после того, как родилась Брида, Иззи мало чем отличается от нее.

— Да ведь и ты ничем не лучше, — фыркнула Изабелла.

Если слезы в семье Уэстон давно вошли в привычку, то в семье Мерриуэзер к ним относились совсем иначе. Сдержанность всегда и во всем — таков был принцип ее бабушки, и Диана с младых лет привыкла не выставлять свои чувства напоказ. В искусстве выдержки и напускной холодности она достигла больших успехов. И если бы не Генри... Диана настолько привыкла к внешней невозмутимости, что почти забыла о том, какой непоседой была в детстве.

Все благодаря Генри, мелькнуло в голове Дианы.

Он пробудил в ней былую живость и непосредственность, научил ее плакать, переживать, хотеть, страдать и... любить.

Да, да, любить. Она твердо знала, что любит Генри Уэстона.

Постепенно и незаметно он проник в ее сердце и даже успел так укрепиться в нем, что Диана уже была не в силах избавиться от его присутствия. А даже если бы она могла ценой невероятных усилий вырвать это чувство привязанности, она ни за что не стала бы этого делать. За долгие годы, проведенные под одной крышей с бабушкой, Диана научилась держаться и вести себя, как полагается настоящей леди. Спокойно, серьезно, невозмутимо. Диана привыкла смотреть на себя со стороны, и ей даже нравилось быть такой, однако при всем при этом она не была счастливой. И тут появился Генри, который разрушил ее скорлупу, который своими насмешками, поддразниваниями опять научил ее улыбаться, смеяться, шутить — проще говоря, радоваться жизни.

Благодаря ему она снова стала смелой и решительной. А ведь она с таким трудом заставила себя, ту прежнюю Диану, шумную, смелую, любопытную, у которой фартук никогда не оставался чистым после обеда, которая не боялась скакать на черном папином мерине, стоя ногами на седле. А после того, как однажды она упала и сильно ушиблась, и родители стали ей строго выговаривать, то в ответ она прямо заявила им, что это было самое интересное ее приключение.

Однако та маленькая девочка совсем не знала, что значит полюбить дерзкого, обаятельного, нахального типа. Что ни говори, а Генри стал другим еще более интересным приключением в ее жизни.

— Я люблю его, — прошептала она. Она обхватила себя руками крест-накрест. От вслух произнесенных слов Диане стало жутко и одновременно радостно.

Изабелла и Оливия переглянулись, а затем с искренней заботой уставились на гостью. Лица сестер сияли от удовольствия, и все же Оливия выглядела особенно довольной.

— Иззи, ты должна мне десять соверенов.

Диана невольно нахмурилась:

— Неужели вы заключили пари насчет того, люблю я или нет вашего брата?

— Нет, нет. — Изабелла ласково обняла ее за плечи. — Как можно заниматься подобными глупостями.

— Мы обе нисколько не сомневались, что вы любите Хэла, — горячо под держала сестру Оливия и подсела к Диане с другой стороны. — Мы спорили о другом, о том, знаете вы или нет, что любите Хэла. Теперь, когда вы сами во всем признались, давайте лучше поговорим о тех препятствиях, которые разделяют вас.

— Какие препятствия? Он — это он, Генри Уэстон, а я — это я, разве этого недостаточно?

— Неужели ты думаешь, что о тебе станут думать хуже, если ты выйдешь замуж за Хэла? — вдруг задала вопрос Изабелла.

— Что за вздор?! Мне будут только завидовать. Неужели вы забыли, какой в свете поднялся шум, когда Генри начал за мной ухаживать? Если мы поженимся, легко представить, какой это вызовет интерес, любопытство и зависть!

— Ну что ж, пусть в таком случае злословят и завидуют, сколько им заблагорассудится. — Оливия небрежным взмахом руки словно отмахнулась от предполагаемых сплетен. — Не думаю, чтобы наш Хэл из-за боязни перед светским мнением пренебрег бы своим счастьем. Тем более что мы все, кого это касается напрямую, знаем настоящую подоплеку. Какие еще могут быть препятствия между вами?

Раздался легкий стук в дверь, и в гостиную вошел лорд Данстон с дочерью на руках.

— Мне показалось, тетя Ливви и мисс Мерриуэзер захотят взглянуть на наше сокровище перед тем, как оно ляжет спать.

Оливия тут же подхватила малышку на руки, а Изабелла, взяв мужа под руку, отошла чуть в сторону.

Диана не без любопытства разглядывала прелестную девочку. Недавно на прошедшем балу она краем глаза видела малышку, но тогда у нее даже не возникла мысль, что она может стать ее племянницей. Если бы она вышла замуж за Генри, тогда бы лорд Данстон, входя в гостиную, сказал бы тетя Ливви и тетя Диана, скорее даже тетя Ди. Оливия и Изабелла стали бы ее золовками, а у нее мог бы родиться точно такой же чудесный малыш с чудесными голубыми глазками и белокурым волосами, как у Генри.

А как быть, если Генри решит, что она ему больше не нужна? Что тогда случится с тем прелестным малышом? Боже, что за глупости лезут ей в голову?

— А поцелуй, Брида, — весело крикнул от дверей лорд Данстон.

Прелестный ангелочек поднесла ладошку к губам и послала воздушный поцелуй отцу. Он сделал жест, будто поймал посланный ею поцелуй, и отец и ребенок дружно рассмеялись. Все поплыло перед глазами Дианы.

Закрыв глаза, она попыталась взять себя в руки. Опять начиналось то самое, что не тревожило

ее вот уже несколько месяцев. «Дыши, старайся дышать как можно глубже», — напомнила себе Диана. Через несколько мгновений ее сердце забилося ровно и твердо, пелена перед глазами растаяла. Диана испуганно огляделась по сторонам, ожидая встретить недоуменные взгляды, но ее опасения оказались беспочвенными. Все внимание Оливии было устремлено на племянницу, а Изабелла как ни в чем не бывало продолжала беседовать с мужем.

— Ах, — вдруг воскликнула Оливия, — как же я забыла. Мне надо кое-что по секрету шепнуть Джеймсу. Диана, вы извините меня?

— Конечно, о чем речь. — Едва эти слова слетели с губ Дианы, как Оливия передала, скорее, сунула прямо в руки Дианы малышку. Диана попробовала было возразить, что не умеет обращаться с детьми, но Оливия, не слушая ее, уже быстро шла к Джеймсу и Изабелле. Если Диана не знала, что делать, то ее руки, отлично все знавшие, ловко обхватили девочку и прижали ее к груди. Брида зевнула и доверчиво склонила головку на ее плечо. Последние сомнения Дианы растаяли, когда она машинально и ласково погладила пушистые локоны Брайды.

— О, вы обе очень даже неплохо смотрите, — вдруг раздался голос подошедшей Изабеллы. Теперь в гостиной остались они с Брайдой, а Джеймс и Оливия незаметно выскользнули.

— Чудо, а не ребенок, — смущенно пробормотала Диана. — Она даже нисколько не противилась, когда Оливия передала ее мне.

Изабелла звонко рассмеялась:

— Да-а, но только до тех пор, пока кто-то держит ее на руках и забавляет. Боюсь, наш папа ее вконец избалует и испортит. Едва она начинает звать его, как он рысцой бежит к ней.

— Брайде повезло, у нее такой заботливый отец.

— Да-а, он обожает нашу дочурку. В это трудно поверить, но до недавних пор Джеймс не хотел иметь детей. Любой ребенок — это маленькое чудо, а Брида — это нечто невероятное. Нам с Джеймсом так повезло, что порой мы сами удивляемся выпавшему на нашу долю счастью. — Голос Изабеллы задрожал, и она ласково погладила малышку.

— А почему он был так настроен против детей? — спросила Диана, неохотно расставаясь с девочкой.

Изабелла ловко подхватила дочь и привычно прижалась губами к ее лобку.

— Хотите верьте, хотите нет, но на свете нет более приятного запаха, чем запах вашего ребенка, — прошептала она. — Что касается Джеймса. М-да, у него было нелегкое, пожалуй, даже несчастливое детство. Его воспитывал дед, который вбил в голову несчастного Джеймса, что его главная заслуга заключается в том, что он наследник древнего рода. Со временем Джеймс так возненавидел его, что решил отомстить. Правда, весьма своеобразно — прервать род на самом себе.

Изабелла грустно вздохнула.

— Он убедил самого себя, что ни за что не будет иметь детей. Об этом он рассказал мне. Но я тут же подумала, что под этой весьма странной и даже надуманной причиной должна скрываться более глубокая, подлинная. Я оказалась права. Как выяснилось, мать Джеймса

умерла во время родов, и он, боясь за мою жизнь, не хотел иметь детей.

— Как это все ужасно! — сочувственно заметила Диана.

— Еще бы, — согласилась Изабелла. — У каждого из нас есть свои скелеты в шкафу. Прошлое никого не отпускает легко, оно заставляет нас мучиться и страдать в настоящем. Мой муж любил меня, и эта любовь дала ему силы победить тех демонов, которые поселились в его душе, но мы стояли на самом краю и могли все потерять. Выслушайте мой совет: не позволяйте вашему прошлому погубить ваше будущее. — Изабелла печально улыбнулась, но тут же озабоченно воскликнула: — Боже, нашему маленькому чуду нужно срочно сменить пеленки. Простите меня, я оставлю вас буквально на одну минуту. Только отнесу дочь в детскую.

— Разумеется, а я тем временем соберусь с мыслями. Признаюсь, они у меня сейчас в некотором беспорядке. Несколько минут наедине пойдут мне только на пользу.

Изабелла замаялась у дверей. Скользя глазами по настенным часам, она произнесла довольно странные слова:

— Я сделала все, что могла. Надеюсь, вы сообразите, что к чему.

С загадочным видом она вышла из гостиной. Диана осталась одна, но вскоре ею овладело ощущение, что на нее кто-то пристально смотрит.

Глава 16

«Мне просто не терпится поделиться своим счастьем, дорогая сестрица. Ты намного красивее меня, поэтому я уверена, что в следующем году тебя поджидает точно такое же счастье. Ты терпеливо разделяла со мной все мои горести, теперь пришел черед разделить радость. О, Люси, мне кажется, еще немного, и мое сердце лопнет от переполняющего меня счастья».

Из письма Элизабет Фотергилл к своей сестре Люсинде Фотергилл.

— Вы совсем неважно выглядите, сэр, — произнес дворецкий, принимая шляпу и перчатки от Генри. — Может, вам подать мое обычное лекарство?

— А вот и ты, Хэл. Очень хорошо! — В вестибюль быстро вошел Джеймс. — Ступайте, Макгоуэн! Отраву, которую вы ему предлагаете, он успеет выпить в другой раз.

— Где же твое хваленое человеколюбие? Где твое сострадание к ближнему? — пробурчал Генри, глядя вслед дворецкому.

— М-да, — Джеймс окинул его взглядом с головы до ног, — Макгоуэн, как всегда, проницателен и добр. У тебя такой вид, как будто ты только что вернулся из преисподней. Что с тобой?

— Плохо спал, — буркнул Генри.

Ему снилась Диана, но совсем маленькой девочкой. С волосами цвета меди она выглядела настоящим сорванцом. Они вдвоем стояли перед входом в лабиринт. Генри встал перед ней на колени, чтобы взглянуть ей прямо в глаза, но она улыбнулась и, словно танцуя, быстрыми шагами скрылась за живой изгородью лабиринта. Он бросился следом за ней в лабиринт, прислушиваясь к ее смеху. Но ему никак не удавалось догнать ее, она, невидимая и

недосягаемая, все время бежала где-то впереди.

Вдруг без всякого предупреждения ее смех превратился в плач. Он, словно безумный, устремился на звуки рыданий, но, как ему казалось, лишь бестолково метался по лабиринту. В конце концов, совершенно измучившись, он замедлил шаги и вдруг увидел прореху в живой изгороди лабиринта, в самом низу. Небольшой проем, в который мог пролезть только ребенок. Если бы он не несся сломя голову или хотя бы немного раскинул мозгами, то, конечно, заметил бы эту лазейку намного раньше.

Упав на колени, он кое-как протиснулся внутрь. В этой норе сидела Диана, но она больше не была девочкой, она стала взрослой. Генри облегченно вздохнул, наконец-то он нашел ее, и одновременно ему стало страшно. Кусты со всех сторон обступили повзрослевшую Диану, она попала в ловушку. Она смотрела на него с упреком, полными слез глазами, ему стало жаль ее до глубины души.

— Не бойся, Ди, я выведу тебя отсюда, — бодрым голосом закричал он и, как одержимый, принялся ломать ветки, пытаясь сделать проход. Но через какое-то время вдруг понял, что больше не слышит ее плача. Обернувшись, Генри вдруг с ужасом обнаружил, что Дианы больше с ним нет, что она исчезла. Им овладело странное и страшное ощущение, что он потерял ее навсегда, он закричал от ужаса и... проснулся. Весь в холодном поту, с замершим от страха сердцем. Еще долго он никак не мог прийти в себя.

— Ты плохо спал? — Джеймс едва не задохнулся от возмущения. — Посмотрим, что ты скажешь, когда станешь отцом. У Брайды резались зубы, так она кричала ночи напролет. Эти стены словно бумажные для легких моей дочери.

— Неужели ты хочешь сказать, что лежал в соседней комнате и прислушивался к тому, как надрывается от крика твоя дочь?

Джеймс нахмурился:

— Нет. Если бы твоя дочь звала тебя, разве ты остался бы безучастным? Ее няня клянется, что Брида почти не кричит, когда находится у меня на руках.

Генри улыбнулся про себя: няня скажет что угодно, лишь бы избавиться хотя бы на время от кричащего в течение многих ночей кошмара, но вслух сказал совсем другое:

— Надеюсь, Иззи не слишком устала. Сегодня мне необходима ее помощь — вся ее хитрость и изворотливость.

Джеймс лукаво улыбнулся:

— Мне кажется, что по этому поводу тебе не стоит тревожиться. У нее и Ливви такой уверенный и вместе с тем таинственный вид: они явно что-то затеяли. Сейчас Иззи в детской помогает укладывать Брайду. А Ливви хочет кое-что рассказать мне по секрету в библиотеке. Ступай в гостиную, мы скоро к тебе присоединимся.

Генри, не говоря ни слова, направился туда. Он не стал стучаться, так как был уверен, что там никого нет. Он прошел чуть ли не половину гостиной, прежде чем заметил девушку, сидевшую на софе спиной к нему. Несмотря на это, он сразу узнал ее.

Замерев на месте, он потер глаза. А что, если его сон продолжается? Нет, все-таки следовало

выпить один из тех ужасно крепких коктейлей, которыми его угощал Макгоуэн. Генри осторожно шагнул к девушке.

Она вдруг шевельнулась и обернулась в его сторону. Да, это была Диана. Она вскрикнула и, подпрыгнув словно ужаленная, вскочила с софы.

— Генри?! Что ты здесь делаешь?

Он не успел ничего ответить, как за его спиной раздались два голоса, прозвучавшие почти одновременно. В проеме дверей стояли Изабелла и Оливия:

— Он здесь по нашей просьбе.

— Он ничего не знал о наших планах, — добавила Оливия.

— Диана, я отслала ваш экипаж домой, а заодно просила передать, что вы останетесь у нас обедать, — сказала Изабелла.

— Не слишком ли много вы берете на себя? — огрызнулась Диана. — В таком случае я дойду до дома пешком.

— Но не сейчас. Сейчас вы должны поговорить друг с другом. — Изабелла протянула руку, в которой были ключи. — Дайте нам знать, как только вы придете к какому-нибудь соглашению.

С этими словами Изабелла отступила за порог, увлекая следом за собой Оливию. Щелкнул дверной замок. Не было никакого сомнения, что их закрыли.

— Они сошли с ума! — воскликнула Диана.

— Бесспорно.

Диана подошла к дверям и подергала за ручку. Дверь не поддавалась.

— Во всяком случае, очень хорошо, что в это дело вмешались мои сестры. А то я уже подумывал о том, чтобы похитить тебя.

Диана, безуспешно стучавшая кулаком по двери, изумленно оглянулась на него.

— Мне не до шуток. Вели немедленно открыть дверь.

— Мне тоже. Но скажу тебе честно, за всю мою жизнь мне ни разу не удалось заставить поступать моих сестер так, как мне того хотелось. Они откроют двери тогда, когда сочтут это нужным. А пока... — Генри осторожно взял ее руку, сжатую в кулак, и опустил вниз. — А пока, может, ты выслушаешь меня? Дай мне такую возможность, ведь ни о чем больше я тебя не прошу.

Диана молча прошла назад к софе и села. Всем своим видом она выражала крайнее недовольство. Было совершенно ясно: она нисколько ему не верит и считает, будто он в заговоре со своими сестрами. Генри понимал, что его положение хуже некуда, но отступить не собирался.

Он незаметно защелкнул дверную задвижку на тот случай, если его сестры поторопятся со своим решением выпустить их. Затем повернулся, подошел к Диане и встал перед ней. Он держался крайне осторожно, понимая, одно поспешное, неверное движение способно все

испортить. Положение осложнялось тем, что он сгорал от желания, которое туманило его голову. Надо было добиться от нее ответного чувства, проявления любви, а сейчас ему больше всего хотелось наброситься на нее и овладеть ею так, как это делают похотливые животные.

Откашлявшись, чтобы немного прийти в себя, он отвел руки назад, сжав одной ладонью другую.

— В последний раз, когда мы с тобой были наедине, ты запретила мне задавать этот вопрос. Возможно, самый важный вопрос для нас обоих. Сегодня ничто меня не остановит.

— Пожалуйста, не надо.

Генри отрицательно замотал головой:

— На этот раз ты меня не разжалобишь. Я его задам во что бы то ни стало.

— Ну, задавай, раз хочешь. Ничего нового я все равно не услышу.

Диана вошла в свою роль, отгородившись упрямством и нежеланием выслушивать то, что, как она думала, он собирался ей сообщить. Призвав на помощь выдержку и спокойствие, Генри приступил к делу:

— Если ты знаешь, о чем я хочу тебе сказать, тогда предлагаю начать разговор первой. Перечисли мне все причины, которые, по твоему мнению, мешают нам быть вместе. Будь спокойна, на каждую названную тобой причину я назову довод, почему мы с тобой должны быть вместе. Начнем и посмотрим, кто из нас назовет больше доводов.

— Ты говоришь это серьезно?

— Совершенно серьезно, — с важным видом ответил Генри. — Неужели ты считаешь, что я все это затеял для того, чтобы рассмешить тебя. Итак, переходим к первой причине. Назови ее.

Диана скрестила руки на груди. Он полагал, что она начнет спорить, пытаясь увильнуть от предложенной им игры, однако вместо этого она указала одну причину:

— Ты нахальный тип.

— Опять о том же? Ладно. Ты недооцениваешь свое благотворное влияние на меня. Не буду утверждать, что я совершенно избавился от своих дурных наклонностей, но ты должна признать, что по отношению к одной женщине я веду себя куда менее нахально, чем к другим. Я стал более серьезным, ведь речь идет о моем счастье. Ты займешься моим воспитанием, а я твоим. Мне хочется пробудить в тебе необузданность желания, которое в тебе скрывается. Ты никогда не будешь счастлива с холодным, как рыба, мужчиной.

Диана не возмутилась, а вся зарделась от смущения. Обрадованный, Генри прошептал:

— Боже, как мне сейчас хочется тебя поцеловать.

— Это не повод.

Говоря о поцелуе, он вовсе не думал об этом, как о поводе, но ее замечание заставило его воспользоваться удобным моментом.

— Напротив, это очень хороший повод быть с тобой вместе. Я могу назвать тысячу разных

вещей, которые мне хотелось бы сделать с тобой. И вот теперь у нас с тобой есть тысяча причин быть вместе...

— Для брака одного желания и твоих причуд недостаточно.

— Согласен. Но разве это не хорошая отправная точка для развития дальнейших отношений. — Генри присел рядом с ней. Диана поморщилась и отодвинулась как можно дальше от него.

Генри улыбнулся:

— Ди, неужели ты полагаешь, что расстояние между нами с фут величиной спасет тебя?

Прежде чем она успела ответить, он обнял ее за талию и прижал к спинке софы. Она испуганно вскрикнула, но в ее голосе не было слышно неподдельного страха, и Генри даже стало любопытно, какие еще звуки она может издавать.

Нет, черт побери, ему следовало немного умерить свой пыл. Генри обхватил Диану за плечи и прижал к себе. Его сердце билось гулко и сильно, и через несколько мгновений он ощутил, как напряжение, сковавшее тело Дианы, понемногу проходит. Еще несколько мгновений, и она мягко прижалась к нему.

— Мне нравится, когда ты рядом со мной, — прошептал он ей на ухо. — Я согласен с тобой: желать друг друга — это недостаточно для полного счастья, но согласись, нас с тобой связывает не только плотское влечение, разве не так? Признаюсь тебе, Ди, что целыми днями я только и делаю, что думаю о тебе, особенно если замечу что-нибудь напоминающее о тебе. И в эти минуты нет на свете человека счастливее меня. Эти воспоминания поддерживают меня до того момента, когда я опять вижу тебя, живую, настоящую из плоти и крови. Я не могу представить мою жизнь без тебя, без разговоров с тобой, без мыслей о тебе, где ты сейчас и что делаешь...

— Но ведь у тебя так много друзей-приятелей. Не может ли быть так, что тебе просто нравится мое общество, или я просто тебя забавляю. — Диана нагнула голову так, чтобы взглянуть ему прямо в лицо. — Неужели ты женишься ради дружбы, какой бы приятной она ни была?

— Если между людьми нет дружбы, то вряд ли их отношения когда-нибудь перерастут в любовь. С другой стороны, одной дружбы для брака мало. А мне особенно.

Генри ласково обнял ее лицо руками и посмотрел ей прямо в глаза. Он мог бы вот так глядеть и глядеть на нее часами, любоваться всеми оттенками этих удивительных глаз, карих и одновременно зеленоватых, их переливами, в которых отражались все изменения ее настроения. Но сейчас ему хотелось одного — увидеть в ее глазах любовь. Он надеялся, что его искренность и горячность пробудят ее.

— Послушай меня, Диана, и поверь каждому моему слову. Я хочу жениться на тебе, не потому что схожу с ума от желания. И не потому что мне будет и через полвека нравиться общаться с тобой за утренним чаем. Я хочу жениться на вас, моя дорогая мисс Мерриуэзер, потому что я люблю вас.

Лицо Дианы засияло от выражения неподдельной радости, ее чудесные глаза лучились от счастья.

— Я люблю тебя, — повторил он. — А ты ничего не хочешь мне сказать?

В гостиной стало так тихо, что можно было слышать стук собственного сердца.

— Ты боялась, что я разобью тебе сердце. Неужели ты теперь намерена разбить мое?

Диана лукаво посмотрела на него:

— А кто клялся, что ему нисколько не грозит такая опасность?

— Когда это я сморозил такую глупость?

— Как когда? Тогда, когда мы с тобой договаривались обо всем, неужели забыл? Перед тем как прийти к нашему соглашению, мы дали обещание — не влюбляться друг в друга.

Генри задумался:

— Нет, моя радость. Ты сказала, что не станешь влюбляться, а я в ответ обещал, что ты всегда будешь со мной в безопасности. Я не властен изменить мое прошлое, зато я могу повлиять на свое, нет, на наше будущее. Обещаю тебе — в здоровье и немощи любить и лелеять тебя. Отныне у меня нет человека дороже тебя.

Слезы заструились по щекам Дианы, и сердце Генри сжалось от боли. Видимо, ее взволновали его обещания, очень напоминавшие брачную клятву, но он был готов повторить их где и когда угодно и прежде всего во время брачной церемонии. Но где бы он их ни произносил — в гостиной сестры или перед алтарем в церкви, — их святость и нерушимость для Генри были бесспорны и несомненны.

— Ди, почему ты плачешь? Скажи мне.

Ее губы задрожали, а лицо исказила страдальческая гримаса. Боже, ее страдания убивали его.

— Скажи мне, и тебе сразу станет легче. — Генри ласково обнял ее, но рыдания уже сотрясали грудь Дианы. Оставалось только одно: ждать, пока она не выплачется. Он ждал, нежно поглаживая ее по спине.

— Диана, ну, перестань. Откуда столько слез, прямо маленькое наводнение. — Он пытался, как умел, утешить ее.

— Потому... потому что я люблю тебя, — сквозь слезы и всхлипывания призналась она.

Ее слова почти утонули в ее рыданиях, они едва доносились до него, но Генри их услышал.

— Слава богу, — пробормотал он, еще крепче обнимая ее. Страсть с новой силой забушевала внутри его, и Генри с трудом сдерживал себя. Ее признание в корне меняло все. Теперь она была его женщиной, никто не мог отнять ее у него, он ни за что не позволил бы. Он осыпал ее поцелуями, осушая слезы.

От его ласк у нее растрепалась прическа, но Диана не сопротивлялась, напротив, она тянулась к нему губами, всем своим существом. Видя это, Генри не мог не радоваться. Ему не требовалось пассивное подчинение, он нуждался точно в такой же ответной страсти, какая бушевала у него в груди. Боже, какой трогательный и вместе с тем забавный был у нее вид: покрасневшие глаза и нос, влажные от слез щеки, спутанные волосы и трогательно упрямый подбородок. Диана выглядела нелепо, смешно и глупо, но эта смешная и глупая женщина была его женщиной.

Он с нежностью поцеловал кончик ее носа:

— Если бы ты только знала, какая ты красивая.

В ее взгляде было столько доверчивости и признательности, что сердце Генри сжалось от любви и жалости.

— Ты слышишь меня?

Диана смущенно улыбнулась:

— Это только благодаря тебе. Только рядом с тобой я чувствую себя красивой.

Ее пальцы скользнули по его лбу, волосам.

— Генри, — страстно выдохнула она, предлагая свои полуоткрытые губы для поцелуя.

Его не надо было просить. Он поспешно повиновался ее безмолвной мольбе. Поцелуй получился долгим, страстным, возбуждающим. В эти мгновения, казалось, все чувственное восприятие мира сосредоточилось в их губах, слившихся воедино.

Диана оказалась достойной ученицей. В их слиянии нельзя было определить, кто играл ведущую партию, а кто подчиненную. Их чувства были равнозначными. Она прижималась к нему губами так, как будто хотела избавиться от какого-то наваждения. Ради ее спасения он был готов на все.

Они целовались так, как целуются изголодавшиеся друг по другу любовники. Но ими владела не только любовь. Отчаяние, страх, облегчение. Слишком многое таилось в этом поцелуе. Слишком многое он сулил. Они были такие разные и вместе с тем удивительно подходили друг другу. Казалось, еще немного, и Генри, чья голова кружилась от возбуждения, был готов овладеть Дианой прямо в гостиной его сестры...

Кое-как справившись со своими чувствами, Генри прервал поцелуй. Его грудь так вздымалась от тяжелого дыхания, словно он провел несколько раундов на боксерском ринге в клубе Джексона. Но страсть еще не остыла в нем. Перед его мысленным взором замелькали восхитительные видения: ее прелестная обнаженная грудь, сладострастно извивающаяся под ним Диана, а потом она же целиком отдавшаяся пороку верхом на нем, плотно обхватившая его бедра своими длинными ногами. Нет, пора было брать себя в руки. Еще миг, и станет поздно...

Застонав, Генри выпрямился и оторвался от Дианы. Взяв ее ладонь, он поцеловал ее:

— Как я уже говорил, со мной ты в полной безопасности. Но пора довести дело до конца, не так ли?

По лицу Дианы было видно: все происходящее доставляет ей одно лишь удовольствие, и она настолько забылась от счастья, что готова на все. Но Генри имел в виду другое.

— Итак, как ты считаешь, надо ли мне встать на колени и, как полагается в таких случаях, сделать тебе предложение?

Диана до этого такая счастливая, страстная и податливая, вдруг опять насторожилась, тревога проглядывала в ее глазах.

— Я люблю тебя, Ди, более того, теперь, когда мне известно, что и ты любишь меня, я не отпущу тебя. Не могу обещать, что наша семейная жизнь будет протекать без единого облачка. Наверное, ты еще не заметила, что мы с тобой два упрямых глупца.

Ее губы смешливо дернулись. Несомненно, такая улыбка заслуживала поцелуя.

— Кроме того, у нас с тобой горячие головы, и если что, ты легко запустишь в мою голову тарелку, причем я не сомневаюсь, что вполне заслуженно. В жизни между супругами часто возникают разногласия и ссоры. Как говорится, беру тебя на радость и горе, с удовольствием и восторгом.

— Мои родители произносили те же самые слова клятвы при венчании.

— Но мы с тобой не похожи на твоих родителей, — горячо возразил он.

— Почему ты так решил?

— Тебя удивили или даже напугали мои слова, но уверяю тебя — все твои страхи необоснованны. Я все сделаю ради твоего счастья. Твоя основная трудность в том, что ты постоянно тревожишься из-за того, что может случиться, и поэтому не можешь наслаждаться настоящим. Не знаю и не хочу знать, что тебя так напугало, я лишь хочу быть все время вместе с тобой. Не отворачивайся от меня, — он поспешно исправился, — не лишай нас обоих общего счастья из-за каких-то мнимых страхов. Ну, Ди, будь храброй девочкой, а я уж не подкачаю.

Диана схватила его за руку и крепко сжала:

— А что, если я подведу тебя?

— Знаешь, очень долго я считал, меньше попыток, меньше ошибок. Но однажды моя матушка объяснила, что в жизни ничто не дается даром. Всего надо добиваться. Хотя должен признаться, за что бы я ни брался, везде меня ожидала неудача. Меня не пугают твои ночные кошмары, оставайся такой, какая ты есть. Я все равно тебя люблю. Умоляю тебя только об одном — не убегай от меня.

Не отпуская ее руки, он встал перед ней на колени.

— Ты останешься со мной, Диана? Ты никуда не убежишь? Ты согласна стать моей женой, матерью моих детей? Ты согласна быть вместе со мной, невзирая на трудности и препятствия, которые подстерегают нас на жизненном пути?

Странный приглушенный звук сорвался с ее губ, перед тем как, наклонившись к нему, она поцеловала его, или он ее. Кто был первым, Генри не мог сказать с уверенностью. Но его больше волновал ее ответ.

— Ди? — Он вопросительно изогнул бровь.

— Гм-гм? — Она с невинным видом поглядела на него.

— Я почти уверен, что не ослышался. Но чтобы у меня не осталось никаких сомнений, повтори, но чуть громче.

— Гм-гм?

— А если серьезно?

В ее глазах запрыгали озорные огоньки.

— Как ты знаешь, по натуре я очень серьезная, но рядом с тобой я сама удивляюсь, куда только девается вся моя серьезность.

Генри с нежностью улыбнулся ей в ответ и ласково пожал ее руку.

— Хорошо, но все-таки скажи то, что мне так хочется услышать. — Он игриво ущипнул ее.

— Ой, — вскрикнула она.

— Нет, неверно. Не то слово. — Он опять ущипнул ее.

— Да! — рассмеялась Диана. — Да, да, да...

Настойчивый стук в двери прервал их шуточный разговор.

— Уходите! — крикнул Генри.

— Хэл, — послышался из-за дверей голос Изабеллы, — хочу тебе напомнить, Диана моя гостья и находится под моей защитой. Я выступаю в роли ее компаньонки. Более того, я считаю, что моя гостиная не совсем подходящее место...

Генри сокрушенно покачал головой, увидев, что Диана зарделась как маков цвет.

— Такова моя сестра. Она не перестанет нести чушь, пока я не открою дверь.

Он направился к дверям и отодвинул задвижку.

— Иззи, — обратился он к ворвавшейся в гостиную сестре, — ты можешь поздравить нас первой.

— О-о, поздравляю вас обоих от всего сердца. — Обрадованная, Изабелла сразу успокоилась и обхватила шею брата обеими руками.

Генри также ласково обнял ее и спросил:

— А где же другая половина вашего падкого на разные хитрости дуэта?

— Ливви уехала домой к своему малышу. Но она и Джейсон вернутся к обеду, чтобы отпраздновать такое радостное событие. Думаю, что не позже чем завтра тебе надо будет переговорить с герцогом, дедом твоей невесты.

— Твоя самонадеянность просто очаровательна. Откуда она только берется?

— Ключ от дверей только у меня. Открыть ее могло только ваше примирение. Отказа я бы не потерпела. — Изабелла бросилась обнимать Диану. — Мои поздравления. Я так рада, что у меня будет такая прелестная невестка. Не сомневаюсь, вы оба будете счастливы.

— Хэл, желаю вам обоим счастья... — Голос Изабеллы задрожал, на глаза навернулись слезы.

— Опять слезы, что вы за народ, женщины, — шуточно произнес Генри. — Я сегодня видел

столько женских слез, сколько не видел за всю мою жизнь. Даже странно, было бы из-за чего плакать. Огромное тебе спасибо за помощь, а теперь будь добра оставь меня наедине с моей невестой.

— Еще чего, — ехидно возразила Изабелла. — Ты оставался с ней наедине целый час. Я не виновата, что ты не успел этим воспользоваться должным образом. Хотя, если судить по прическе Дианы, все-таки успел. Я не ошиблась, не так ли?

Диана испуганно схватилась за голову, но Генри тут же ее успокоил:

— Не волнуйся, Ди. Ты прекрасно выглядишь.

— Смотря с какой точки зрения, — благоразумно заметила Изабелла. — Я сейчас позову Бекки. Это не в первый и, думаю, — тут она хитро подмигнула брату, — не в последний раз, когда ей придется поправлять прически до обеда в моем доме.

Диана сразу повеселела, а Генри не мог удержаться, чтобы не поцеловать ее. Он наслаждался ее счастьем, смехом, всем ее видом, такой он ни разу не видел ее.

Изабелла смущенно откашлялась:

— Диана, прошу, не надо смотреть на моего брата с таким неприкрытым восхищением, иначе он возомнит о себе бог знает что. Иногда он невыносимо высокого мнения о своей более чем скромной персоне.

— Не очерняйте его. — Диана горячо встала на защиту Генри, не сводя с него влюбленных глаз.

— Ничего, обожди немного, и сама в этом убедишься, — уколола Изабелла.

— Поживем — увидим, — притворно вздохнула Диана. — Но я почему-то уверена в обратном.

— А я в этом более чем уверен, — согласился с ней Генри, сразу став серьезным и не обращая внимания на насмешливое фырканье Изабеллы.

Глава 17

«Моя драгоценная Диана, если ты сомневаешься в моей любви, то знай, что я не писал писем женщинам, исключая мои родных, с тех самых пор, когда мне исполнилось тринадцать лет. И я наивно полагал, что влюблен в Эмили Хьюз или по крайней мере в некую часть ее тела между талией и шеей. Миссис Хьюз преподавала в Йтоне и целых двенадцать лет выступала в роли моей наставницы. К сожалению, ни мои любовные письма, ни мои стихи не произвели на нее никакого впечатления. Хочу, чтобы ты знала: те строки дались мне нелегко. Но боюсь, предмету моего обожания не понравился мой стиль, хотя я не могу не отдать должного наивной красоте тех немногих строф, сохранившихся в моей памяти.

«Пока вы сор мели из-под коврика,

Смотря на вашу грудь, я стоял вроде столбика».

Работы по благоустройству дома и конезавода ведутся полным ходом. Уверен, что к нашей свадьбе все будет готово. Рейвенсфилд и я, мы оба нуждаемся в заботливых и нежных женских руках...»

Из письма Генри Уэстона его невесте Диане Мерриуэзер.

Диана боялась, что ее мать решит, будто она слишком жестоко обошлась с сэром Сэмюелем, и он оскорбится. Однако все обошлось. Сэр Сэмюель пришел с обычным визитом в Лэнсдаун-Хаус на следующий день после того, как она приняла предложение Генри, в тот самый день, когда упомянутый Генри, переговорив обо всем с ее дедом, получил его согласие, после чего подарил ей потрясающее обручальное кольцо.

Когда сэр Сэмюель нанес им визит, она и ее мать пригласили его для разговора. Диана как можно мягче сообщила ему новость о своей помолвке. Известие явно огорошило сэра Сэмюеля, и в какой-то миг Диане показалось, что она сильно ошибалась в глубине его чувств к ней. Но спустя минуту он улыбнулся, принес свои поздравления и даже пошутил, сказав, что Уэстон украл у него победу. В тот же миг сэр Сэмюель повернулся к матери Дианы и спросил ее, не знает ли она другой достойной леди, похожей на ее дочь, которая могла бы составить его счастье.

Сэр Сэмюель удалился, по всей видимости, не слишком огорченный крушением своих планов. Пока Диана пребывала в мечтах насчет ее будущего с Генри, ее мать принялась за подготовку к венчанию с таким же рвением, как и леди Уэстон. За один месяц занятые бесчисленными приготовлениями к свадьбе своих детей они обе настолько сблизились, что стали лучшими подругами. Герцогиня пристально следила за подготовкой и высказывала свое мнение по любому поводу, касавшемуся церемонии бракосочетания, будь то цветы для церкви Святого Георга, где планировалось венчание, до оттенка гардин в парадной галерее Лэнсдаун-Хауса, где намечался праздничный банкет.

К своему удивлению, Диана вдруг обнаружила, что ей больше ничего не остается, как только заниматься примеркой свадебных нарядов и туалетов. Изабелла и Оливия настояли на том, чтобы свадебное платье шила непременно их портниха, мадам Бессетт. Хотя та была чрезвычайно занята, она согласилась, сказав, что ради месье Генри готова сшить не только подвенечное платье, но и весь праздничный гардероб невесты.

Диана пробовала протестовать, но мадам и Генри уговорили ее. Особенное внимание Генри обратил на ночные рубашки своей невесты, они должны были быть сшиты из самого тонкого полотна и отделаны светло-красной тесьмой под цвет розовых щек Дианы.

Генри очень нравилось, как она краснела. Ее стыдливый румянец приводил его в восхищение. Он мечтал об их первой брачной ночи, которую они намеревались провести в Рейвенсфилде, — вот почему Генри так торопился с окончательной отделкой загородного дома. Однако он не мог долго оставаться без Дианы и при первой же возможности летел назад, в Лондон, где они вместе подыскивали мебель для их будущего семейного гнездышка. Часть обстановки Генри приобрел на распродаже в Бедфорд-Хаусе, но мебели требовалось гораздо больше, не говоря уже о нарядах. Они разбрасывались деньгами, но Диана утешала себя мыслью, что ее приданое с лихвой покроет все расходы.

Что касается Генри, то его вообще ничто не волновало: ни траты, ни рамки приличий. Первой необходимой частью обстановки, по его твердому убеждению, являлась кровать, вернее, свадебное ложе. В каждом мебельном магазине его прежде всего интересовала кровать, причем самого большого размера. Везде он задавал один и тот же вопрос — нет ли чего-нибудь побольше, пошире, тем самым приводя Диану в несказанное смущение.

Ее терпение лопнуло после того, как они обошли не менее полдюжины магазинов. В каждом

из них, видя нарастающее возбуждение Генри, она спрашивала владельца, нельзя оставить их наедине в задней комнате, где она могла бы привести жениха в чувство. Видя перед собой знатных особ и в надежде заключить выгодную сделку, владелец без лишних слов вел влюбленных в заднее помещение и поспешно оставлял их наедине.

— Тебе невозможно угодить, — с притворным возмущением говорила Диана, обвивая его шею руками. — Может, лучше заказать копию брачного ложа, модных во времена Средневековья.

Генри ухмылялся, тут же заключал ее в свои объятия и принимался осыпать поцелуями, после которых раздражение Дианы таяло почти мгновенно.

— Ты скоро узнаешь, — шептал он ей между поцелуями, — что мне угодить не труднее, чем любому другому мужчине. Женщины другое дело, им угодить намного сложнее, но мне всегда нравилась эта разница.

— Как у тебя только язык повернулся сказать то, что ты сказал мне в первом же магазине, — упрекнула она.

— Ах, это, Ди, — рассмеялся Генри. — Думаю, первая ночь с тобой станет для меня самой большой радостью в жизни. Что касается той кровати, которую ты выбрала вначале, она меня совершенно не устраивает. Кровать предназначена не только для сна, но и для наслаждений. Вот почему нам необходима не просто большая, а очень большая кровать, причем на ней должны одновременно помещаться не только мы вдвоем, но и все наши восемь будущих детей.

— Восемь? — поразила Диана.

— А сколько ты хочешь? Десять? — задумчиво произнес он.

— Генри, хватит шутить, — рассмеялась Диана, и он вместе с ней. — Ты будешь вести себя серьезно?

— И не собираюсь, — весело сказал он, целуя ее снова. — Сами посудите, моя дорогая мисс Мерриуэзер, куда годится эта кровать, которую мы только что с вами рассматривали? Удобно ли вам будет кричать, лежа на ней, от доставляемого мной наслаждения, не говоря уже о том, когда вы будете рожать на ней наших будущих одиннадцать детей?

Диана зарделась от смущения, но согласно закивала головой. Когда они вернулись в торговый зал, она неуверенно спросила:

— Неужели ты в самом деле хочешь иметь столько детей?

Генри пожал плечами:

— А почему бы и нет? Я всегда мечтал о большой семье. Но сейчас не стоит думать об этом, а тем более волноваться. Поживем — увидим. Сейчас я могу думать только о нашей первой ночи.

Беспокойные мысли Дианы тут же развеялись. Ее, как и Генри, опять стали одолевать приятные мысли о приближающемся дне венчания. О том, как здорово совершать праздничные покупки, даже столь нескромную по своим размерам кровать, и о том, что последует после свадебной церемонии. Впрочем, у какой новобрачной не замирает от волнения сердце при мысли о своей первой брачной ночи?

И вот наступил долгожданный день. Диана с радостным удивлением смотрела на свое

отражение в зеркале. Неужели это именно она, а не какая-нибудь другая женщина? Неужели она так похорошела? На нее из зеркала глядела настоящая красавица с блестящими глазами и румяными щеками. Улыбающаяся, счастливая женщина, в чем не было никаких сомнений! Диана всю жизнь мечтала быть такой, какой она видела себя сейчас, и это маленькое чудо помог ей совершить Генри.

Диане даже показалось, что она немного поглупела от счастья. Хотя у нее хватило благоразумия кое о чем расспросить мать вечером накануне венчания, но материнские советы не удовлетворили ее.

— Накануне моего венчания я не разговаривала с моей матерью, твоей бабкой, — сказала она. — Вероятно это было к лучшему. Ничего хорошего она мне не сказала бы, а скорее всего посоветовала бы пренебречь своими супружескими обязанностями. Я напоминаю тебе о твоём долге перед мужем, перед той семьей, членом которой ты становишься. Твоя же бабка прочитала мне нотацию о том, что я делаю большую глупость, выходя вот так замуж. Я тебе скажу другое: ты поступаешь правильно. Раньше я сомневалась в искренности намерений Уэстона. Но теперь вижу, что он на самом деле любит тебя. Тебя ждет счастливое будущее. Накануне венчания ты, наверное, нервничаешь и волнуешься, что вполне понятно, и все же, несмотря на это, постарайся выспаться.

— А ты ничего не хочешь мне рассказать о первой брачной ночи?

— А-а! — Мать явно растерялась, ее лицо приобрело испуганное и вместе с тем немного комичное выражение. — Думаю, в этом нет никакой необходимости.

— Но ведь...

— Не бойся. Твой муж научит тебя всему, что надо знать, — пообещала мать. Это были ее последние слова, прозвучавшие своеобразным напутствием.

Нет, Диана нисколько не сомневалась в том, что Генри научит ее многому. Он мог заставить ее потерять самообладание и подарить ей такое наслаждение, какого она никогда прежде не испытывала. Но ей хотелось знать, сможет ли она пробудить в нем точно такие же чувства, доставить ему столько же удовольствия, сколько он доставлял ей.

Она склонила голову в одну сторону, потом в другую, пытаясь найти самый соблазнительный ракурс.

— Не шевелитесь! — послышалась французская речь, продеваемая лента больно рванула волосы Дианы, как бы предостерегая ее от резких движений. Так как горничная Дианы уехала в Рейвенсфилд, чтобы все подготовить к приезду новобрачной, свадебную прическу Диане делала Мартина, камеристка старой герцогини, которая поручила любимую внучку ее заботам.

— Что это вы делаете? — продолжала тараторить по-французски Мартина.

Диана вздохнула. Мартина не отстанет от нее, пока не узнает, почему она ерзает перед зеркалом.

— Хочу понравиться своему жениху.

— Он хочет, чтобы вы корчили рожи перед зеркалом?

— Нет, конечно, нет. Ой. — Горничная опять больно потянула прядь ее волос. Диана

рассмеялась, сегодня у нее было смешливое настроение. Она наблюдала, как Мартина задумалась, пытаясь сообразить, как лучше украсить прическу белыми и серебристыми лентами. Она была почти сверстницей герцогини, но выглядела намного моложе своих лет. Мартина сохранила не только привычку говорить по-французски, но и — *joie de vivre* — французскую живость чувств. Диане даже стало интересно: много ли у нее было радостей за ее жизнь.

— Мартина, вы были замужем?

— Увы, мне не довелось испытать этого удовольствия. Но, — горничная хитро улыбнулась, — сегодня я охотно поменялась бы с вами местами. Он просто красавец.

Диана зарделась от ее похвалы.

— Да, он очень красив, Мартина, — Диана немного замялась, — я хотела бы вас спросить: знаете ли вы, что делать в первую брачную ночь? А это правда, что все французские женщины от рождения знают, как надо обольщать мужчин?

Мартина улыбнулась, глядя на Диану в зеркало и закрепляя ее волосы шпильками.

— Готово, — сказала Мартина, отступая на шаг назад и оглядывая прическу. — Не вы, а ваш муж должен вас соблазнить, разве не так?

— Нет. — Диана замотала головой. — То есть я имела в виду, да... Он... он так целует меня, так... касается меня, что я забываю обо всем на свете. Но мне бы хотелось, чтобы я могла воздействовать на него точно так же, как он на меня. Мужчины, как известно, предпочитают больше постель и мало думают о свадьбе. Но Генри приводит в волнение как свадьба, так и предстоящая ночь. Ему очень хочется, чтобы все прошло превосходно. Несмотря на то что я стараюсь поменьше думать о тех женщинах, которые были в его прошлом, я не могу не думать о них. Ведь они умели доставить ему наслаждение. Мать ни о чем мне не рассказала, поэтому я... — Диана запнулась, так как Мартина подняла руку, прерывая поток ее слов.

— Ваш муж прежде всего будет наслаждаться вашей невинностью, а для мужчин это очень много значит. Они любят давать подобные уроки. Это обостряет их чувство мужественности. Но если ваша матушка ничего вам не объяснила, в таком случае я вам кое-что расскажу, хорошо? Слушайте, пока я буду помогать вам одеваться.

Мартина принялась тараторить, мешая французские и английские слова, так что Диана из всего услышанного смогла понять едва ли половину, а то, что не поняла, отнесла на счет не очень хорошего знания французского и недостатка воображения. Описанные Мартиной действия плохо укладывались в ее голове, а еще чаще приводили в шок и недоумение. Впрочем, убеждение Мартины, что поцелуи заставляют мужчин терять голову, послужили для Дианы утешением, она считала, что умеет целоваться.

Диана поняла: впереди ее ждет нечто такое, от чего она полностью потеряет голову. От рассказов Мартины у нее пробежала по спине дрожь, и ею овладело сладостное предчувствие. Так вот для чего Генри выбирал наиболее просторную кровать... Боже, что еще можно было делать на ней? От таких порочных мыслей ее щеки залил яркий румянец. Хорошо, что ее мать приняла это за волнение перед приближавшейся брачной церемонией.

Раскрасневшаяся от подобных мыслей, Диана в сопровождении брата вошла под своды церкви Святого Георга. Близкие и приглашенные уже заняли свои места. Ее дед, герцог, чувствовал

себя неважно и поручил сопровождать Диану Алексу, чему она только порадовалась. Алекс, приехавший из Кембриджа за несколько дней до венчания, был несказанно доволен неожиданными каникулами. Иногда Диане казалось, что он радовался предстоящей свадьбе даже больше, чем она.

Но не все было так безоблачно, Диану не отпускали тревожные предчувствия. Любовь Генри не могла бесследно стереть шестнадцать лет страха и мучительных сомнений. Диана была счастлива, пожалуй, как никогда в жизни, и это наступившее счастье пугало ее, ибо она страшилась его потерять. Она волновалась и переживала не из-за венчания, ее тревожило отсутствие веры в будущую счастливую семейную жизнь, которая, по заверениям Генри, должна была продлиться лет пятьдесят, если не больше.

У Алекса не возникало подобных тревог, да и откуда им было взяться. Он выглядел ребенком, которому подарили новую яркую игрушку. Он то и дело задавал ей вопросы: возьмет ли его Генри с собой в клуб «Джентльмен Джексон», чтобы научить боксировать? Пойдут ли они вместе на ярмарку в «Таттерсоллз», чтобы купить ему лошадь для охоты? Можно ли ему будет остаться на Рождество? Диану смешили подобные вопросы, тем не менее она пообещала брату обо всем переговорить с Генри. Она подозревала, что в самом скором будущем брат станет ее частым гостем, причем его будет больше привлекать не столько она сама, сколько ее супруг.

Из-за двери показалась голова Изабеллы. У Дианы не было сестры, поэтому она попросила Изабеллу стать ее подружкой во время церемонии, отчего та расплакалась, но Диана уже привыкла к излишней чувствительности своей будущей золовки.

— Уже все готово, — громким шепотом сообщила Изабелла. — Ты не поверишь, но в церкви яблоку негде упасть! Я сейчас вернусь.

— Зато я охотно верю в это, — с юношеской горячностью воскликнул Алекс, находившийся рядом с Дианой. — Свет не верил в этот брак до тех пор, пока все не убедились... Ай! — пискнул он, когда Диана ущипнула его за руку.

— Держи при себе свои мысли, а то я забуду поговорить насчет тебя с другой половинкой этого невероятного союза.

Алекс улыбнулся и погладил руку, которую ущипнула Диана. Он был очень хорош: черные кудри, серые глаза в обрамлении длинных ресниц — в будущем он обещал стать настоящим красавцем, который разобьет немало женских сердец, как и его будущий зять.

— Я не успел тебе сказать, ты такая красивая сегодня.

— Ой-ой, только не думай, что твоя лесть поможет тебе, — насмешливо возразила Диана, хотя в глубине души ей было очень приятно услышать подобный комплимент от брата. Впрочем, она сама, будучи и любимой и влюбленной, прекрасно знала, насколько хороша сегодня.

Кроме того, мадам Бессетт создала настоящее произведение искусства, а не подвенечное платье, что лишь усиливало впечатление красоты и счастья, производимое невестой. Белое атласное платье поражало простотой покроя и элегантностью. Серебряная тесьма, украшавшая рукава и вырез, заметно царапала кожу, но Диана готова была вытерпеть это неудобство. Фестончатый подол напоминал колышущиеся волны, по которым плыли вышитые из серебряных нитей лебеди, державшие в клювах ветви дуба. Мадам Бессетт ознакомилась с гербами обоих семейств и сумела соединить отдельные элементы, взятые из этих гербов. Ветви дуба, символизовавшие выдержку и силу, были заимствованы из семейного герба Дианы, тогда как лебеди, символ любви и верности, были взяты из герба Уэстонов. Очарованная

платьем Диана, наверное, в сотый раз оглядела свой наряд. Она никак не могла им налюбоваться.

— Пора, пора, идем, — в комнату влетела Изабелла. Она быстро и нежно обняла Диану.

— Не волнуйся. Хэл сегодня такой же нарядный и красивый. Хотя до Джеймса на нашей свадьбе он все-таки недотягивает, но все равно кое-кто из дам уже всплакнул, глядя на него, тогда как большинство просто умирают от зависти.

Взяв два букета, стоявших на соседнем столике, Изабелла протянула тот, который побольше, Диане.

— Надеюсь, букет тебе нравится. Хэл проявил дотошность и настоял на лилейниках и флёрдоранже.

— Очаровательный букет, то, что надо, — восторженно произнесла Диана, от глубокого волнения у нее заблестели слезы на глазах. Забота и внимание Генри тронули ее до глубины души. Она ни о чем не просила, не вдавалась в разного рода мелочи при подготовке к венчанию, но в таком подборе цветов несомненно чувствовалась рука Генри. Букет Изабеллы выглядел попроще, он состоял из желтых лилейников, тогда как в букете Дианы удивительно красиво сочетались белые лилейники, флёрдоранж и ландыши.

В день свадьбы она ни за что и никому бы не призналась, в том числе и Генри, что ее огорчает отсутствие отца. Нет, ей не хотелось его видеть в церкви, ведь он бросил их, поэтому его не оказалось среди приглашенных. Однако белые лилейники ненавязчиво напоминали ей о нем, о том счастливом времени, когда она вместе с отцом гуляла по садовым аллеям, украшенным лилейниками. Задумавшись, она невольно замедлила шаг.

— Диана, поторопись, — раздался горячий шепот Изабеллы над самым ее ухом. — Жених весь извелся от нетерпения.

Изабелла весело подмигнула и первая ступила под церковный свод.

— Ты готова? — спросил Алекс, протягивая сестре руку.

Улыбнувшись, Диана кивнула головой:

— Меня не остановят даже взбесившиеся лошади.

Войдя в церковь, они пошли вдоль главного прохода. Заиграл орган. Диане все происходящее казалось чудом, она никак не могла поверить в свое счастье. Оглядываясь назад, она с удивлением сравнивала прежнюю и нынешнюю Диану. Глядя в будущее, она видела одного только Генри.

Он стоял на возвышении перед алтарем вместе с лордом Данстоном, своим лучшим другом, выступавшим в качестве дружки жениха. Они оба были очень представительными и красивыми мужчинами, но Диана тут же решила, что у Изабеллы не в порядке зрение. Как можно сказать, что ее муж красивее Генри. Все было, по мнению Дианы, как раз наоборот.

Церемония для нее прошла быстро и незаметно, словно в тумане. Только тогда, когда Генри, взяв ее за руки и не скрывая своей страсти, поцеловал, Диана поняла, что их обвенчали. Но по приезду в Лэнсдаун-Хаус им вместе с Генри пришлось битых два часа принимать гостей и их поздравления, после чего Диане стало ясно, что с нее довольно.

Когда все гости наконец собрались, герцог произнес длинный и довольно путанный поздравительный тост. Диана впервые слышала, чтобы ее обычно немногословный дед говорил так много и так долго. Затем длинную речь произнес лорд Уэстон. Речь лорда Данстона по продолжительности мало чем уступала речам предыдущих ораторов. Все это время Генри не терял времени даром. Его руки все время касались то ее плеч, то спины, то обнаженных рук.

Его пальцы незаметно поглаживали ее кожу, ее локоны. Хотя Диану очень тронули поздравления, на самом деле ее больше волновали тайные ласки Генри. Ее также больше беспокоило и интересовало то, как он в ближайшем будущем станет ее трогать.

Диана повернулась к Алексу, сидевшему с ней по другую сторону:

— Если и ты тоже возьмешься произносить речь, в таком случае можешь забыть о счастливом Рождестве вместе с нами.

— Прощу прощения, что ты имеешь в виду? — спросил озадаченный Генри.

— Я скажу тебе потом! Алекс! — сердито зашипела она, видя, как ее брат встает с бокалом шампанского в руке.

— Я тоже хочу поздравить счастливую пару, — громко объявил он на всю залу. — Хотя никто из нас не властен выбирать себе родственников, я полагаю, мне очень повезло с такой сестрой, как Диана, и ее мужем, которого я теперь считаю своим старшим братом. Я убежден, что молодожены мечтают как можно скорее оказаться в своем новом доме, поэтому я предлагаю поднять бокалы, чтобы попрощаться с ними, пожелав счастливого пути. Всего самого лучшего, мистер и миссис Уэстон! Да вознаградит вас Бог долгой и счастливой семейной жизнью. А теперь избавьте нас от вашего присутствия!

Гости дружно рассмеялись, повторяя последние слова тоста Алекса.

— Спасибо, — пробормотала Диана, а брат коротко, но выразительно произнес:

— Рождество.

И высоко поднял бокал.

Переодевшись в дорожное платье, еще одно изысканное творение мадам Бассетт, Диана спустилась вниз и почти у самого выхода столкнулась с матерью.

— Хотела ускользнуть, не попрощавшись со мной? — Мать пыталась шутить, но ее голос задрожал, и на глазах выступили слезы. — Боже, я ведь обещала себе не плакать.

Она торопливо вынула платок и вытерла слезы.

— Я так счастлива за тебя и так горжусь тобой. Я не надеялась, что ты так удачно выйдешь замуж. Твой брак превзошел все мои ожидания.

Диана ласково обняла мать:

— Я люблю тебя, мама.

— Я тоже тебя люблю. Мы немного заболтались. Ступай, тебя ждет муж.

Диана велела слуге выносить вещи и вышла на улицу. Возле незнакомого экипажа стоял Генри, разговаривая со своим слугой, сидевшим на козлах.

— Какой сегодня чудесный день. А где твой фаэтон? Или ты отправил его в Рейвенсфилд?

— Нет, я сделал еще лучше. Я продал его, ведь теперь я уважаемый, женатый человек, и мне не подходит такой легкомысленный экипаж. Кроме того, управление фаэтоном требует внимания, а это мешает мне провести испытание.

Диана подозрительно прищурилась:

— Ты говоришь, что наша поездка в новом экипаже станет испытанием. Не для меня ли?

Генри кивнул и жадным взглядом окинул Диану, садившуюся в карету:

— Скорее, ближайшие часы станут тяжким испытанием для меня. Дорогая, в глазах церкви и света ты теперь моя жена. Но я не хочу в спешке доводить дело до его логического завершения. Ничего не произойдет, пока не доберемся до той роскошной постели, которую мы выбирали вместе с тобой, даже если бы ты умоляла меня со слезами на глазах.

— Неужели? — засмеялась Диана и тут же осеклась, увидев по выражению лица мужа, насколько все серьезно. Все, что успела рассказать ей Мартина, вихрем промчалось в ее сознании.

— Я настроен решительно, — продолжал Генри, — как только приедем, мы должны оказаться в спальне за двадцать семь секунд.

— Откуда такая точность?

— В самом деле откуда? — притворно удивился Генри и скинул сюртук. Скомкав его, он сунул под сиденье. — Джаспера хватит удар, когда он обнаружит его здесь. Надо будет поосторожнее нести тебя, в таком случае увеличим время, скажем, до тридцати семи секунд. Тогда у меня остается двадцать три секунды. За этот срок надо ухитриться раздеть тебя и уложить в постель.

— Но почему все должно произойти за одну минуту? — Диана нахмурилась. — Неужели ты заключил какое-нибудь глупое пари?

— Только с самим собой, но это скорее обещание для нас обоих. — Вслед за сюртуком под сиденье полетели перчатки. — Честно говоря, я был близок к тому, чтобы взять тебя там, на полу в гардеробной, но в последний миг решил, что так нельзя, что лучше все сделать как подобает — с должным уважением, помолвкой и браком. Я поклялся, что если нам предстоит быть вместе, то это должно произойти в постели и после того, как мы обвенчаемся.

Кривая улыбка исказила его лицо.

— Если бы я знал, сколько мне придется мучиться и страдать, то нашел бы удобный повод переспать с тобой и тем самым скомпрометировать тебя. Но теперь все это в прошлом, и мы с тобой счастливая пара молодоженов.

Генри нежно коснулся пальцами губ Дианы.

— Все эти месяцы, Ди, я изнывал от любви к тебе. Как только мы доберемся до Рейвенсфилда, я не собираюсь больше ждать ни минуты.

— О-о. — Диана вздохнула и стыдливо потупила глаза.

— Мое признание шокировало тебя?

— Э-э, немного.

— Я и в дальнейшем намерен тебя шокировать. Когда ты смущена, ты удивительно мило краснеешь.

Диана еще пуще залилась краской.

Генри ослабил галстук и принялся снимать с ее руки перчатку.

— Зачем ты это делаешь? — Диана растерялась.

— В карете немного жарко, так тебе будет удобнее.

В карете нисколько не чувствовалось жары, и если щеки Дианы горели, то румянец был вызван исключительно непристойными намеками мужа. Генри тем временем стащил другую перчатку.

— Только не надо бросать их следом за твоими перчатками, — предупредила Диана. — Они новые и очень хорошо подходят к моему платью. Они мне еще пригодятся.

Генри сунул ее перчатки в карман.

— Какой необычный у них цвет.

— Сиреневый. Мадам Бессетт предпочитает его другим. Кстати, мои туфли тоже сиреневые. — Диана кокетливо приподняла подол юбки и, выставив ногу, показала одну прелестную туфельку.

— Теперь я заметил, что твои туфли и перчатки одинакового цвета, но они как-то не очень подходят к твоему платью, у него какой-то странный зеленый цвет.

— Фисташковый, — поправила его Диана. — Оно украшено сиреневой вышивкой, ее просто не видно под жакетом.

— То-то я гляжу, что здесь что-то не так. — Генри явно хитрил. — Давай снимай жакет и покажи мне платье.

— Притворщик, тебе нет никакого дела до моего наряда, гармонирует он с туфлями и перчатками или нет. Неужели ты полагаешь, что, сняв с меня перчатки и жакет, успеешь потом уложиться в свою минуту?

Шутливый тон Дианы говорил о том, что она приняла предложенные им правила игры. Она даже помогла ему снять с нее жакет. Его пальцы тут же забегали по ее обнаженным плечам, шее, глубокому вырезу.

— Какая красота, — бормотал Генри. — Чудесно.

— У мадам очень необычный вкус. Ты тоже находишь мое платье очень красивым?

— Не столько платье, сколько мою любимую невесту. Я в восторге от нее. — Он принялся ловко вынимать шпильки из волос Дианы.

— О, спасибо. Там где-то сбоку одна из этих шпилек очень больно врезалась мне в голову. Ну, как тебе вышивка на моем платье?

— Ах, вышивка. — Он усмехнулся. — Утки?! Но как она узнала?

— Какие утки? Это ведь лебеди! Лебеди! Которых можно увидеть на вашем фамильном гербе. Генри, откуда тебе в голову могла прийти столь странная мысль, что на моем подвенечном платье должны быть утки?

— Э-э, мне нравятся утки.

— Хорошо, хорошо. Жена должна знать вкусы своего мужа. А какой у тебя любимый цвет?

— Цвет твоих волос. — Генри явно дразнил ее. Он весело рассмеялся и, подхватив ее, как пушинку, посадил к себе на колени. Даже под ворохом юбок Диана ощутила его эрекцию.

— Думаю, мы все-таки успеем добраться до кровати, — шумно вздохнув, прошептала она.

— До кровати, несомненно. А пока займемся ласками. — Он начал расстегивать верхнюю пуговицу на ее платье.

— Ты же ласкал меня едва ли не на протяжении всей свадьбы.

— Дорогая, ласки бывают разными. Тронуть женщину на улице — это одно, а в постели — совсем другое.

Диана обвила руками его шею и впиалась жадными губами в его губы. Не он один мучился бессонными ночами, не его одного охватывали по ночам страстные мечтания. Генри дал ей несколько уроков любви, и теперь она страстно желала их продолжения. От него исходил возбуждающий аромат мужчины, сгоравшего от любви, что не могло не пьянить сердце Дианы. Какая женщина не хочет быть желанной в глазах любимого мужчины?! Когда он был вот так близок к ней, она забывала обо всем.

Генри целовал ее медленно, страстно. Сгорая от нетерпения, Диана ущипнула его и, играя, провела языком по его губам. Его руки сразу напряглись, в ответ он просунул свой язык между ее губ. Язык Дианы бросился навстречу.

Карета подскочила на ухабе, и Диана на миг повисла в воздухе. Но Генри вовремя подхватил ее и посадил обратно к себе на колени.

— Как я погляжу, сидеть у меня на коленях опасно, причем во всех отношениях. Не повременить ли нам, как ты думаешь?

Диана надула губки и, заерзав, постаралась сесть как можно удобнее.

— Ты читаешь мои мысли, — усмехнулся он и, поддерживая ее за талию, помог ей устроиться. Все это Генри проделывал без малейших усилий, по всему было видно, что ему это только в радость.

— Приподними свои юбки. — Его слова прозвучали одновременно и как совет, и как указание.

— Прости, не поняла?

— Приподними юбки, тогда ты сможешь обхватить мои ноги коленями, что будет для нас намного удобнее.

Диана заколебалась, такое ей было внове.

— Вот как быстро жены забывают данное ими обещание подчиняться воле мужа. — Генри притворно вздохнул. — Неужели ты не хочешь, чтобы твой новоиспеченный муж показал тебе, как сильно он тебя любит? Что я вижу? Вместо любви и послушания жена выказывает строптивость?! — Он дразнил ее. Диана смутилась, но подняла юбки выше колен.

— Вот и хорошо, — прошептал он. — Я, должно быть, сошел с ума, потому что собираюсь так мучиться до нашего приезда в Рейвенсфилд. Впрочем, все достаточно просто. — Генри решил кое-что объяснить. — Как только мы приедем и окажемся в нашей спальне, я не намерен ждать больше ни минуты. Ты должна быть совершенно готова. Ты сводишь меня с ума. Я не знаю, сколько смогу выдержать, но мне не хочется причинять тебе боль.

— Что ты имеешь в виду? — Диана немного испугалась, поняв, к чему он клонит. Рассказы Мартины оказались слишком разнообразными и содержательными. Там были и такие советы, как пожевать листок обычной мяты перед тем, как ложиться в постель, или выпить чай с мятой болотной, чтобы не забеременеть.

Почему Мартина ни словом не обмолвилась о боли, или это все придумали для легковверных невест, с целью их напугать? Но зачем? Диана попыталась слезть с колен Генри, но он удержал ее. Вид у него сразу стал недовольный.

— Я потревожила тебя?

— Еще бы, — буркнул он, а потом ухмыльнулся: — Ты убиваешь меня своей наивностью. Неужели мать тебе ничего не рассказала? О том, что происходит в первую ночь после венчания?

— Ничего, но я расспросила об этом Мартину.

— Какую Мартину? — Он удивленно приподнял брови.

— Камеристку моей бабки. Она француженка. Она очень лестно о тебе отзывалась. Называла очень красивым, но о боли она не обмолвилась ни словом.

— Понятно. Она просто не хотела, чтобы ты сбежала прямо перед свадьбой. Нет, Ди, не смотри на меня такими удивленными глазами, я пошутил. Впредь я постараюсь вести себя сдержаннее и не говорить всякие глупости. Больно бывает, но только в первый раз, зато потом на протяжении всех последующих пятидесяти лет я постараюсь доставить тебе как можно больше удовольствия и тем самым искупить свою вину.

Диана задумалась. Она не совсем хорошо представляла себе, что произойдет совсем скоро, хотя то, что происходит между мужчиной и женщиной, в общих чертах она знала. Генри был крупным мужчиной, причем во всех отношениях. Она думала, прикидывала, но у нее никак не получалось сложить один и один. Когда она подставляла себя в это уравнение, то оно плохо укладывалось в ее голове. Его... Да, его... Неужели это может войти внутрь нее и там поместиться.

— Не бойся. Мы удивительно подходим друг другу. — Генри ободряюще погладил ее пальцем по подбородку.

«Боже, неужели она выразила свои сомнения вслух?» — Глаза Дианы уперлись вниз ее живота. И его живота. Внутри нее горел непонятный огонь, и чем сильнее он разгорался, тем меньше она волновалась. Но едва она допустила в свое сознание тревожные мысли, как ею сразу овладело беспокойство.

— А это очень больно? — с тревогой спросила она.

Генри нахмурился:

— Откуда ж мне знать? Но это правда, бывает больно, моя любовь. Если бы я мог избавить тебя от этих страданий! Но поскольку я не могу, то сделаю все возможное, чтобы уменьшить или сократить их. Когда я буду идти в спальню, держа тебя на руках, ты должна быть вне себя от возбуждения, ничего не сознавать, кроме своего желания, сгорать от любви ко мне — и тогда ты почти не заметишь боли.

Его бархатистый голос действовал на нее, как всегда, безотказно: успокаивал, очаровывал, вызывал желание. Диана опять приникла к его губам. Время как будто остановилось, оно замерло на их губах, соединившихся в поцелуе. Диана откинула назад голову, вся открываясь для поцелуев.

— Какая у тебя нежная, благоухающая кожа. Мягче, чем бархат, глаже, чем шелк, теплее, чем атлас. Она пробуждает во мне желание. Я хочу видеть тебя. — Генри расстегнул сзади на ее платье одну, затем другую пуговицу.

— Я тоже хочу видеть тебя. — Она развязала галстук и потянула его на себя. Его настойчивость передалась ей. Сняв накрахмаленный галстук, она бросила его на пол кареты, но Генри даже глазом не повел. Диана ласково коснулась его шеи, пальцами она явственно ощущала биение его пульса. Ее сердце стучало с такой же быстротой, а дыхание было таким же прерывистым и неровным, как и у него.

— Я хочу... — Он запнулся. — Мне хочется продолжения твоих ласк.

Он замер, как только она приникла губами к коже в том месте, где плечо переходило в шею. Диана провела языком по коже и сладостная дрожь охватила его. Затем она приникла ртом к его соленой и терпкой коже и слегка прихватила ее губами.

Дыхание Генри стало хриплым, он обхватил рукой одну из ее грудей и чертыхнулся от наслаждения. Но ругательные слова не только не оскорбили Диану, а, напротив, вызвали у нее вспышку наслаждения. Она судорожно стиснула колени вокруг его бедер, пытаясь стать к нему еще ближе. Ее инстинктивное движение пробудило в нем присущую ему дерзость. Генри быстро стащит с ее плеч платье, причем Диана сама помогла ему высвободить себя из жесткого корсета.

Совместными усилиями, платье было спущено до ее пояса. Диана осталась в одной сорочке из-под которой выступали округлые очертания ее высокой полной груди.

— Боже, — чуть слышно прошептал он, — с ума можно сойти.

— Генри, — простонала она.

— Продолжай целовать меня. — Его голос звучал хрипло и сдавленно, но в нем чувствовалась неудержимая темная жажда наслаждения, пробуждавшая в Диане ответное желание.

Очередной дорожный ухаб заставил их подлететь в воздух, но Генри крепко держал ее в своих объятиях. Не стянутые больше корсетом, ее груди прыгали то вверх, то вниз, как бланманже на чуть было не упавшем и вовремя подхваченном блюде, отчего глаза Генри загорелись диким огнем. Ему захотелось попробовать их на вкус не меньше, чем свой любимый десерт. Как только закончился ухабистый отрезок дороги, он сразу приник губами к этим волнующим округлостям.

Диана застонала от удовольствия, когда он принялся целовать и сосать ее грудь сквозь тонкую ткань сорочки, одновременно поглаживая, слегка сжимая и круговыми движениями большого пальца лаская кожу вокруг другого соска, затвердевшего от возбуждения. Его ритмические ласки эхом отражались внутри ее тела, пробуждая в нем ответное биение крови, лучше всего чувствовавшееся внутри ее живота.

Она едва не заплакала от досады, когда Генри на миг прекратил свои ласки, но тут же угадала его намерение. Он развязал тесьму на ее сорочке и стащил с нее тонкий шелк, обнажая плечи, спину и грудь. Теперь между его горячими губами и ее не менее горячей кожей не осталось больше никакого препятствия. Он опять приник к ней, целуя одну грудь и одновременно поглаживая пальцами другую.

— Еще! Еще! — закричала Диана, охваченная неудержимым восторгом, возбужденная плоть которой уже не просила, а требовала дальнейшего продолжения. Теперь она точно знала, где должны были ее гладить его руки. Между ног. Снаружи, внутри. Но только там. По всему было видно, что этого хотелось не только ей, но и ему также.

— Еще! Больше! Еще! — молила она.

Генри на миг оторвался от ласк и приподнял голову. В его глазах блеснул насмешливый огонек.

— Больше? Может, вот так? — Он чуть крепче и сильнее сжал пальцами сосок на ее груди.

Диана застонала и поникла головой. Наслаждение было таким пронизывающим, таким сильным, что она не могла выговорить ни слова.

— Скажи мне, что тебе хочется?

Он тоже весь горел от вожделения.

Притворяться больше не было сил, и Диана застонала:

— Я хочу тебя. Прикоснись ко мне, возьми...

Она едва не умирала от наслаждения, от желания получить нечто большее.

— Скажи, Ди, где мне следует тронуть тебя сейчас? — допытывался Генри.

Глубоко вздохнув, словно собираясь броситься с головой в реку, она прошептала:

— Там, между ног. Скорее, Генри, я не вынесу этого.

Зарывав как зверь, он с новой силой набросился на нее, целуя ее горячие, иссохшие от страсти губы. Он поцелуем закрыл ее рот, готовый раскрыться в крике. Их дыхание слилось. Их сердца бились в унисон. Огонь обоюдной страсти вспыхнул с новой силой. Диана ничего не

соображала. Она только чувствовала, что он раздвигает ее бедра, как тогда в первый раз.

Она вся задрожала от вожделения, когда его рука проникла под юбку и коснулась кожи между ног, там, где она и просила. Сила вожделения была такой, что она вся задрожала и, поддавшись чуть вперед, крепко схватила его за отвороты рубашки.

— О-о, это невыносимо... — Она едва не задыхалась.

— Нет, это еще терпимо, — усмехнулся Генри, — но скоро точно будет уже невыносимо.

Даже в такие моменты он никак не мог отвыкнуть от привычки подсмеиваться над ней.

— Только не останавливайся, — взмолилась она. — Продолжай дальше.

— Конечно, продолжу, — с готовностью произнес он, принимаясь ласкать и гладить ее между ног. Каждое движение его руки пробуждало в ней волну наслаждения, которое охватывало всю ее так сильно, что замирало дыхание. Ее тело начало трястись, ритмично покачиваться, бедра непроизвольно сжимались, словно хотели вобрать всю его руку внутрь себя. Мыслей в голове Дианы не было никаких, она жила одними только чувствами, новыми, необычными, острыми, всеохватывающими. Она ощущала себя бесплотной, стоящей на краю пропасти и готовой воспарить над землей.

— Еще, дальше. — Она уже не просила, а требовала.

— Дальше так дальше. — Генри не возражал. Он с новой энергией принялся одаривать ее изощренными ласками, пытаясь поддержать и усилить ее возбуждение. Она то воспаряла вверх, то опять опускалась на землю, это была невыносимая мука блаженства. Она больше не принадлежала самой себе, а целиком и полностью находилась в его власти.

И вот наступил миг, когда терпеть больше не осталось сил. В глазах вспыхнул огонь, и ее тело разлетелось на мелкие кусочки, которые поднялись высоко в воздух и растворились. Она перестала существовать, превратилась в ничто. Время остановилось, Диана погрузилась в сладостное блаженство. Но вот она стала выплывать из океана блаженства, ощущая быстрое биение сердца, пульсирующую в жилах кровь.

Откуда-то издалека до нее донесся голос Генри. Странно, но он звучал взволнованно.

— Диана? Любовь моя? Что с тобой? Ответь?

— О-о-о, — застонала она в ответ.

— С тобой все в порядке? Ди, ответь мне. Прошу тебя. — В его голосе чувствовалась неподдельная тревога.

— Со мной все хорошо, — произнесла наконец Диана, чувствуя на своих губах глупую, но счастливую улыбку. — Мне кажется, что все мое тело превратилось в студень.

— В таком случае тебе надо немного отдохнуть. Сегодня ночью тебе понадобятся все твои силы. Тебе удобно? Как твоё настроение?

— Прекрасно. — Она положила голову на его широкую грудь, наслаждаясь запахом его мокрой от пота кожи, стараясь вобрать в себя исходившую от него силу. — А как твоё настроение?

Генри усмехнулся:

— Мне тоже хорошо, но скоро будет еще лучше. Ты не представляешь, как приятно держать тебя в руках, такую довольную, расслабленную от доставленного мной удовольствия.

Глава 18

«Лорд и леди Уэстон пригласили меня к себе домой на другой день после банкета. Вся их семья была в сборе, так что я не удивлюсь, если они и сегодня продолжают праздновать вашу свадьбу. Мне там очень понравилось, но тебе стоило бы предупредить о том, что меня там ожидает. Как только я вошел под крышу дома, меня не оставляли в покое ни на минуту. Удивительно, но у леди Уэстон и у леди Шелдон был наготове для меня список невест. Целых семь имен. Одна из моих невест, она еще ходит в школу, строила мне глазки, а я строил глазки тетке твоего мужа. Было так весело, что я даже не заметил, как потерял три пуговицы на сюртуке. Между нами, я случайно услышал, как леди Данстон шептала своей сестре, что предупредила тебя насчет кареты. Кроме того, было сказано много такого, чего я не хотел бы знать...»

Письмо Александра Мерриуэзера сестре Диане Уэстон.

— Просыпайся, любовь моя.

Диана промычала что-то невразумительное, не желая расставаться с чудесным сновидением. Ей снилось, что Генри целует и ласкает ее грудь. Каждое прикосновение его губ, зубов, языка вызывало у нее сладострастный трепет.

— Ди, проснись и поцелуй меня, мы уже подъезжаем.

Она была уже на краю блаженства, если бы только он догадался и тронул ее там, между ног. Генри поцеловал ее в шею, но, видя, что она не хочет просыпаться, легко потряс за плечо. Диана стала выплывать из сонной пелены, и тут он тронул ее за бедро почти там, где ей хотелось. Его пальцы скользили по внутренним поверхностям ее бедер, словно лодка между берегами Темзы. Очень скоро Диана потеряла терпение, застонала и впиалась страстным поцелуем в его губы.

Генри зарычал, его плоть напряглась под сидевшей на его коленях Диане. Затем с довольным видом ухмыльнулся:

— Я же говорил тебе, любовь моя, что доведу тебя до исступления.

— Еще не довел, — солгала Диана.

— Ладно, в таком случае мы сейчас все быстро исправим. — И он тут же просунул палец еще глубже.

Диана застонала, услышав ее стон, он улыбнулся от удовольствия и продолжил свои волшебные движения, вызывавшие у нее такие острые ощущения. Его ритмичные поглаживания сделали свое дело, Диана была уже на краю блаженства. Это было восхитительно и одновременно мучительно. Она стремилась вперед, к неизвестному концу, сулившему что-то необыкновенное, а он медлил и не торопился.

— Зачем ты мучаешь меня? — простонала она, сгорая от страсти. Судя по ее голосу, ее никак нельзя было назвать мученицей.

— Ага, ты уже горишь от страсти, не так ли?

Лгать и притворяться у нее больше не осталось сил. Генри прав, в этот миг Диана даже думать забыла о боли, о которой ее предупреждали.

— Да, да. Еще! — Она задыхалась от возбуждения.

— Вот и хорошо, то, что нужно. — Генри хладнокровно отнял от нее свои руки.

— В чем дело? Что ты делаешь? — возмутилась Диана.

— Сейчас мы прервемся. Но скоро продолжим, как только приедем и очутимся в спальне. Так будет лучше и для тебя, и для меня.

Глаза Генри потемнели и превратились в темное синее море. Он весь напрягся и прошептал:

— Мне следовало взять тебя в Лондоне.

Диана была согласна с ним всем сердцем.

— Ты можешь меня взять здесь и сейчас. Ты же сам признавался, что можешь это проделать в карете. Ну, давай, я хочу тебя.

— Нет. — Он решительно затряс головой и осторожно снял ее со своих колен. Ошеломленная, сбита с толку Диана не сопротивлялась, она едва не онемела от досады и удивления, тогда как ее распаленное тело жаждало, просило, требовало удовлетворения.

Генри выглянул в окно.

— Минут через пять мы будем дома. — Он лукаво посмотрел на нее. — Как только мы приедем, я вынесу тебя на руках из кареты, независимо от того, одета ты или полураздета.

Постучав пальцами по лбу, он с притворно задумчивым видом произнес:

— Мне нравится мысль внести тебя в дом с обнаженной грудью.

От его шуточного замечания Диану подбросило словно пружиной. Она поспешно стала натягивать на себя сорочку, корсет, платье, поправлять юбки. Но за пять минут привести все в порядок, завязать тесемки, подвязки, шнуровку на платье не было никакой возможности. Диана бросила умоляющий взгляд на Генри. Он понял все без слов. Надо заметить, с ролью камеристки он справился блестяще. Диана сперва удивилась, а потом приревновала: сколько же раз ему приходилось заниматься подобными вещами, если он так ловко и быстро все делал.

— Наверное, мне придется отказаться от услуг Элли. Как я погляжу, ты можешь одевать меня не хуже, чем она, — пошутила она.

— Предпочитаю тебя раздевать, а не одевать, — парировал он.

— Но ты очень ловко умеешь делать и то, и другое.

Он отодвинул занавески на окне.

— Посмотри. — Он указал на внушительный дом из красного кирпича, так Диана впервые

увидела Рейвенсфилд-Холл. Она взяла его за руку и благодарно стиснула ее.

— Тебе нравится?

Она молча кивнула. Перед ее мысленным взором протек последний месяц, недавнее венчание и совсем свежие воспоминания об их путешествии в карете. Она с любовью взглянула на Генри. На своего мужа! А теперь перед ней возвышался величественный дом, их будущее семейное гнездо. Это было настоящее счастье — нежданное, огромное, невероятное. На миг ей даже стало страшно — не приснилось ли ей все это?

Слезы подступили к ее горлу, навернулись на глаза. Для того чтобы прогнать их, Диана шумно вздохнула и окинула себя взглядом. То, что она увидела, напугало ее. Она была одета, но как?! Неопрятно, неаккуратно, короче говоря, с первого взгляда было ясно, чем они тут занимались в карете.

— М-да, ты не менее ловок, чем Элли, но тебе не хватает аккуратности. — Диана принялась завязывать и подвязывать все так, как это должно было выглядеть.

Генри с немим удивлением наблюдал за тем, как она суетилась, прихорашивалась, наводила глянец. Он подал ей перчатки, а она ему его галстук, ответный знак любезности.

Натянув перчатки, она удивленно посмотрела на него, но Генри не думал одеваться.

— Генри? — укоризненно воскликнула она.

Поняв ее немой вопрос, он не спеша принялся расстегивать пуговицы на рубашке.

— Что ты делаешь? — воскликнула Диана.

— Как что? Раздеваюсь, делаю противоположное тому, что делаешь ты. Раз ты решила одеться, то я, наоборот, разденусь, чтобы сберечь несколько секунд.

— Генри, перестань. Что за глупое ребячество? — Диана осеклась, увидев его обнаженный торс. Он походил на греческого атлета, статуи которых она видела в Британском музее и в галерее своего деда.

Диана не могла отвести глаз от его фигуры. Подняв руку, она дотронулась до его руки, на которой упругими клубками двигались мышцы. Его грудь покрывали светло-золотистые волосы. Ей стало интересно, а какие они на ощупь? А соски на его груди такие же чувствительные, как и ее собственные? Что он почувствует, когда она примется ласкать их своими мягкими длинными пальцами или трогать языком, как делал он с ее грудью?

— Боже, Ди, если ты будешь смотреть на меня такими глазами, я не выдержу и займусь любовью с тобой прямо на пороге собственного дома.

Он открыл дверцу кареты и выпрыгнул наружу, прежде чем она остановилась. Протянув руки, он схватил ее и прижал к груди.

— Джаспер, — Генри окликнул лакея на козлах, — ты не только превосходный камердинер, но и отличный кучер.

Моя жена хочет от моего имени поблагодарить тебя за то, как ты вез нас сюда. Поездка ей очень понравилась и доставила столько наслаждения, сколько не доставило бы никакое другое

путешествие.

— Генри! — Диана стукнула локтем в его грудь. — Довольно.

— Ты права, дорогая, мы напрасно теряем драгоценные секунды. Джаспер, как и все остальные слуги, сегодня ты свободен. Можешь повеселиться в ближайших трактирах «Сарацин» или «Ринг в Букхэме». Не забудь завтра утром шепнуть остальным слугам, чтобы нас не беспокоили. Если понадобится, я позвоню...

— О, теперь я никогда не смогу без смущения смотреть ему в лицо, — пожаловалась Диана.

Но Генри уже не слушал ее, а бежал к дому.

— Больше ты никого не увидишь. Я все устроил так, чтобы эта ночь принадлежала только нам двоим.

Передняя дверь открылась, и за ней они увидели радушно улыбающегося низенького толстенького человечка в очках. Его улыбка стала шире, едва он увидел хозяина.

— Мистер и миссис Уэстон, позвольте принести вам мои самые искренние поздравления.

— Тиммс, какая неожиданность. Почему вы не спите?

Обнаженная грудь и растрепанный вид, по всей видимости, нисколько не смущали Генри.

Дворецкий радостно закудаhtал:

— Я остался в доме, чтобы приготовить вам холодный ужин. Меня надоумила моя жена, она решила, что после дороги вы проголодаетесь.

— Мы очень благодарны вам обоим, — крикнул Генри, пролетая мимо дворецкого и ступая на лестницу. — Думаю, что теперь я увижу вас и вашу миссис лишь на следующей неделе.

— На следующей неделе? — удивленно переспросила Диана.

— Да. Полагаю, что до тех пор нам не удастся выбраться из спальни. — Генри усмехнулся. — Думаю, твоя обнаженная грудь произвела бы на беднягу гораздо больше впечатления, чем это сделала моя.

Диана сглотнула комок в горле, мысленно представив картину, набросанную в двух словах Генри. Но они уже стояли перед дверью в спальню. Через миг Генри вбежал внутрь и бережно положил ее на кровать.

— Не закрыть ли нам двери? — спросила Диана.

— Не волнуйся. Я на ночь отпустил всех слуг. Все они местные жители и рады провести ночь в кругу своих родных и близких. Сегодня ночью только я один буду наслаждаться твоими сладострастными стонами. — Не говоря более ни слова, он принялся расстегивать пуговицы на ее платье, причем делал это так быстро, что Диана догадалась: одевая ее, он умышленно некоторые из них не застегивал.

— Боже, ты прекраснее, чем я ожидал, — пробормотал он, с вожделением взирая на ее обнаженное тело.

— Ты по-прежнему одет, — стыдливо прошептала она.

— Сейчас исправим. — Рассмеявшись, он в мгновение ока скинул с себя одежду.

Диана не подсматривала за ним, напротив, даже отвернулась в сторону. Он залез к ней в постель, обнял, прижал к себе и поцеловал. В тот же миг Диану охватило возбуждение, равное по силе и остроте тому, которое владело ею в карете и которое Генри отказался тогда продолжить и довести до завершения.

Диана опять сгорала от страсти, готовая на все.

Она застонала, как только он опять просунул руку в самый низ ее живота и принялся ласкать ее еще более изощренно и активно, чем в карете. Вскоре Диана уже находилась на самом краю неведомого ей блаженства, казалось, еще немного и наступит то, к чему он так искусно вел ее.

— Нет, нет, — взмолилась она, как только он опять отнял свою руку. — Только не сейчас.

— Сейчас, моя любовь, мы с тобой вместе разделим это счастье.

Генри чуть приподнялся и осторожно вошел внутрь ее. Это слияние их тел поразило Диану. Волна удовольствия омыла ее сердце, но тут он продвинулся чуть дальше и чуть глубже, став еще чуть ближе. Внутри нее что-то напряглось, ей стало больно, это не походило на прежние ласки.

— Я причинил тебе боль? — с тревогой спросил он.

— Нет, — солгала Диана. Она испугалась, что он из любви к ней остановится. Не будучи сильной и острой, боль оказалась вполне терпимой.

— Хорошо, хорошо, — бормотал он себе под нос, проникая еще глубже.

Но тут Диана зашипела от боли, так как в самом деле стало очень больно.

Он замер, остановленный ее реакцией.

— Со мной все в порядке. — Она поспешила успокоить его и улыбнулась. — В самом деле, мне ничуть не больно. Ты уже внутри меня.

Дианой овладело странное состояние: ощущения полного слияния их тел воедино.

— Ты сотворена для меня, — зарычал он, чуть отстраняясь от нее.

Испугавшись, как бы он не оставил ее, Диана обхватила его за спину и притянула к себе, удерживая.

— Не оставляй меня.

— Я никогда не оставлю тебя. — И он опять вошел в нее.

— Да, да, — застонала она. Последнее препятствие между ними было пройдено. Его движения стали ритмичными, что только усиливало ее возбуждение. Оно нарастало, ширилось, заполняя все больше и больше ее тело невыразимым наслаждением.

Она обхватила его бедра ногами, стараясь слиться с ним как можно полнее и дышать в такт его движениям. Она, как безумная, целовала его в лицо, губы, грудь, тем самым приводя его в исступление.

— Боже, я сейчас не выдержу, — простонал он. Его движения стали более сильными, более глубокими, более активными. Он был тяжелым мужчиной, но эта тяжесть в данный миг только усиливала остроту ее ощущений. Как вдруг внутри Дианы что-то взорвалось, в глазах потемнело, и она перестала ощущать свое тело. Наслаждение, заставлявшее содрогаться ее тело, нашло себе выход в крике, в котором было мало человеческого и совсем ничего от прежней Дианы.

— Мы летим вместе, Ди, — простонал Генри. Затем без сил он повалился на нее.

Когда они пришли в себя, и он попытался освободиться, Диана обхватила его тело руками и ногами, не желая отпускать от себя. Если бы это только было возможно, она удерживала бы его внутри себя очень долго, как ей казалось, всю жизнь. Они были близки, как могут быть близки только очень любящие друг друга люди. Их сердца бились в такт, их вздохи сливались вместе. Они превратились в одно тело, слились в одну душу — в нечто цельное и нераздельное.

Родственные души.

Диана раньше называла так людей, которые понимали друг друга с полуслова. Оказывается, она ошибалась.

Неужели точно такие же чувства испытывали и другие семейные пары, по-настоящему любящие друг друга? Это неудержимое манящее влечение друг к другу, привязанность, потребность... Ей даже стало смешно от мысли, что совсем недавно она подумывала о браке с сэром Сэмюелем. Представив его на месте Генри, она невольно содрогнулась. Неужели она намеревалась провести с ним всю свою жизнь?! К счастью, этого не случилось.

Свалившееся на нее счастье казалось ей невероятным, сказочным, нереальным. Диана никак не могла поверить в то, что это правда. Генри пробудил ее к жизни. Благодаря ему она распустилась, словно цветок. Ее сердце переполняла радость. Как вдруг неприятный отвратительный червь сомнений зашевелился в ее душе. Ее счастье, вся она целиком и полностью зависела от Генри. История повторялась, все было точно так же, как давным-давно в ее детстве.

Ее родители тоже женились по любви. Но тут на смену прежним негативным мыслям в голову Дианы пришла другая, совсем новая, вызванная ее недавними ощущениями. Неужели ее мать и ее отца соединяла точно такая же любовь, которая соединяла ее и Генри? Почему бы и нет? Но в таком случае, как, наверное, тяжело переживала ее мать разрыв с отцом?

Сердце Дианы сжалось от боли и сострадания. Бедная мама... На ее глазах выступили слезы.

— Неужели тебе еще больно? — встревожился Генри, и глубокая складка пролегла между его бровей. — Неужели я был слишком груб?

Диана отрицательно замотала головой:

— Это... от счастья. — Она всхлипнула.

— Успокойся, Ди. — Он был сама нежность и внимание. — Поспи, отдохни. И все пройдет.

Он погладил ее по голове, как это делал отец. И Диана едва не разрыдалась от сладких воспоминаний детства. Она поспешно закрыла глаза, а затем уткнулась лицом в его широкую грудь. Так они лежали, обнявшись, а он ласково поглаживал ее по голове, шепча ей на ухо разные нежные слова. Вскоре у нее на душе стало покойно и хорошо, и она уснула.

Он лежал и молча смотрел на нее. У него внезапно перехватило дыхание от мысли, что живот Дианы очень скоро начнет увеличиваться, там будет расти их будущий ребенок. Говоря о детях, он больше шутил, чем воспринимал это всерьез, но теперь все предстало перед ним в совершенно ином свете. В его воображении тут же возник крепкий, улыбающийся младенец со светлыми кудряшками.

Подумать только: совсем недавно он жаловался на то, что его жизнь течет бессмысленно, что он как бы плывет по течению. И вдруг словно по мановению волшебной палочки все переменялось. Теперь в его жизни появились цель и смысл. Он стал владельцем поместья, женатым человеком. Ему надо было заботиться о добывании средств, о процветании конезавода, о будущем своих детей. Убаюканный подобными мыслями, он заснул.

Проснувшись, Генри ощутил ноющую боль в своем пенисе, которую он отлично понимал, как надо лечить. Сердце его радостно и ровно стучало в груди. Он не знал, что явилось причиной такого безоблачного настроения. То ли давали знать долгие месяцы воздержания от плотских утех, то ли действительно их брак был благословен небесами, а может, благодаря сочетанию обеих причин. Только теперь он понемногу начинал понимать, какое счастье выпало на его долю. Заниматься с Дианой любовью было величайшим наслаждением. Она оказалась на редкость способной ученицей.

— Проснись, любовь моя, — прошептал он.

Диана тихо вздохнула, пошевелилась и открыла глаза.

— Я обещал сделать тебя счастливой и, как видишь, сдержал свое обещание.

Очнувшись ото сна, Диана встала и попыталась укрыть свою наготу простыней, чем немало позабавила Генри. Но он, шутки ради, удержал другой конец простыни и не дал ей такой возможности. Сердито хмыкнув, она схватила лежавшее в стороне покрывало и набросила его на себя как накидку.

Генри закинул обе руки за голову и, смотря в потолок, сказал:

— Не знаю, куда ты направляешься, Ди, но позволь напомнить, что я обещал держать тебя в постели целую неделю. А ты теперь хорошо знаешь, что я держу свои обещания.

— А разве вчера ночью мы не спускались вниз в столовую, чтобы перекусить?

— Верно. — Генри усмехнулся. — Представляешь, если бы нас там обнаружила миссис Полгрей? Если бы она увидела, как ты облакачиваешься своим голым задом о новый стол из дерева сикаморы, ее, наверное, хватил бы удар.

Диана решительно потрянула головой:

— Не знаю, как тебе, но мне больше всего хочется увидеть наш новый дом при солнечном свете, и чтобы ты не отвлекал меня.

Генри неохотно поднялся и, встав, сладко потянулся.

— Мне кажется, тебе очень нравится, когда я отвлекаю-привлекаю твое внимание.

Глядя на его обнаженное тело, Диана машинально облизала языком губы. Ее движение не осталось незамеченным. Он многозначительно взглянул ей в глаза.

Заметив его взгляд, она подняла вверх руку, как бы удерживая его.

— Нет, нет, довольно. Я не собираюсь проводить целую неделю в четырех стенах, — она взглянула невольно на кровать и закончила, — и в постели. После вчерашнего я не могу без смущения смотреть в лицо Джасперу и Тиммсу. Зачем пропускать завтрак, который приготовила для нас миссис Полгрей, и тем самым обижать эту заботливую женщину. Кроме того, мне не терпится познакомиться с остальной прислугой.

Генри подошел к ней и нежно поцеловал ее.

— Ладно. Но как я погляжу — на смену милой Диане опять пришла строгая, никогда не забывающая о приличиях мисс Мерриуэзер. Ну что ж, кто-то ведь должен следить за респектабельностью Рейвенсфилда. Сейчас вызовем твою камеристку.

Генри дернул за колокольчик. Пройдя в примыкавшую к спальне уборную, он нашел там приготовленный для утреннего туалета тазик с водой. Быстро умывшись, он вернулся к Диане. Как раз в этот момент в спальню вошла Элли. Велев ей приготовить ванну для хозяйки, а для себя горячую воду для бритья, Генри окинул взглядом убранство их спальни и недовольно поморщился. Несмотря на все его старания, было заметно, что мебели не хватает как здесь, в спальне, так и во всем доме. Ему не хотелось ради быстроты жертвовать качеством и удобствами, поэтому приходилось временно мириться с очевидными недостатками.

— Все отлично, любовь моя. Элли скоро приготовит для тебя ванну, а пока можешь взглянуть на свою комнату при свете дня и оценить ее.

Завернувшись в покрывало, Диана прошла в другую смежную комнату.

— Только учти, там еще кое-что недоделано, — крикнул Генри ей вдогонку, — но со временем мы все поправим. Ванная в соседнем помещении. Что касается гардин...

Когда Диана вернулась назад, она с благодарностью поцеловала его.

— Мне все очень понравилось. То, что мы выбирали вместе, и то, что ты выбирал сам. Я все заметила, все оценила: картину с лилиями на стене и другое полотно с богиней Дианой. А чудесные фарфоровые фигурки на каминной полке, изображающие вакхическую сцену, напомнили мне нашу прошедшую ночь! Когда ты только успел столько сделать?

— Мне помогли, — признался Генри. — Я обратился за помощью к сестрам. Я просил их покупать то, что им понравится, когда они будут ходить по магазинам. И как мне кажется, они приняли мою просьбу весьма близко к сердцу. В течение недели сюда в поместье доставляли ящики с мебелью, разной утварью, коврами, посудой. Если тебе что-то не нравится, ты только скажи, мы все поменяем.

— Напротив, я ведь сказала тебе, мне все очень, очень нравится.

— Только не влюбляйся слишком сильно в нашу спальню, — шутливо возразил он. — В противном случае тебя силком отсюда не вытащишь.

— Нахал, каким ты был, таким и остался. Впрочем... — Она опустилась перед ним на колени и спустила вниз его брюки. Протянув руку, она нежно дотронулась до него. Это была самая интимная ласка, какая только может быть.

— Он как атласный, — прошептала она. — Одновременно такой твердый и такой мягкий, очень похож на тебя.

— Ди, что ты делаешь... — Его голос прервался от охватившего его наслаждения, когда она ласково погладила пальцем по чувствительной головке.

— Мартина говорила мне кое о чем, — ласково усмехнулась Диана и провела пальцами по всей его длине. — Тебе нравится?

— Еще как. Только не останавливайся, — взмолился он.

По ее губам скользнула улыбка искусительницы, в глазах зажегся озорной огонек. Она нагнулась и поцеловала его в бедро. По всему было видно, что ей нравится такая игра, что уж говорить о самом Генри? Ему казалось, еще немного, и он взорвется от наслаждения.

— Хотя Мартина забыла упомянуть, может быть, даже умышленно, о боли при первой брачной ночи, зато она очень много рассказывала о тех удовольствиях, которые дарит постель. Она говорила о том, что мужчинам очень нравится, когда их целуют... везде и повсюду.

Диана наклонилась и опять поцеловала его в бедро.

— Поцелуй сюда.

Приподнявшись, она поцеловала его чуть ниже пупка.

— Поцелуй туда.

Генри прерывисто вздохнул и положил руки ей на голову, как бы намереваясь чуть наклонить ее голову, направить ее следующий поцелуй туда, куда ему больше всего хотелось.

— Ди, молю тебя.

— А вот самый интимный поцелуй — поцелуй любовников.

Она осыпала его живот поцелуями. От этих нежных порхающих поцелуев кровь забурлила в его жилах. Генри не знал, то ли ему благодарить Мартину за такие советы, то ли удавить эту старую греховодницу.

— Ты можешь также... Иногда... Если ты захочешь... — Генри стеснялся попросить ее о дальнейшем продолжении. Хотя это казалось ему неприличным, непристойным до ужаса, но голос плоти заглушал голос рассудка.

— Да? — Она вопросительно посмотрела на него.

— Я хочу тебя, — солгал он.

— Да? А мне показалось, что ты хочешь немного другого. — Она прикоснулась губами к его

дрожащей напряженной плоти. Она расчесывала языком волосы на его самом интимном месте. Закинув голову назад, Генри застонал от наслаждения.

— Я хочу... взять тебя, — заскрипел он зубами.

Диана с готовностью кивнула и, потянув его за руку к себе, легла на спину прямо на ковер на полу. Она соглашалась без возражений, без уловок, ее готовность обезоруживала.

Обрадованный ее молчаливым согласием, охваченный страстью, Генри не стал медлить. Она раздвинула ноги, словно приглашая его. Он приник к ее горячей влажной плоти и вошел в нее решительно, одним быстрым ловким движением, наполняя Диану жгучим сладострастным желанием. Застонав, она открылась навстречу ему, пытаясь вобрать его в себя, продлить это удивительное чувство полного единения. Между ними протянулась невидимая, но прочная нить, которая мешала дышать, думать, от которой разрывалось сердце.

Когда все было закончено, Генри улегся на бок и прошептал:

— Помнится, кто-то уверял меня, что не собирается проводить весь день в четырех стенах. Нет, любовь моя, я не жалею, а только хочу сказать, что все больше и больше привязываюсь к этой комнате, слишком много приятных воспоминаний начинает связывать меня с ней. Но мне кажется, тебе стоит немного поторопиться, иначе вода в ванне, приготовленной для тебя, совсем остынет.

Диана подскочила, словно испуганный котенок и с такой же уморительной гримасой.

— Боже, они, наверное, все слышали.

Генри усмехнулся:

— Если наши слуги еще не приобрели способность слышать, что надо, и не слышать, чего не надо, в таком случае им придется этому поучиться. Я говорю во всеуслышание, что намерен заниматься любовью с моей женой везде и в любой момент, где и когда мне захочется. — Генри многозначительно посмотрел на двери в соседнюю комнату.

— Итак, поторопись, моя любовь, принять ванну. Пока мне не захотелось проверить, способна ли ванна вместить нас обоих. А потом спускайся вниз к завтраку.

Одеваться Генри помогал его камердинер Джаспер.

— Как повеселился этой ночью?

— Замечательно. — Джаспер развязно улыбнулся. — Я мог бы рассказать вам столько всего, впрочем, вы все равно не поверите ни одному моему слову.

— Конечно, не поверю. Разве я похож на слабоумного, чтобы верить твоим рассказам. Но крепко заруби у себя на носу: никаких шашней с горничной моей жены, в противном случае это будет твоя последняя выходка.

Джаспер послушно закивал головой:

— Сегодня утром я видел мистера Кингсли. Ему надо поговорить с вами о чем-то важном. Он сказал, что в этом нет ничего плохого, но лучше это дело не откладывать в долгий ящик.

Кингсли был старшим конюхом. Грубоватый, немногословный, уже в годах, раньше он

управлял конюшней в Уэстон-Мэнор, пока Генри не переманил его к себе в Рейвенсфилд. Судя по всему, дело было действительно важным. Кингсли не бросал слов на ветер.

— Хорошо, но сперва я позавтракаю вместе с женой. Передай Кингсли, что сразу после завтрака я непременно зайду к нему на конюшню. А потом кое-кому надо будет немного поспать. — Генри с любовью посмотрел на скомканные простыни, измятые подушки на их кровати, и его сердце взволнованно забилось.

Глава 19

«Я очень рад тому, как повернулись события. Полагаю, что после нашего разговора вас не удивит моя записка, как и то, что к ней прилагается. Пусть Пенелопа станет моим свадебным подарком. Я прошу только об одном: подумать о том, о чем мы с вами беседовали при нашей встрече. А теперь вернемся к лошадям. В следующем году, вполне возможно, вы станете хозяином нового чемпиона».

Из письма Томаса Мерриуэзера Генри Уэстону.

Когда Диана спустилась к завтраку, ей показалось, что ее поджидает целая толпа. Видя столько устремленных на нее любопытных глаз, она уже собиралась броситься назад, но Генри, вышедший к ней навстречу, быстро подошел и взял за руку. Она покраснела, когда он представлял ее дворецкому — толстяку Тиммсу, которого она видела мельком накануне. Его жена служила экономкой, она была полной противоположностью мужу — высокой и худой. Диана поблагодарила ее за заботу, за посланную с мужем корзину с холодным завтраком. Диана была вполне искренней: хотя она разбиралась в сервировке стола и правилах приема гостей, готовить она совершенно не умела.

Миссис Тиммс представила кухарку миссис Полгрей, затем трех лакеев, двух горничных, помощницу на кухне, прачку и буфетчицу. Экономка так быстро протараторила их имена, что Диана никого не успела запомнить, кроме буфетчицы, Тилли, которая, будучи новенькой, выглядела не менее растерянной и смущенной, чем Диана.

После краткого знакомства миссис Тиммс отпустила прислугу. Только тогда Диана огляделась по сторонам. Просторная и светлая столовая ей понравилась. Лестница, украшенная резными столбиками и перилами из красного дерева, производила внушительное впечатление. Стены украшали полотна Гейнсборо, Кейпа и Теньера, а также изящные канделябры из бронзы и меди. Когда ее взгляд мельком скользнул по потолку, стало ясно, что он нуждается в штукатурных работах.

— Так никуда не годится, у тебя слишком озабоченный вид перед завтраком. После того как мы поедим, миссис Тиммс покажет тебе весь дом. А теперь все внимание на еду.

За завтраком Генри объяснил, что вся прислуга, за исключением Джаспера и Элли, набрана из местных жителей. Заодно он познакомил Диану со всеми сельскими сплетнями, которые касались его женитьбы и приезда молодой жены. Диана с притворным вниманием слушала его забавный рассказ, смеялась в тех местах, где смеялся Генри, а сама подсчитывала сроки своих месячных. Испугавшись их изменению, так ей, во всяком случае, померещилось, она решила пить чай по рецепту Мартины.

— Ди?

Она заморгала, внезапно сознав, что сидит тупо уставившись в полупустую тарелку.

— Такое начало меня совсем не воодушевляет и несколько не устраивает. — Генри, как обычно, подтрунивал над ней. — Это наш первый с тобой завтрак, а я уже устал от твоего молчания.

— Прости меня, я что-то задумалась. Когда я устаю, то очень рассеянна. Я не выспалась, — она лукаво улыбнулась, — по хорошо известной тебе причине. Думаю, что через ночь, когда я как следует высплюсь, ты меня не узнаешь.

— А вот тут ты ошибаешься.

— Да?

— По слухам, — Генри наклонился к ее уху и понизил голос до доверительного шепота, — по слухам, в постель к новобрачной заползают мерзкие пауки, так что тебе лучше спать вместе со мной.

— Пауки. А ты не выдумываешь?

— Истинная правда, Ди. Огромные ужасные пауки, а также безобразные тритоны. Здесь в сельской местности их видимо-невидимо. Они способны испугать кого угодно.

— А нет ли среди тритонов симпатичных тритончиков?

Генри сердито дернул плечом.

— Нет. Все тритоны один ужаснее другого.

— Ладно, с пауками я как-нибудь справлюсь. Если сунуть под матрас мяту и лаванду, то их словно ветром сдует. Что же касается тритонов... — губы Дианы задрожали от смеха, — ...если слегка перефразировать известное выражение, отсутствие тритонов — это уже хорошая новость.

Генри улыбался, идя на конюшню. Войдя в контору, он увидел там Кингсли. Высокий худощавый управляющий производил, как обычно, внушительное впечатление. В нем осталось достаточно силы и твердости в руках, чтобы обуздывать самых норовистых лошадей.

Знакомый с немногословной и резкой манерой управляющего, Генри пожал ему руку в ответ на его кивок. Кингсли молча взял со стола письмо и подал его хозяину. Генри сломал печать и начал читать. С каждой прочитанной строкой выражение его лица становилось все мрачнее. Как мог его тесть осмелиться на такой необдуманный и бесцеремонный поступок — как отправить Пенелопу в Рейвенсфилд?

Мерриуэзер был в отчаянии — это ясно, как день. Только отчаявшиеся люди способны на такие бездумные, отчаянные поступки. Впрочем, Генри очень хорошо понимал Мерриуэзера, он сам недавно был точно в таком же положении. Если бы Диана не согласилась выйти за него замуж, он, пожалуй, решил бы на ее похищение. В глубине души Генри признал правоту Мерриуэзера во время их беседы на конной ярмарке в «Таттерсоллзе». Да, Диане и ее отцу следовало поговорить друг с другом, но только тогда, когда Диана будет готова. Генри не собирался торопить события.

— Думаю, пока лучше поддержать кобылу у нас на конюшне, — произнес Кингсли. — Конюх,

доставивший ее сюда, сказал, что она жеребая. Отправлять эту красавицу в долгий обратный путь до Суффолка было бы бессмысленной жестокостью.

— Вы поступили правильно, — одобрил его Генри.

— Значит, вы намерены ее оставить? — Кингсли повеселел. — Мастер Генри, у меня нет привычки вмешиваться в чужие дела, но выпускать из рук такое сокровище страшно глупо. Эта кобыла подарит нам чемпиона, вот увидите.

— Я как погляжу, все хотят убедить меня в том, что ее следует оставить. — Генри помрачнел. — М-да, хотя я не любитель книг, но если я не ошибаюсь, принимать в подарок лошадей — дурная примета. Хорошо, Пенелопа останется у нас до тех пор, пока не ожеребится. Но мне чертовски не нравится такое положение. Мой поступок могут неправильно истолковать.

— Кобылу прислал отец вашей жены, наверное, это его свадебный подарок, — резонно заметил Кинсли.

— Я знаю, Кингсли, что ему надо, вот почему не могу принять ее. Я куплю кобылу у него, а если он не захочет взять деньги, то пусть забирает ее обратно. А пока Кингсли лучше помалкивайте о том, откуда она появилась, да и другим конюхам скажите, чтобы они тоже держали язык за зубами. Ну а пока будем ее называть Пенни. Отношения между моей женой и ее отцом не самые лучшие, поэтому не стоит напоминать о нем, это лишь огорчит ее.

— Хорошо, мастер Генри.

— Ради всего святого, зови меня Генри или просто Уэстон. Когда вы называете меня мастер Генри, мне кажется, что я маленький мальчик, которого вы учите ездить верхом на пони.

Кингсли ухмыльнулся:

— Вы раздавите бедного пони. Не хотите ли пройтись на конюшню и посмотреть, как идут дела. Кое-кто работает, пока некоторые добровольно надевают на себя брачные оковы.

Генри положил письмо в один из ящиков секретера и, закрывая его, тяжело вздохнул: как жаль, что нельзя так же просто, как от письма, отделаться от своего тестя. Сопровождаемый Кингсли он прошел по своим владениям. От вида рабочей атмосферы, от того, что каждый конюх не слоняется бесцельно, а чем-то занят, у него повеселело на сердце. В денниках было чисто, а на дворе посреди широкого, отгороженного загона бегал молодняк, и щипали травку недавно ожеребившиеся кобылы. В одном из денников он увидел Пенни, выделявшуюся своим золотисто-коричневым цветом.

На скаковом круге конюхи тренировали рысь и ход у двух жеребцов. Генри и Кингсли подошли поближе, чтобы посмотреть на тренировочный процесс. Один из жеребцов шел отличной рысью, что позволяло надеяться на его участие в ближайших скачках.

Генри с Кингсли обсудили эту возможность на обратном пути в контору.

— Знаешь, Кингсли, мне бы не хотелось, чтобы этот красавец проиграл свои первые скачки. Это очень гордый конь, боюсь, как бы поражение не поселило в нем неуверенности в своих силах. Думаю, для начала попробовать его на каких-нибудь второстепенных скачках, где он обязательно должен победить. А уж потом... — Генри запнулся.

— Что потом?

— Потом, — рассеянно повторил Генри и глупо улыбнулся, увидев Диану, идущую к ним навстречу. Повернув в ее сторону, он широкими шагами устремился ей навстречу, чем вызвал недовольное бурчание Кингсли, оставшегося у него за спиной.

— Генри, как здесь все чудесно! — воскликнула Диана. — Моя Тюлип тоже здесь? Да?! — Она бросилась к нему на шею и обняла его. — Большое спасибо.

Тут к ним приблизился Кингсли, и она отпрянула было назад, но Генри удержал ее за руку.

— Кингсли, позвольте познакомить вас с моей женой, Дианой. Кингсли — мой управляющий, он учил меня ездить верхом, и он также помнит наизусть всех победителей Дерби и скачек в Эпсоме.

— Мне очень приятно познакомиться с вами, мистер Кингсли. Знаете, в детстве я очень любила сказки, где речь шла о лошадях. А если я никак не хотела уснуть, мой отец начинал рассказывать родословные самых породистых лошадей.

Лицо Дианы вдруг болезненно исказилось, очевидно, при воспоминании об отце. Генри нахмурился, послав про себя Томаса Мерриуэзера ко всем чертям вместе с его подарком. Он не позволит, чтобы Диана так переживала из-за него.

— Знаешь, любовь моя, — сказал Генри, — я придумал способ лечения твоей бессонницы. Это приятно и утомительно, более лучший способ трудно найти.

Кингсли закашлялся, чтобы сдержать смех, а щеки Дианы покраснели от смущения.

— Что за великолепное создание! — Диана указала рукой на Пенни, которую вывели на прогулку. — Какая строгость и чистота линий. Ты ее купил недавно?

— Да-а. — Генри слегка растерялся. — Ты права, это мое недавнее приобретение. Ее зовут Пенни.

Кашлянув, но уже не от смеха, Кингсли произнес:

— Прошу меня извинить, но мне надо идти. Много работы. Очень рад нашему знакомству, миссис Уэстон. — Он улыбнулся. — Не могу себе представить лучшей жены для мастера Генри... — при этих словах Генри шумно вздохнул, представив распростертого на земле пони под тяжестью возмужавшего мальчугана, — ...чем вы, кто знает родословные породистых скакунов, обладает острым взглядом и разбирается в лошадях. Будь я на двадцать лет моложе, я бы вас похитил, чтобы жениться на вас. — Кингсли поклонился и поцеловал у Дианы руку.

Генри опешил от такой галантности. Он никак не ожидал такого от своего старого наставника и приятеля, который если и выказывал интерес к женскому полу, то исключительно к представительницам лошадиного рода.

— Перестаньте флиртовать с моей женой, Кингсли, или я умру от ревности. — Генри шутил, но к своему удивлению, обнаружил долю правды в своей шутке. Он действительно слегка приревновал Диану.

— Какой приятный человек, — заметила Диана, глядя в спину удалявшегося управляющего. —

Он напомнил мне конюхов из моего дома. В детстве я при первом же удобном случае бежала на конюшню и играла там. На конюшне я чувствовала себя как дома. Когда я тайком брала книги из дедушкиной библиотеки, то пряталась на сеновале, чтобы прочитать их. Конюхи никогда не выдавали меня, не корили за плохие манеры, более того, они всегда находили для меня доброе приветливое слово.

— Услышать доброе, приветливое слово от Кингсли я тебе скажу, это нечто удивительное, тем более обращенное к женщине — это вообще вещь неслыханная. Но меня больше удивляет быстрота, с которой ты сумела покорить этого старого ворчуна и грубияна.

— О, как ты несправедлив к мистеру Кингсли. Неужели ты в самом деле ревнуешь меня к нему?

— Конечно, нет, — рассердился Генри.

— Генри, ну, разве можно меня ревновать к такому пожилому человеку. Ведь это смешно. — Диана рассмеялась.

Генри насупился.

— Не стоит делать из мухи слона. — Диана вдруг стала серьезной и озабоченной. — Обещай мне, что ты никогда не будешь меня ревновать. А взамен я твердо обещаю никогда не давать серьезного повода для ревности.

— Ди, — Генри с любовью посмотрел на тонкие красивые черты ее лица, в которых не было никакого лукавства, — я верю тебе. Кроме того, мне трудно представить, чтобы ты по своей воле забралась в постель к чужому мужчине. Но чтобы этого не случилось, — Генри улыбнулся, — я постараюсь никогда не отпускать тебя и тем самым лишить тебя подобной возможности.

Он надеялся рассмешить ее, но его шутка оказала на Диану неожиданное действие. Она нахмурилась и закусилла нижнюю губу. У нее был такой незащитный вид, что Генри обозвал себя в душе болваном.

— Обещаю никогда не ревновать тебя, любовь моя. Что тебя еще тревожит?

— Вот та кобыла, по имени Пенни.

Генри весь напрягся:

— А что тебя беспокоит в ней?

— Она, должно быть, стоит очень много денег, — задумчиво проговорила Диана.

— Ну и что из этого? После того, как мой отец приобрел этот конезавод и отдал его мне, я имею полное право тратить деньги, в том числе и деньги инвесторов, по своему усмотрению.

Но его слова, по-видимому, не убедили Диану. Она с сомнением покачала головой.

— Ну, хорошо, — вздохнул Генри. — Ты перестанешь волноваться, если я признаюсь, что эта лошадь досталась мне почти даром.

— Как так?

— Смотри на нее, как на подарок к нашей свадьбе.

Глава 20

«Я не особенный любитель писать письма, но твоя матушка заявила, что не может спать спокойно, пока я кое-что не растолкую тебе. Она полагает, что я должен поделиться с тобой кое-какими секретами семейной жизни и семейной мудрости. Я не умнее и не глупее других людей, но если ей так хочется, то придется мне рассказать об этом, а тебе выслушать меня. Вот мой самый главный совет. Относитесь друг к другу как можно внимательнее. Каждый день находи время выслушать ее, поговорить и пошутить. Поверь мне, ссор невозможно избежать, однако не ссорьтесь по пустякам, а только из-за того, что действительно является важным. Прав ты или не прав, всегда попроси прощения, а еще лучше, прежде чем говорить что-либо в сердцах, пойди прогуляйся, чтобы потом не сожалеть о сказанном. В постель не стоит ложиться разозленным, но если так получилось, то лучше спать вместе в одной постели».

Из письма виконта Уэстона своему сыну Генри Уэстону.

Семейная жизнь пришлась Генри по душе. Он и Диана быстро нашли общий язык и устроили свою совместную жизнь так, что она подходила им обоим как нельзя лучше. Генри просыпался рано, когда горничная приносила к ним в спальню таз с горячей водой. Но пока он пытался разбудить Диану, шепча ей ласковые слова, вода становилась теплой. Он быстро понял, что Диана не относится к жаворонкам. Однако он считал, лучше иметь жену-соню, чем сварливую мегеру, и был совершенно прав. Когда она просыпалась, на ее полусонном лице появлялась глупая улыбка, которая вызывала у него ответную улыбку, не менее, если не более глупую.

Потом они с Дианой завтракали. После завтрака Генри шел на конезавод, где и проводил время в делах и заботах до полудня. Он отвечал на письма, подводил счета, короче говоря, занимался делами. Нельзя сказать, что эта бумажная работа доставлял ему удовольствие, во всяком случае, это удовольствие не шло ни в какое сравнение с тем наслаждением, которое приносила ему непосредственная работа с лошадьми, деловые разговоры с Кингсли и обсуждение с ним планов на будущее.

Более того, эта ежедневная работа хоть и требовавшая от него усилий, но приносившая столько удовольствия, ясно говорила, что он не ошибся в своем выборе. Раньше он просто прожигал жизнь, пытаясь получить от нее как можно больше наслаждений. Теперь же его жизнь стала осмысленной, в ней появилась цель. Более того, ему приходилось думать и заботиться не только о себе, но и о других людях: конюхах, о прислуге и самое главное о Диане. Необходимо было сделать конезавод успешным предприятием ради блага людей, кто связал свою жизнь с его жизнью, и Генри стремился быть успешным.

Ноша взятой им ответственности не столько тяготила его, сколько радовала. Он шел по правильному пути, который вел к процветанию предприятия, от которого зависело благополучие его семьи. Генри всегда считал, что ему везет, но никогда прежде он так не радовался жизни, как сейчас.

Кто-нибудь другой на его месте переживал бы, не слишком ли благоволит ему переменчивая фортуна, не подстерегают ли его какие-нибудь тяжелые жизненные превратности. Но Генри не забивал себе голову подобными мрачными мыслями. Если не считать мелких неприятностей, а у кого их не бывает, его жизнь катилась, словно по наезженной колее. Вот почему первая семейная ссора стала для Генри потрясением, настоящим шоком.

Не прошло и месяца после их свадьбы, как однажды во время обеда он объявил жене, что ему

надо съездить в Лондон по делам.

— Сегодня мне по почте пришло письмо от одного из моих инвесторов. Он настаивает на встрече. Встречу можно было бы отложить, но так совпало, что мне надо посетить ярмарку в «Таттерсоллзе». Так что я сразу убью двух зайцев. Кроме того, у меня еще кое-какие дела в Ньюмаркете, приближаются скачки, так что их больше нельзя откладывать. Поездка займет неделю, максимум десять дней.

— А когда распродажа в «Таттерсоллзе»? — Диана машинально разрезала фрикасе из цыпленка на мелкие кусочки, затем покатила горошек по тарелке.

Блюдо перед Дианой было почти полным. В отличие от нее Генри мгновенно уничтожил свою гору еды. Шутить на тему ее плохого аппетита Генри не стал, уж больно щекотливой была причина. Как призналась Диана, ей в последние дни нездоровилось из-за месячных. «Черт бы побрал эти месячные», — выругался Генри, у которого была своя причина недолюбливать их. Он хотел послать за врачом, но жена оскорбилась до глубины души и пригрозила ему карой свыше. Потом, когда Диана немного отошла, она заявила буквально следующее: то, что предназначено для ее мужа, не должен видеть ни один другой мужчина, даже врач.

Что уж тут говорить, в душе Генри был с ней согласен, поэтому о враче он больше не заикался. Но в одном он проявил твердость. Несмотря на ее недомогание, Диана, по его настоянию, по-прежнему должна была спать с ним в одной постели. Генри чертыхался, проклиная месячные. День проходил за днем, а заниматься любовью было никак нельзя. Это выводило из себя Генри, он уже считал по пальцам дни недомогания Дианы, которое явно затянулось, с нетерпением ожидая его окончания. К чести Генри стоило бы отметить, что больше всего его волновали не месячные, а состояние Дианы, ее слабость и беспомощность.

Как-то раз он предложил Диане накапать немного настойки опия в ее любимый мятный чай, но она отказалась, так как считала, что это средство вызовет у нее раздражение и беспокойство. В конце концов, когда жалость к Диане становилась невыносимой, Генри уходил из дома к себе в контору, чтобы немного успокоиться.

— Генри?

Он оторвал озабоченный взгляд от ее полной тарелки.

— Тебе опять нездоровится? — Он кивком указал на ее блюдо.

— Нет, нет, я же тебе раньше сказала, что чувствую себя хорошо. Просто берегу место для чудесного миндального пирога, испеченного миссис Полгрей. — Она как будто насмеялась над Генри. — Тебе придется бить меня по рукам, чтобы я не объедалась.

— В отличие от тебя я жажду не миндального пирога. Я хотел бы получить на десерт после шести дней воздержания нечто совсем другое.

Краска залила лицо Дианы, и в этом было столько очарования, что Генри готов был на все, лишь бы она каждый раз при его неуклюжих намеках так же очаровательно краснела от смущения. Черт возьми, может быть, Диана в самом деле уже здорова, ведь она сама только что отвергла его намек о ее нездоровье. Но тогда почему бы им не заняться любовью прямо сейчас?!

— А когда торги на ярмарке в «Таттерсоллзе»? — Она явно и довольно неуклюже пыталась

изменить тему беседы.

— В понедельник, — рассеянно ответил Генри, думая о том, что если скинуть или сдвинуть часть посуды на край стола, то места вполне хватит...

— В этот понедельник? — переспросила Диана и вилка со звоном ударилась о край ее тарелки. — Но ведь сегодня суббота и уже вечер! Мне придется всю ночь собираться, укладывать вещи, если, конечно, ты не собираешься уезжать завтра утром. Как ты мог так поздно предупредить меня об отъезде?

— Этой ночью я не хотел дать тебе выспаться, но по другой причине, — ухмыльнулся Генри. — Что касается сборов, то тебе не надо думать об этом. Я поеду один.

— Один? — возмутилась Диана. — Ты хочешь бросить меня здесь одну? На целых десять дней?

— Не кипятись. Послушать тебя, получается, что я оставляю тебя навсегда в какой-то пустыне. А ведь тебя здесь окружают слуги. Кроме того, я поеду верхом, так что карета остается здесь, и ты сможешь съездить в гости к соседям. Поездка вместе с тобой лишь удлинит наше путешествие, а я не бесчувственный эгоист, готовый тащить с собой жену, чтобы та, еще не до конца выздоровев, тряслась вместе с ним по дорожным ухабам.

Генри не хотелось говорить, что дельце в Ньюмаркете было напрямую связано с ее отцом. Желание Томаса Мерриюзера примирения с дочерью грозило, с точки зрения Уэстона, большими осложнениями. Что еще могло стукнуть в голову этому человеку после того, как он прислал в подарок лошадь? Он запросто мог послать письмо Диане, а еще заявиться прямо сюда с визитом. С него станется!

Генри надо было вразумить своего тестя, чтобы у того не осталось ни тени сомнений насчет того, что сейчас в Рейвенсфилде его никто не ждет. Генри намеревался предложить ему справедливую цену за Пенелопу и ее жеребенка с тем, чтобы Мерриузер забыл о Диане. Разумеется, как только бы Диана захотела повидаться с отцом, Генри не стал бы этому препятствовать, а, напротив, поддержал бы ее желание. Ну а пока пусть Томас Мерриузер держится от Дианы подальше.

На лице Дианы заиграла улыбка одновременно просительная и соблазнительная:

— Мне уже намного лучше. Кроме того, разве ты забыл, как нам было хорошо вдвоем в карете по пути сюда.

Генри простонал:

— Ди, не искушай меня. Сейчас в Лондоне никого нет. Все разъехались, слуги распушены, и дом закрыт. Я не хочу никого беспокоить. Скорее всего я поселюсь в гостинице, если меня не приютит по старой памяти кто-нибудь из моих приятелей. А если ты отправишься со мной вместе, это будет отвлекать меня, и я мало что успею сделать.

— Гостиница меня не пугает. Кроме того, Ньюмаркет расположен недалеко от Кембриджа, так что я смогу навестить Алекса, а ты тем временем будешь заниматься своими делами.

Генри улыбнулся:

— Молодые люди в университете не сгорают от желания повидаться со своими сестрами. Впрочем, я могу заглянуть к этому озорнику, чтобы передать от тебя привет.

— А ведь рядом с Ньюмаркетом расположен Халсвелл-холл. Я бы навестила мать, мы с ней не виделись так долго.

Генри ощутил в сердце болезненный укол совести. Диана думала о своей матери, тогда как он, не менее ее любивший своих родителей, за этот месяц почти не вспомнил о них. Все это время он жил мыслями о Диане и о том, какие блюда миссис Полгрей подаст сегодня к столу. Все-таки он эгоист, больше думающий о себе, чем о других.

— В Рейвенсфилде всегда рады видеть твою мать, — не без сарказма произнес Генри, но тут же прикусил язык. — Через месяц-другой мы навестим ее, когда более или менее наладятся дела на конезаводе, а сейчас, Ди, не самое удобное время. Поверь, я постараюсь как можно быстрее все устроить и тут же вернуться.

— Послушай, может, нам стоит заехать в Халсвелл-холл, прежде чем ты будешь делать покупки в «Таттерсоллзе», — не унималась Диана. — Думаю, стоит спросить моего деда. Когда-то он тоже хотел заняться разведением лошадей, но с уходом моего отца все его планы рухнули. Однако у него на конюшне осталось несколько породистых арабских скакунов. Теперь же, когда ни меня, ни Алекса нет дома, лошади просто стоят и жиреют. Я бы попросила его отдать тебе этих лошадей, все равно они простаивают без толку, хотя бы в виде свадебного подарка.

Генри вытянул перед собой руку, останавливая поток поводов, которые ежеминутно изобретала Диана для того, чтобы поехать вместе с ним.

— Ди, поверь мне, я очень ценю твое намерение помочь. Твоя бережливость и расчетливость мне по душе, я только рад, что моя жена не мотовка. Но почему-то тебе все время кажется, будто у нас так мало средств, что мы едва сводим концы с концами, а это далеко не так, и ты сама прекрасно об этом знаешь. Да, мы не живем во дворце и не пишем в горшок из чистого золота... — Генри запнулся, заметив, как Диана недовольно поморщилась.

Черт, ему очень захотелось встать из-за стола и выйти на двор. Он целую неделю не спал с женой. Диана стала для него не просто близким человеком, она могла привести его как в хорошее, так и в дурное настроение. А сейчас она почти довела его до белого каления. Генри сделал пару глубоких вдохов, чтобы унять гнев.

— Поверь, я в состоянии обеспечить тебя. И могу приобретать лошадей для разведения. Я не нуждаюсь в милостыне от твоих близких.

— Это не милостыня, зачем... — начала Диана, но он перебил ее.

— Нет! — Генри стукнул кулаком по столу. Гнев с новой силой овладел им. Ему не требовались никакие подарки от ее родственников. Он резко встал и швырнул салфетку прямо в тарелку.

— Мне расхотелось есть, я лучше проедусь верхом. Лошадь точно никогда не станет сомневаться во мне.

Диана тоже встала с очевидным намерением продолжить их разговор:

— Я не лошадь, но также не сомневаюсь в твоих способностях добиться успеха или обеспечить меня, ничего другого я и не ожидала от тебя. А лишь хотела под благовидным предлогом поехать вместе с тобой. Что в том плохого?

Генри опомнился:

— Ди, я ведь уезжаю всего на неделю. Если бы поездка длилась намного дольше, я бы непременно взял тебя с собой. Но в этот раз будет лучше, если я съезжу один.

Диана нахмурилась:

— Ты что-то скрываешь от меня. Ты утаиваешь настоящую причину, из-за которой уезжаешь один.

Генри принужденно засмеялся:

— Что это взбрело тебе в голову? Я ничего от тебя не утаиваю, а лишь хочу побыстрее вернуться назад, и чтобы к моему приезду ты совсем выздоровела. Тогда мы сможем опять как следует повеселиться.

— А ты знаешь, что у тебя краснеют кончики ушей, когда ты лжешь?

— Что за нелепость, — взорвался он.

— Неужели? В таком случае признайся, почему ты не хочешь брать меня с собой. Ах... — Диана вдруг побледнела как полотно.

В одно мгновение Генри оказался возле нее.

— Ди, что с тобой? Тебе опять дурно?

Она задумчиво покачала головой:

— Кажется, я догадалась. У тебя есть любовница, и ты едешь в Лондон, чтобы повидаться с ней.

— Боже мой, какие только глупости не придут тебе в голову, — сердито произнес Генри.

— Ты не хочешь брать меня с собой. Этому должна быть какая-то причина, и ты ее скрываешь от меня.

Диана стояла перед ним, бледная, с потупленными глазами.

— Ну что ж, как я погляжу, ты не доверяешь мне, — холодно произнес он. — Но я тебя не обманываю. У меня есть кое-какие дела, о которых я предпочел бы умолчать. Больше сейчас я ничего не могу сказать. Но клянусь, кроме тебя, у меня больше нет никакой женщины и не будет. Скажи, как заставить тебя поверить в мою искренность.

— Прости меня, Генри, — прошептала она. — Прости, ты же знаешь, как я люблю тебя.

— Этого мало, — промолвил он.

— Но что тебе еще от меня надо? — сорванным от волнения голосом спросила она.

— Мне нужно твое доверие. Ты должна поверить, что твое счастье неотделимо от моего, я никогда не причиню тебе боль. Ты должна знать в глубине своей души, что те клятвы, которые я принес во время венчания, не пустые слова. Да, в прошлом у меня были связи с другими женщинами, но никакой любви или привязанности там не было и в помине. Я хочу прожить всю жизнь с тобой, Ди, но если ты не сможешь избавиться от теней своего прошлого, ты погубишь нашу жизнь. Ты должна доверять мне. Вопрос в том, сможешь ли ты этому

научиться?

— Я... — Диана замялась, — ...я не знаю. Пожалуйста, раз в этом нет ничего дурного, скажи мне, почему я не могу поехать с тобой, — взмолилась она.

— Черт побери! — выдержка изменила Генри. Гнев охватил его с такой силой, что необходимо было дать ему выход. Схватив со стола бокал с вином, он швырнул его о стену. При ударе осколки посыпались в разные стороны, вино разбрызгалось, оставляя на стене мелкие красные пятна и более длинный след, устремленный к полу.

Диана расплакалась и с неммым укором взглянула на него, Генри сразу остыл. Его гнев растворился, исчез.

— Боже, Ди, не смотри ты на меня такими глазами, — растерянно пробормотал он. — Это ведь всего лишь бокал. У нас их много.

Диана всхлипнула, побледнела еще сильнее и прижала руки к груди. По ее щекам текли слезы. Нельзя было смотреть на нее без жалости и сострадания. Генри стало совестно.

— Я... — Она вдруг покачнулась, бросила на двери странный, тоскливый взгляд, и Генри интуитивно понял, что она хочет бежать, чтобы скрыться, спрятаться. За ней опять гнались темные силы, тени из прошлого. Если бы это было только возможно, он без колебаний убил бы драконов, преследовавших по пятам Диану. Но, к сожалению, уничтожить эти силы зла, существовавшие лишь в ее воображении, было совсем не просто. Теперь ссора казалась Генри пустячной, бессмысленной, надуманной. Он был готов на все, только бы Диана больше не плакала, не страдала.

Чертыхнувшись, он быстро подошел к ней и, удержав на месте, не дал ей убежать.

— Прости меня, любимая, я не хотел напугать тебя. Тебе нечего бояться. Успокойся.

Генри с радостью воспользовался бы своим собственным советом, он был хорош, но трудновыполним. Совесть грызла его: он жалел ее и в то же самое время являлся виновником ее слез, страданий, и не кто иной, как он, пробудил в ней странное, болезненное желание убежать от него.

Диана прильнула к нему, словно напуганный до смерти ребенок, и чуть слышно прошептала:

— Говори дальше... прошу тебя.

У Генри перехватило горло, на глаза навернулись слезы, но усилием воли он сдержал их. В первый миг он не знал, сможет ли он говорить. Прижавшись губами к ее волосам цвета померанцевого дерева, он вдыхал их аромат и запах ее кожи. Ему всегда нравилось их сочетание, но сегодня запах, исходивший от нее, был чуть-чуть иным, и не в лучшую сторону. Если раньше Диану окутывал нежный, слегка дурмящий аромат любви и желания, то теперь от нее исходил страх. Генри опять стало стыдно и больно, он, который должен был все время помнить о клятве, данной при венчании, заботиться и беречь свою жену, обидел и напугал ее. Что ж тут удивительного, если теперь она не доверяет ему?!

Генри с трудом проглотил застрявший в горле комок.

— Ди, знаешь, я не хотел обидеть тебя.

Подхватив ее на руки, он сел вместе с ней, баюкая и прижимая к себе, словно ребенка, одновременно нашептывая разные ласковые и добрые слова.

— Любимая, ну, открой глаза. Я хочу рассказать тебе о том, как мой отец в первый раз взял меня на скачки.

Но его предложение несколько не заинтересовало Диану, она так и не открыла глаз. Тогда он начал давать ей другие, самые разные обещания — подарить дюжины пар лиловых перчаток, отправиться погостить к ее матери, наконец, достать звезды и луну, одним словом, сделать все, что только она пожелает. В отчаянии он уже не знал, как быть дальше, как вдруг Диана подняла голову и ласково погладила его по щеке. Похоже, она начала приходить в себя.

Наконец, она совсем очнулась, и на ее бледных губах появилась жалкая улыбка.

— Со мной все хорошо. Мы спорили, как вдруг... я кое-что вспомнила... это были очень тяжелые воспоминания.

— Виной всему был бокал вина, правда? Ты расстроилась из-за моего несдержанного поступка? Ди, — в голосе Генри зазвучала неподдельная тревога, — если бы только я знал... я бы никогда... Скажи, ты не держишь зла меня? Ди, поверь, я не хотел тебя напугать.

Голос Дианы звучал возбужденно и прерывисто:

— Иногда со мной происходит что-то непонятное, странное. Какое-то наваждение. Предугадать его наступление невозможно. Нет, нет, ты ни в чем не виноват.

Он нежно прижал ее к себе:

— Я не могу смотреть, как ты страдаешь. Это невыносимо.

— Мне тоже это не доставляет никакого удовольствия, — попыталась пошутить Диана. — Зато как приятно быть с тобой... сидеть вот так... — Она ласково прижалась к нему.

— Я не поеду ни в какой Лондон, — решительно произнес Генри. — В конце концов, это же не последние торги в «Таттерсоллзе», будут и другие. Остальные дела тоже могут подождать.

Диана подняла на него свои чудесные лучистые глаза.

— Нет, нет, если надо, ты должен ехать, а я... ну что ж, немного поскучаю без тебя, так что поезжай. — Она вздохнула. — Я кажусь себе смешной и нелепой, но что-то внутри меня почему-то боится отпускать тебя одного в Лондон. Нет, нет, я больше не подозреваю тебя в том, что ты будешь искать развлечений, скорее, наоборот, я опасаясь, что женщины сами начнут вешаться тебе на шею. О, я знаю, многие полагают, что ты совершил глупость, женившись на мне, и попытаются доказать тебе на деле справедливость своего мнения.

Она положила голову ему на плечо и печально вздохнула, у нее на глазах выступили слезы, и Диана всхлипнула. Ласково прижавшись к ее макушке щекой и слегка покачиваясь вместе с ней, Генри дал ей выплакаться. Когда Диана кончила плакать, она смущенно отвернулась в сторону.

— Не смотри на меня. Сейчас, наверное, я выгляжу ужасно. Заплаканная, с красными от слез глазами.

— Ты прекрасна. Ну, глазки немножко заплаканные, но ты все равно прекрасна.

Диана шмыгнула носом:

— Генри, не надо так шутить надо мной.

— Я нисколько не шучу. Я не очень умен и никогда не был среди первых студентов в отличие от Джеймса. До того как заняться разведением лошадей, я ничем не занимался серьезно. Я занимался только тем, что давалось легко. Если же у меня что-то не выходило или не получалось, то я это бросал и увлекался чем-нибудь другим или просто бездельничал. Легче было казаться в чужих глазах недалеким эгоистом, чем признаться, в том числе и самому себе, что я, в сущности, заурядная посредственность. Скажи, ты можешь представить, чтобы мой отец в чем-нибудь потерпел бы неудачу?

— Даже не знаю, всякое бывает...

— Но не с моим отцом. Он никогда ни чем не терпел неудачи. Мои отец и мать — поразительные люди. От одной мысли, что я могу огорчить их, не оправдав возложенных на меня надежд, я прихожу в ужас. Но от мысли, что я могу огорчить тебя... — Генри покачал головой. — Знаешь, что творится у меня в душе всякий раз, когда ты говоришь, что не стоишь меня? — Он опять немного помолчал. — Скорее, это я тебя не достоин. Столько лет я смотрел на тебя и не замечал. Я был слеп.

Его голос дрогнул, и он умолк.

Диана нежно провела пальцем по его губам:

— Не надо так огорчаться. Ведь сейчас мы вместе.

Генри взял ее за руку и отвел в сторону, затем подложил свою руку ей под голову и начал укачивать, одновременно целуя то в щеку, то в макушку, то в губы, пытаясь успокоить ее и уверить в своей любви и верности.

— Нет, я не очень умен, — прошептал он опять, — но у меня все-таки хватило ума влюбиться в тебя и хитрости, чтобы заставить тебя выйти за меня. Кроме того, я не так глуп, чтобы позволить тебе уйти.

Генри проводил Диану наверх, поручив Элли заботу о ней. Затем вернулся в библиотеку, чтобы взять для жены какой-нибудь роман, а для себя он приготовил книгу под названием «Болезни лошадей». Если столь увлекательное чтение не заставит его заснуть очень быстро, то по крайней мере умерит желание приставать к жене. Чтение о том, как следует лечить лошадей от чесотки, охладит его пыл.

По пути он заглянул в столовую, чтобы проверить, навели ли там должный порядок. Все было вымыто, осколки убраны. Он уже собирался выходить, как вдруг вошла миссис Тиммс:

— Прошу прощения, сэр, я полагала, что вы и миссис Уэстон уже легли. Я могу чем-нибудь услужить вам?

— Откровенно говоря, да. Дело в том, что моя жена опять чувствует себя неважно. Если вас не затруднит, принесите горячей воды, а также настойку опия. Я сам приготовлю для нее ее

любимый чай. Она немного раздражена, а ее любимый чай поможет ей уснуть.

Экономка недовольно скривила рот.

— Что случилось, миссис Тиммс?

Генри не думал, что экономка заговорит с ним, время-то было позднее, но после минутного колебания она подошла к нему поближе и тихо сказала:

— Сэр, вы простите меня за излишнюю откровенность?

Генри удивился, но молча кивнул в знак согласия.

— Сэр, должна вам признаться, что я не люблю никого осуждать. Нет ничего предосудительного в том, чтобы подольше насладиться радостями брака до появления детей, но есть другие способы, помимо болотной мяты, которые гораздо мягче действуют на организм. Если вас так это волнует, то в таком случае вам следует знать: не стоит пить такой напиток каждый день. Это нехороший чай, после него всегда остается вкус горечи во рту.

Каким-то чудом Генри удалось сохранить невозмутимость. Откровенность миссис Тиммс повергла его в шок. Да, он знал некоторые способы, благодаря которым женщины избегали зачатия. Более того, он сам был немного осведомлен о тех травах, которые помогали женщинам избавиться от нежеланного ребенка. Однако он никак не ожидал, чтобы его Диана, такая юная и простодушная, не только знала об этом, но и сама тайком пользовалась подобными средствами.

Ее страх перед его изменой, несомненно, произрастал из чувства вины и больной совести. Как часто в последнее время она сидела рядом с ним, попивая свой «успокаивающий чай» маленькими глотками и лгала ему. Будь все проклято, он так доверял ей, он открыл ей свою душу, ничего не утаивая. Только теперь Генри понял всю опасную глубину слов Джеймса, когда тот признался ему, что верит Изабелле всем сердцем.

Генри тоже верил Диане всем сердцем, он делился с ней всеми своими радостями и тревогами, думая, что она любит его таким, какой он есть. Взамен он хотел так же полной взаимной искренности и доверия. Генри вспомнил то, что недавно говорил Диане. Ему нужна не только ее любовь, но и полное доверие.

А получалось, что она боялась доверить ему свои страхи. Для того чтобы понять ее побудительные причины, ему не требовалось умение делать логические выводы, чему учил их профессор в Оксфорде. Все было ясно и понятно. Если она не верила в его верность, значит, она не верила, что их брак продлится долго. Если у них родится ребенок, то придется решать, кому из родителей его отдать, возможно, она так же думала, что он может бросить ее и ребенка.

— Мистер Уэстон?

Голос миссис Тиммс оторвал его от тяжелых раздумий.

— Благодарю вас, миссис Тиммс, за информацию. Я даже не догадывался, что причиной недомогания моей жены является именно ее любимый чай. Я сам поговорю с ней, а вас попрошу никому не рассказывать о нашем разговоре. Хорошо?

— Разумеется, сэр. Позвольте мне вместо этого заварить для миссис Уэстон чай с ромашкой?

— С ромашкой? Да, это было бы чудесно. Сообщите мне, как его приготовите. Я отнесу его жене.

— Я могу послать наверх одну из горничных, сэр. Вам незачем ждать.

— О, для меня это нисколько не тяжело, — возразил Генри. Ему хотелось некоторое время побыть наедине со своими тревожными мыслями, прежде чем подняться к Диане. Понемногу он остыл, на смену возмущению пришли жалость и понимание. Он больше не собирался ни обвинять ее, ни упрекать, теперь он думал, как ему успокоить Диану.

В спальне царил темнота, лишь одинокая свеча горела на столе. Диана уже спала в его постели. Поставив чай и книги на стол, он задумчиво посмотрел на дверь в спальню Дианы и покачал головой. Ему припомнился совет отца: нельзя ложиться спать с женой сердитым, но если злость не проходит, лучше спать вместе, чем в разных кроватях.

Быстро раздевшись и задув свечу, он забрался под одеяло. Отвернувшись от нее в другую сторону, он нахмурился, приняв твердое решение — завтра на рассвете уехать в Лондон. Сон не приходил, Генри лежал, уставившись в темноту и с горечью думая, как еще далеко до рассвета.

Глава 21

«Как тебе известно, Джеймс безбожно балует Брайду. Вчера за завтраком я спросила его, как он думает, на кого я была бы похожа, если бы мой отец удовлетворял мой любой детский каприз, любое мое желание. Джеймс весь побледнел, но должна сказать, его решение было однозначным. «Мы ведь не будем все время воевать с Францией. Так вот, когда Брайде исполнится шестнадцать, мы отдадим ее во французский самый строгий женский монастырь, окруженный рвом с водой, в которой плавают хищные рыбы». Разумеется, я согласилась с ним, сказав, что план очень удачный, просто блестящий, и убедила изложить его на бумаге. Когда-нибудь я покажу его дочери, и тогда мы все посмеемся, если только Брида не бросит отца на корм акулам».

Из письма графини Данстон к сестре маркизе Шелдон.

Если бы только она знала, какая опасность подстерегает ее по другую сторону ворот, увиденных во сне. Диана никогда не решилась бы пройти сквозь них. Чудовища из далекого прошлого накинулись на нее и опять потащили в Суоллоусдейл, на то место, где она когда-то так хорошо спряталась. Диана закрыла уши ладонями, но крики ссорящихся родителей все равно отчетливо долетали до ушей. Более того, к родительской перепалке присоединились два других сердитых голоса — голос Генри и ее собственный.

«Прекратите, — взмолилась она, но ее никто не слышал. Хуже того, она не слышала себя. Так тих был ее голос. — Довольно! Остановитесь!»

Что-то разбилось со страшным грохотом и яркой вспышкой, и комната погрузилась в полную тишину. Диана вздохнула, но это был скорее жалобный стон, чем вздох. Ее окликнул Генри. Она хотела идти к нему, но сперва намеревалась узнать, чем кончится ссора родителей. Обхватив руками согнутые колени и положив на них голову, Диана прислушалась, готовая услышать знакомые слова. Ночной кошмар преследовал ее так часто, что со временем боль от него немного притупилась.

И вот эти слова раздались. Диана вздрогнула, отец отказывался от нее почти без колебаний, и

тогда она выскакивала из своего укрытия с рвущимся из груди криком: «Нет!»

Оно слетало с ее губ и с гулким эхом прокатывалось по комнате, которая вдруг оказывалась битком набита людьми с несчастными, исковерканными судьбами и несбывшимися мечтами. Еще одна мольба о любви, также оставшаяся без ответа.

Позади нее кто-то ходил по хрустящим осколкам. Генри снова окликнул ее, но она смотрела не отрывая глаз на своего отца.

«Пожалуйста, Ди, — умолял Генри. — Я здесь, рядом с тобой. Перестань».

Она замотала головой. «Я ненавижу тебя!» — крикнула она отцу.

«Диана!» — Генри пытался привлечь ее внимание.

Она отступила к нему спиной назад, по-прежнему не в силах оторвать взгляда от отца.

«Ты не можешь выбирать между нами, — сказал отец. — Сейчас тебе приходится выбирать между прошлым и будущим, вернуться назад или идти вперед. Ты выберешь меня, ты сама знаешь об этом, ты всегда возвращалась ко мне...»

«Оставь меня, я не хочу быть с тобой. Я хочу быть вместе с Генри».

Диана обернулась, но Генри уже не было сзади.

«Ты надеялась уйти с ним? — усмехнулся отец. — Слишком поздно. Разве ты до сих пор не поняла, что этот путь ведет в никуда».

Закрыв руками уши, она бросилась прочь из дома, в лес. Все дальше и дальше, пока не укрылась в безопасном месте, на этот раз она спряталась очень хорошо, никто не найдет ее здесь.

Понемногу она стала замерзать, надвигалась ночь, становилось все холоднее. Она уже вся дрожала от холода. Ах, если бы только Генри был рядом с ней. От него всегда исходило столько тепла, как от печки, но Генри оставил ее. Почему она не пошла вместе с ним, когда он звал ее? Теперь она снова осталась одна, и опять прячется.

Ей показалось, будто Генри зовет ее по имени. Плод воображения поврежденного ума или... Диана опять услышала его голос. Она с трудом разогнула затекшие ноги и стала озираться вокруг себя. Но как ни старалась, никак не могла понять, откуда доносился его голос. Она так же не знала обратной дороги, она опять заблудилась. Как же ей хотелось, чтобы Генри нашел ее, он просто обязан найти ее. В отчаянии Диана позвала его по имени.

— Диана, проснись!

Она проснулась от того, что кто-то тряс ее за плечо, и увидела над собой встревоженное лицо Генри. Диана всхлипнула и радостно обхватила его шею руками.

— Боже, это был всего лишь сон, — прошептала она. — Просто сон. Только не оставляй меня. Прощу тебя, не оставляй меня.

Она буквально вцепилась в него, прилипла так, что никакие силы не могли оторвать ее от него. Она хотела слиться с ним воедино, стать его частью, проникнуться его теплом, его силой. Она

должна была удержать его возле себя, ей хотелось убедиться, что не потеряла его. А он должен был удержать ее и тем самым убедить, что она ему нужна.

Прижимаясь и извиваясь возле него, Диана своими движениями привела Генри в возбуждение. И тогда ею тоже овладело желание. Она нуждалась в плотском слиянии, простом и примитивном, без слов говорящем об обладании и принадлежности друг к другу. Она просунула руку и погладила его напряженную плоть. Он вздрогнул от ее прикосновения и отстранился.

— Нет, нет, — торопливо зашептала она. — Мне нужен ты. Прошу тебя...

Генри молча лег на нее, его лицо было суровым и даже слегка жестоким.

— Что-то случилось?

— Я не намерен сейчас разговаривать, Ди. Мы и так слишком много сегодня говорили.

Диана жадно обняла его руками, привлекая к себе. Когда ее бедра ощутили тяжесть его тела, она застонала от предвкушения.

Выругавшись под нос, Генри сразу взял ее, быстро, уверенно, жестко. Диана едва не задохнулась от наслаждения, он впервые брал ее так решительно, без всяких предварительных ласк, и в этом была своя особая прелесть.

Он действовал как властный, необузданный в своем желании мужчина. Он хотел обладать ею, а она не только покорно, но с радостью подчинялась его требованию. Да, да, он не просил, он требовал, и по всему было видно, что он не потерпит никакого отказа. Он превратился в дикаря. И похотливая самка внутри ее тела вся задрожала и затряслась от наслаждения. Как только все было закончено, Диана мгновенно уснула, утомленная, довольная собой и полностью успокоенная.

Здесь и сейчас она принадлежала ему, а он принадлежал ей. Да, они поссорились, но он не оставил ее. Диана подчинилась его своему желанию. В тот момент, когда ей казалось, что все кончено, он доказал, как сильно ее любит. Он не собирался ее бросать, напротив, он хотел удержать ее рядом.

Проснувшись утром, Диана протянула руку, надеясь натолкнуться на Генри, но его рядом не было. Доносившийся шум из его уборной вселил в нее надежду. Она вскочила и бросилась туда, надеясь схватить его и увлечь обратно в постель. К своему удивлению, она нашла там одного Джаспера, который укладывал вещи хозяина в дорожную сумку.

— Генри уже завтракает внизу? — спросила его Диана.

Джаспер потупился.

— Мистер Уэстон уехал на рассвете в Лондон, миледи. Я следую за ним, надо только собрать его вещи. Он сказал, что чем раньше уедет, тем скорее вернется.

— Да, да, он говорил мне вчера об этом. Спросонок я забыла, — солгала Диана. И так, он уехал, даже не попрощавшись. Она попробовала утешить себя мыслью, что он не хотел будить ее, но сама не верила в это оправдание.

Когда она одевалась, Элли, заметив ее дурное настроение, попыталась развеселить ее, предложив попробовать разные виды причесок, но Диана оставалась мрачнее тучи. Она догадалась, что кто-то из слуг подслушал их слишком громкий разговор и, вероятно, новость об их ссоре уже разнеслась по всему дому. Окончательно расстроившись, Диана велела Элли повязать волосы самыми ужасными лентами.

Первый день без Генри начинался хуже некуда, но и последующие дни не сулили улучшения. Диана не знала, что ей делать. Налаженное домашнее хозяйство почти не отнимало у нее времени, так что она просто не знала, куда деваться от безделья.

В доме отца и деда ей нравилось бывать на конюшне, но здесь ее присутствие тоже было совершенно излишне. На третий день Диана поняла, что надо срочно чем-то заняться, поскольку и так уже достала бедного Кингсли просьбами рассказать ей разные истории из детства Генри.

Диана судорожно пыталась что-то придумать, нечто такое, что могло бы занять ее голову и руки, — лишь бы не думать больше о Генри. Она часто вспоминала их ссору, терзаясь в догадках, что заставило его так поступить.

Ночами становилось еще тяжелее. Первая ночь в спальне Генри прошла ужасно, Диана почти не сомкнула глаз, уснув лишь под утро. Следующие ночи она уже провела в своей спальне, там кровать была поменьше и поэтому казалась не столь одинокой, холодной и пустынной. Однако ей спалось по-прежнему плохо. С усмешкой она представила, что будет, если она ночью заявится в дом Кингсли с просьбой поговорить с ней о родословных лошадях, победивших на крупных скачках. Беднягу, вероятно, хватит апоплексического удара.

Внезапно Диану осенило: теперь она знала, чем заняться до приезда Генри. Она составит родословные всех лошадей в Рейвенсфилде и украсит их красивым орнаментом. Диана успокоилась и уснула.

На следующее утро она разыскала Кингсли.

— Только не надо делать вид, будто вы очень заняты, — с улыбкой обратилась она к управляющему. — Я не собираюсь приставать к вам с просьбами сообщить мне еще какую-нибудь забавную историю из детства моего мужа. Тем не менее мне никак не обойтись без вашей помощи.

Услышав об ее замысле, Кингсли пришел в воодушевление и вместе с Дианой тут же направился в контору. Войдя туда, Диана села за рабочий стол.

— Я согласна с вами, — сказала она. — Буду делать записи так, как вы посоветовали. Когда окончу работу, покажу то, что сделала. Вы наверняка, внесете кое-какие поправки и уточнения. Для начала мне потребуется бумага.

Диана выдвинула один из ящиков и начала рыться в нем. Но там кроме нескольких счетов, перочинного ножа и сложенного листка больше ничего не обнаружилось. Развернув листок, Диана с удивлением поняла, что это письмо. Почерк показался ей до боли знакомым. Невольно она взглянула на адрес отправителя и едва не остолбенела.

Нет, в это нельзя было поверить. Если бы Генри получил письмо от ее отца, он, наверное, сообщил бы об этом. Тем не менее факт оставался фактом. Перед ней лежало письмо от ее отца.

— Все в порядке, мэм? — спросил Кингсли.

— Нет, — прошептала она, быстро пробегая глазами содержание письма. «После нашей встречи... как следует обдумав мою просьбу к вам... в следующем году вы станете владельцем будущего чемпиона».

Самые противоречивые мысли закружились в голове Дианы, она пыталась дать какое-то оправдание этому письму и объяснить поведение Генри. Вне всякого сомнения, Генри познакомился с ее отцом. И судя по всему, вряд ли собирался показывать это письмо ей. Генри скрыл от нее правду об этой породистой кобыле по имени Пенелопа. Правда, он упомянул о ней, как о свадебном подарке, но ни словом не обмолвился о том, что дарителем являлся ее отец!

Ее отец, который отказался от нее, который не любил ее, и вместе с тем позаботился о том, чтобы найти, нет, точнее, купить ей мужа. С каким коварством он остановил свой выбор на Генри, пожалуй, единственном мужчине, способном разбить ее сердце?!

Теперь многое вставало на свои места.

Подобно многим мужчинам из их класса, Генри должен был позаботиться о продолжении рода. Для этой цели ему требовалась породистая кобыла, подходящая по всем статьям. Его жена должна была подарить ему не просто детей, а наследников.

А она-то ломала голову, по какой такой причине Генри после стольких лет легкомысленных и небрежных отношений вдруг стал проявлять такое к ней внимание. Боже! Неужели то, что произошло между ними — это все обман, притворство? Как давно он попал на удочку к ее отцу? Не пришла ли ему в голову эта глупая затея мнимого ухаживания, когда она объяснила ему, что терпеть не может таких нахальных типов, как он? Неужели Генри просчитывал каждое слово, каждый жест, чтобы завоевать ее доверие?

Диана не знала, верить этому или нет, но одно она знала точно: ждать неделю до возвращения мужа она не может. Если она поедет в Лондон и найдет его, сможет ли она заставить его сказать правду? Скорее всего нет. Диана понимала, как только Генри обнимет ее и начнет целовать, она сразу ослабнет духом, и тогда он убедит ее в чем угодно. Но если она не в силах заставить Генри признаться, то у нее остается только один выход. Узнать всю правду от отца! При мысли, что ей придется встретиться с отцом, у Дианы внутри все похолодело, но другого выбора у нее не было.

Она пристально посмотрела на Кингсли.

— Мне нужна карета. Велите заложить немедленно. — Голос Дианы дрожал из-за охватившей ее дикой ярости и жгучей обиды. Она открыла мужу свое сердце, впустила сквозь те укрепления и стены, которыми окружила свое сердце. Генри умело вел осаду, искусно подкрадывался все ближе и ближе. Улыбка, другая улыбка, поцелуй, другой поцелуй — и вот ее сердце не выдержало, смягчилось, и тогда он протянул руку и взял его.

А если он все это время притворялся? Что, если он не любит ее? Не стала ли она той ценой, которую Генри заплатил, чтобы получить желаемое? Прежде чем что-либо предпринимать, необходимо узнать истину. Если оправдаются ее самые худшие подозрения, ну, что ж, в таком случае она не станет первой в их роду женщиной с исковерканной судьбой. По крайней мере она хорошо знает, как расходиться.

В то время как одна часть Дианы не знала, куда деваться от боли, другая — почувствовала

облегчение. Насколько же это было ей знакомо. Впрочем, она предчувствовала это. Она никогда не сможет разлюбить Генри. Это казалось выше ее сил.

Зато она сможет отказаться от доверия и веры. Доверия к нему. От веры в их счастливый брак. Он просил ее забыть о его прошлом и верить ему. Но дело было скорее не в его прошлом, которое она могла простить ему, а в ее собственном.

Только строгое воспитание, данное ей герцогиней, помогло Диане не сорваться и не закатить истерику.

— Кингсли, мне надо съездить в Суффолк, — спокойным тоном произнесла она. — С собой я возьму мою горничную, ну а кучера выберете сами. Только скажите ему, что, возможно, мы вернемся через неделю, а заодно велите поторопиться. Я хочу попасть в Ромфорд на закате. Там хорошая гостиница, недурной стол и сносный ночлег.

Глубокая морщина перерезала лоб Кингсли.

— Думаю, вам было бы лучше дождаться мастера Генри, миледи.

Диана замотала головой:

— Как мне ни жаль, но я не могу ждать. «Мастер Генри» только обрадуется, если я немного развеюсь. Хотя шансов, что мое настроение улучшится к его приезду, довольно мало. И не пытайтесь остановить меня, Кингсли. Я с трудом сдерживаю себя. Если вы не хотите, чтобы я сейчас устроила тут истерику...

Они отправились в путь еще до обеда.

Ферма Суоллоусдейл несколько не изменилась за прошедшие годы. Какой она была в памяти Дианы, такой и осталась. Только подъехав поближе, Диана заметила мелкие признаки упадка. Сорняки задушили цветы возле дома, за которыми так тщательно ухаживала ее мать. Неужели никто не присматривал за домом? Неужели его хозяину все равно? Впрочем, какое ей дело до всего этого?! Диана твердо решила: после сегодняшней беседы с отцом выбросить его из головы и из своей жизни, лучше всего навсегда.

Из конюшни прибежал конюх и взял поводья у Кингсли. Управляющий пытался отговорить Диану от поездки, но она была непреклонна. Тогда Кингсли взялся сопровождать ее лично. Всю дорогу он что-то недовольно ворчал себе под нос. И сейчас, открыв двери кареты, чтобы помочь Диане и Элли выйти, Кингсли что-то сердито буркнул.

Главная дверь распахнулась, и на крыльце показалась невысокая, жилистая фигура. Мужчина был весь седой, но Диана сразу узнала Барнэби Рамсея, тренера и верного друга отца, ставшего другом их семьи.

Бэр обратился к Кингсли, который стоял перед Дианой, оберегая на всякий случай хозяйку.

— Прошу меня извинить, но мистера Мерриуэзера нет дома. Если ваша госпожа соблаговолит оставить визитную карточку или вернется завтра...

— Бэр, здравствуй. — Не выдержав, Диана вышла из-за спины Кингсли.

Глаза Рамсея стали почти круглыми от удивления:

— Мисс Диана? Неужели это вы?

Она кивнула, не в силах вымолвить ни слова.

— Святые угодники! — радостно воскликнул Рамсей и ласково обнял нежданную гостью. — Сейчас позову вашего отца. Том, — закричал он, быстро направляясь к дому. — Том, скорее иди сюда!

— Остановитесь, прошу вас! — воскликнула Диана, но было уже поздно, Бэр уже вбежал внутрь. При виде знакомого с детства порога ею овладели давние воспоминания и прежние страхи. Диана горько усмехнулась: неужели она никогда не перестанет быть ребенком?

Она приехала сюда, чтобы раз и навсегда покончить со своим прошлым. Письмо отца всколыхнуло в ее душе гнев и возмущение, но теперь это все куда-то подевалось. Как ни старалась Диана пробудить в себе былую обиду, она бесследно растаяла. Она даже растерялась, зачем в таком случае она сюда приехала?

Ей захотелось броситься к карете и велеть Кингсли ехать назад домой. Все это выглядело бы глупо и нелепо. Но тут раздалась шага двух человек. Одни более легкие, другие более тяжелые. Диана закрыла глаза, глубоко вздохнула, готовясь к неизбежной встрече.

— Диана? — В голосе отца явственно слышалось волнение и напряжение.

Он выглядел старше, чем она ожидала, и все из-за того образа, который сохранился в ее памяти, как бы застыл во времени. Отец похудел, на лице прибавились морщины, а его волосы посеребрила седина. Он протянул к ней руку, но Диана испуганно отступила назад, и протянутая рука бессильно упала вниз.

— Прощу меня простить, — начала она.

— Не надо просить прощения, — перебил ее отец. — Главное, ты здесь, и не будем больше говорить об этом.

— Я... — Диана запнулась.

— Все хорошо. — Отец тут же успокоил ее, подвигаясь к ней чуть ближе. За его спиной раздался сухой кашель. Жалкая улыбка скользнула по отцовским губам.

— Как видишь, я не один, кому не терпится увидеть тебя.

Обернувшись, он сказал:

— Ингем, принеси чай в гостиную. Бэр, отойди чуть в сторону. У тебя будет еще время насмотреться на нее.

Отец развернулся и, направившись в сторону гостиной, оглянулся назад. Диана даже не пошевелилась. Она не могла сделать ни одного шага. Она не была готова. Какую она свалила глупость, решив, что сама сумеет со всем справиться.

— Я не... Дело в том... — Комок подступил к ее горлу, и она замолчала, но потом все-таки выдавила. — Я ненадолго, у меня нет времени на чай.

Диану бросило в жар, она опять растерялась. Сжав вспотевшие ладони в кулаки, она невольно закрыла глаза, представив, как теплые руки Генри поглаживают ее по спине, и понемногу ее тревога стала уменьшаться.

— Диана?

В голосе отца звучали забота и нежность, и она открыла глаза.

— Прошу меня простить, меня немного укачало в карете. Думаю, мне стоит немного посидеть и попить чаю, чтобы прийти в себя.

Том Мерриуэзер взял ее под руку, провел в гостиную и усадил на скамью.

— Благодарю, — не глядя на него, ответила Диана. Страх уже отступил, зато на смену ему пришло смущение.

Отец молча подал ей сложенный платок.

Сняв шляпку, Диана перевела дыхание и принялась обмахиваться веером. Отец сел рядом. Ей приходилось прилагать невероятные усилия для того, чтобы не встретиться с ним взглядом.

— Часто это случается? — спросил он. — Я имею в виду приступы?

— Какие приступы?

— Я не совсем точно выразился. Это, конечно, не приступы, просто я не знаю, как это назвать. Иногда возникает гнетущее ощущение, сердце начинает колотиться в груди, голова кружится, и ты чувствуешь себя так, будто тебя ударили под ложечку.

— Становится то жарко, то холодно, в животе образуется неприятный комок, — отозвалась Диана. — Каждый раз, когда со мной происходит такое, я невольно задаю себе вопрос...

— ...не схожу ли я с ума, — закончил за нее отец.

Диана послушно закивала головой, искоса взглянув на него. В его глазах светилось понимание и, неужели это ей показалось, чувство вины?

— Может, ты уже догадалась, у меня бывают точно такие же приступы. Они случались и у моей матери, поэтому я иногда спрашивал себя, не проявятся ли они и у моих детей. Не знаю, бывают ли они у Алекса, но я слишком редко вижу с ним, не чаще одного раза в год. — Он немного помолчал. — Нет ничего удивительного в том, что ты страдаешь от них так же, как и я. В виде утешения могу сказать, что с возрастом это проходит.

— Приятно слышать, что не я одна страдаю от этого, — дружелюбно заметила Диана.

— Уж в чем, в чем, а в этом ты отнюдь не одинока, — шутливо поддержал отец. — Иногда я думал, что ты будешь более счастливой. Ты в самом деле заслуживаешь счастья, как и твоя мать. Я с радостью узнал о том, что ты стала виконтессой. Должно быть, герцогиня очень довольна.

— Между прочим, и я тоже. И вовсе не из-за титула. Для меня титул не играет такого уж значения. Я в самом деле счастлива, и все благодаря Генри. Он сделал меня счастливой, по-настоящему счастливой, даже более счастливой, чем я была до того дня... — Диана замялась и прикусила губу. Острая боль, как напоминание о былом, кольнула ее в сердце. Старая обида с

новой силой охватила ее.

— Отец, почему... почему ты не захотел взять меня?

— Диана...

Но она не позволила ему продолжить:

— Ты знаешь, почему я так счастлива с Генри? Потому что я люблю его. Кроме того, я считаю...

Диана глубоко вздохнула, и целая череда мыслей, продуманных ею за долгую дорогу в Суоллоусдейл, промелькнула в ее сознании. Да, Генри ее любил, в этом не могло быть никаких сомнений. В глубине души и Диана верила ему, его обещаниям, в конце концов, его клятве, данной при венчании.

Дело было не столько в Генри, сколько в ней самой. Она всегда считала себя какой-то неправильной, которую вряд ли можно полюбить. Если бы она была чуть красивее, чуть благовоспитаннее в отличие от того, какой хотел ее видеть отец, или чего добивалась от нее бабка, то, возможно, вокруг нее все время увивались поклонники и обожатели.

Да, мать ее очень любила, но, как известно, любовь слепа, тем более родительская, она не дает видеть недостатки своих детей. Да и Алекс любил ее тоже, но в глубине души Диана чувствовала, что брата огорчает ее положение в роли желтофиоли. Она даже стала считать, что не заслуживает счастья, так как не может дать счастья другим.

Чем больше она думала об этом, тем более несчастной чувствовала себя. Не в силах вырваться из порочного круга, она медленно превращалась в недоверчивую, циничную и сдержанную особу, иначе говоря, становилась все хуже и хуже той девушки, которой могла бы быть на самом деле.

Как ни странно, это нисколько не испугало Генри. Он видел ее насквозь — не только плохое, но и хорошее. Именно он убедил ее в том, что она способна любить. Благодаря ему она стала той женщиной, какой всегда мечтала быть — веселой, счастливой, любимой. Но старые грустные мысли не хотели так легко уступать прежних позиций, именно они заставили ее согласиться с мнением света, что она не достойна Генри, настоящего принца среди мужчин.

Она долго размышляла об этом и, в конце концов, пришла к выводу, что не стоит заискивать перед другими, доказывая, будто она заслуживает любви. Надо просто поверить в саму себя, поверить в то, что она достойна любви, что она хороша, добра и умна. Если она будет счастлива, то сумеет сделать счастливыми других.

Диана много размышляла о своей жизни и поняла, что всегда была достойна любви. Она не могла перемениться, стать более желанной, чтобы ее стали любить. Но она этого и не хотела. Когда Генри признался в любви, она прекрасно запомнила, как он сказал ей: «Я не прошу тебя стать другой, чем ты есть на самом деле. Я полюбил тебя такой, какая ты есть».

Может быть, она не сумела извлечь из себя все самое хорошее, в таком случае в ней скрывалась возможность стать лучше. Так разве она не заслужила счастья, которое обрела? Да, она совершала ошибки, но кто их не совершает. К сожалению, она позволила своим внутренним сомнениям управлять ее семейной жизнью. Легче было прислушиваться к знакомым голосам, чем поделиться своими страхами с Генри. Диана ничего не могла поделать с собой, она привыкла скрывать свои мысли и чувства.

Да, ей было очень совестно перед Генри за то, что она пила специальный чай. Она солгала ему, и это огорчало ее сильнее, чем гибель возможного ребенка. К счастью, из этого положения был очень простой выход: она скажет Генри, что этот чай ей надоел, и он ни о чем не узнает.

Возможно, она во всем ему признается, но не сейчас, а потом, когда у них будут дети. Четверо или пятеро, больше не надо. Боже! Возможно, той ночью они зачали ребенка. Эта мысль взволновала Диану и расстроила ее. Ее страхи причинили вред ее здоровью, хуже того, они оказались сильнее ее чувства материнства.

Она с горечью осознала, что натворила. Ведь она могла родить такую же чудесную девочку, как Брида, или малыша с такими же прелестными глазками и улыбкой, как у Генри. Когда Генри был рядом, она ничего не боялась, жаль, что он не всегда мог находиться подле нее. Но она верила ему, как и данной им клятве при венчании: быть вместе с ней всю жизнь.

Когда в своих сновидениях она уходила неизвестно куда, Генри всегда находил ее. Если ей хотелось вырваться из плена дурных сновидений, избавиться от наваждения, она инстинктивно всегда поворачивалась к нему, ища поддержки и утешения. Иногда она пыталась опереться на силу разума и логики в их отношениях, но ей это плохо удавалось, ведь любовь возникает не в голове, а в сердце, любовь неподвластна голосу рассудка.

Она любила Генри, а он любил ее. В глубине души она нисколько не сомневалась в этих чувствах. Что бы ни открыл ей сегодня отец, это никак не могло поколебать их любовь. Как только она скажет то, что считает нужным сказать, она немедленно отправится назад в Рейвенсфилд, ставший ее домом.

Диана встала и открыто взглянула в лицо отцу.

— Я счастлива с Генри, я люблю его, а он любит меня. Это то, чего я хотела всегда. Что касается богатства, знатности, привилегий, то им я никогда не придавала большого значения. Я достойна быть любимой. Неужели ты думаешь, если ты не любишь меня, то и другой мужчина тоже не сможет? Не поэтому ли ты решил подкупить его, чтобы он женился на мне?

— Диана, остановись, прошу тебя. Я любил тебя всегда. Ты же моя дочь! Как ты могла подумать даже на миг, что я не люблю тебя?

— Да что ты говоришь? Разве я не слышала своими собственными ушами? Ты же хотел взять Алекса, а не меня.

— Алекс все равно пошел бы в привилегированную школу, на этом бы настояли твои дед и бабка, а также мать. Они были совершенно правы, он должен был получить хорошее образование. Что касается тебя, ты же девочка, а как воспитывать девочек я не знал. Кроме того, я никогда не смог бы дать тебе всего того, что дали твои дед и бабка. Я имею в виду привилегированное положение в обществе. Я люблю тебя, но любовь не застилает мне глаза, я хотел для тебя всего самого лучшего, поэтому мне пришлось отпустить тебя.

— Как трогательно! Желая мне самого лучшего, ты решил купить мне мужа, не так ли?

Том Мерриуэзер смотрел на нее, явно не понимая, что она имеет в виду.

— Пенелопа, — заметив его недоумение, пояснила Диана. — Или ты забыл о своем подарке? Ты дарил Генри свою лошадь-чемпиона с тем, чтобы он женился на мне.

Лицо отца озарила понимающая улыбка, а глазах промелькнуло удивление.

— На самом деле все получилось иначе. Я предложил лошадь Уэстону с условием, чтобы он отказался от тебя. Я хотел защитить тебя. Если бы Уэстона волновал только его конезавод, он взял бы Пенелопу и тут же забыл о тебе. Но он не только отказался, он еще добавил кое-что нелицеприятное в мой адрес. Так ведут себя все влюбленные, они глупеют от любви. Но потом незадолго до твоего венчания я отправил ему Пенелопу.

Признание отца обрадовало Диану. Ей очень понравилось то, что он сказал.

Отец энергично закивал головой:

— Твой избранник женился на тебе по своей воле.

— Ты полагаешь, тот, кто женится по своей воле, женится по любви? — задумчиво проговорила Диана.

— А разве ты думаешь иначе? — удивился отец.

— Похоже, у тебя вышло не совсем так, как ты говоришь, — заметила Диана.

— Я женился на твоей матери и поступил совершенно правильно. А потерял ее не по своей вине. В жизни я сделал немало ошибок, но любовь — это не ошибка. Я оставил тебя, и теперь точно знаю, что это являлось ошибкой. Ты столько лет думала, будто я бросил тебя, а я каждый день грустил по тебе. Мне тебя так не хватало. Я не хочу остаток моей жизни провести без тебя, Диана. Ведь, правда, еще не поздно. Ты простишь меня?

Умоляющее выражение на его лице было таким искренним, что Диана в смущении отвернулась.

— Я тоже по тебе скучала, — наконец призналась Диана. — Но не все так просто.

Она запнулась, повертела в руках снятые перчатки и, взглянув отцу прямо в глаза, сказала:

— Сложно вот так взять и забыть прошлое.

— Я не жду, что ты забудешь. Я хочу обрести снова мою дочь. Невозможно все вернуть назад, исправить, все переделать. Но отныне я могу быть рядом с тобой. И понемногу сблизиться, если ты захочешь. — Глаза отца с болью впились в лицо дочери. — Моя дорогая девочка, все-таки ты вернулась ко мне.

Голос отца дрогнул, в груди что-то захрипело. Не выдержав, Диана бросилась к нему, обвила руками шею, прижалась щекой к его груди и заплакала. Она плакала и плакала, выплакивая вместе со слезами боль, обиду, страх и злость. Так продолжалось до тех пор, пока у нее не кончились слезы. Она подняла заплаканные глаза, бросила растерянный взгляд на отца и увидела на его щеках влажные следы от слез. Он не обманывал ее, он тоже переживал их разлуку, тоже страдал, как и она. Они мучились от боли каждый в отдельности, зато теперь, когда они вместе, они могут излечиться от нее.

— Сюрприз! — вдруг неподалеку раздался детский голос.

...Диана оторвалась от книги, которую читала. Она сидела в кабинете отца, а тот занимался делами. Чуть позже они собирались проехать по поместью, чтобы Диана посмотрела на те

улучшения, которые он сделал за эти годы. Диана уже провела две ночи под крышей отцовского дома, но с момента ее приезда ни он, ни она больше не говорили о прошлом. Несмотря на то что Диана приехала к отцу как раз по этой причине, она никак не могла заставить себя говорить о прошлом. Впервые после того, как ее родители разошлись, между ней и отцом возник хрупкий мир. Она и отец боялись неловким, неуместным словом нарушить его, поэтому вели себя крайне осторожно.

Диана часто задавала себе вопрос, как ее мать смогла простить своих родителей за то, что они в свое время отвернулись от своей дочери. Однажды набравшись смелости, Диана прямо спросила об этом мать. «Я и обиделась, и рассердилась, но таковы мои родители, ничего тут не поделаешь, — призналась мать. — Они желали для меня лучшего. Вот только лучшее в их понимании и в моем сильно расходилось между собой».

...Диана вопросительно посмотрела на отца, но тот, целиком уйдя в дела, по-видимому, не расслышал голоса. Диана встала, чтобы узнать, кто пожаловал к ним в гости, как вдруг дверь в кабинет распахнулась, и на пороге возникла долговязая девочка-подросток лет пятнадцати с копной рыжих волос. Она стремительно влетела в кабинет, говоря прямо на ходу:

— Ты что, ничего не слышишь? Мэри Сеймур привезла в пансион корь, и директриса Пакстон срочно разослала всех девочек по домам.

— Клер! — удивленно и даже испуганно воскликнул отец, причем его лицо побледнело.

Девочка шумно и притворно вздохнула:

— Я так и знала. Мне, конечно, следовало написать тебе письмо и подождать, пока ты не пришлешь кого-нибудь за мной, но почти всю дорогу меня сопровождала служанка миссис Ковингтон и ее лакей. Так что я была в полной безопасности и даже под присмотром дуэньи. Кроме того, папа, — это слово она сказала по-французски, — Бари-Сент-Эдмундс находится менее чем в десяти милях от...

— Клер! — прикрикнул на нее Томас Мерриуэзер.

Девочка недоуменно вскинула глаза и только тогда заметила Диану.

— Ой, прошу меня простить. Я не знала, что ты не один здесь, гм, дядюшка.

Ошеломленная, Диана не могла вымолвить ни слова.

— Клер, — хриплым голосом продолжал отец, — что ты здесь делаешь? Почему ты не вместе с миссис Ковингтон?

— А ты ничего не помнишь? Ну, конечно, ты все забыл, ведь речь идет не о твоих любимых лошадях. — Однако звучавшая в голосе девочки нежность перекрывала ее видимое раздражение. — Дочь миссис Ковингтон родила несколько месяцев назад, и ты сам посоветовал ей съездить на месяц в гости к дочери в Ярмут. Разумеется, ты думал, что я продолжу учиться в пансионе, и я бы действительно там была, если бы не корь Мэри Сеймур. Быть одной в доме миссис Ковингтон я бы не смогла, поэтому попросила Харриет и Джона привезти меня к тебе. Я думала, ты мне обрадуешься. — Она надула губки и принялась ковырять носком туфли край ковра, поглядывая искоса на Диану.

— Клер, я всегда рад тебя видеть. Ты же моя... Только это... довольно неожиданно.

— Прости, я, кажется, не ослышалась, ты сказала «папа», не так ли? — как можно спокойнее спросила Диана, в то время как самые невероятные мысли вихрем кружились в ее голове.

Клер замотала головой, хотя ее щеки предательски покраснели. Диана не могла не заметить румянца на ее лице, все это было ей хорошо знакомо.

— Нет, нет, вы все-таки ослышались, мистер Мерриуэзер мой дядя.

Это было вполне возможно. Диана помнила, что у отца имелся младший брат, поступивший служить в армию. Он отправился за океан сражаться за американскую революцию, и больше о нем не было никаких известий. Возможно, он остался в живых и вернулся в Англию. Однако присмотревшись повнимательнее к девочке, Диана отметила сильное сходство: высокий рост, веселость характера и непокорная грива рыжих волос, как у нее самой.

Девочка уперлась руками в бока, вид у нее был не самый дружелюбный, даже дерзкий, и вызывающе спросила:

— А вы кто такая?

— Клер, — взорвался отец.

— Я его дочь, — не без колкости ответила Диана, но затем более мягким голосом продолжила:

— И, если не ошибаюсь, твоя сестра.

Глава 22

«Я решил сообщить вам, и как можно скорее, о том, что ваша жена случайно нашла письмо Мерриуэзера к вам и заявила, что едет в Суффолк. Я начал ее отговаривать, но в ответ она пообещала закатить мне такую истерику, что мало мне не покажется. Поступая к вам на работу, я знал, что мне придется иметь дело со строптивыми особями женского пола, но я рассчитывал, что все они окажутся лошадьми. Я поеду с ней, так что можете не волноваться за ее безопасность. Я лишний раз убедился в том, как умно поступил, ни разу так и не женившись...»

Из письма Джорджа Кингсли Генри Уэстону.

Когда дворецкий сообщил Линнет о приезде зятя, она тут же поняла, что речь не идет об обычном визите вежливости. У нее болезненно сжалось сердце в предчувствии пока неизвестной, но, вне всякого сомнения, неприятной новости. Генри поджидал ее в маленькой библиотеке. Как только она вошла, он быстро подошел к ней. При одном лишь взгляде на его усталый, изнуренный вид, темные круги под глазами, у Линнет как-то скверно засосало под ложечкой.

— Она не хочет видеть меня? — взволнованно спросил он.

— Прошу меня извинить, если вы хотите видеть мою мать, она сейчас...

— При чем здесь герцогиня, — прервал ее Генри. — Я имею в виду Диану.

Линнет недоуменно сдвинула брови.

— Дианы здесь нет. Я ее не видела с момента вашей свадьбы.

Генри взъерошил волосы на голове, которые и так были растрепаны ветром и многочасовой скачкой верхом, и задумчиво почесал затылок.

— Я был в Лондоне, куда отъехал по делам. Как вдруг получаю известие из Рейвенсфилда: Диана уехала в Суффолк. Первым делом я решил, что она отправилась к вам. Дело в том, что накануне моего отъезда... мы поссорились.

— Пожалуйста, присядьте и успокойтесь. Судя по вашему усталому виду, вы скакали всю ночь.

— С рассвета, — присаживаясь, пробормотал Генри, но в ту же минуту вскочил, словно ужаленный. — Боже мой, если она не у вас, тогда, значит, у него.

— У кого? — Линнет побледнела, вдруг догадавшись, о ком идет речь, но почти сразу отбросила эту мысль, до того она показалась ей нелепой. Чтобы Диана отправилась в гости...

— У ее отца.

— С какой стати ей ехать к нему?

Удивленный взгляд Линнет встретился с измученным взглядом Генри, в котором отражались боль и страдание.

— Ваш муж встречался со мной незадолго до нашей свадьбы. Он сделал мне предложение: он дарит мне лошадь-чемпиона, а взамен я устраиваю его встречу с Дианой. Я отказался наотрез, но, видимо, у него возникло свое мнение на этот счет. Он прислал мне эту лошадь. Отказаться сразу от подарка я не мог, кобыла жеребая, и обратная дорога могла причинить вред ее здоровью. Я собирался отправиться в Суоллоусдейл сразу после окончания моих дел в Лондоне с намерением купить у него эту кобылу. Вероятно, после моего отъезда Диана нашла письмо от отца и, видимо, решила, будто я женился на ней из-за корысти, с целью заполучить эту лошадь. — Вид у Генри был совершенно удрученный. — Я столько раз повторял ей, что она должна верить мне, а сам не нашел в себе мужества честно обо всем рассказать ей. Она наверняка обиделась, а может, даже разозлилась на меня. Я своими руками подтолкнул ее к столь отчаянному поступку. Но ничего, я немедленно отправляюсь туда, чтобы все ей объяснить.

— Вы едете за ней?

Генри кивнул:

— Вы не дадите мне свежую лошадь?

— Я еду с вами. — Слова слетели с языка Линнет прежде чем она успела их осознать, но интуиция говорила ей, что она поступает совершенно правильно. — До Суоллоусдейла тридцать миль. Проведем ночь в пути, а утром уже будем на месте. Пожалуйста, распорядитесь насчет кареты, а я тем временем соберусь.

— Леди Линнет, зачем вам... — начал было Генри, но теща тут же оборвала его:

— Ничего не хочу слышать. Диане, вероятно, понадобится моя помощь.

Генри молча уступил, хотя вид у него был явно недовольный. Почти всю дорогу он проспал и проснулся только на почтовой станции, где следовало поменять лошадей. Он лично выбрал самых быстрых лошадей, заплатив не только не торгуясь, но даже больше того, чем просили.

Достигнув Бари-Сент-Эдмундса, последней остановки перед Суоллоусдейлом, Генри не выдержал и, схватив Линнет за руку, взмолился:

— Я окажусь там намного быстрее, если поеду верхом. Вы не обидитесь на меня, если оставлю вас с одним кучером? Отсюда до Суоллоусдейла уже рукой подать.

— Поезжайте, — горячо проговорила Линнет. — За меня можете не волноваться.

Ее последних слов Генри уже не услышал. Выскочив из кареты, он бросился к лошади.

Через два часа, когда вдаль показались знакомые очертания ее прежнего дома, Линнет охватила странная неуверенность и даже страх. Ей захотелось остановить кучера и велеть ему возвращаться, как бы глупо это ни выглядело. Что бы она там ни врала Уэстону, на самом деле у нее не было никакого повода для приезда в Суоллоусдейл. Как говорится, милые бранятся — только тешатся, и Линнет не сомневалась, что Генри и Диана помирились. Впрочем, она могла удержать Диану от опрометчивых шагов, чтобы та не повторила ее ошибок.

Пожалуй, именно ради этого она и приехала в Суоллоусдейл. Линнет сожалела о прошлом и не хотела, чтобы дочь так же страдала, как и она.

Линнет посмотрела на себя в зеркало: на морщинки в уголках глаз, на проседь в волосах, на бледность щек. Машинально она слегка пощипала щеки, чтобы заставить их чуть-чуть порозоветь. Конечно, Томас за все эти годы разлуки тоже не помолодел, но он мужчина, поэтому возраст не так сильно должен был сказаться на нем. Выйдя из кареты, Линнет вдруг поняла, что сейчас они увидятся, и от этой мысли у нее перехватило дыхание. Собравшись с духом, она постучала в двери.

— Мисс Мэрриуззер. — У дворецкого глаза были круглыми от удивления.

— Добрый день, Ингем. — Линнет прошла мимо остолбеневшего дворецкого. В холле и гостиной ничего не изменилось, только все немного обветшало. Скорее всего Томас так и не женился. Линнет вздохнула с невольным облегчением. Впрочем, радоваться рано, у него вполне могла быть просто другая женщина.

Линнет сняла шляпку и перчатки, отдав их Ингему.

— Много воды утекло.

— Слишком много, — согласился дворецкий. В его голосе чувствовалось сочувствие и сожаление, но это не успокоило Линнет, а, напротив, вызвало у нее ощущение неловкости.

— Сегодня какой-то суматошный день, верно, Ингем? Недавно примчался муж моей дочери, чтобы забрать ее. Кого теперь принесла нелегкая? — раздался голос Томаса, который нисколько не изменился за прошедшие шестнадцать лет. — Одну минуту, сейчас я подойду.

Линнет судорожно пыталась принять холодную, вежливую мину, но ее бешено колотившееся сердце и возрастающее волнение подсказывали, что она плохо справляется с этой задачей.

— Линнет, — хрипло произнес Томас. — Как ты оказалась здесь?

— Я приехала узнать, все ли в порядке у Дианы. — Ложь помогла ей преодолеть волнение.

А разве могла она сказать ему правду, что ухватилась за первую удобную возможность

вернуться в Суоллоусдейл. Линнет казалось, что как только она увидит Томаса, поговорит с ним, ей станет немного легче, ее перестанут мучить те горькие воспоминания, которые не давали ей спокойно спать все эти годы. Здесь, в Суоллоусдейле, она была счастлива, как никогда в жизни, и смутно надеялась, что светлые, радостные воспоминания если не сотрут, то, во всяком случае, смягчат горечь долгих лет одиночества.

При более внимательном взгляде на похудевшего, постаревшего Томаса Линнет с внезапной остротой поняла, как она ошиблась. Встреча с мужем не принесла ей облегчения. Напротив, ее сердце мучительно заныло от прежней любви к нему, от чувства сожаления, что так много лет прошло впустую. Как же много она потеряла в жизни!

— Неужели ты не рад видеть меня? — тихо спросила она.

— Очень рад, — торопливо ответил он и покосился на двери в библиотеку. — Здесь тебя всегда рады видеть.

Линнет устремила взгляд в ту же сторону и увидела на пороге библиотеки Диану. Нет, это ей померещилось. Это оказалась не Диана, а девушка намного моложе ее дочери, но очень на нее похожая, когда та была примерно в таком же возрасте. Сердце Линнет больно закололо. Неужели эта девушка дочь Томаса? Неужели у него есть другая женщина? Боже, какую тогда она сваяла глупость, приехав сюда! Линнет стало дурно.

— Пожалуйста, простите меня, — с трудом проговорила она. — Мне что-то нездоровится.

Она, почти ничего не видя перед собой, толкнулась в ближайшую дверь и оказалась в их спальне. Она машинально закрыла за собой дверь на засов. Ночной горшок, к счастью, стоял на месте. Линнет нагнулась над ним, ее тошнило.

— С тобой все в порядке? — раздался за дверью голос Томаса.

— Отстань, — бросила Линнет, ее продолжало тошнить.

— Позволь мне войти. Мне надо кое-что тебе сказать, — умоляюще проговорил Томас, тщетно дергая за ручку.

О чем теперь они могли говорить? Она столько лет мучилась и страдала, а он продолжал жить в свое удовольствие. Нашел себе женщину, родившую ему девочку. Линнет вытерла ладонью мокрый от пота, горячий лоб, горько сожалея о мимолетном порыве, заставившем ее приехать сюда. Раньше у нее имелась хотя бы иллюзия, вера в то, что он по-прежнему любит ее и страдает, как и она, от одиночества. Все рухнуло в одну минуту.

Как вдруг дверь с противоположной стороны тихо скрипнула, и на пороге возник Томас. Раньше этих дверей не было.

— Я велел прорубить в стене двери, чтобы прямо из спальни попадать в кабинет, а не ходить туда окольным путем через гостиную. Там я часто и ем. А что нужно одинокому человеку — поспать, поесть и за работу. — Томас побледнел, только сейчас заметив в каком она скверном состоянии. Что, вернее, кто явился причиной ее недомогания, догадаться было нетрудно.

Он вынул носовой платок, но не отдал его ей, а сам нежно и аккуратно вытер ее лицо и губы. Как это ни удивительно, но Линнет стало намного легче от подобного внимания и нежности. Она прижалась к нему, тронутая его заботой, как вдруг прежняя мысль словно током пронзила

ее сознание, она тут же отшатнулась от него.

Томас нахмурился:

— Подожди меня здесь. Я сейчас вернусь.

Но к Линнет уже вернулось самообладание:

— Незачем. Передай Диане, пусть собирает вещи, мы скоро отправимся в обратный путь.

— Не горячись, — предостерег он ее. — Нам надо поговорить.

— Нам не о чем говорить, — отрезала Линнет.

— Но ты ведь все-таки приехала ко мне, Линни, — как можно мягче сказал он.

От этого ласкового прозвища у нее на глаза навернулись слезы.

— Какое это теперь имеет значение, — пробормотала она. Вокруг было тихо. Она подняла глаза и увидела, что осталась одна. Отперев двери в гостиную, она прошла туда, села возле окна и огляделась по сторонам. Здесь все осталось так, как и было. Она вспомнила, с какой любовью устраивала их любовное гнездышко в первые годы семейной жизни. Здесь все навевало приятные воспоминания. И все-таки зачем она вернулась?

Но тут в гостиную почти вбежал Томас, в руке он держал яблоко и нож. Ловко отрезав дольку, он протянул ее Линнет. Она поблагодарила его немым взглядом, от вкуса сочного и сладкого яблока горький осадок во рту смягчился. Он протянул ей другой кусочек, и она с удовольствием съела и его. Как же давно это было! Раньше, когда она была на сносях, он каждое утро угощал ее из своих рук яблоками. И это угощение, его внимание и ласка облегчали ее недомогание, вызванное беременностью. Так было, когда она вынашивала Диану, а потом и Алекса. Однако во время последней беременности прежнее недомогание как будто оставило ее. Это был тревожный симптом, на который она, пребывая тогда в самом мрачном расположении духа, не обратила внимания.

Ее сердце заняло от горьких воспоминаний о погибшей при родах девочке. Врачи предупреждали ее, что ребенок родится недоношенным и слабым, они просили ее не волноваться, получше питаться, побольше гулять, побольше думать о себе и о ребенке, но она игнорировала их увещевания. Ее небрежность стоила жизни малышу и едва не стоила жизни ей самой. Когда Томас подал ей еще один кусочек яблока, она отрицательно замотала головой, закусив губу. Ей опять стало тошно от одной мысли, что он вот так же мог угощать яблоком мать Клер.

— Сколько ей лет? — машинально задала она вопрос, который так ее мучил.

— Пятнадцать. — Томас тяжело вздохнул, убрал нож и яблоко и начал ходить взад-вперед по гостиной.

— После того как ты ушла от меня с детьми, я едва не сошел с ума. Чтобы заглушить боль, я начал пить. Но вино не всегда заглушает страдания. Мне оно не очень помогало. Но когда Ингем закрыл винный погреб и забрал ключи, я словно с цепи сорвался. Охваченный злобой и жадной выпивки, я бросился в Ньюмаркет.

— Как я не сломал голову по дороге, сам не знаю. Впрочем, может быть, это было бы лучше

для всех нас. Я уже ничего не соображал и поэтому отправился в публичный дом. Там работала одна знакомая мне вдова. Ее муж был жокеем. Марджори Крофтер. Она улыбалась мне каждый раз, когда я приезжал туда выпить. — Томас запнулся, явно собираясь с духом. — Сам не знаю, что со мной тогда происходило. Я целовал ее, а потом она повела меня наверх, там все и произошло.

— Хватит, — вспыхнула Линнет.

— Линни, я не хотел ее, я хотел совсем другого — забыть тебя, забыть о своих страданиях. Честно говоря, я ничего не помню. Когда я проснулся, Марджори со мной уже не было. Я сожалел о случившемся и был мерзок самому себе. От одной мысли, что ты можешь узнать об этом, я приходил в ужас. Я оставил на столике все деньги, какие у меня были. Вернувшись домой, я дал себе зарок — больше не пить ни капли. И сдержал клятву, Линни. Я взялся за ум.

Линнет сидела неподвижно, словно мертвая, но присмотревшись к Томасу, который продолжал метаться из одного угла комнаты в другой с искаженным лицом, поверила в его искренность, в то, как много он выстрадал. Пусть он обидел ее, даже отверг, Линнет не могла не видеть следов переживаний, которые он перенес. У нее были дети — Диана и Алекс, дарившие ей утешение в тяжелые минуты, тогда как он остался совсем один на долгие годы.

— Больше я с Марджори не виделся, но через два года я получил от нее письмо и, даже не распечатав, догадался, о чем пойдет речь. Ты видела Клер, видела, как она похожа на меня и на Диану. Я согласился помочь Марджори. Когда Клер исполнилось семь лет, ее мать умерла от холеры. Я привез девочку сюда, выдавая за племянницу, дочь умершего брата. Затем определил ее в отличный пансион. Все шло хорошо, все считали Клер моей племянницей.

Разве мог я ее бросить, после того как потерял тебя и детей... Благодаря ей у меня опять появился смысл жизни.

— Ты бросил меня, а не потерял, — не удержавшись, возразила Линнет. — Когда я пришла в сознание, то первым делом попросила позвать тебя, а мне сказали, что ты уехал.

— А как я мог остаться, когда меня попросили уйти, даже потребовали.

— Я нуждалась в тебе! — запальчиво крикнула Линнет. Она вскочила на ноги; обида, гнев, ярость душили ее и требовали выхода. Это была самая настоящая истерика, Линнет бросала обвинения, не отдавая отчета в их справедливости или несправедливости.

— Ты был там. Ты все знал, все видел. Твоя дочь умерла, а ты ушел, даже не повидавшись со мной. Она была твоей дочерью, а ты...

— Да, она была моей дочерью. — Крик Томаса был настолько страшным, что Линнет вздрогнула и попятилась назад. — Я убил ее и чуть было не убил тебя. Боже, Линнет!

Томас бросился перед ней на колени, обнял за ноги, прижавшись лицом к юбке. Рыдания сотрясали его большое и сильное тело.

Его слезы поразили Линнет: прежде она думала, что смерть дочери прошла мимо него. Она винила себя в ее гибели, но, как оказалось, он страдал так же, как и она. Ее истеричный порыв прошел, и теперь ее охватила жалость и сострадание к нему.

— Что случилось, то случилось, — более мягким тоном сказала она. — Ты в этом не виноват.

Она погладила его по склоненной голове, и слезы навернулись у нее на глазах. Ей стало жаль его.

— Ты не виноват, — сквозь слезы повторила она. Да, он не был виноват ни в смерти их дочери, ни в том, что все это время они жили порознь. Всею виной была ее гордость, ее слабость, ее излишнее желание идти на поводу у родителей.

Она склонилась над ним, ласково поглаживая по голове, словно расплакавшегося ребенка.

— Не вини себя. Она не была... — Линнет запнулась, пытаясь найти нужное по смыслу слово, но оно никак не приходило на ум. — Ей не суждено было стать нашим ребенком. Я знаю, это звучит вразрез с нашими религиозными представлениями, но ее душа, должно быть, переселилась в другого ребенка.

— Если бы я не пришел тогда, если бы не расстроил тебя. Да, твоя мать была права, говоря, что мне лучше уйти, а я...

Линнет с трудом догадывалась о смысле сказанных им слов, но лучше любых слов о его страданиях говорили его поза, его сбивчивое бормотание, его слезы. У нее защемило в груди.

— Она была такой маленькой. Я не... я не... — У нее опять перехватило в горле, и Линнет запнулась. — Я не заботилась о себе. Я была такой слабой, такой жалкой, и я ее потеряла.

Томас вскинул голову:

— Нет, Линнет, нет! Ты здесь ни при чем!

— Да, я потеряла ее. Хуже того, я потеряла тебя, потеряла Диану и Алекса.

Он встал и сделал то, о чем она мечтала все эти годы, — обнял ее. В конце концов она приехала к нему... для того, чтобы узнать, что другая женщина родила от него ребенка. Наверное, эта женщина любила его.

Высокий, статный Томас всегда привлекал женское внимание. Сколько раз бывая с ним на людях, в магазинах, где они делали покупки, она замечала, какими глазами посматривают на него другие женщины. Он же лишь посмеивался над ее опасениями, утверждая, что для него нет в мире другой женщины, кроме нее. И вот, несмотря на все его уверения, он пошел к этой женщине, спал с ней и зачал ребенка. А когда Марджори сообщила о рождении дочери, какие чувства могли возникнуть у него к ней, к их ребенку? Не любовь ли?

От столь тяжелых мыслей Линнет застыла в его объятиях, плача от боли, разрывающей ее сердце пополам. А как она ждала его в тот день, когда погибла их дочь! Когда она очнулась, то первым делом спросила, где муж, и с горечью услышала, что он уехал. Как она ждала его потом, все эти долгие годы, а он не приходил и не приходил...

— «Он сказал, что больше не придет», — извиняющимся тоном сообщила ей мать, но без всякого сожаления, — и это очень правильное решение. Ты только посмотри, что он натворил. Мерриуэзер едва не убил тебя. — Голос герцогини фальшиво дрогнул, и она притворно промокнула совершенно сухие глаза платком. — Неужели ты не видишь, он приносит в нашу семью одни проблемы?! Ну, сама рассуди, что он тебе дал? Ничего, кроме бед и огорчений.

— Он отец моих детей, вместе с детьми он подарил мне столько счастья, сколько я никогда

раньше не видела, — не скрывая злости, возразила Линнет. Доведенная до отчаяния, она упрекала мать.

— Ты, должно быть, забыла, как я отношусь к моим дорогим внукам. Разве я не забочусь о них? Разве я когда-нибудь скрывала свою любовь, свои надежды, возлагаемые на Диану и Алекса? Когда Диана вырастет, она найдет себе выгодную партию, а Алекс станет продолжателем нашего рода. Но тебе и твоим детям лучше всего жить здесь, в родном доме, подальше от этого сумасбродного типа. Давай на этом покончим и впредь не будем никогда об этом говорить. Он решил уйти, и, как говорится, скатертью дорога. А ты со временем поймешь, что это все к лучшему как для тебя, так и для твоих детей.

Линнет никогда не могла согласиться с тем, что уход Томаса — к лучшему, потому что так не могло быть. Ни для нее, ни для ее детей. Она вспомнила признание Томаса, что ее мать почти велела ему уйти. Его горькие слова соединились с ее не менее горьким осознанием — непоправимого, обидного недоразумения.

Линнет закрыла глаза и на миг представила себе, какой бы могла быть ее жизнь в течение всех этих долгих, скучных, одиноких лет, если бы мать не оттолкнула Томаса? Но разве в этом была виновата только ее мать? Почему она не нашла в себе мужества вернуться в Суоллоусдейл раньше, намного раньше, а не только сейчас? Но зачем думать о прошлом, сейчас следует думать о будущем, только о нем. Но вот вопрос: если у них общее будущее?

— А эта Марджори... — робко и тихо произнесла Линнет, — ты любил ее?

Отпрянув назад, Томас честно и прямо посмотрел ей в глаза:

— Клянусь тебе всем самым дорогим, что у меня есть, ты единственная женщина, которую я когда-либо любил.

Линнет всхлипнула, ей тоже хотелось сказать, что он не только был, но есть и будет ее единственным любимым мужчиной, но рыдания сдавили ей горло, и она не могла вымолвить ни слова.

— Я все время думал о тебе, тосковал без тебя, нуждался в тебе и любил тебя, как в первые дни нашей семейной жизни. Я знаю, что не достоин тебя. Ты никогда не простишь меня, а я никогда не прощу себя за то...

— Остановись, — прервала она его сбивчивую речь. Линнет устала от обвинений, упреков, чувства вины и обиды, горечи и злобы. Да, они оба наделали много ошибок, да, они заставили друг друга страдать. Но благодаря какому-то чуду они по-прежнему любили друг друга. Самой большой ошибкой в их нынешнем положении, самой непростительной и глупой ошибкой было бы продолжать жить порознь, не вместе.

Она встала на цыпочки, обвила его шею руками и, закрыв глаза, поцеловала его. Линнет повиновалась безошибочным велениям женского инстинкта. В его объятиях, в его руках она чувствовала себя дома. Почти забытое ощущение тихого блаженства овладело ею.

Томас замер, ошеломленный поцелуем. Он боялся пошевелиться, чтобы не спугнуть этот чудесный миг. Долгие годы разлуки отучили его от надежды, что когда-нибудь он будет вот так держать ее в своих руках и целоваться...

Ее нежность пробудила в нем ответную нежность, но прежнее чувство вины сдерживало его порыв. Он попытался отодвинуться, но Линнет, почувствовав его намерение, еще крепче

прижалась к нему.

— Неужели я перестала быть желанной для тебя? — смущенно проговорила она.

— Как ты можешь так думать? — возразил он. — Но...

— Что за «но»? — обиделась она, и молния блеснула в ее серых глазах.

Все внутри него кричало, взывало — действуй решительно, бери, раз дают, держи ее крепче, так, чтобы у нее не возникло даже мысли уйти от него опять. Но он колебался, смущенный, неуверенный, боясь что-то испортить, оттолкнуть ее своей неловкостью или грубостью в зависимости от того, как она истолкует его действия.

— Ты действительно этого хочешь? — Его вопрос прозвучал несколько неуместно. — Ты в самом деле любишь меня? — Томас с трудом проглотил комок, подкативший к его горлу. — Я не хочу отпускать тебя. Я не могу без тебя...

Он осекся, но Линнет была рядом — чуткая, все понимающая, любящая. Она прижалась к нему, горя от желания, и тогда, более ничем не сдерживаемый, он принялся осыпать ее поцелуями. Жаркая волна пробежала по его жилам и затуманила его сознание.

Линнет сладострастно застонала, когда его жадные, отвыкшие от ласк руки принялись гладить ее грудь через платье.

— Томас, боже, как долго я ждала тебя.

— Я тоже так долго ждал тебя, любимая. Я так хочу тебя.

— Прямо здесь? — Ее нетерпение вырвалось наружу.

— Здесь. — При этом Томас неуверенно пожал плечами, тем самым давая возможность отступить.

Но Линнет уже ничто не могло удержать. Она решительно тряхнула головой и тут же спросила:

— Ты не забыл о Диане и Генри?

Томас быстро подошел к одной двери, защелкнул задвижку, затем пересек комнату и задвинул засов на другой двери.

— У них и без нас много проблем, с которыми им придется разобраться, — успокоил он ее, опять беря за руки.

— А еще... Клер?

— Забудь о ней. — Он поцеловал ее и принялся расстегивать на ней платье.

— Но я хочу поближе познакомиться с твоей дочерью. Она ведь твоя плоть и...

— Тише, сейчас не стоит говорить об этом. Ты самая удивительная и прекрасная женщина на свете.

Ответом стала лучезарная улыбка Линнет, а в ее глазах заплясали радостные искорки.

— Я люблю тебя.

Ее признание и смягчило его внутреннюю незажившую рану. Томас смотрел на нее и видел одновременно юную девушку, которой он подарил свое сердце, и зрелую женщину, сумевшую сохранить, удержать его любовь вопреки всем досадным помехам, возникшим на их пути.

Более того, она сама стала его сердцем, его единственным родным домом, где ему было спокойно и хорошо.

— Но не так сильно, как я тебя, — ласково возразил он. — Я буду любить тебя всегда, но даже это признание не в силах вместить всей силы и глубины моей любви.

Его неподдельная искренность тронула Линнет до глубины души, и в знак благодарности она нежно поцеловала его.

— Ты правильно сказал, Томас. Всегда. Ты угадал мое самое заветное желание. Любить всегда. Тебя одного.

Быть всегда. С ней, с Линнет.

Да, он будет любить ее всегда, каждую минуту, каждый час, и поэтому он не собирался откладывать на потом их любовь — ни на секунду, ни на миг.

Глава 23

«Будьте терпеливы друг к другу. Ваши семейные отношения будут развиваться, расти, и вы будете изменяться и расти вместе с ними. Качества жены, которые раньше приводили тебя в восторг, со временем, вполне вероятно, станут тебя раздражать и сводить с ума. Но в тот момент, когда ты почувствуешь, что еще немного, и ты начнешь рвать на себе волосы, вспомни о том, что ты чувствовал в день своего венчания. Семейная жизнь поначалу кажется безоблачной и не требующей никаких усилий, но поверь мне, за ней следует ухаживать так же, как за драгоценным цветком. Если брак будет доставлять тебе хотя бы половину того удовольствия, которое он доставляет мне, ты будешь очень счастливым человеком».

Из письма виконта Уэстона сыну Генри Уэстону.

Когда Генри влетел на своей лошади на подъездную аллею к Суоллоусдейлу, он невольно притормозил, готовясь к встрече с женой. Могло так быть, что Диана уже уехала, но после минутного размышления он отбросил эту мысль. Заполучив к себе дочь, Мерриуэзер не отпустил бы ее так легко.

Обогнув площадку для выезда лошадей, он подъехал к конюшне. Разумеется, Кингсли был тут. Он беседовал о чем-то с конюхом на целый фут ниже его.

— Кингсли, — окликнул его Генри, — этот жеребец, на котором я прискакал сюда, несмотря на его заурядный вид, отныне желанный конь на моей конюшне. Проследи за тем, чтобы его как следует накормили и почистили.

Кингсли взял лошадь за поводья и проворчал:

— Долго же вы сюда ехали, — при этих словах конюх ухмыльнулся, — да еще притащили мне какую-то клячу.

— С ней все в порядке? — с тревогой спросил Генри. — В Лондоне я остановился у Ратленда, поэтому только вчера, зайдя в клуб, получил твое письмо. Конечно, я мог бы приехать раньше, если бы ты дал более подробные указания, а не просто назвал Суффолк. Сгоряча я сперва подался к матери Дианы и только затем помчался сюда. Какая-то чертовщина и невезение. Я очень благодарен тебе, дружище, за все то, что ты сделал для нас, у меня нет даже слов, чтобы в полной мере выразить свою признательность. Не волнуйся, твоя услуга будет вознаграждена.

К Кингсли подошел низенький конюх и бросил на него многозначительный взгляд.

— Итак, с тебя крона. Ты проиграл, ты ведь спорил, что он приедет за мисс Дианой самое позднее вчера утром.

— Ее зовут миссис Уэстон, — оборвал его Генри, — ты получишь гинею, если покажешь, где она.

Маленький человечек молча окинул Уэстона недоверчивым взглядом, а затем махнул рукой в сторону заднего двора:

— Идите вон по той тропинке в сад, она там собирает цветы вместе с Клер.

Генри торопливо последовал в указанном направлении, немного сбитый с толку упоминанием о некоей Клер. Зайдя в сад, он вскоре услышал женский смех. Узнав голос Дианы, Генри облегченно вздохнул, у него буквально камень с души свалился. Он не разобрал, что она говорила и чему смеялась, зато ее веселое настроение обрадовало его, их встреча теперь не казалась ему столь напряженной и волнительной.

Едва он миновал крутой поворот, как прямо перед ним невдалеке показалась Диана. Его сердце забило гулко и быстро, она, смеясь, что-то говорила стоявшей рядом с ней девушке. Он мельком взглянул на лицо девушки, перевел удивленный взгляд на Диану, затем опять на девушку. Его сердце забило еще быстрее, он в изумлении попятился назад, споткнулся и рухнул на землю, словно срубленное дерево. Воздух взорвался от испуганных женских криков.

— Генри! — взвизгнула Диана.

— Боже мой! — воскликнула девушка.

— Ты цел? Ты не ушибся? — разволновалась Диана. — Как ты здесь очутился?

— Бьюсь об заклад, что он распугал всех мелких животных и птиц в саду, — пошутила девушка.

Диана принялась хлопотать возле мужа, осматривая и ощупывая его.

— Где у тебя болит?

Генри тяжело вздохнул, приходя в себя.

— Клер, беги домой и принеси...

— Ничего не надо. — Генри кое-как поднялся. — Так, голова закружилась.

— Но...

— Не волнуйся, Диана. Со мной все в порядке. Кто это?

Диана положила руку на плечо девушки.

— Это моя сестра.

В ее голосе слышалось одновременно удивление, забота и предостережение. Диана словно опасалась, как бы он не отнесся с презрением к ее незаконнорожденной сестре. А может, предостерегала его от выяснения отношений в присутствии юной девушки, почти ребенка.

— Генри, познакомься, это Клер.

Он улыбнулся юной копии Дианы.

— Сестра Дианы и моя сестра тоже. Можешь не волноваться, у меня есть сестры, и я знаю, как с ними обращаться. А теперь, хотя мне больше хотелось бы побыть с тобой, Диана, и кое что обсудить, прежде я должен поговорить с этой юной особой — прямо сейчас и наедине.

Клер подозрительно посмотрела на него.

— Все в порядке, Клер, — поспешила успокоить ее Диана. — Я пока соберу еще цветов, чтобы украсить ими дом.

Диана пошла к стоявшей на траве корзине с уже сорванными цветами. Клер повернулась к Генри, ее глаза блеснули.

— Если вы хотите причинить ей боль, сделать несчастной, то я... то я... — Ее лицо покраснело от возмущения и злости.

Генри стало и смешно и грустно: столь искреннее проявление любви и привязанности от столь юного существа не могло не тронуть его сердца.

— У меня две сестры и обе замужем, — ответил он. — Если кто-нибудь из их мужей нанесет им обиду или, хуже того, оскорбление, то я сперва изобью его до полусмерти, а потом всажу пулю в его подлое и низкое сердце.

Клер вспыхнула:

— Именно так я поступлю и с вами.

— К чему так горячиться, я ведь еще ни в чем не провинился, — пошутил Генри.

Клер улыбнулась, и ее улыбка была как две капли воды похожа на улыбку Дианы.

— Сколько тебе лет?

— В феврале исполнилось пятнадцать.

— Знаешь, у меня есть две сестрички-близняшки, Лия и Дженни, они примерно одного с тобой возраста. В ноябре им тоже исполнится пятнадцать. — Он заметил, с каким интересом прислушивалась к его рассказу Клер.

— Они в самом деле похожи друг на друга?

— Похожи — не то слово. Посторонние люди не могут их различить.

— А вы можете?

— Могу. У Лии веснушка вот здесь. — Генри указал пальцем на место чуть повыше левого виска. — А у Дженни точно такое пятнышко на другой стороне. — Он провел пальцем по правому виску. — Совершенно одинаковые по форме и размеру веснушки, но на противоположных сторонах. К сожалению, этой приметой можно воспользоваться только тогда, когда хотя бы одна из них зачесывает волосы назад или убирает их в пучок. Ты сама сможешь убедиться в этом, когда познакомишься с ними.

Клер пожевала губами точно так же, как это делала Диана, находясь в задумчивости или нерешительности.

— В чем дело? — остановил Генри Диану, видя, что та собирается подойти к ним.

— Девочки в пансионе думают, будто я сирота. Они принимают моего отца за моего дядю.

История, придуманная Томасом Мерриуэзером, уже пустила крепкие корни. Какой бы надежной ни была эта выдумка, она касалась Дианы, и она, похоже, уже приняла ее близко к сердцу. Ему стало ясно, что она никогда не откажется от сестры и ни за что не оставит ее.

Клер тихо вздохнула:

— Ваши сестры когда-нибудь узнают правду, не так ли? Если они узнают, что Диана моя сестра, значит, поймут, что я незаконнорожденная, и это может им не понравиться.

Ее справедливое замечание попало не в бровь, а в глаз. Генри растерялся: совсем юная девушка быстро, как его сестры, нашла самое уязвимое место в его ловко расставленных сетях.

Он протянул руку и ласково провел пальцами по ее рыжим локонам.

— Что же касается посторонних людей, то будет лучше всего, если для них ты так и останешься племянницей твоего отца. Немного притворства никогда не повредит. Теперь мы одна семья, поэтому ничего не бойся, и я, и все мои родные в случае чего всегда придут к тебе на помощь.

В порыве благодарности Клер бросилась к нему на шею и крепко обняла. Как раз в этот момент к ним подошла Диана, которая удивленно посмотрела на них.

Генри пожал плечами:

— Ничего не поделаешь. Похоже, я произвожу на женщин из рода Мерриуэзеров неотразимое впечатление.

— Это тебе только кажется, — буркнула себе под нос Диана, тогда как Клер весело рассмеялась.

— Надеюсь, к моему возвращению ты сумеешь разобраться со своими задачками по арифметике, — сказала Диана, передавая Клер корзину с цветами.

Клер скорчила смешную гримасу:

— Постараюсь. А ты pomoжешь мне с французским, когда вернешься?

— Конечно, помогу. — Диана поцеловала Клер в щеку. — А теперь ступай домой, нам надо поговорить.

Как только Клер скрылась из виду, она обратилась к Генри.

— Я слышала только обрывки твоей беседы с ней, но то, что я услышала, очень меня порадовало. Благодарю тебя, ты был очень добр.

— Не стоит меня благодарить, я поступил так, как должно.

Диана молча склонила голову в знак признательности и пошла по тропинке, уводящей в глубь сада. Генри, обрадовавшись, последовал за ней. Им надо было поговорить вдвоем, без лишних свидетелей. Если бы в этот момент появился Мерриуэзер, то Генри не смог бы поручиться за себя. Пройдя еще несколько десятков метров в сторону, противоположную от дома, они, наконец, остановились среди тенистых деревьев.

— Если ты действительно хочешь поблагодарить меня, то я отнюдь не против повторения урока французского, который ты мне дала.

Ответом стал ее негодующий взгляд.

— Прости, как говорится, попытка не пытка, — ухмыльнулся Генри.

Диана замерла на месте в глубокой задумчивости. Встреча с Генри и радовала ее, и приводила в замешательство, и даже немного злила. Он уехал от нее, не попрощавшись, после их первой крупной ссоры. Она укоряла себя за то, что обманывала его, и собиралась попросить прощения за свою хитрость с чаем. Но и Генри должен был признаться в своих ошибках. Он скрыл от нее встречу с ее отцом, умолчал о предложении отца и вообще просто лгал ей.

Диана скрестила на груди руки.

— Неужели мне не в чем упрекнуть тебя?

Генри сжал руки в кулаки, пытаясь сдержать раздражение.

— Диана, клянусь тебе, у меня нет никакой другой женщины, и мне не нужна никакая другая женщина после того, как мы повенчались. В Лондоне я остановился у Ратленда, моего приятеля. Мне больше не в чем перед тобой оправдываться.

Она покачала головой:

— Я знаю это и не подозреваю тебя в неверности...

— Нет, — горячо перебил он ее. — Если бы ты знала, то ты доверяла бы мне и не заставляла оправдываться. Если бы знала, не убежала бы от меня. Очевидно, бегство в вашей семье — это проверенный способ решать все внутрисемейные конфликты, не так ли? Но поверь мне, Ди, мы с тобой не будем так их решать.

— Но я не убежала, — возразила Диана.

— Не убежала, вот как?! Но тогда почему ты, не дождавшись моего возвращения, чтобы расспросить о письме, которое ты нашла, бросилась наутек, словно заяц? А я, не зная, куда ты точно поехала, исколесил чуть ли не весь Суффолк.

— Я приехала сюда, поскольку хотела разобраться со своим прошлым. И даже не предполагала, что меня здесь ждет. Но если быть точнее, то скорее не я, а ты первым бросился бежать.

— Я? — Генри удивленно вытаращился на Диану.

— А кто уехал, даже не сказав до свидания? Нам необходимо было поговорить, а ты сам убежал в Лондон, словно заяц, прежде чем я проснулась.

— Ди, я уехал на рассвете вовсе не из-за размолвки между нами, — как можно спокойнее произнес он. — Письмо, которое ты нашла... Ты, наверное, уже знаешь, что это досадное недоразумение.

— Да, знаю. Мой отец рассказал мне о вашей встрече. — Она немного помолчала, прежде чем задать вопрос: — Но почему ты ничего не сказал мне об этом?

Генри нахмурился:

— В таком случае позволь мне задать встречный вопрос: почему ты ничего не рассказала мне о причине, которая заставляла тебя пить твой любимый чай с болотной мятой?

Диана тяжело вздохнула: он все-таки узнал.

— Ты бы еще долго водила меня за нос, если бы не миссис Тиммс. Она рассказала мне о том, как небезопасен такой чай.

— Когда это случилось? — пробормотала Диана.

— Той самой ночью в Рейвенсфилде, когда я как заботливый и любящий муж приготовил своей глубоко расстроенной жене чашку ее любимого чая. Помнится, ты уверяла меня, что этот чай обладает успокаивающим действием, не так ли?

— Почему же ты раньше ничего не сказал мне?

Генри вздохнул и взъерошил волосы на голове.

— Когда я принес чай, ты уже спала, а потом тебя мучили кошмары, и мне пришлось тебя успокаивать. Изливать в тот момент свое раздражение было бы все равно что бить лежачего.

— Ну а потом...

— Боже, Диана, ты же сама призналась, что не доверяешь мне. Неужели ты полагаешь, что мне было бы приятно услышать о том, что ты предпочитаешь страдать и мучиться, лишь бы не вынашивать моих детей? В душе ты уже готовилась к тому дню, когда я брошу тебя. Получается, в твоих глазах я выглядел ничем не лучше твоего отца.

Боже, он обиделся сильнее, чем предполагала.

— Нет, все было не совсем так, — возразила она в искреннем порыве.

Генри прикрыл глаза, как бы не в силах видеть и слышать, как она лжет.

— В таком случае расскажи мне, как все случилось. — Генри произнес это тихо, но под напускным спокойствием ощущалось сдерживаемое негодование.

Диана вытерла вспотевшие ладони о платье.

— Когда ты впервые сказал мне, что любишь меня, мне казалось, на свете нет более счастливой женщины, чем я. Но я ошибалась. Моя любовь к тебе становилась все сильнее, а я еще счастливее.

В его синих глазах, потемневших словно кобальт, сверкнула молния, напугавшая Диану.

— Черт возьми, если ты была так счастлива...

— Пожалуйста, позволь мне объясниться до конца, — взмолилась Диана.

Генри мрачно кивнул, хотя по его виду было ясно, как много ему еще хотелось сказать.

— В день нашей свадьбы мне казалось, что мое сердце разорвется от радости. А потом ночью, когда мы впервые были вместе, я ясно поняла, вернее, почувствовала, что мои чувства к тебе — это нечто больше, чем любовь.

— Как это так больше, чем любовь?

— Не знаю, как тебе объяснить, но это была... потребность, нужда в тебе, охватившая целиком всю мою душу. Кроме тебя, я любила по-настоящему только мать и Алекса. Если бы я потеряла кого-нибудь из них, потеряла бы кусочек моего сердца. Но если бы я потеряла тебя, мое сердце разбилось бы навсегда. Я погибла бы. Я была не только счастлива, мне было очень страшно и не верилось, что такое счастье может продолжаться вечно.

— Не тебе одной страшно, Ди, — печально произнес Генри. — Мне тоже страшно, и все из-за того, что ты никак не хочешь позволить себе доверять мне. Твои родители перестали верить друг другу, и поэтому их брак распался. И ты подсознательно убедила себя, что наш брак ждет точно такой же конец, поэтому и пыталась придумать для себя какую-то защиту. Если ты не можешь мне верить, то твоя любовь уже не имеет такого значения, как бы сильно ты меня ни любила. Ничего не поделаешь, мы с тобой идем по пути твоих родителей. — Генри тяжело вздохнул, как-то весь сник и, обойдя вокруг Дианы, медленно пошел в сторону дома.

У Дианы что-то оборвалось внутри, как только она осознала горькую истину, скрытую в его словах. Дрожь пробежала по ее телу, и она машинально обхватила себя руками крест-накрест, хотя день стоял жаркий. Угасший, безнадежный вид Генри придавил ее невероятной тяжестью. Он боролся за их общее семейное счастье, и — пока еще не поздно — ей следовало быть рядом с ним, сражаться с ним бок о бок.

— Подожди! — вдруг закричала она. Генри замер на месте, но не обернулся. Он стоял и ждал. Требовалось срочно найти слова, которые могли бы убедить его в ее искренности. Требовалось достучаться до его сердца.

— Тебе не надо бояться, — крикнула Диана, догоняя его. — Я верю тебе. Я верю тебе всем сердцем, но моей голове требуется несколько дольше времени, чтобы осознать это.

Она остановилась рядом с ним. Генри ничего не сказал, не повернулся к ней, не пошевелился, но в его позе, в развороте его плеч ощущалась напряженность, которой раньше не было. Ей все-таки удалось привлечь его внимание.

— Глядя на моих родителей, я стала настороженно относиться к любви. Я не была влюбчивой,

но еще менее я была настроена считать себя любимой. Когда ты предложил свой план притворного ухаживания, я долго колебалась, не зная, соглашаться или нет. Твоя репутация в свете заставляла меня не верить в твои заигрывания, поцелуи. Кроме того, ты сам говорил, что это флирт, и не более того. Когда же ты заявил о серьезности своих намерений, я не знала, что думать. Прежде всего я не могла поверить, что такой завидный светский кавалер мог влюбиться в такую девушку, как я.

Генри резко развернулся и подошел к ней. Его лицо было серьезным и мрачным.

Диана торопливо подняла руку ладонью вверх, останавливая его.

— Я хочу, чтобы ты понял: всю мою жизнь я считала себя гадким утенком. Мой отец, как мне казалось, не очень любил меня. Теперь я знаю, что ошибалась, тем не менее большую часть жизни я была совершенно уверена, что он любит не меня, а моего брата. Дедушке и бабушке я тоже, судя по всему, не очень нравилась. Герцог вообще был ко мне равнодушен, тогда как герцогиня увидела во мне свой второй шанс — выдать удачно замуж если не дочь, то внучку. Моя мать не разделяла столь радужных надежд, зато герцогиня наполнилась решимостью. К сожалению, в отличие от матери я не утонченная леди и не красавица. Я не подавала блестящих надежд, а скорее вызывала у родных разочарование. Кроме того, я не пользовалась успехом в свете, лишнее подтверждение моей неудачливости. Да, за мной ухаживали, но после стольких сезонов у меня не появилось ни одного жениха, а потом даже не осталось ни одного кавалера. Если помнишь, твоя мать настоятельно просила тебя приглашать меня во время танцев... — Голос у Дианы задрожал и прервался.

В тот же миг Генри нежно обнял ее и прижал к себе. Это было настоящее блаженство. Несколько мгновений Диана наслаждалась удивительным покоем, ее волнение и тревоги понемногу начали стихать. Придя в себя, Диана глубоко вздохнула и немного отстранилась.

— Понимаешь, кроме моей матери, ты единственный, кто по-настоящему полюбил меня. До встречи с тобой я почти убедила себя, что меня невозможно полюбить, и я не могу быть счастливой.

— Нет, Ди, нет, — горячо воскликнул Генри, пытаясь обнять ее опять, но она отстранилась.

— В тебе я не сомневалась, зато сомневалась в себе. Я знаю, в чем была не права, мне следовало делиться с тобой всеми моими страхами и опасениями. Ты простишь меня?

— Конечно, любимая, о чем речь. — Сломив ее сопротивление, он привлек ее к себе. — Жаль только, что я не знаю, как уничтожить все твои сомнения. Если бы ты только знала, что я чувствую, глядя на тебя...

Он ласково заглянул ей в глаза.

— Ты мне так дорога, что я готов на все, лишь бы ты была счастлива. Вот поэтому я не хотел говорить тебе о моей встрече с твоим отцом. Не хотел лишний раз огорчать тебя. Я хотел оградить тебя, защитить и... — Генри запнулся.

— И? — повторила она с нажимом.

— И хотя я возражал против того, что он собирался сделать, я чувствовал, твой отец так же оберегает тебя, причем по той же самой причине, что и я. Ведь если тебе больно, то так же больно и мне. Я уже говорил Клер, если кто-нибудь из мужей обидит кого-нибудь из моих сестер, то я сперва отколошмачу его как следует, а потом всажу пулю в его неблагодарное

сердце. Клер поклялась в случае чего поступить точно так же со мной, а мне остается только вручить ей пистолет. Когда мне пришла в голову мысль купить конезавод, я как раз искал смысл в моей жизни. До этого я просто плыл по течению, да, мне было хорошо, даже очень хорошо, но в глубине души я понимал: так нельзя прожить всю жизнь. Надо чего-то добиваться. Я полагал, что обрету цель в жизни, купив Рейвенсфилд, и в какой-то мере оказался прав, потому что конезавод связал меня с тобой, вопреки моему дурацкому притворному ухаживанию. Ди, если хочешь, я верну твоему отцу Пенелопу. Если хочешь, брошу конезавод. Если тебя нет рядом со мной, ни Пенелопа, ни конезавод не имеют для меня никакого значения. Рейвенсфилд без тебя уже для меня не дом. Для меня дом там, где ты. Понимаешь, что я хочу этим сказать?

Ее губы задрожали, и по ним скользнула слабая, трогательная улыбка.

— Мне кажется, это можно выразить проще. Всего тремя словами, как ты думаешь? Каждый раз, когда я слышу их, все мои сомнения и опасения исчезают, уходят прочь.

— В таком случае я буду повторять их как можно чаще. — Генри нежно обнял ее лицо ладонями. — Я люблю тебя, Ди. Клянусь тебе всем, что мне дорого на свете, всеми моими надеждами — я люблю тебя.

Генри смахнул слезы, побежавшие по ее щекам:

— Не плачь, родная, а то вдруг придет твоя сестра, и тогда мне несдобровать.

Диана радостно улыбнулась:

— Я тоже очень люблю тебя. Ты моя исполнившаяся мечта, ты моя звезда, на которую я смотрела издали, боясь приблизиться.

Его сердце вдруг наполнилось такой радостью, что казалось, еще чуть-чуть, и грудь разорвется от переполнившего его счастья. Говорить он не мог и принялся просто ее целовать. Снова и снова. Горячо и страстно, так, как они уже привыкли, так, как будто они целовались всегда. Пылкость поцелуев вызвала напряжение, но уже в другой области, значительно ниже сердца.

Точно такие же чувства владели и Дианой. Генри понял это не из-за того, что она прижималась к нему всем телом, а по одному простому ее движению. Она просунула руку между ними и сквозь брюки пощупала градус напряжения в нижней части его тела.

— Ди. — Генри едва не задохнулся от этого ласкового и вместе с тем возбуждающего прикосновения.

— Мне так тебя не хватало, — прошептала она хриплым от возбуждения голосом.

— Не играй с огнем, детка, а то смотри, обожжешься.

Она опустила руку, Генри перевел дух, пытаясь вернуть самообладание.

Диана обвила его шею руками и чуть нагнула ему голову так, что его губы оказались напротив ее губ.

— Ну что ж, в таком случае зажги меня, — выдохнула она.

От ее слов все вспыхнуло и загорелось внутри него. Генри впился губами в ее рот, а его

жадные руки ловко делали свое дело. Мысли о вечном, о цели в жизни исчезли, ими владело лишь сиюминутное желание, требовавшее удовлетворения — здесь и сейчас.

Когда она обхватила его язык, Генри мог поклясться, что ощутил вкус ее желания, буквально сводившего его с ума. Понимание, что Диана хочет его, действовало на него не хуже самого мощного афродизиака.

Прервав поцелуй, она обняла его лицо руками.

— Ты мой, — прошептала она.

— Да, твой, — признался он.

Ее карие глаза засверкали от счастья. И она опустилась перед ним на колени.

— Теперь ты принадлежишь мне. — Она принялась расстегивать пуговицы на его брюках. — Мне.

Диана нежно провела рукой по его напряженной плоти.

Следом за рукой участие в ласках приняли ее губы и язык. Генри застонал от невыразимого блаженства. Такими самыми интимными ласками Диана возвращала внутри него страсть, ловко и искусно. В нем уже начинала бушевать буря, которую ничто не могло удержать.

Генри схватил ее, поднял с земли и прислонил спиной к дереву.

Она облизала губы и выдохнула:

— Ну же.

Одной рукой он поднял ее юбки, а другой погладил между ног.

— Генри, ну же, — взмолилась она.

— Обними меня за плечи, — прохрипел он, прижимаясь грудью к ее груди. Свободной рукой он поднял ее упругое нежное бедро, отведя его в сторону, и вошел в нее, услышав в ответ сладострастный стон.

— Обхвати меня ногами. Да, вот так. Ты моя! Все, Ди, давай.

Он заполнил ее всю. Он двигался равномерно и уверенно, проникая то глубже, то отступая чуть назад, заставляя ее подчиняться старому как мир ритму. Его сердце стучало глухо и тяжело, кровь толчками проникала до самых последних глубин его тела и рассудка, дурманя его сознание.

— Я люблю тебя, Ди.

Диана лишь стонала, каждый раз открываясь навстречу его движениям. Между ними протянулась осязаемая напряженная струна, которая мешала дышать, и некуда было деваться от сладострастного томления. Он принадлежал ей и телом, и душой. Наконец, долгожданный миг наступил, судорога пробежала по их членам. Нагнувшись и прижимаясь головой к его шее, Диана шептала его имя, словно молитву. Она задрожала, издавая сладострастный стон, ей казалось, будто она стала невесомой, легкой и совершенно свободной.

— Ты плачешь? — вдруг удивился он, но не смог удержаться от шутки. — Ну, не надо, иначе твоя сестра убьет меня, как только заметит по твоим глазам, что ты плакала.

Диана приподняла голову и сквозь заплаканные глаза улыбнулась своей чудесной лучезарной улыбкой, глядя на которую он забывал обо всем.

— Это слезы счастья, — шепнула она. — Впрочем, твои опасения вполне оправданны. Страшно подумать, что сделает с тобой мой отец, когда заметит пятна от травы на моей юбке.

Генри ухмыльнулся:

— Я скажу в свое оправдание, что люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя, очень, очень.

— Даже если я нахал? — Он опять дразнил ее.

Диана нежно поцеловала его. Генри казалось, что ему никогда не надоест вкус ее поцелуев, как и ее любовь.

— Ты не просто нахал, ты мой нахал, и поэтому я люблю тебя, — задорно отвечала Диана.

Она была права, как никогда, и Генри, не удержавшись, опять поцеловал ее.

Эпилог

«Мы все устали от волнения и ожидания, она вот-вот должна ожеребиться. Я подумываю об имени, да и Генри тоже, хотя мы еще его не обсуждали. Если Клер успеет до родов, то она наверняка предложит свой вариант. К ее прибытию уже все подготовлено, так что на этот счет можешь не беспокоиться. Я очень рада, что ты и мама довольны вашим пребыванием в Харрогите. Оставайтесь там и наслаждайтесь отдыхом, пока стоит такая хорошая погода. Как только у нас появятся новости, я немедленно сообщу вам...»

Из письма Дианы Уэстон ее отцу Томасу Мерриуэзеру.

Время действия чуть более девяти месяцев спустя...

— Ну, идем. — Генри схватил Диану за руку так крепко, что она невольно поморщилась от боли. — Прости меня, я немного волнуюсь.

Это было явное преуменьшение. Последние две недели, когда Пенелопа стала выказывать признаки надвигающихся родов, Генри был как на иголках. Конюхи по очереди следили за состоянием кобылы, регулярно докладывая хозяину о малейших переменах. Как только Пенелопа начала тужиться, они немедленно сообщили Генри.

Диана и Генри, быстро одевшись, побежали на конюшню, где очень серьезный Кингсли и другие конюхи наблюдали за родовыми схватками. Пока все шло гладко, как положено природой. Впрочем, никто не сбрасывал со счетов возможный риск осложнений, поэтому Кингсли был готов прийти на помощь кобыле в любой момент. Но Генри все равно не находил себе места от волнения.

Он метался из одного угла конюшни в другой до тех пор, пока Диана не взяла его за руку и не

заставила сесть рядом с собой на перевернутый деревянный ящик. Пенелопа была самой дорогой лошадью на его конезаводе, но причина волнения Генри, и Диана знала об этом, крылась не столько в меркантильных соображениях, сколько в чувстве ответственности за все, что происходило в его поместье.

— У нее отходят воды, — негромко заметил Кингсли. Генри подскочил, словно ужаленный, и торопливо подошел к нему, машинально волоча за собой Диану.

— Представляю, как расстроится Клер, когда узнает, что опоздала, — пробормотала Диана. — Если бы не ее желание увидеть новорожденного жеребенка, то, полагаю, она бы провела все каникулы вместе с твоими сестрами.

Генри, как и обещал, познакомил Клер со своими сестрами-близняшками, Лией и Дженни, и они стали самыми близкими подругами. Генри иногда шутил, что эта троица способна заставить кого угодно выполнить любое желание, какое им взбредет в голову.

— Что касается меня, то я бы нисколько не расстроился, если бы пропустил роды, — пробормотал Генри. — Твоя любимая сестра придет на все готовенькое. Она будет забавляться с симпатичным жеребенком, не обременив себя грузом долгих забот о его рождении.

Он повернулся к Пенелопе.

— Ну, давай, красавица. Я знаю, Пен, ты сможешь. Обещаю, ты будешь получать дополнительную порцию отборного овса весь следующий год.

Едва успел закончиться этот поощрительный монолог, как появились крошечные копыта жеребенка, вслед за ними вышла его голова. Диана, как замороженная, смотрела на процесс рождения, словно на маленькое чудо. Пенелопа напряглась и, наконец, вытолкнула на свет жеребенка.

Кингсли подскочил к малышу, чтобы проверить его состояние.

— Прекрасный жеребенок, — громко заявил он, и довольная радостная ухмылка скользнула по его губам. Малыш неуклюже дернулся, оперся на передние ноги, потом на задние, и встал, сильно пошатываясь. Усталая кобыла обнюхивала малыша, заботливо вылизывая его мокрую шерсть.

Диана обернулась к Генри и увидела его внимательный взгляд, устремленный на нее. Ее глаза сверкали от счастья, не хуже, чем звезды в тихую безлунную ночь.

— Надеюсь, ты не станешь меня соблазнять премиальной порцией овса, когда придет мое время рожать, — пошутила она.

По возвращении в Рейвенсфилд Диана напрочь отказалась от чая с болотной мятой и по совету миссис Тиммс перешла на настой из семян дикой моркови, который ей частенько готовил любящий муж. Вскоре ее недомогание прошло, и Диана почувствовала себя, как никогда, хорошо.

— Ладно, тебе не будут давать овса, я сам прослежу за этим, — рассмеялся Генри. — Об одном прошу тебя, не торопись.

— Что ты имеешь в виду под «не торопись»? — с лукавым видом спросила Диана.

Внезапно Генри понял, на что она намекала, и замер на мгновение, пораженный услышанным.

— Ты уверена?

— У меня больше нет никаких сомнений. Сегодня, когда ты побежал на конюшню, я еще раз кое-что посчитала.

— Почему ты мне раньше ничего не сказала?

— Ты был так занят Пенелопой. Мне не хотелось напрягать тебя лишний раз. Я чувствую себя прекрасно, меня нисколько не тошнит. Генри, у нас с тобой скоро будет ребенок. Наш малыш.

Он подхватил ее на руки и закрутился с ней на месте от радости, пока у них обоих слегка не закружилась голова.

— А мне показалось, что ты отрицательно отнесешься к повторению того, что происходило в последние дни.

Генри бросил восхищенный взгляд на Пенелопу с ее малышом, затем обнял Диану за пока еще стройную талию.

— У меня есть время прийти в себя и как следует подготовиться.

— Ты в самом деле счастлив? — не очень уверенно спросила Диана.

Его глаза радостно блеснули:

— Ди, разве не я десятки раз говорил, что буду очень рад, если у нас с тобой появится дюжина ребятишек? Или ты забыла?

— Число, которое ты называл, каждый раз постепенно увеличивалось.

— Впрочем, я не уверен, выдержит ли мое сердце двенадцать таких же ночей, особенно если учесть пылкость любовных подвигов, на которые меня вдохновила моя жена сегодня ночью.

— Генри, — попыталась остановить его Диана.

— А также сегодня днем, — не унимался он.

— Это невыносимо, ужасно. — Диана колебалась между желанием задушить Генри или, рассмеявшись, поцеловать его.

От телесных повреждений его спас Кингсли. Откашлявшись не менее десяти раз, он наконец промолвил:

— Прошу извинить, но буквально сегодня я внес необходимые дополнения в родословную книгу. Как назовем жеребенка? Нужно будет записать его имя.

— Что скажешь насчет Телемака? — предложила Диана. — Как известно, так звали сына Пенелопы от Одиссея.

Генри покачал головой:

— Для лошади, тем более скаковой, это не слишком подходящее имя. Признаюсь, я тоже думал об этом, но не стал слишком долго ломать голову. Мы назовем его Нахалом. Дело в том, Кингсли, что моя жена питает определенную слабость к людям с таким складом характера.

Он положил руку ей на плечи и прошептал:

— Взамен я предоставляю тебе полное право называть всех наших будущих жеребят по своему усмотрению.

Он взял ее руку и поцеловал в ладошку:

— Какая прекрасная ручка, — он слегка ущипнул Диану, — и какая искусная.

Кингсли пробормотал что-то вроде комплимента: мол, женитьба делает человека мягче и уравновешеннее, и торопливо пошел прочь.

Диана коротко хихикнула:

— Может, мне стоит сказать ему, что тут он немного заблуждается?

— Боже мой, — простонал Генри. — Скоро ты настолько испортишься, что станешь хуже моих сестер.

— Как я могу быть иной, имея подле себя такого мужа, как ты? — Она нежно обняла его за шею. — Итак, наш будущий чемпион — это еще один нахал, не так ли?

Генри утвердительно закивал головой:

— Нахалы всегда выигрывают, я сужу по собственному опыту.

В его глазах было столько любви и нежности, что сердце Дианы забилось радостно и гулко.

— А я-то надеялась, ты уже исправился.

— Что касается вас, моя дражайшая и очаровательная мисс Мерриуэзер, — он произносил каждое слово, сопровождая его паузой, в которую он целовал ее, — я навсегда останусь нахалом.

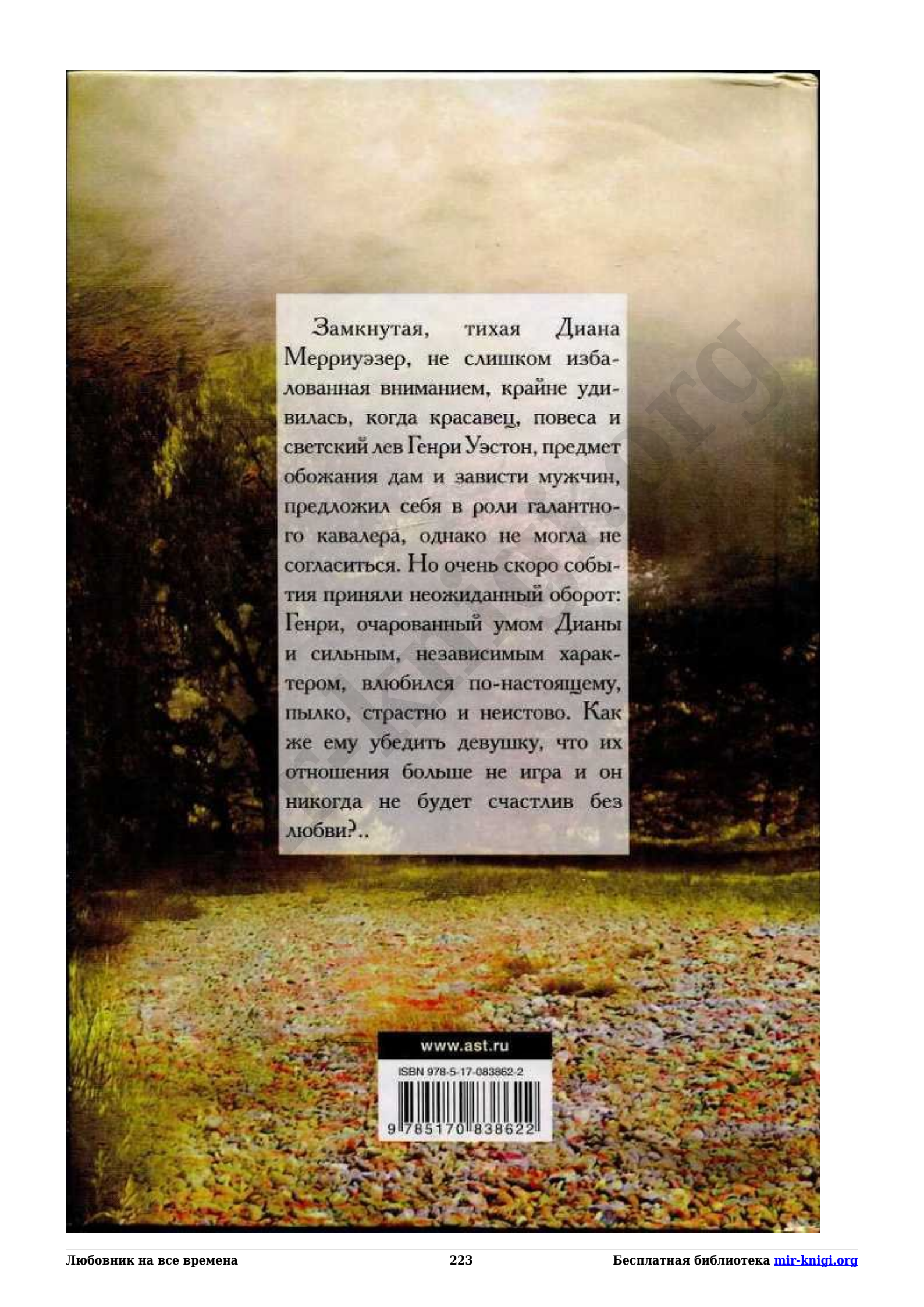
— Я предпочитаю все-таки миссис Уэстон, — живо отозвалась она, — и я счастлива быть ею.

— Диана. — Его голос звучал низко, тепло, бархатисто, он, казалось, ласкал, гладил ее.

— Генри, — не менее чувственно произнесла его имя Диана.

Они одновременно выбежали на двор. Уже светало. Не сговариваясь, они бросились наперегонки в дом в предзвездных сумерках. Закрыв глаза, Генри громко отсчитал вслух, сколько было положено, пока Диана поспешно побежала вверх прятаться. Она улыбнулась в сладком предвкушении, услышав его шаги на лестнице. Она спряталась под одеялом так, чтобы под ним сразу было заметно лежащего человека. Диана не хотела, чтобы муж напрасно тратил время, разыскивая ее. Генри откинул одеяло, и она засмеялась от радости. Он не стал медлить, а тут же бросился к ней.

Он нашел ее. И она больше никогда не убежит от него и не отпустит от себя.

A misty autumn landscape with a path covered in fallen leaves. The scene is hazy, with soft light filtering through the trees. The path is the central focus, leading the eye into the distance. The colors are muted and earthy, typical of late autumn.

Замкнутая, тихая Диана Мерриуэзер, не слишком избалованная вниманием, крайне удивилась, когда красавец, повеса и светский лев Генри Уэстон, предмет обожания дам и зависти мужчин, предложил себя в роли галантного кавалера, однако не могла не согласиться. Но очень скоро события приняли неожиданный оборот: Генри, очарованный умом Дианы и сильным, независимым характером, влюбился по-настоящему, пылко, страстно и неистово. Как же ему убедить девушку, что их отношения больше не игра и он никогда не будет счастлив без любви?..

www.ast.ru

ISBN 978-5-17-083862-2

9 785170 838622

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.

mir-knigi.org